

ЧАРЛЗ БОКСЕР

РОЖАЕННЫЕ

МОРЕМ

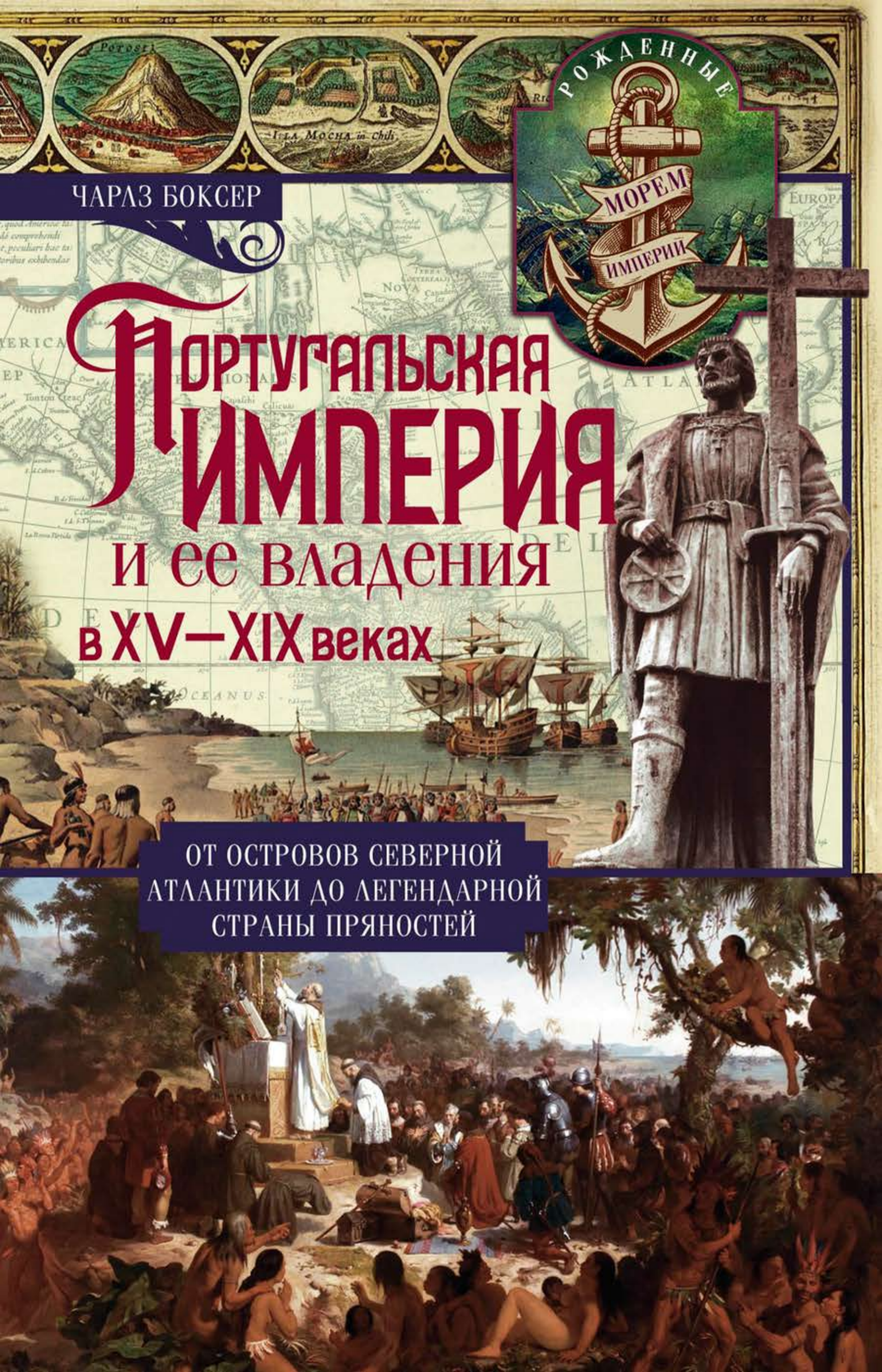
ИМПЕРИИ

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

и ее владения

в XV—XIX веках

ОТ ОСТРОВОВ СЕВЕРНОЙ
АТЛАНТИКИ ДО ЛЕГЕНДАРНОЙ
СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

Чарлз Боксер

**Португальская империя и
ее владения в XV-XIX вв**

«Центрполиграф»

1969

УДК 94(469)
ББК 63.3(4Пор)

Боксер Ч. Р.

Португальская империя и ее владения в XV-XIX вв /
Ч. Р. Боксер — «Центрполиграф», 1969

ISBN 978-5-9524-5335-7

Чарлз Боксер, профессор Йельского университета, автор целого ряда исторических трудов, представляет историю Португальской империи, подчеркивая, что именно португальцы возглавили первые морские экспедиции европейцев. Испанцы, голландцы, англичане, французы, которые последовали за первопроходцами, во многом воспользовались их ценным опытом. Это касалось как искусства навигации, так и навыков общения с народами других вер и другого цвета кожи. Автор анализирует, насколько успешно португальцы перенесли свои основные административные учреждения в новое экзотическое окружение и усовершенствовали их применительно к новым условиям. Автор также обратил внимание на взаимосвязь разбросанных в разных частях света владений империи и самой Португалии, расположенной на самой западной оконечности Европы.

УДК 94(469)
ББК 63.3(4Пор)

ISBN 978-5-9524-5335-7

© Боксер Ч. Р., 1969
© Центрполиграф, 1969

Содержание

Введение	6
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	55
Глава 5	68
Глава 6	81
Глава 7	93
Глава 8	109
Часть вторая	124
Глава 9	124
Глава 10	137
Глава 11	149
Глава 12	163
Глава 13	176
Глава 14	188
Глава 15	200
Глава 16	215

CHARLES R. BOXER

Чарлз Р. Боксер
Португальская империя и ее
владения в XV–XIX веках. От
островов Северной Атлантики до
легендарной страны пряностей

CHARLES R. BOXER
The Portuguese Seaborne Empire
1415–1825

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Введение

На западной границе христианского мира

Испанский хронист Франсиско Лопес де Гомара в своей книге «Всеобщая история Индии», посвященной императору Священной Римской империи Карлу V (он же испанский король Карл I), описывал в 1552 г. открытие иберийскими мореплавателями океанических путей в Ост- и Вест-Индию, называя его «самым великим со дня творения мира, исключая лишь воплощение и смерть Того, Кто сотворил мир». Прошло два столетия, и шотландский политэконом Адам Смит высказал ту же самую мысль, когда писал: «Открытие Америки и пути вокруг мыса Доброй Надежды – два величайших и наиболее важных открытия в истории человечества».

Даже в наш век космических путешествий многие из нас, включая и тех, кто не является христианами, вполне могут согласиться с тем, что Лопес де Гомара и Адам Смит были не так уж не правы. Самым поразительным фактом в истории человеческого общества еще до наступления эпохи Великих географических открытий португальцев и испанцев была изолированность основных рас человечества. Западноевропейцы, за исключением отдельных предприимчивых итальянских и еврейских торговцев, имели самые общие и отрывочные сведения о великих цивилизациях Азии и Северной Африки. Те, со своей стороны, знали очень мало или совсем ничего о Европе к северу от Пиренеев и об Африке к югу от Судана (за исключением полосы поселений суахили вдоль восточноафриканского побережья) и не знали абсолютно ничего об Америке. Именно португальские первопроходцы и кастильские конкистадоры с западной границы христианского мира объединили широко разошедшиеся части великой человеческой семьи. Именно они заставили человечество осознать, хотя еще и не ясно, идею его неизбежного единства.

Нам часто говорят, что людям Иберийского полуострова, особенно португальцам, было предназначено свыше совершить морские открытия, которые изменили ход мировой истории в XV и XVI вв. Среди факторов, которые способствовали этому, обычно выделяют географическое положение этих стран, бывших для Европы окном в Атлантику, и отдельные черты их национального характера, сложившиеся в результате их восьмивековой борьбы с маврами. Известный бразильский социолог и антрополог Жилберто Фрейре и его ученики подчеркивали, что длительное господство мавров на полуострове привело к тому, что многие жители-христиане свыклись с тем, что арабы занимают более высокое положение в обществе. Темнокожая мавританская женщина представляла собой завидный тип женской красоты и была сексуально привлекательна, о чем свидетельствует особая популярность народных легенд об «очарованной мавританке» (*Moura Encantada*) или «мавританской принцессе-волшебнице», распространенных среди неграмотного португальского крестьянства. От этих сказаний был всего лишь шаг до терпимого отношения к полукровкам и смешанным бракам. Отсюда привычка португальцев и в меньшей мере испанцев обходиться без всяких запретов в межнациональном общении. Конечно, надо признаться, что столетия борьбы христиан с мусульманами за господство на Иберийском полуострове не были временем одной лишь религиозной нетерпимости и вероисповедных споров. Кастильский отважный воин Сид¹ и его зеркальное отражение – португальский полководец Жералду Бесстрашный (*Sem Pavor*) служили, смотря по обстоятельствам, и христианским, и мусульманским правителям. В XIII в. было время, когда

¹ Сид Кампеадор, настоящее имя Родриго Диас де Бивар (р. ок. 1040, ум. 1099) мог вступать в тактический союз с маврами, однако всегда старался их бить. В 1090 г. одержал крупную победу над Альмо-равидами, что обеспечило испанцам овладение Валенсией. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

христиане, мусульмане и иудеи могли отправлять свои религиозные обряды в одном и том же храме, например Санта-Мария-ла-Бланка в Толедо, ставшем мечетью.

Во всех этих фактах, конечно, есть своя правда. Прежде всего надо сказать, многие, а в некоторых районах большинство «мавров», которые властвовали на Иберийском полуострове столь длительное время, были внешне не более смуглыми, чем португалцы, поскольку они были берберами, а не арабами и не «чернокожими маврами». Люди Северной Африки были белыми, составной частью единого великого мира Средиземноморья. Во-вторых, даже если ожесточенная борьба за главенство над полуостровом была отмечена периодами взаимной терпимости, то к XV в. этому пришел конец. Встречи представителей трех соперничавших вер, собиравшихся на свои богослужения в одном храме в Толедо на протяжении нескольких лет, окончились без какого-либо результата. Настоящее сближение христиан и мусульман произошло на Сицилии в 1130–1250 гг. при норманнских королях и их наследнике Фридрихе II Гогенштауфене (р. 1194, ум. 1250), прозванном современниками «*Stupor Mundi*» (Чудо Мира). Во всяком случае, к началу XV в. обстоятельства складывались таким образом, что иберийский христианин, как и его современники – христиане французские, германские и английские, редко упоминал мусульман и иудеев без оскорбительного эпитета. Общим правилом стали ненависть и нетерпимость, а не взаимопонимание, в отношении чужой веры и нации; дух экуменизма, столь распространенный сегодня, в то время блистал своим отсутствием. «Мавры» и «сарацины», как называли мусульман, евреи и иноверцы были обречены, как считали в народе, гореть на том свете в адском огне. Участь их была предрешена заранее.

Религиозная нетерпимость, конечно, была характерна не только для христиан, хотя, возможно, она была наиболее глубоко укоренена в них в сравнении с большинством исповедников другой веры. Но правоверные мусульмане смотрели с ужасом на всех этих христиан, «становившихся сопричастными Богу», что проявлялось в их почитании Святой Троицы, Девы Марии и (до некоторой степени) своих святых. Почитание святых и вера в знамения, суеверия и чудеса распространились, конечно, и среди мусульман. В XV в. эти практики были особенно близки приверженцам суфийских орденов и мистических братств. Но почитание святых и мест их погребений никогда не приводило в исламе к тем крайностям, в которые часто выливался культ святых и их иконных изображений в христианском мире.

Средневековье в Европе было трудной школой, и слабые ростки цивилизации пробивались столь же тяжело не только в Португалии, но и повсюду. Непокорные и вероломные аристократы и мелкопоместное дворянство; невежественное и инертное духовенство; глуповатые и недалекие, хотя и тяжело трудившиеся, крестьяне и рыбаки; ремесленники и поденщики вместе с городскими низами Лиссабона – все они пять столетий спустя были отображены в романах известного португальского писателя Эса ди Кейроша (1845–1900). Он называл лиссабонскую чернь «фанатичной, развращенной и дикой». Именно из этих классов общества набирались будущие первооткрыватели и колонисты. Тому, кто сомневается в этом, необходимо прочесть труды Фернана Лопеша (ок. 1385 – после 1459), «величайшего хрониста всех времен и народов», как Роберт Саути называет официального летописца продолжительного правления короля Жуана I (р. 1357, король 1385–1433), основателя Ависской династии, который был свидетелем начала португальских морских экспедиций.

С падением в 1249 г. Силвиша, последней твердыни мавров в самой южной провинции страны Алгарви, Португалия обрела свои современные границы. Таким образом, она стала не только первым национальным государством в Европе, но и изгнала мусульманских захватчиков с территории своей страны более чем за два столетия до завоевания мавританской Гранады Фердинандом и Изабеллой (1492), ознаменовавшего установление господства Кастилии на остальной части Иберийского полуострова. В позднее Средневековье большинство земель Португалии не использовалось, и положение все еще продолжает оставаться таковым по тем же самым причинам. Две трети Португалии занимают горы, склоны круты, и земли слишком каменисты

и бесплодны; бедные почвы дают ненадежные и небольшие урожаи. Осадки в виде дождей выпадают крайне нерегулярно: иногда они чрезмерно обильны, иногда случаются засухи. Мало рек, которые судоходны на всем своем протяжении, и резкие колебания в них уровня воды (временами до 100 футов, то есть 30 метров) – одни из наибольших в мире. Дороги находились в ужасном состоянии, даже по средневековым представлениям. Городов и деревень было немного, и их разделяли большие расстояния. Они располагались на вершинах холмов или на расчищенных участках земли среди лесов и необозримых пустошей, поросших кустарником и вереском.

Население достигло максимальной численности около миллиона человек в позднее Средневековье. В Португалии, как и везде, эпидемия «черной смерти», или чумы, в 1348–1349 гг. унесла множество человеческих жизней; а сильно затянувшаяся война с Кастилией в 1383–1411 гг. отрицательно сказалась на населении приграничных областей. Но народ имеет способность к быстрому возрождению после национальных катастроф, и миллионная отметка вновь была достигнута и, возможно, превышена к 1450 г. Единственными городами к северу от реки Тежу (Тахо) были Порту, Брага, Гимарайнш, Коимбра и Браганса. Самым большим городом был Порту с населением около 8 тысяч жителей. Район к югу от реки Тежу (Тахо), наиболее плотно населенный еще при римлянах и мусульманах, отличался большим количеством городских поселений, но все они были крайне малочисленными. Лиссабон с его 40 тысячами жителей был самым большим городом в королевстве, другие города (за исключением Порту) и деревни насчитывали от 500 до 3 тысяч жителей. Хотя Лиссабон не раз становился столицей Португалии, король и двор не всегда пребывали там. Как и большинство монархов времен Средневековья и Возрождения, португальские короли вместе с двором постоянно переезжали с одного места на другое, часто посещая Эвору вплоть до прекращения Ависской династии в 1580 г.

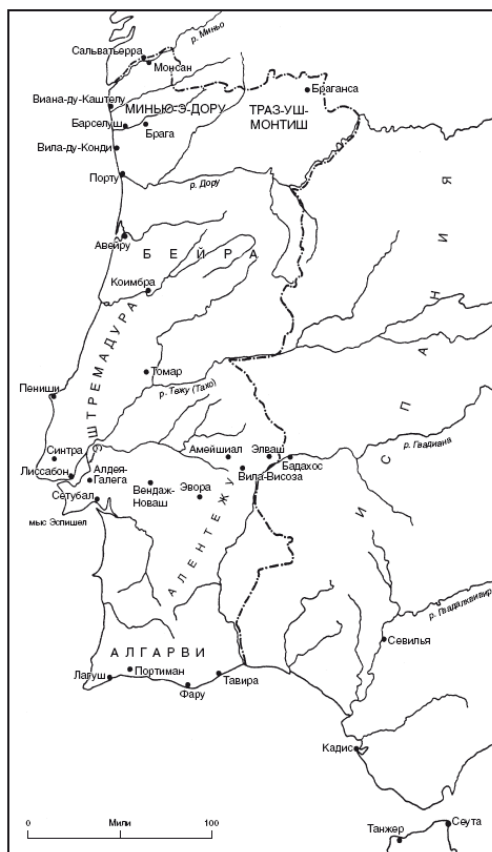
Экономика в сельской местности основывалась в основном на обмене. Но налоги, в том числе и поземельный, платили чаще звонкой монетой, чем натурой, что приводило к росту денежного обращения. В Португалии золотые монеты не чеканились с 1385 по 1435 г., хотя иностранные монеты, включая английские нобли, находились в свободном обращении в начале правления короля Фернанду I (время восшествия на престол 1367 г.), когда страна стала относительно процветающей. Последующие войны с Кастилией, междоусобица 1383–1385 гг., имевшее тяжелые последствия, привели к снижению качества чеканки монет при короле Жуане I, несмотря на постоянные протесты кортесов, которые были представителями трех сословий и собирались в его правление 25 раз. Серебряные монеты были также редки; в основном это был сплав серебра и меди, причем преобладала медь. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне, которые выращивали зерновые культуры (в основном пшеницу и просо) и занимались производством вина и оливкового масла, что позволяла им земля. Рыболовство и добыча соли были занятием жителей побережья. Незначительная, но все же растущая морская торговля основывалась на экспорте соли, рыбы, вина, оливкового масла, фруктов, пробки, кожи во Фландрию, Англию, страны Средиземного моря и Марокко и на импорте пшеницы, сукон, железа, древесины и благородных металлов из Северной Европы и золотых монет из Марокко.

«Три сословия», представленные в кортесах, были аристократия, духовенство и народ (*порт. povo*). Но в последнее сословие не входили непосредственные представители трудящихся классов, лишь только делегаты от гильдий некоторых городов. Аристократия и духовенство в целом были привилегированными классами, обладавшими различными правами: это и освобождение от налогов, и иммунитет от произвольного ареста и заключения. В случае, если это были крупные земельные магнаты, такие как герцог Браганса, то им были отчасти подсудны их вассалы и арендаторы, хотя королю Педру I (1357–1368) удалось утвердить за монархом право апелляционного суда и передать право отправления правосудия судебных инстанций на

местах и отдельных частных лиц королевской власти. На более низкой ступени общества после аристократов стояло мелкопоместное дворянство или рыцари и оруженосцы (*nopm, cavaleiros* и *escudeiros*). В XIV и XV вв. слово «идальго» (*nopm, fidalgo*, или *fdho d'algo* «сын того-то дворянина») стало синонимом слова «дворянин» (*nopm, nobre*). В португальском языке слово *fidalgua* («знать» или «дворянство») сменило слово *pobreza* с тем же самым значением. Звание *cavaleiro* («рыцарь, дворянин»), первоначально означавшее «посвященный в рыцарское достоинство», стало почетным общественным званием, но более низким по сравнению с *fidalgo*. *Fidalgo-cavaleiro* был рыцарем, в чьих жилах текла благородная, дворянская кровь; *cavaleiro-fidalgo* не происходил из благородного сословия, но был посвящен в рыцари за свои заслуги перед монархом. К 1415 г. представители дворянства (*nobreza*) уже не представляли собой того феодального рыцарства, которое завоевало свое положение благодаря доблести, проявленной на полях сражений; это были люди, «жившие по обычаям дворянства» (*viviendo a lei da nobreza*). Иначе говоря, в своих поместьях на собственной земле, имея в своем распоряжении «слуг, оружие и лошадей».

Духовенство не представляло собой однородного класса; на одном полюсе были митрофорные прелаты королевской крови, на другом – едва умевшие читать сельские священники. Существовали также явные различия между черным духовенством различных монашеских орденов и белым, служащим в миру. Первое, в большей части, имело высокий социальный статус. Как и везде в Европе, в этот период церковная жизнь оставляла желать лучшего во многих вопросах. Внебрачное сожитие в среде священства было довольно распространено, если мы будем судить по тому факту, что между 1389 и 1438 гг. 2 архиепископа, 5 епископов, 11 архидиаконов, 9 деканов, 4 певчих, 72 каноника и около 600 священников получили официальное разрешение узаконить в правах своих внебрачных детей. В это число не входят клирики ордена миноритов и других орденов, которые не стали беспокоить священноначалие своими просьбами. Прямо скажем, невысокий уровень церковной морали сопровождался низким уровнем церковного образования.

Университет, основанный в 1290 г. королем Динишем в Лиссабоне, не смог за два столетия своего существования обеспечить нужные стандарты обучения. Папа Николай IV решительно запретил преподавание в нем теологии, и, хотя этот запрет соблюдался не так строго, папа Климент VII в 1380 г. отказал обучающимся в Лиссабоне богословам в официальном разрешении на преподавание где-либо (*facultas ubique docendi*). Многие монахи нищенствующих орденов, подобно цистерцианцам из наиболее известного монастыря Португалии Санта-Мария в Алкобасе, определенно учились в Лиссабоне; однако ни один португальский монах не мог считаться чужеземными братьями своего ордена достаточно подготовленным теологом, пока он не закончил обучение в каком-либо университете вне Португалии. Одна причина подобного состояния дел заключалась в очень плохом знании латинского языка в среде многих португальских священников, монахов и членов братств. В результате монашествующие ордена посылали своих наиболее способных братьев на учебу в университеты за границей, включая Оксфорд и Париж. Ректорат Лиссабонского университета жаловался на эту практику в 1440 г., но она продолжилась и в следующем веке. Более того, неоднократный перевод университета по воле монарха из Лиссабона в Коимбру и обратно не способствовал поддержанию на должной высоте академического образования. Интеллектуальный уровень студентов этого единственного португальского университета, который навсегда обосновался в Коимбре в 1537 г., уступал, по общему признанию, таковому университетов Парижа, Оксфорда, Саламанки и Болоньи.

Португалия в XVI–XVIII вв.

Между привилегированным духовенством, идалго, рыцарями и дворянами и большими массами непривилегированных крестьян и ремесленников располагались некие промежуточные классы, представленные купцами, юристами, врачами и королевскими чиновниками. Ни одна из этих групп не была многочисленной, но купцы приобрели значительное влияние и авторитет в двух основных морских городах, Лиссабоне и Порту. Португальские торговцы должны были считаться с привилегированными группами иностранных купцов в этих двух портах, особенно в Лиссабоне, но, несмотря на это, они были достаточно успешны. Магальяенш Гудинью показал недавно, что между 1385 и 1456 гг. из 46 судов, занятых в морской торговле Португалии с Англией и Фландрией, которые были захвачены корсарами или конфискованы в гаванях, 83 % принадлежали португальцам, 15 % – иностранцам и 2 % находились в совместном владении. Из 20 случаев, в которых происхождение груза судов известно, 55 % приходится на португальцев, 20 % – на иностранцев, 25 % – в совместном владении. Тем не менее было бы преувеличением писать о Португалии (как сделал недавно некий автор), имевшей в 1415 г. «сильный торговый класс, в основном свободный от феодального контроля», поскольку этот класс присутствовал только в Лиссабоне и Порту.

Врачей, юристов, нотариусов, судей, муниципальных советников и королевских чиновников различного ранга насчитывалось в конце XV в. не больше тысячи человек, не считая придворных. Королевским чиновникам выплачивалось ежемесячное или годовое денежное содержание и дополнительно во многих случаях выдавали несколько штук текстиля и определенное количество зерна. Продолжительность рабочего дня у всех была разной, но часто достаточно короткой. Служащие королевского казначейства (*Casa dos Contos*) трудились, например, с 6 до 10 часов утра летом и с 8 до 11 часов зимой. В этом, как мы можем видеть, они имели большое преимущество перед ремесленниками.

В Португалии, как и во всех других европейских странах, большинство населения составляли крестьяне (*lavradores*). Среди них были как сравнительно зажиточные крестьяне, которые обрабатывали собственный надел земли и нанимали себе в помощь рабочую силу, так и безземельный сельский пролетариат, который зависел от сезонной работы и случайного заработка. Те, кто трудился на собственной земле, были малочисленны. Большинство крестьян не имели своей земли, они брали ее в аренду, платя за нее натурой (иногда деньгами) землевладельцу, будь то монарху, церкви или помещику. Многие крестьяне имели определенные гарантии на временное владение землей, если договор аренды был заключен на длительный срок. Но даже и в таком случае они должны были платить от одной десятой до половины урожая. Вдобавок надо было часто выплачивать феодальные или полуфеодальные налоги и, прежде всего, десятину церкви; она должна была собираться в первую очередь прежде других податей. В некоторых случаях крестьянину приходилось отдавать до 70 % своей продукции. Другой обременительной обязанностью, отмененной только в 1709 г., было предоставлять бесплатное питание и кров для видных представителей знати (*poderosos*). И последнее, но не менее важное. Зачастую крестьяне (хотя не всегда и не везде) были обязаны бесплатно трудиться один, два или даже три дня в неделю на своего помещика или короля. Эта принудительная трудовая повинность могла принимать форму общественных работ, когда люди были заняты в поле или в личном хозяйстве землевладельца. Существовала также всеобщая обязанность (в основном на бумаге) для всех здоровых крестьян и ремесленников являться на военную службу в случае вторжения противника на территорию королевства. Эта всеобщая обязанность отбывать воинскую повинность – одна из характерных черт португальского феодализма, в отличие от феодализма в других странах Западной Европы.

В результате опустошения, вызванного чумой, сельскохозяйственные поденщики могли требовать и получать большую оплату своего труда, чем ранее. Представители короны, мелкие и крупные землевладельцы, которые входили в городские и сельские советы и которые устанавливали уровень оплаты, стремились платить меньше, добиваясь стабилизации местных цен и заработков и законодательного прикрепления крестьянина к земле. Эти ограничения крестьяне старались обходить и мигрировали в города, преимущественно в Лиссабон и Порту, что уже превращалось в тенденцию. Те из них, кто оставался в деревне, предпочитали наниматься на неделю или на месяц вместо года, как практиковалось раньше. Все же принцип свободного заключения соглашения об условиях труда и занятости еще не был реализован вне Лиссабона и его ближайших окрестностей.

К концу XIV в. ремесленники и городские чернорабочие были объединены в строго иерархические профессиональные гильдии. Ювелиры стояли на вершине социальной лестницы, сапожники – в самом низу. Например, обычные и корабельные плотники, ткачи имели более высокий статус, чем оружейники, портные и мясники. В соответствии с обычной практикой позднего Средневековья ремесленники и лавочники часто объединялись в улицы или городские районы согласно своей профессии. Отсюда происходят такие названия, как в Англии – «Бейкерс-стрит» (Пекарная улица), «Куперс-стрит» (Бондарная улица) и др., сохранившиеся во многих европейских городах. Это объединение по конкретным специальностям в гильдии устраивало все заинтересованные стороны. Ремесленники и торговцы могли следить за тем, какие цены устанавливает их сосед, и за качеством предложенных им товаров. Кроме того, их объединяло чувство солидарности и взаимной поддержки в случае возможного насилия и правонарушения. Покупатели, со своей стороны, знали, где они могут найти ту или иную вещь и легко сравнить цены и качество товара. Муниципальным и государственным властям было легче собирать налоги и производить для этой цели оценку имущества. Королевский указ 1385 г. с одобрением замечал, что эта практика способствует «доброму управлению и украшению города» Лиссабона. Каждое рабочее место само обслуживало себя, ученики и подмастерья работали под присмотром опытного мастера или десятника. Рабочий день был продолжитель-

ным, трудились от рассвета до заката с единственным получасовым перерывом на обед. Долгие часы работы возмещались отчасти не такими уж редкими церковными праздниками и торжествами; воскресенье было, как правило, днем отдыха (хотя были и исключения). В Португалии, как и везде, крестьяне и ремесленники, составлявшие народ, несли основное бремя налогов.

Несмотря на отток населения из деревни в города, ремесленники и чернорабочие составляли очень небольшой процент населения в сравнении с крестьянами. В Лиссабоне в середине XV в. процветала морская торговля, но конопатчиков в городе было всего лишь 50–60 человек. В Гимарайнше, который был все еще относительно значимым городом в третьей четверти XIV в., было тогда меньше 50 квалифицированных ремесленников и мастеров. В других малых городах на сотню населения приходилось от пяти до десяти рабочих, остальные были крестьяне. Благодаря той важной роли, которую сыграли рабочие Лиссабона и Порту в событиях 1383–1385 гг., гильдии стали более могущественными и влиятельными в этих двух городах, чем это было прежде. В некоторых местах существовали небольшие группы евреев и мавров, но их численность и значение были неизмеримо меньше, чем в соседней Испании. На исходе Средневековья евреи Португалии, как и повсюду, были обязаны носить особый знак отличия на своей одежде, жить в гетто и платить больше налогов, чем христиане. Иногда случались погромы, но они были незначительными, и положение евреев было все же лучше, чем в других странах Европы. Португальские короли покровительствовали еврейским сборщикам налогов, врачам, математикам и картографам, несмотря на периодические протесты третьего сословия в кортесах. Еврейские мастера и ремесленники преобладали в отдельных отраслях производства и торговле. Это были портные, ювелиры, кузнецы, оружейники и сапожники. Естественно, евреев было мало среди крестьянства, моряков и воинов; однако был случай, когда в 1439 г. еврей-ювелир из Эворы, явившийся на военную службу вместе с «конем, оружием и двумя пехотинцами», получил награду за участие во взятии Сеуты и в неудавшейся экспедиции в Танжер. В очень редких случаях, когда евреи добровольно принимали христианскую веру, они легко входили в христианскую общину и ассимилировались. Вплоть до массовой иммиграции евреев из Испании, после решения, принятого Фердинандом и Изабеллой в 1492 г. изгнать их из страны, «сыны Израиля» не представляли серьезной проблемы для Португалии. Мавры к этому времени растворились в общей массе населения, за исключением очень небольшой группы пленников, захваченных в войнах с Марокко, которых использовали в качестве рабов.

Несмотря на то что у Португалии не было никаких проблем с морисками (обращенными в христианство маврами) после окончательного завоевания Алгарви (1249), в то время как Испания не могла разрешить этот вопрос больше ста лет после овладения Гранадой (1492)², все же мавританское влияние проявилось достаточно явно в культуре и материальной жизни страны. Множество слов, которые используются для обозначения сельскохозяйственных орудий, технических терминов, мер и весов, имеют в Северной Португалии романское происхождение, тогда как в южной части страны – арабское. Мавры начали выращивать новые и значительно расширили посевы старых культур, с которыми они познакомились на полуострове, в частности рожкового дерева, лимонов, помаранца и (возможно) риса. Они улучшили технику возделывания оливкового дерева, о чем свидетельствует тот факт, что, хотя его название происходит из латинского языка (*oliveira*), плоды и получаемое из них оливковое масло имеют название арабское (*azeitona*, *azeite*). Многие экономические, военные и административные термины также взяты из арабского языка. Не говоря уже о многочисленных географических названиях, встречающихся на юге страны, где владычество мавров и берберов продолжалось длительное время. Эта разница между севером и югом также заметна в архитектуре, особенно это относится к южным районам, где проявилось мавританское влияние, особенно в Алгарви, «западной земле», последнем оплоте ислама, на португальской земле.

² Указами 1609–1610 гг. мориски в количестве около 500 тыс. чел. были изгнаны из Испании (в основном в Африку).

Север и юг Португалии имеют разный климат. Небольшие наделы преобладают в плодородной и перенаселенной провинции Минью. По этому поводу ходит анекдот, что, если крестьянин выгонит корову на свое пастбище, навоз от нее окажется на участке соседа. Большие поместья, или латифундии, характерны для малонаселенных равнин южной провинции Алентежу. В северных и южных областях Португалии используют разные строительные материалы. На гористом севере преобладает камень, на юге чаще встречаются глинобитные постройки. Однако бедняки в отдаленных горных местностях в Траз-уш-Монтиш тоже жили в жалких лачугах, стены которых были сложены из грубо подогнанных камней, а крышей служил плитняк или солома.

Подобные дома можно встретить и в наше время. Именно о них вспомнил летописец Гомеш Эанеш де Зурара, когда он описывал, как поразила португальских солдат, разграбивших Сеуту в августе 1415 г., красота и роскошь мавританских дворцов. По словам португальцев, «наши бедные дома кажутся просто свинарниками в сравнении с ними».

Помимо характерного для Португалии резкого деления страны на романский север и арабо-мавританский юг, а в отношении климата также на атлантическую и средиземно-морскую области, есть еще одно явное отличие прибрежных областей страны от внутренних. Часто утверждается, что Португалия это морская держава. В некотором смысле это действительно так, так как именно Португалия прокладывала «путь в те океаны, где раньше никто не плавал», по известной фразе Камоинша (Камоэнса). Но, взглянув на это с другой стороны, с утверждением можно поспорить. Мы увидим, по мере того как будет разворачиваться наше повествование, что в Португалии всегда ощущался недостаток в морях, которые имели бы опыт плавания в океане. На португальском побережье есть много удобных природных гаваней, но лишь два больших естественных порта – Лиссабон и Сетубал. Нет прибрежных островов, которые могли бы стать преградой для идущих с Атлантики штормов, нет укрытых от волн глубоководных эстуариев рек, и узких морских заливов, и небольших легкодоступных бухт, где можно было бы развивать судостроение. Берег часто низкий и песчаный, продуваемый ветрами; местами скалистый, круто обрывающийся к морю. Суда местных жителей из рыбацких деревень стоят на открытом рейде, поскольку небольшая команда не может их вывести в море, если не подует благоприятный ветер, не будет приливной волны и нужных погодных условий. Конечно, в море у берегов Португалии много рыбы, и португальские рыбаки во времена Средневековья плавали у берегов Марокко. Но определенно можно сказать, что в наши дни в рыболовецком промысле занято значительно большее количество человек, чем это было на протяжении тех четырех веков, о которых мы ведем разговор. В последние годы в этом деле было занято 38 300 человек, от 1 до 2 % занятого населения. Эти цифры более впечатляющи, чем те, что имеются для периода времени с XVI по XVIII в., о которых мы упомянем в соответствующем месте.

В любом случае, как указывал португальский географ Орланду Рибейру, морские профессии, как бы ни были они важны (или кажутся таковыми) в рамках португальской национальной экономики, могут быть охарактеризованы только как занятия временные и эпизодические, в сравнении с постоянным характером сельскохозяйственного труда. Даже находясь от побережья на расстоянии нескольких миль, многие люди не отдают себе отчет о близости моря. Житель Алентежу, самой большой провинции Португалии, несколько не зависит от моря, ни в вопросе работы, ни пропитания. Крестьянин в полях под Лиссабоном только тогда вспоминает об Атлантическом океане, когда старается защитить виноградную лозу от сильного океанического бриза и приносимых ветром соляных частиц. В некоторых отношениях море, безусловно, сыграло более важную роль в истории Португалии, чем любой другой фактор. Но это не значит, что португальцы были нацией отважных мореплавателей, а не привязанных к земле крестьян. Три-четыре столетия назад процент людей в Португалии, которые уходили в море, чтобы добыть средства к существованию, был значительно меньшим, чем в таких местах, как

Бискайский залив, Бретань, Северные Нидерланды, Южная Англия и некоторые страны Балтики.

Часть первая

Превратности судьбы империи

Глава 1

Золото Гвинеи и пресвитер Иоанн (1415–1499)

Морским экспедициям португальцев в Атлантическом океане было положено начало, по-видимому, в 1419 г., четыре года спустя после отвоевания Сеуты у мавров. Стало общепринятым фактом, что начало первого этапа дальних плаваний европейцев приурочивается к одной из этих дат. Его завершение приходится на возвращение Васко да Гамы в Лиссабон в июле 1499 г., шесть лет спустя после окончания эпического плавания Христофора Колумба к Антильским островам.

У португальцев и испанцев были предшественники в завоевании Атлантического и Тихого океанов, но усилия этих замечательных путешественников не изменили хода мировой истории. Карфагенские монеты IV в. до н. э. были найдены на Азорских островах, а древнеримские монеты более позднего времени – в Венесуэле. Все это дает возможность утверждать, что они попали в эти места с судов, занесенных туда штормами еще в античные времена. Викинги плавали из Норвегии и Исландии в Северную Америку в начале Средних веков, но последнее их поселение в Гренландии не устояло перед суровыми природными условиями и нападениями эскимосов в конце XV в.³ Немногочисленные итальянские и каталонские галеры из Средиземноморья бесстрашно устремились в Атлантический океан в XIII–XIV вв. в поисках новых земель. Но, несмотря на то что они, возможно, побывали на Азорских островах и Мадейре⁴ и определенно открыли вновь Канарские острова («Счастливые острова» римских географов), эти изолированные морские экспедиции не имели систематического продолжения. Только смутные воспоминания остались от генуэзских братьев Вивальди, которые в 1291 г. отправились в плавание с намерением обойти с юга Африку и выйти морем к Индии, но после прохождения мыса Нун на побережье Марокко след их затерялся в океане. Хотя шторм вполне мог отнести отдельные китайские и японские джонки к берегам Америки и хотя полинезийские «аргонавты Тихого океана» с Гавайев колонизовали многие острова вплоть до Новой Зеландии, такие походы не влияли на положение, при котором Америка и Австралия продолжали находиться в полной изоляции по отношению к другим континентам.

Марко Поло и другие путешественники – почти все они были итальянцами – пересекали по суше весь Европейско-Азиатский континент от берегов Черного моря до побережья Южно-Китайского моря. Их странствия продолжались в течение многих лет (ок. 1240–1350), и это происходило в то самое время, когда монгольские ханы устанавливали свой Рах Tartarica в Центральной Азии и в других дальних землях. Но рассказам этих европейских путешественников о невиданных чудесах Востока их соотечественники либо не верили, либо эти повествования были слишком эмоциональны и отрывочны, чтобы дать четкое представление об Азии западному миру. Знаменательно, что легендарное «письмо пресвитера Иоанна» и фантастические путешествия несуществующего сэра Джона Мандевиля были более популярны среди

³ По последним данным, в XVI в.

⁴ Остров Мадейра вторично открыли в 1419 г. португальцы Жуан Гонсалвиш Зарку и Триштан Ваш Тершейра, Азорские острова – посланный принцем Генрихом Гонсалу Велью Кабрал – между 1424 и 1432 гг., затем в 1444–1446 и около 1453 г. – остальные острова архипелага.

европейской читающей публики, чем более достоверные повествования Марко Поло и францисканца Одорико Порденоне, хотя и в них было много преувеличений и вымысла.

Некоторые каталонские и мальоркские карты XIV в., такие как карта, созданная для французского короля Карла V около 1375 г., дают удивительно точное изображение области Западного Судана и пути купеческих караванов из Северной Африки через Сахару «к земле негритянских племен в Гвинее»⁵. Эти географические сведения были получены от еврейских купцов, которые имели возможность путешествовать с известной долей свободы в мусульманских землях. Они не основывались на информации из первых рук, полученной от европейских христиан; ничего не было известно и о побережье Западной Африки южнее Гвинейского залива. Грубо говоря, большинство средневековых карт отражали либо веру Птолемея в то, что Индийский океан со всех сторон окружен сушей, либо представление Макробия об открытом морском пути в Индийский океан вокруг сильно искаженной на картах Южной Африки. Только после того, как португальцы проплыли вдоль западноафриканского побережья, обогнули мыс Доброй Надежды, пересекли Индийский океан и добрались до индонезийских Островов пряностей и побережья Южно-Китайского моря; только после того, как испанцы добились той же самой цели, когда, пройдя вдоль берегов Патагонии, они вышли в Тихий океан и доплыли до Филиппин, – тогда, и только тогда установилось постоянное и регулярное морское сообщение между четырьмя великими континентами.

Почему иберийцам сопутствовал успех там, где их средиземноморские предшественники потерпели неудачу? Почему Португалия стала лидером, когда бискайские суда и моряки считались лучшими в Европе? Что побуждало португальцев предпринимать морские экспедиции? Руководствовались ли их организаторы тщательно проработанными планами или они меняли свои цели и способы их достижения согласно менявшимся обстоятельствам? Был ли вдохновителем и руководителем морских походов только инфант Энрике (он же принц Генрих Мореплаватель) или/и другие представители Ависской династии? Возможно, движущей силой этих экспедиций стал нарождавшийся класс торговцев, влияние которого значительно выросло после судьбоносных событий 1383–1385 гг., когда большинство представителей старых аристократических родов были убиты или изгнаны за то, что встали на сторону вторгшихся в страну кастильцев. В итоге последние были полностью разгромлены в сражении у селения Алжубаррота (14 августа 1385 г.). Насколько верны были сведения рукописных отчетов путешественников о Северной Африке (включая Западный Судан), об Индии и Дальнем Востоке, которые нашли отражение на картах мира арабских, еврейских, каталонских и итальянских картографов и купцов, которые были в распоряжении принца Энрике и других заинтересованных людей в Португалии? И как использовали эту информацию, если использовали вообще, португальцы?

Историки еще далеки от единого ответа на эти вопросы, но за тем, что известно как эпоха Великих географических открытий, стоит целый ряд факторов – религиозный, экономический, стратегический и политический, которые были представлены в разной мере. Первоначальные корыстные побуждения часто самым причудливым образом смешивались с убеждением, что кесарю надо отдавать кесарево, а Богу – Божие. Так было в случае со средневековым итальянским купцом Прато, который каждую страницу своих гроссбухов начинал фразой «Во имя Бога и Прибыли». Рискуя упростить общую картину, можно сказать, что ведущих деятелей Португалии, к которым в равной степени могли относиться короли, принцы, аристократы и купцы, вдохновляли в их стремлениях четыре основные причины. Выстроенные в хронологическом порядке, но разные по значимости и отчасти совпадающие, это были 1) фанатизм крестоносцев в борьбе с мусульманами; 2) стремление обрести золото Гвиней; 3) поиски пресвитера Иоанна и 4) восточных пряностей.

⁵ Первыми этот путь прошли греки-ахейцы около 1000 г. до н. э., которые пересекли Сахару (тогда не столь сухую) от побережья Средиземного моря до р. Нигер.

Положительным моментом в этом было то, что Португалия на протяжении всего XV в. была единым королевством, в стране прекратились междоусобные распри, за исключением одного трагического эпизода. В 1449 г. в битве при Альфарробейре будущий король Афонсу V разбил войска регента Португалии Педру, герцога Коимбры. Он пал жертвой интриг и амбиций герцогского дома Браганса. Вряд ли читателю стоит напоминать, что большую часть этого века другие страны Западной Европы терзали войны – Столетняя война, гражданская Война Алой и Белой розы и другие. Возникла угроза турецкого нашествия на Балканах и в странах Ближнего Востока. Кроме того, Кастилия и Арагон переживали смутное время, находясь буквально на грани анархии незадолго до воцарения Фердинанда и Изабеллы. Эти внутренние раздоры в значительной степени помешали испанцам успешно соперничать с португальцами. В противном случае положение было бы иным, хотя Испания и изгнала португальцев с Канарских островов.

Захват португальскими войсками Сеуты в августе 1415 г. и, что важнее, ее удержание было, возможно, результатом религиозного пыла крестоносных воинов, готовых нанести решительный удар по неверным. Присутствовало и желание наполовину английских по крови португальских принцев быть посвященными, с театральным эффектом, в рыцари прямо на поле боя. Конечно, эти традиционные объяснения, предлагаемые хронистами, не могут удовлетворить современных историков. Они утверждают, что экономические и стратегические причины играли при этом более значимую роль, поскольку Сеута была процветающим центром торговли, базой военного флота мусульман и плацдармом для нового вторжения через Гибралтарский пролив. Также высказывалось предположение, что плодородные земли вокруг города, на которых выращивались зерновые культуры, были еще одной точкой притяжения для португальцев, поскольку в их стране ощущался явный недостаток зерна. Это предположение опровергается тем фактом, что незадолго до захвата Сеуты в одном мусульманском описании недвусмысленно говорится о том, что городу приходится импортировать зерно, хотя там и существовали большие запасы зерна в житницах. Но Сеута к тому же была конечным пунктом транссахарской торговли золотом. Насколько это португальцы осознавали еще до захвата города, остается неясным (как и другие причины этой экспедиции).

Во всяком случае, овладение Сеутой, несомненно, позволило португальцам получить дополнительную информацию о землях негров в бассейнах Верхнего Нигера и Сенегала, откуда поступало золото, если только они уже не знали об этом из таких источников, как «Каталонская карта» 1375 г., и сообщений торговцев-евреев. Раньше или позже, но они начали осознавать, что они, вероятно, смогут установить контакт с этими землями по морю и перенаправить торговые пути золотом, которое доставляли верблюжьими караванами из Западного Судана при посредничестве мусульман Берберийского берега. У португальцев был стимул для этого, поскольку на золото был большой спрос последние два с половиной века в Западной Европе. В это время город за городом и страна за страной начинали чеканить золотые монеты, вдохновленные появлением в 1252 г. флорентийского золотого флорина и около 1280 г. венецианского золотого дуката. В Португалии не было собственной золотой валюты с 1383 г.; подобное положение сохранялось лишь в немногих европейских королевствах.

Завоевательные устремления крестоносцев, по крайней мере, что касалось Португалии, были направлены исключительно против мусульман Марокко. И поиск золота Гвинеи получил новый импульс в процессе поиска пресвитера Иоанна. Этот мифический владыка, как считали европейцы, был правителем могущественного королевства в Индиях, имевших широкое определение; это были земли Эфиопии и Восточной Африки, а также те земли, что были известны в Азии. Ближняя, или Малая, Индия означала, предположительно, север субконтинента; Дальняя, или Большая, Индия – его юг, расположенный между Малабарским и Коромандельским берегами; под Средней Индией понимали Эфиопию, или Абиссинию. Но немногие в начале XV в. имели четкое представление об Индиях; и названия «Индия» или «Индии» часто ассо-

цировали с некоей неизвестной и загадочной землей к востоку и юго-востоку от Средиземноморья.

Время, романтические повествования о путешествиях и имевшее хождение поддельное письмо, изысканно украшенное, приписываемое пресвитеру Иоанну, – все это вместе, помноженное на легковерие западноевропейца, привело в эпоху позднего Средневековья ко всеобщей вере в могущественного монарха, христианского священника-короля. Верили, что его королевство расположено где-то за исламскими державами, которое в виде широкого пояса протягивается от Марокко до Черного моря. Поначалу полагали, что оно находилось в Центральной Азии и со временем постепенно сместилось в Эфиопию.

Начиная с 1402 г. эфиопские монахи и посланники приезжали в Европу (через Иерусалим) из древнего и изолированного коптского христианского царства, расположенного на нагорье между Нилом и Красным морем. Наконец, один из этих посланников прибыл в Лиссабон в 1452 г.; но, как явствует из дальнейших событий, португальцы, подобно европейцам, получили лишь смутное представление о том, что это за страна и где она находится. Ни в одной европейской стране, казалось, не распространилась столь широко, как в Португалии, экстравагантная легенда о пресвитере Иоанне, в которой рассказывалось, что за его столом, сделанным из изумрудов, пиروвали 30 тысяч гостей; 12 архиепископов сидели по его правую руку и 20 епископов – по левую. Но все в Португалии и повсюду искренне верили, что этот загадочный король-священник, когда его найдут, окажется незаменимым союзником в борьбе против мусульманских держав, будь то турки, египтяне, арабы или мавры. Что касается португальцев, они надеялись обнаружить его в Африке, где он сможет помочь им против мавров.

Противоречивые мотивации, стоявшие за португальскими открытиями, становятся ясными из текста папских булл, которые были обнародованы при жизни Генриха Мореплывателя и его непосредственных наследников. Было установлено, что эти послания отражали предварительные просьбы португальского монарха. Таким образом, они отражали намерения короля или тех, кто обращался к римскому папе от его имени. Три наиболее известные буллы были *Dum diversas* от 18 июня 1452 г., *Romanus Pontifex* от 8 января 1455 г. и *Inter caetera* от 13 марта 1456 г. В первой папа Николай V давал позволение португальскому королю: совершать завоевательные походы с целью покорения сарацин, язычников и других неверных, всех врагов Христовых; захватывать их товары и их земли; обращать этих людей в вечное рабство, а их земли и собственность передавать королю Португалии и его наследникам. Некоторые современные исследователи пытаются утверждать, что эта булла имела отношение только к португальской экспедиции в Марокко, где военные действия шли со времени захвата португальцами Сеуты. Однако текст послания ни подтверждает, ни предполагает такие ограничения. Более того, к 1452 г. португальцам уже было хорошо известно, что население Марокко составляют исключительно мусульмане. Под упомянутыми язычниками и врагами Христа, конечно, понималось население прибрежных районов Сахары и негры Сенегамбии, с которыми португальцы уже соприкоснулись.

Вторая булла, *Romanus Pontifex*, была еще более характерной; это была в чистом виде хартия португальского империализма. В начале ее подводится итог деятельности принца Энрике (Генриха Мореплывателя) с 1419 г. – его исследовательским трудам, завоеваниям и колонизации новых земель. В возвышенных выражениях воздается хвала апостольскому рвению верного воина Христова и защитника веры. Принца хвалят за его стремление добиться того, чтобы все узнали и прославили славное имя Христова, даже в самых отдаленных и до сих пор не открытых землях, за его намерение заставить сарацин и других неверных войти в лоно церкви. Булла также напоминает о его заслуге колонизации необитаемых Азорских островов и Мадейры и о предпринятых им усилиях в деле завоевания и евангелизации Канарских островов. Ему отдается должное за его намерение обойти вокруг Африки и установить связь по морю с жителями Индий, «которые, как говорят, славят имя Христа», и в союзе с ними про-

должить борьбу с сарацинами и другими врагами веры. Принцу было дано право привести тех язычников, что могут встретиться в областях между Марокко и Индиями, к покорности и обратить их в христианство (даже если они не находятся под влиянием мусульман).

За последние двадцать пять лет, говорится далее в булле, принц Энрике постоянно посылал свои каравеллы в южном направлении для исследования западного побережья Африки. Они достигли Гвинеи и открыли устье большой реки, вероятно Нила (в действительности реки Сенегал). Ведя торговлю и сражаясь, португальцы захватили большое количество чернокожих рабов и привезли их в Португалию, где многие были крещены и приняли католическую веру. Это дает надежду, что все местное население или по крайней мере многие могут быть свободно обращены в христианство в ближайшем будущем. Португальская корона приобрела, таким образом, обширные морские владения и была намерена сохранить монополию в навигации, торговле и рыболовстве в этих районах. Иначе придут другие, чтобы пожать то, что посеяли португальцы, или же чтобы помешать им завершить свои труды. Но, поскольку труды подъемлются во имя Господа и в интересах христианского мира, папа римский Николай V заявляет и провозглашает *motu proprio* («распоряжением самого папы римского») следующее. Эта монополия относится не только к Сеуте, но и ко всем уже свершившимся португальским завоеваниям, и, равным образом, ко всем будущим к югу от мысов Бохадор⁶ и Нун и вплоть до Индий. Законность любых мер, предпринимаемых португальской короной, чтобы сохранить эту монополию, недвусмысленно признается папой.

Португальцы получали от папы разрешение вести и дальше торговлю с сарацинами в тех случаях, когда они найдут это целесообразным, но при условии, что они не будут продавать оружие врагам веры. Король (Афонсу V), принц Энрике и их наследники были уполномочены вести строительство церквей, монастырей и *ria lusa* и посылать туда священников для совершения таинств, хотя и нет отдельного упоминания о посылке миссионеров для проповеди благой вести среди неверных. И наконец, всем другим государствам строго запрещалось покушаться на монополию португальцев в области открытий, завоеваний и торговли. Важность этого последнего положения послания была подчеркнута его торжественным оглашением 5 октября 1455 г. в Кафедральном соборе Лиссабона, которое было зачитано в оригинале на латыни и на португальском языке в присутствии специально приглашенных представителей всех иностранных общин португальской столицы – французской, английской, кастильской, галисийской и баскской.

Буллой *Inter caetera* от 13 марта 1456 г. папа римский Калликст III подтвердил основные положения буллы *Romanus Pontifex*. По просьбе короля Афонсу V и его дяди принца Энрике он передал португальскому ордену Христа, Великим магистром которого был принц, право духовной юрисдикции над всеми завоеванными и теми, что еще предстояло завоевать, землями «от мысов Бохадор и Нун и далее от Гвинеи на юг к Индиям». Булла заявляла, что великий приор ордена (основан в 1319 г. как преемник ордена тамплиеров) получит право назначать священников, как из черного, так и белого духовенства на все приходы; налагать епитимьи и прочие церковные наказания и осуществлять власть в пределах своей юрисдикции. Все области в его подчинении были *nullius diocesis*, то есть не относились ни к какому диоцезу. Однако снова не была отдельно оговорена миссионерская деятельность.

Я проанализировал, в некоторой степени, эти буллы, потому что они ясно отражают дух эпохи Великих географических открытий и потому что они показали европейцам, как надо (или не надо) вести себя в тропических странах. В одной из сур Корана говорится: «Женщина – это твой надел; распахивай его, как тебе потребно». Основной целью этих папских булл было указать португальцам, а затем и другим европейцам, которые последуют за ними, на необходимость общего для всех властного поведения по отношению ко всем народам, нахо-

⁶ На современных картах Буждур.

дившимся вне христианского мира. Уже упоминавшийся хронист этого времени Гомеш Эанеш де Зурара, описав (в 1450 г.) сомнения некоторых людей в оправданности агрессивных войн против мусульман, отмел все высказывания таких критиков, которые, по его словам, «немного лучше, чем еретики». Король Дуарте I (1433–1438) придерживался очень похожих взглядов в своем трактате, посвященном вопросам морали, «Верный советник», как и теологи, которых наставлял Жуан I перед экспедицией в Сеуту. Голландец Ян Гюйген ван Линсхотен (1563–1611), который шесть лет жил в Гоа в последней четверти XVI в., был весьма критичного мнения по поводу «высокомерной гордости и самонадеянности» португальцев в Индии, «так как повсюду они выступают как господа и хозяева, унижая и презирая местных жителей». Чего Линсхотен мог ожидать менее всего, когда он писал эти строки в 1596 г., так это того, что голландцы и англичане, пришедшие в муссонную Азию на смену португальцам, будут, во многом, вести себя подобным образом. В буллах также нашла отражение инициатива португальской короны, принца Энрике и других правителей Ависской династии по упорядочению всех принимаемых мероприятий в области организации исследовательских экспедиций, завоевания и колонизации новых земель, использования их богатств. Что касается понятия Индии в этих буллах, то оно, возможно, обозначало первоначально не только владения пресвитера Иоанна в Восточной Африке, но и, что также вероятно, отдельные части Азии и самой Индии.

Существуют поэтому обоснованные причины верить, что принцем Энрике, который настойчиво отправлял свои каравеллы на юг за мыс Нун, двигала идея Крестовых походов, религиозные мотивы, познавательный (но едва ли «научный») интерес. Но экономические причины также сыграли свою роль, несмотря на то что они не были, возможно, столь важны на первоначальном этапе. Тем не менее эти путешествия были дорогостоящим предприятием, принц заявил об этом в 1457 г. Более того, принц содержал большой штат рыцарей и дворян, и он всегда был хлебосольным хозяином для многих иностранных гостей. Доходов, которые поступали из самых разных источников, включая земли ордена Христа и монополию на мыловарение и рыбную ловлю, постоянно не хватало для покрытия расходов, и долги продолжали расти. Таково было положение дел, и весьма вероятно, что слова Диогу Гомиша, одного из капитанов принца, были правдивы, когда он рассказывал Мартину Бехайму из Нюрнберга, что принц Энрике во время завоевания Сеуты получил ценную информацию от пленников мавров и других людей. Эти сведения натолкнули его на мысль попытаться по морю добраться до земель с золотоносными россыпями к югу от Сахары, «чтобы начать там торговлю и тем самым содержать знать при его дворе». Известный португальский хронист Жуан де Барруш косвенным образом подтверждает это в одной из книг своего сочинения «Декады» (написанной в 1539 г.). Золотой песок в 1442 г. выменивали у местных жителей (в данном случае туарегов), и мы не знаем, как много его было привезено из Западной Африки в Португалию в оставшиеся последние 18 лет жизни принца Энрике. В эти его последние годы золота было приобретено значительное количество. Поэтому в 1457 г. на монетном дворе в Лиссабоне возобновили чеканку монеты почти из чистого золота под названием «крузадо», довольно символичным (с португальского слово *cruzada* переводится как «крестовый поход»). Стоимость этой монеты не снижалась вплоть до 1536 г.

Развитие работорговли также помогло начать финансирование португальских морских походов вдоль западного побережья Африки после 1442 г. Рабов добывали, вначале совершая набеги на поселения туарегов в прибрежных районах Сахары, а затем и на селения чернокожих жителей Сенегала. Эти набеги, от которых страдали большие безоружные группы местных семейств из незащищенных поселений, описал Гомеш Эанеш (Ианиш) де Зурара. В его изображении они представлялись в виде рыцарских подвигов отчаянных храбрецов, подобных тем, что совершались на полях сражений Европы. И в это верило подавляющее большинство его современников. Были случаи, когда португальцы также превращали в рабов гуанчей, захваченных на Канарских островах, что вызвало осуждение римского папы, поскольку они

уже были обращены в христианство. Но после нескольких лет общения с негритянскими народами Сенегамбии и Верхней Гвинеи португальцы поняли, что рабов можно заполучить более легким и удобным способом: путем мирного обмена с местными вождями и торговцами. Всегда находились африканцы, которые были готовы продать своих соплеменников европейским торговцам и тогда и позже, независимо от того, были они осужденными преступниками, или военнопленными, или жертвами колдовства.

В течение нескольких лет португальцы совершали удачные набеги за рабами или вели мирную торговлю со своих кораблей, продвигаясь постепенно на юг вдоль побережья, вставая на якорь на открытых рейдах или в эстуариях рек.

Подобное использование судов в виде плавучей базы стало привычным, но в дополнение к нему на берегу основывали «фактории», или, иначе, торговые посты. Первая фактория (*feitoria*) была учреждена в Аргене южнее мыса Кабо-Бланко (Кап-Блан, Нуадибу) в 1445 г. в попытке перехватить торговый путь, который вел из Западного Судана через Сахару. Лет десять спустя здесь была построена крепость, где португальцы меняли коней, сукно, медные изделия и зерно на золотиносный песок, рабов и слоновую кость. Эта фактория стала прототипом для целой цепочки сооружений подобного рода, которые появились на побережьях Африки и Азии и Молуккских островах. Золото, рабы и слоновая кость стекались в Португалию в значительных количествах; экспедиции принца Энрике в Западную Африку начали приносить прибыль, если и не ему, то по крайней мере некоторым их участникам. Купцы и судовладельцы Лиссабона и Порту, которые были мало заинтересованы в экспедициях к бесплодным берегам Сахары, теперь проявляли желание участвовать в плаваниях в Сенегамбию и южнее. Нескольким известным купцам и аристократам, а также дворянам из окружения принца Энрике, была предоставлена лицензия от самого принца.

Здесь было бы уместно кратко перечислить открытия, которыми мы обязаны принцу Энрике. В 1419 г. португальские корабли вышли в Атлантический океан и достигли мыса Бохадор (Буокдур) в Западной Африке, находившегося немного южнее 27° северной широты. Это был предел, до которого доходили корабли. Теперь эта местность известна как Рио-де-Оро в Испанской Сахаре (ныне Западная Сахара). Мыс здесь выдается в океан на 25 миль в западном направлении. Яростные волны и сильные течения к северу от него; расположенные вблизи берега мели; частые туманы и морозящие дожди над морем, да к тому же и противные ветра, которые препятствовали возвращавшимся кораблям плыть на север, – все это, вместе взятое, подтверждало рассказы о «Зеленом море мрака», как его называли арабские географы. Именно от них пошло известное поверье, что отсюда вернуться невозможно. После многих окончившихся ничем попыток одно из судов принца Энрике наконец-то обогнуло мыс в 1434 г., преодолев не только природный, но и, что было более сложно, психологический барьер, который до тех пор препятствовал плаваниям все дальше на юг вдоль побережья Западной Африки. Это было, пожалуй, самым большим достижением принца Энрике, которое было осуществлено благодаря твердой решимости и готовности потратить большие деньги на морские экспедиции, которые не сулили получить немедленную отдачу.

Когда опасный мыс был пройден, то дальнейшие успехи были делом времени; однако принц Энрике с воодушевлением начал заниматься организацией походов крестоносцев в Марокко. В отсутствие внимания принца его люди и суда, продвигаясь на юг, несли потери. Поход под его началом в Танжер в 1437 г. был неудачен; войска сдались, и им было позволено вернуться на суда только после того, как младший брат принца инфант Фернанду был оставлен в плену у мавров как заложник. Условием его освобождения был непременный возврат Сеуты. Но ради интересов государства это требование так и не было выполнено, и дон Фернанду, «святой инфант», как впоследствии его стали называть, был оставлен умирать в тюрьме в Фесе, несмотря на его жалобные просьбы к братьям выволить его в обмен на Сеуту. Принц Энрике предпринимал также энергичные, пусть в итоге и неуспешные, усилия оспорить право

кастильцев на Канарские острова. Тем не менее, несмотря на занятость принца всеми этими делами, португальские корабли спустились вдоль побережья далеко на юг вплоть до Сьерра-Леоне к 1460 г. – году его смерти.

Важным завершением пройденного 1500-мильного пути вдоль западного побережья Африки стало одновременное открытие (или повторное открытие) Мадейры (ок. 1419 г.) и Азорских островов (ок. 1439 г.), за которым последовало открытие и колонизация островов Зеленого Мыса (1456–1460). К сожалению, мы не располагаем надежной информацией о мотивах, что вели капитанов судов в их исследовательских морских походах. Однако не было никакого сомнения, что их организовывал или сам принц Энрике, или в сотрудничестве с братьями и видными представителями знати. Заселение этих необитаемых островов положило начало практике колонизации заморских территорий.

Поселенцы, в прямом смысле слова, были пионерами в Новом мире. Видимо, они так ощущали себя, о чем говорит тот факт, что первые мальчик и девочка, родившиеся на Мадейре, получили имена Адам и Ева. Самые первые поселенцы прибыли в основном из Алгарви, поскольку каравеллы португальцев выходили из портов именно этой провинции, но вскоре к ним присоединились эмигранты из других мест Португалии и даже из таких отдаленных стран, как Фландрия. Азорские острова в течение многих лет назывались «фламандскими островами». Ко времени смерти принца Энрике на Мадейре уже производилось большое количество сахара, а на Азорских островах – зерно.

Несмотря на то что нам практически ничего не известно, как проходили эти первые исследовательские экспедиции, – до нас дошло лишь несколько имен их начальников, среди которых были наряду с португальцами фламандцы и итальянцы, – представляется очевидным, что ими был приобретен достаточный опыт и они знали розу ветров в Атлантике. Кроме того, полученный во время плавания опыт позволил им создать (хотя мы и не знаем, когда точно) новый тип судов – каравелл с косым или латинским парусным вооружением, которые могли идти круто к ветру. Каравеллы, в свою очередь, сделали плавание более легким. Колумб, в немалой степени, именно на португальских каравеллах овладел искусством навигации на просторах океана. Более того, практический опыт португальцев в Атлантике помог заложить им основы современной науки судовождения. К концу XV в. их лучшие штурманы научились довольно точно определять свое местоположение в море, проводя счисление пути с помощью полученной при измерении широты. У них были также великолепные практичные лоции (*norm, roteiros*, откуда *англ. rutters*) для плаваний у берегов Западной Африки. Основными приборами служили для них морской компас (возможно, заимствованный у китайцев⁷ через посредничество арабских и средиземноморских мореплавателей), астролябия и квадрант в их самой простой форме. Существовали также довольно сносные морские карты, указанные широты на которых были измерены как на берегу, так и на море. На так называемой планисфере Кантино 1502 г., скопированной итальянским шпионом с португальского оригинала (или кем-то специально для него) и переправленной в Италию, показана удивительно точно береговая линия Африки, особенно ее западное побережье к северу от реки Конго. Но многие лоцманы, выходя в океан, продолжали больше полагаться на различные природные приметы, такие как цвет морской воды и высота прилива, породы рыб и различные виды морских птиц, которых можно наблюдать на той или иной широте в различных местностях, характерные водоросли и т. п.

Хотя неизвестно, в какой степени поиски золота служили побудительной причиной для разведывательных плаваний португальцев вдоль побережья Западной Африки, притягательная сила золотого металла стала играть решающую роль после 1442 г. Португальцам так и не

⁷ Один из мифов о китайском приоритете и в этом изобретении. На самом деле использовать свойство намагниченных предметов указывать направление люди стали в различных частях ойкумены независимо друг от друга.

удалось обнаружить постоянный источник золота в Западной Африке и Судане, которое, как мы знаем сейчас, в основном добывалось в области Бамбук в верховьях Сенегала, в Мали, в верховьях Нигера и в Лоби на притоках в верховьях Вольты. Это золото, большей частью в виде золотого песка, носильщики, проходя по пути через царства Мали и Ганы (несколько не соотносятся с современными государствами), первоначально доставляли в Тимбукту (Томбукту). Там его покупали арабские и мавританские купцы, а затем везли верблюжьими караванами через Сахару в исламские государства Северной Африки. В тамошних портах часто бывали среди прочих торговцев еврейские, генуэзские и венецианские купцы. Во второй половине XV в. с помощью фактории в Аргене и других незащищенных факторий в прибрежных районах Сенегамбии португальцам удалось отвести значительную часть караванов с основного торгового пути через Сахару к своим торговым пунктам на побережье, где они грузили золото на свои корабли. Этот процесс усилился, когда король Жуан II приказал в 1482 г. возвести крепость Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина) на Золотом Берегу. «Святой Георгий из Мины» превзошел в торговле факторию в Аргене и вел не только торговлю золотом в Западном Судане, но и намытым золотом на самом Золотом Берегу. Спустя двадцать лет была построена вторая, меньшая, крепость в Аксеме.

Португальцы продолжали прилагать систематические и упорные усилия, чтобы перенаправить все пути торговли золотом в направлении побережья. Их эмиссары проникли, хотя и на краткое время, в Тимбукту (Томбукту). Португальцам так и не удалось создать долговременные фактории во внутренних областях материка, и они были вынуждены опираться на посредников – негритянские племена, через которые они получали золото, будучи сами не в состоянии добыть его. Но соперничество между португальскими каравеллами и мавританскими верблюжьими караванами привело к победе первых и их господству в торговле золотом на протяжении около ста лет – приблизительно с 1450 до 1550 г. Во время правления короля Мануэла I (1496–1521) средняя годовая стоимость золота, импортируемого только из Сан-Жоржи-да-Мина (Элмины), составляла 170 тысяч добрас, а в отдельные годы и больше. В то время как рабы и золото были основными предметами торговли португальцев в Сенегамбии и Гвинее, другие товары, такие как напоминающая перец пряность, называемая «райские зерна», обезьяны и попугаи, находили доходные рынки сбыта в Португалии.

Вплоть до своей смерти в 1460 г. принц Энрике был концессионером всей торговли на западном побережье Африки, но это не значит, что вся торговля принадлежала только ему. Наоборот, он часто выдавал патент частным торговцам и отчаянным предпринимателям, решившим снарядить морскую экспедицию, но при условии, что ему будет выплачиваться одна пятая или особо оговоренная часть от полученной ими прибыли. Не ясно, каким образом велись торговые операции в первое десятилетие после смерти принца, но в конце 1469 г. ведение торговли на основе монопольного соглашения было передано короной богатому лиссабонскому купцу Фернану Гомишу. За монархом оставалось право объявить свою монополию на ряд ценных товаров. Благодаря контракту Гомиш получил значительную прибыль, и он исследовал следующие две тысячи миль побережья для короны. По истечении срока этого контракта в 1475 г. король Афонсу V передал управление торговлей в руки сына и наследника инфанта дона Жуана, и она так и оставалась монополией короны, пока он не взошел на престол в 1481 г.

Король Жуан II, «совершенный принц», был полным энтузиастом дальновидным империалистом, имевшим настоящую страсть к Африке и плодам ее земли, к ее людям, животному и растительному миру и минералам. Он имел особый персональный интерес к торговле, оставив за короной монополию на импорт золота, рабов, пряностей и слоновой кости и экспорт коней, ковров, английского и ирландского текстиля, меди, свинца, медной посуды, ожерелий и браслетов. Частным торговцам было позволено импортировать после уплаты лицензии такие менее важные товары, как попугаи, мартышки, тюленьи шкуры, хлопок, волокно рафии и пр. Соответственно корона предоставила права некоторым частным лицам импортировать рабов

и слоновую кость, но всегда сохраняла монополию на золото. В действительности, конечно, эта монополия была совсем не так строга и эффективна, как это выглядело на бумаге. Было невозможно помешать экипажам кораблей вести частную торговлю на свой страх и риск, не говоря уже о королевских чиновниках, и самих торговых агентах, и жителях островов Зеленого Мыса. Торговля в Западной Африке развивалась благодаря морским перевозкам; корабли снаряжались в Лагуше и других портах Алгарви. К концу XV в. флот начал сосредотачиваться в Лиссабоне; все суда подходили к цокольному этажу королевского дворца, располагавшегося на берегу реки Тежу, где находились конторское помещение и торговые склады (*Casa de Mina*); здесь король мог лично наблюдать за погрузкой и разгрузкой судов.

Товары, которыми португальцы платили за африканских рабов и золото, в большинстве своем производились за границей. Пшеницу часто привозили из Марокко, с островов Атлантики, из Северной Европы. Сукно и текстиль импортировали из Англии, Ирландии, Франции и Фландрии, хотя имелись также португальские ткани. Медную посуду и стеклянные бусы привозили из Германии, Фландрии и Италии, а раковины моллюсков – с Канарских островов. Многие импортируемые из Западной Африки товары реэкспортировались из Португалии. Большая часть «райских зерен» поступала во Фландрию, а множество рабов отправлялось в Испанию и Италию до тех пор, пока открытие и освоение Америки не перенесло всю торговлю рабами на другое побережье Атлантики. Возможно, наиболее важным следствием этого было то, что большое количество гвинейского золота, которое поступало в Лиссабон и где из него чеканили крузадо, реэкспортировали, используя в качестве платы за зерно и мануфактуру, в которых нуждалась Португалия. Португальское золото Западной Африки помогло стране обрести собственную валюту, как и в других странах Европы. Некоторые типы золотых монет, бывших в обращении в Северной Европе, назывались «португальскими», хотя и чеканились в Зволле и Гамбурге.

Трудно подвести итог этой торговли в Западной Африке. Весьма вероятно, что португальцы вывезли в 1450–1500 гг. около 150 тысяч негров-рабов. Зачастую рабы приобретались в результате межплеменных войн, шедших во внутренних районах; росту работорговли не способствовала существовавшая атмосфера насилия и неопределенности, и ничто не могло разрядить ее. Вожди племен получали наибольшую прибыль от работорговли с португальцами, и, как уже говорилось, большинство среди них всегда были для европейцев сговорчивыми партнерами. В районе Верхней Гвинеи, которая занимала в основном территорию между рекой Сенегал и мысом Пальмас, португальские торговцы и ссыльные уголовные преступники прошли вдоль многих рек и их притоков, часто уходя вглубь территории. Значительная их часть поселилась в негритянских деревнях, где они вместе со своими отпрысками-мулатами выступали как главные посредники между белыми и неграми в обменной торговле золотом, слоновой костью и рабами. Некоторые из них полностью натурализовались, сняли свою одежду, татуировали свои тела, говорили на местных языках и даже участвовали в местных языческих обрядах и празднованиях (таких называли *tangos-maos* или *lancados*).

Короли Португалии не возражали против смешанных браков между белыми и неграми; за что белых людей могли преследовать, так это за неуплату налогов, которыми облагалась вся иноземная торговля. По этой причине в законодательном порядке в 1518 г. была введена смертная казнь за подобное преступление. Но хотя этот закон продолжал действовать в течение многих лет, он вряд ли применялся на практике, поскольку португальская корона не могла добиться отправления правосудия в Западной Африке за стенами факторий, лишь только в непосредственной близости от крепостей Мина (Элмина) и Аксим. Из-за смешения языков благодаря отуземившимся португальцам в прибрежных районах Верхней Гвинеи лингва франка стал португальский язык. Конечно, взаимоотношения португальцев с тем или другим западноафриканским племенем были различными, но вооруженных конфликтов было сравнительно немного, и в целом они отличались дружелюбием.

На Золотом Берегу Гвинеи португальцы возлагали надежду не только на мирные переговоры с местными племенами, но и полагались на свою силу и мощь, поддержанную крепостями Мина (Элмина) (1482) и Аксим (1503). Эти две крепости были основаны с двойной целью – защитить монополию на торговлю золотом от испанцев и других европейских торговцев и держать в благоговейном страхе прибрежные негритянские племена, через посредство которых приобреталось золото. Эту последнюю цель интуитивно почувствовал вождь местного племени, когда Диогу Азамбужи сошел на берег в роскошном убранстве и в сопровождении вооруженной свиты в январе 1482 г., чтобы положить закладной камень в основание крепости Мина (Элмина). Вождь рассказал, что единственные португальцы, которых он встречал до этого, были те самые, которые приплывали каждый год на каравеллах, чтобы вести обмен товаров на золото. Эти моряки, по его словам, «люди, одетые в лохмотья, были довольны всем, что бы им ни давали в обмен за их товар. Это было единственной причиной, по которой они прибыли сюда. Их основным желанием было быстрее сторговаться и вернуться домой. Потому что им была ближе собственная страна, чем чужая земля». Португальцы и негры договорились регулярно встречаться через определенные промежутки времени, вместо того чтобы жить по соседски, поблизости друг от друга, и вести торговлю как прежде, то есть чтобы португальцы приплывали на кораблях. Азамбужи, имевший приказ короля Жуана II построить крепость с согласия вождя или без него, продолжал настаивать на своем и вырвал у собеседника вынужденное согласие. Но если у вождей прибрежных племен не было достаточно сил, чтобы помешать строительству европейских крепостей на берегу залива, они были достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать проникновению европейцев во внутренние области в поисках желанного золота. Португальцы, как и их последователи голландцы и англичане, должны были оставаться в своих фортах, выменивая медные кубки, браслеты, бусы, текстиль и другие товары на золото, слоновую кость и рабов, которых странствующие торговцы привозили из внутренних областей материка. На Золотом Берегу не встречалось португальцев-посредников, о которых мы уже рассказывали. Одним из наиболее важных государств в области Нижней Гвинеи во второй половине XV в. был Бенин. Португальцы, посещавшие столицу Бенина, с восхищением рассказывали об этом большом городе, о чистоте его улиц и домов и об огромном королевском дворце с его замечательными медными статуями и металлическими дисками, украшавшими стены.

Процветавшая торговля золотом и рабами с Гвинеей давала необходимые средства для Жуана II, чтобы продолжить поиски «пресвитера Иоанна», образ которого, казалось, постоянно преследовал короля. Как бы ни были смутны их представления о «королевстве Иоанна», португальцы считали, что оно располагается где-то за Нилом. Эта река в представлении ученых европейцев образовывала границу между собственно Африкой и Средней Индией. Вначале они надеялись проникнуть во владения «пресвитера Иоанна», поднявшись по одной из рек – Сенегалу, Гамбии, Нигеру и, наконец, Конго. Каждый раз, переправляясь в месте впадения каждой реки в океан, они последовательно принимали эти реки то за приток Нила, то за его рукав. Каждый раз первооткрыватели испытывали разочарование; но по мере того, как они продвигались на юг вдоль западноафриканского побережья, вероятность того, что этот континент можно обойти по морю и тогда откроется путь в «королевство пресвитера Иоанна» и в Индии, становилась все более вероятной. Так случилось, что в правление Жуана II поиски Иоанна шли одновременно с поисками азиатских специй.

Этот король предпринял решительные шаги для обнаружения «царства пресвитера Иоанна» и поиска пряностей, снарядив и тщательно подготовив разведывательные экспедиции, как сухопутные, так и морские, в середине 80-х гг. XV в.⁸ Во главе основной морской экспе-

⁸ Две выдающиеся экспедиции были осуществлены в 1482–1486 гг. (или 1487 г.) под руководством Диогу Кана. Кан достиг 22° ю. ш. – на мысе Кросс на побережье пустыни Намиб в Юго-Западной Африке был поставлен падран – каменный столб

диции был поставлен Бартоломеу Диаш, отплывший из Лиссабона в августе 1487 г. Сначала он обогнул мыс Доброй Надежды в первых месяцах 1488 г. и, пройдя какое-то расстояние вдоль побережья Южной Африки, вернулся с известием, что морской путь в Индии открыт. Большинство посланцев, в поисках «страны пресвитера Иоанна» отправившихся по суше, потерпели неудачу, но один из них, говоривший по-арабски дворянин по имени Перу да Ковильян, который отправился из Лиссабона в том же самом году, что и Бартоломеу Диаш, достиг через Красное море и Аден западного побережья Индии в 1488 г. Затем он побывал в Персидском заливе и прошел в южном направлении по восточноафриканскому побережью, по землям суахили до самой Софалы. Это полное приключений путешествие, длившееся более двух лет, натолкнуло его на важную мысль о необходимости развивать торговлю основными товарами в Индийском океане, и пряностями в частности. На своем обратном пути в Португалию в конце 1490 г. он встретил в Каире посланника короля, который передал ему от него повеление продолжить путь в «королевство пресвитера Иоанна», местоположение которого к тому времени было определено, это были нагорья Абиссинии (Эфиопии). Это он и сделал, послав прежде из Каира королю подробный отчет обо всех своих открытиях. В Абиссинии его с почетом принял император, или, иначе, негус, но ему не было дано разрешения покинуть страну. Ему дали жену и одарили землями, и его так и продолжали удерживать там вплоть до его смерти 30 лет спустя.

Неизвестно, попал ли отчет Ковильяна 1490–1491 гг. в Португалию, так как мнения по этому вопросу расходятся. Если он достиг адресата, то тогда Жуан II имел в своем распоряжении отчет из первых рук о торговле пряностями в Индийском океане. И это помогло бы объяснить, почему семь лет спустя Васко да Гама на своем пути в Индию получил приказ направиться в Каликут, в то время наиболее важный перевалочный пункт в торговле пряностями. С другой стороны, да Гама и его люди были сильно удивлены высоким уровнем развития цивилизации в городах-государствах суахили в Мозамбике, Момбасе и Малинди, которые они посетили во время своего эпического плавания. В случае, если отчет Ковильяна все же пришел в Лиссабон, у португальцев было бы достаточно информации об этих местах. По прибытии в Каликут да Гама не смог отличить индуистские храмы от христианских церквей. Ковильян должен был это знать, поскольку часто посещал торговые порты Малабарского берега, и тогда он сообщил бы об этом. Наконец, да Гама приготовил для правителя Каликута самые дешевые подарки и наиболее неподходящие товары для торговли – ткани, медную посуду, бусы и т. и. – для обмена на перец и другие специи; а ведь Ковильян определенно сообщал, что это можно было приобрести только за золотые и серебряные монеты⁹.

Получил ли король Португалии отчет Ковильяна или нет, но можно с уверенностью утверждать, что только в 1480-х гг. португальцы впервые всерьез заинтересовались возможностью торговли азиатскими пряностями непосредственно в местах их произрастания или поблизости от них.

До тех пор их относительно скромные потребности в азиатских пряностях удовлетворялись теми специями, что они получали (подобно другим европейцам) от венецианцев, которые приобретали их у мусульманских купцов из империи мамлюков¹⁰ в Египте и Сирии. Мы не обладаем достаточной информацией о ценах на эти пряности во второй половине XV в. и поэтому не знаем, когда и почему у Жуана II зародился план покончить с монополией венецианцев и мамлюков на торговлю пряностями. Но факт остается фактом, он это сделал. Явные

с гербом, с именами короля, мореплавателя и датой открытия (найден в конце XIX в.). На обратном пути Кан поднялся на 160 км вверх по р. Конго, преодолев грозный водоворот, где гигантский поток, сдавленный до 800 м, мчится со скоростью 18,5 км/ч, и пороги Еллала.

⁹ Помимо отчета, отправленного Ковильяном в Португалию, важным свидетельством является отчет посольства португальцев в Эфиопию в 1520 г. Священник посольства Франсишку Алвариш записал рассказ Ковильяна о его странствиях и включил в свой отчет «правдивое сообщение о землях священника Жуана Индийского» (1540).

¹⁰ Правивших в Египте с 1250 г., с 1517 г. под турецким господством; в 1808 г. при Мухаммеде Али у мамлюков отняли земли, в 1811 г. истребили.

доказательства этого – инструкции, данные Перу да Ковильяну в 1487 г. и Васко да Гаме в 1497 г. Выглядит правдоподобным следующее предположение. Если король был уверен в том, что можно было найти дорогу в Индию, то он, вероятно, также считал возможным и желательным добиться того, чтобы торговцы везли азиатские пряности не по суше, а морем, по Атлантическому океану (хотя бы отчасти), как это произошло в случае с гвинейским золотом. Тогда место верблюжьих караванов, шедших через Сахару, заняли каравеллы, швартующиеся у крепости Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина).

Как бы то ни было, из речи, произнесенной португальским посланником Вашку Фернандешем де Лусеной в декабре 1485 г. и обращенной к папе римскому, явно следует, что Жуан II уже тогда, до плавания Бартоломеу Диаша и путешествия Перу да Ковильяна, был убежден – открытие морского пути в Индию дело ближайшего будущего. В этой речи посланник сообщил папе от имени своего господина, что португальские корабли, как ожидается, вскоре выйдут в Индийский океан и встретят «пресвитера Иоанна», и других христианских королей, и иные народы, которые, вне всякого сомнения, существуют в тех краях, о которых ничего не известно. Не были упомянуты пряности, но это было объяснимо. Если Жуан II уже замыслил разрушить монополию венецианцев и мамлюков, было бы верхом глупости говорить во всеуслышание об этом во время папской аудиенции в Риме.

Давнишний интерес короля Жуана II к «пресвитеру Иоанну» и недавно проявившийся к азиатским пряностям перешел по наследству к сменившему его на троне Мануэлу I. Когда Васко да Гама в июле 1497 г. отправился в свое знаменательное плавание, ему были вручены верительные грамоты к «пресвитеру Иоанну» и радже Каликута вместе с образцами пряностей, золота и жемчуга. Ему было приказано показывать эти товары жителям всех еще не открытых земель, в которых он мог оказаться, проплывая вдоль побережья Африки, в надежде, что население этих мест может узнать эти ценности и сообщить жестами или через переводчика, где их можно найти.

Васко да Гама отправился в плавание только девять лет спустя после возвращения в Лиссабон Бартоломеу Диаша, который впервые обошел вокруг мыса Доброй Надежды. За это время Колумб успел вернуться в марте 1493 г. из своего эпохального путешествия, заявив об открытии нескольких островов на границе Восточной Азии, а в 1495 г. умер король Жуан. Эти два события не стали, сами по себе, причиной длительной задержки в отправке новых экспедиций после завершения замечательного плавания Бартоломеу Диаша. Особенно если мы вспомним, что в 1485 г. король публично информировал папу римского о том, что его корабли стоят на пороге открытия морского пути в Индию. Историки высказывали различные предположения, почему произошла подобная задержка. Объясняли ее событиями в Марокко, смертью сына и наследника короля Жуана Ив в июле 1491 г. и последующей болезнью короля. Многие королевские советники открыто выступали против дальнейшей разработки планов открытия Индии, приводя в качестве аргумента тот факт, что экономические и демографические ресурсы Португалии были слишком ограничены, чтобы такая небольшая страна могла осваивать обширные новые земли на таком большом отдалении. Они настаивали, что было бы лучше развивать существующую и высокодоходную торговлю золотом и рабами в Западной Африке, а в остальном все оставить как есть.

Все или любая из этих причин могли повлиять на поведение Жуана II; но он был не из тех людей, которые могут позволить, чтобы их надолго отвлекли от того дела, которому они посвятили свою жизнь. Напрашивается наиболее вероятное предположение, что в эти годы португальцы, скрытно ото всех, отправлялись в плаванья в Южную Атлантику, чтобы освоиться там с местными особенностями навигации и найти более удобный путь вокруг мыса Доброй Надежды, чем тот, каким прошел Диаш. Продвижению его корабля, шедшего вдоль юго-западного побережья Африки, сильно мешали противные ветра – юго-восточные пассаты. Это может объяснить, почему Васко да Гама проложил свой собственный маршрут; именно этим

путем впоследствии следовали португальцы Ост-Индии. В пути корабли пересекали экватор у Зеленого Мыса, затем следовали в юго-восточном направлении и, миновав область переменных ветров в районе тропика Козерога, шли уже под полными парусами, поймав постоянный западный ветер. Этот маршрут полностью отличался от маршрута Диаша в открытом океане в 1487 г. и мог появиться (как можно предположить) только в результате опыта, приобретенного в плаваниях, о которых не осталось свидетельств.

Нет смысла пересказывать повествование об известном морском путешествии Васко да Гамы в 1497–1499 гг. Следует лишь подчеркнуть, что несмотря на то, что мы не знаем, что подвигло первых португальцев отправиться в море на открытие новых земель, но к тому времени, когда умер принц Энрике (1460), их вело страстное желание найти «пресвитера Иоанна» и золото Гвинеи. К тому же во время правления Жуана II ими овладела новая страсть – погоня за азиатскими пряностями. Когда да Гама прибыл в Каликут, к одному матросу из экипажа его судна обратились два знавших испанский язык тунисца. Они спросили его: «Какой дьявол занес вас сюда?» На что тот ответил: «Мы приплыли, чтобы отыскать христиан и пряности». Также знаменателен факт, что вскоре после того, как возвращавшиеся корабли да Гамы вошли в устье Тежу в июле 1499 г., король Мануэл отправил Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской послание, написанное в восторженных тонах. В нем он сообщал, что первооткрыватели достигли своей цели и нашли большое количество гвоздики, корицы и других пряностей, помимо «рубинов и всех видов драгоценных камней». Король также утверждал, явно преувеличивая, «что они открыли земли, в которых множество золотых копей». Он заявил о своем намерении продолжить плавания ради новых открытий и силой, при поддержке встреченных в Индии «христиан», захватить у мусульман торговлю пряностями в Индийском океане. Таким образом, монополию венецианцев и мусульман на левантийскую торговлю азиатскими пряностями и предметами роскоши сменит португальская монополия, которая будет основываться на поставках товаров по морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды. Несколько недель спустя король писал в Рим кардиналу-протектору Португалии и просил получить у папы римского подтверждения обнародованных ранее булл и посланий, которые утверждали за португальским королем «сюзеренитет и господство» над вновь открытыми землями. В этом письме, датированном 28 августа 1499 г., король Мануэл титуловал себя *inter alia* «Владыка Гвинеи и начальствующий над навигацией и торговлей Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Послания короля Мануэла испанским властителям и папе римскому, а также его поспешные утверждения о господстве в Индийском океане в то время, когда на его просторах не было ни одного португальского корабля, указывают ясно на две вещи. Во-первых, он был решительно настроен установить контроль Португалии над азиатской торговлей пряностями силой оружия; и во-вторых, король рассчитывал на помощь дружественных (пусть и не строгих римокатоликов) индийских христиан. Во втором случае он ошибался, хотя незадолго до смерти короля Мануэла с призрачным «пресвитером Иоанном» наконец была установлена связь. Все-таки соблазн получить большие прибыли от намечаемой португальской монополии на торговлю пряностями и уверенность в том, что союзники-христиане могут быть обнаружены в землях, лежавших по берегам Индийского океана, помогли развеять сомнения некоторых советников короля Мануэла, и небольшое королевство Португалия начало удивительное военное предприятие в муссонной Азии.

Глава 2

Судоходство и пряности в морях Азии (1500–1600)

Известный индийский историк и общественный деятель К.М. Паниккар (1895–1963) в своей популярной книге «Азия и господство Запада» (1949) заметил, что первое плавание португальцев в Индию ознаменовало начало, как он назвал это, эпохи Васко да Гамы в истории Азии, продолжавшейся с 1498 по 1945 г. Этот период можно назвать временем морского господства европейских государств, державших под своим контролем все моря до тех пор, пока в конце XIX в. не появились флоты США и Японии. В истории этих 400 лет нет ничего более поразительного, чем способность Португалии завоевать и удерживать на протяжении всего XVI в. свое господствующее положение в морской торговле в Индийском океане и значительную часть таковой к востоку от Малаккского пролива.

Надо признаться, португальцы достигли Индии в самое нужное для них время, что можно заключить из краткого, насколько возможно, обзора исторической картины событий в Азии на границе XV и XVI вв. Это лучше всего можно сделать при знакомстве с интересующими нас странами с запада на восток, приблизительно в том порядке, в каком с ними знакомились португальцы. Побережье Восточной Африки здесь рассматривается в контексте Азии, поскольку тогда и длительное время спустя побережье, населенное племенами народности суахили от Сомали до Софалы, имело тесные связи с Аравией и Индией в политике, культуре и экономике. Португальцы использовали наименование «Государство Индия» (*Estado da India*) при описании своих завоеваний и открытий на море между мысом Доброй Надежды и Персидским заливом на одной стороне Азии и Японией и Тимором – на другой. «Индией» португальцы называли, как правило, весь Индийский субконтинент, и лишь иногда под ней понимали узкую полосу земли, расположенную между Западными Гатами и побережьем океана.

Наиболее важными в цепочке государств суахили на восточноафриканском побережье в 1500 г. были Килва, Момбаса, Малинди, остров Пате и др. Их культура достигла высокого уровня развития, и они имели процветающую торговлю, хотя степень исламизации была различной – от показного благочестия до страстной преданности. Их культура была преимущественно арабской, хотя многие были выходцами из Персии (Ширази). Суахильское общество было сильно африканизировано, поскольку его мужчины на протяжении ряда поколений брали наложниц и заключали браки с женщинами народности банту из внутренних областей. В поселения суахили золото, слоновую кость и рабов доставляли именно банту, или «неверные», как их называли. Все это обменивалось на бусы, текстиль и другие товары, которые привозили арабы из областей Персидского залива и Красного моря и торговцы из Гуджарата в Индии.

Мы не будем останавливаться на описании коптского царства в Эфиопии, а перейдем сразу к империи мамлюков, в которую входили Египет, Сирия и Хиджаз, на тот момент казавшая внешне процветающей. Своим достатком она была обязана пошлинам, которыми мамлюкские правители облагали торговлю пряностями, что перевозили сухопутными торговыми путями в Европу из районов Персидского залива через Алеппо и Александретту (Искендерун) и Красного моря через Суэц, Каир и Александрию. Большая часть Аравии представляла собой безжизненную пустыню, по которой кочевали бедуины. Она находилась в окружении государств и племен, начиная от южных границ в Хиджазе до берегов Персидского залива, некоторые из них оказывали внешнюю покорность правителю Ормуза. Этот владыка небольшого острова у входа в Персидский залив, на котором располагалась его столица, претендовал на земли района Персидского залива и его арабское побережье, но в действительности его власть была ограниченной и распространялась только на этот пустынный островок и соседний остров Кешм. Город Ормуз был одним из богатейших центров транзитной торговли, хотя на острове не производилось ничего, кроме соли и серы. Через этот остров шла почти вся тор-

говля между Персией (Ираном) и Индией, не говоря уже о том, что здесь торговали индонезийскими пряностями и арабскими скакунами. Монеты, золотой ашрафи и серебряный ларин, имели хождение во всех портах Индии, Персии (Иране) и Аравии и распространились далеко на восток вплоть до Малакки. В самом Иране основатель династии Сефевидов шах Исмаил I расширил территорию государства на всех направлениях, и его столкновение с турками-османами на восточных границах было неизбежным. Противостояние, приведшее в 1514 г. к столкновению, обострялось тем фактом, что Исмаил был страстным приверженцем шиизма, а турки – фанатичными последователями суннизма.

Индия была расколота на индусов и мусульман. Так называемые Великие Моголы (в действительности турки Средней Азии) еще не перевалили через Гиндукуш, чтобы вторгнуться на равнины Хиндустана. Но значительная часть Северной Индии была завоевана их предшественниками мусульманами, чьи потомки владели могущественными княжествами (султанатами) в Гуджарате, Дели¹¹ и Бенгалии. Несмотря на то что в Северной Индии, за исключением могущественной Раджпутской конфедерации, правили мусульмане, там проживало многочисленное индуистское население, которое пассивно сопротивлялось всем попыткам завоевателей навязать свою веру. То же самое утверждение, до некоторой степени, относится и к Декану, где пять мусульманских султанатов воевали друг с другом и с их южным соседом – индуистским государством Виджаянагар. Эта империя, известная испанцам как Бизнага, была самым большим и могущественным индийским государством, когда сюда прибыл Васко да Гама. Но Виджаянагар не имел прямого выхода к морю на западном побережье, в то время как Биджапурский султанат владел процветающим портом в Гоа. Малабарский берег, расположенный южнее, отделяют от внутренних областей полуострова Западные Гаты. Здесь правили многочисленные раджи, имевшие крошечные владения, из которых морской раджа Каликута был самым влиятельным. В то время как Южную Индию населяли индуисты, а центр и север были мусульманскими, во всех индийских государствах существовали также общины арабских и других мусульманских торговцев, которые пользовались глубоким уважением и были людьми влиятельными. К сказанному можно добавить, что на севере острова Цейлон (Шри-Ланка) Индокитая, населенного в основном сингалами-буддистами, существовало индуистское тамильское государство Джафна. Мусульмане никогда не вторгались на Цейлон, но в Коломбо и некоторых местах побережья обосновались мусульманские купцы – индийцы и арабы.

Там, где в наше время располагаются Бирма (Мьянма), Таиланд, другие государства Индокитая, существовало в прошлом много враждовавших друг с другом государств, чьи исторические судьбы менялись словно в калейдоскопе, поэтому в книге невозможно описать их даже в общих чертах. Разновидность буддизма хинаяна господствовала в Пегу (Нижняя Бирма), Таиланде и Камбодже, но к ней примешивались различные индуистские практики, особенно в Камбодже, где влияние браминов было все еще значительным. Империя кхмеров в Индокитае ушла в прошлое, и Анкор-Ват превратился в руины в джунглях. Чампа (Тьямпа) постепенно отступала под напором аннамцев (вьетнамцев) к восточному побережью¹². На них всех в большей степени влияла китайская, чем индийская культура, но они были готовы признать только символически господство тех, кто занимал «Трон дракона» в Пекине.

Продвигаясь на юг, по полуострову Малакка к Индонезийскому архипелагу, мы встретим княжества Патани, Синьора и Лигор, находившиеся под политическим влиянием Сиам (Таиланда), но также имевшие торговые и культурные контакты с Китаем. Здесь же на полуострове располагался богатейший Малаккский султанат и большой рынок пряностей с Молуккских островов; корабли приходили из дальних мест – с островов Рюкю и из Аравии. Правители

¹¹ Делийский султанат, существовавший в 1206–1526 гг., сумел в XVIII в. отбить нашествия монголов.

¹² Чампа (Тьямпа), индуистское государство, существовавшее со II в., погибло в результате особенно мощного удара вьетнамцев в 1471 г.

султаната приняли ислам в XIV в., но торговцев-индуистов тамиллов с Коромандельского берега встречали так же дружелюбно, как и мусульман из Гуджарата, Явы и Суматры. Европейцы, которые посетили Малакку в период наивысшего расцвета совсем незадолго до захвата ее португальцами, оставили о ней лирические воспоминания. Эти чувства отразил Томе Пириш¹⁴ в своем труде «Сумма [сведений о] Востоке» (*Suma Oriental*) в 1515 г. «Нет ни одного торгового порта столь большого, как Малакка, где велась бы столь богатая торговля; здесь продаются товары со всего Запада. Когда прекращаются муссоны, здесь вы можете найти все, что пожелаете, и даже больше того». Ормуз на одной стороне Индийского океана и Малакка на другой представляли собой два больших центра транзитной торговли, где накапливались и откуда потом расходились предметы роскоши, включая индонезийские специи, которые поступали в Европу через страны Ближнего Востока.

Суматра, второй по площади остров Индонезийского архипелага, был поделен на многочисленные крошечные государства, большинство из которых были к тому времени исламизированы. Ачех на северо-западной оконечности острова стал наиболее значительным султанатом во второй половине XVI в. Перец, росный ладан (бензойная смола) и золото были самыми ценными предметами торговли, которые экспортировали в Малакку, Индию и Китай; в портах Суматры можно было приобрести продукты питания и древесину. Индуистская империя Маджапахит (как и другие подобные государства региона, возникшая благодаря переселенцам из Индии) на острове Ява, которая одно время (1330–1400) контролировала большую часть Индонезийского архипелага, теперь представляла собой постепенно угасавшее государство в Центральной и Восточной Яве. Его место готовилась занять мусульманская империя Матарам; ислам стремительно распространялся по острову, особенно в прибрежных султанатах. Малые Зондские острова не представляли интереса для внешнего мира, за исключением острова Тимор, древесина произрастающего здесь сандалового дерева высоко ценилась в Китае. Мусульманские султанаты Тернате и Тидоре, «откуда купцы привозили пряные снадобья», соперничали за власть над Молуккскими островами, которые давали гвоздику, и прилегающими островами от Целебеса (Сулавеси) до Новой Гвинеи; причем султанат Тернате был более могущественным, чем его противник. Остров Борнео (Калимантан) был известен небольшим цивилизованным султанатом Бруней на северном побережье, но большая часть острова была покрыта девственными экваториальными лесами, населенными племенами охотников за головами, до которых не дошла проповедь ислама. Мусульманские купцы, ведя торговлю в исламизированных государствах Индонезии, постепенно вышли к группе островов, в наше время известных как Филиппины, где они обратили в ислам жителей нескольких островов. Их дальнейшее продвижение на север было вскоре (1565) остановлено испанцами, уже имевшими свои поселения на островах Себу и Лусон.

Этот общий обзор политической картины Азии начала XVI в. может быть завершен краткой заметкой о Китае и Японии. Династия Мин отказалась от прежней политики экспансии в дальних морях, и китайский флот больше не появлялся в Индийском океане, как это было раньше, когда их суда плавали к берегам Сомали и Персидскому заливу во времена Марко Поло и прославленного китайского флотоводца придворного евнуха Чжэн Хэ¹⁵. Причины отказа от этой политики рискованных морских походов не совсем ясны, но весьма вероятно, что это было следствием постоянных пиратских нападений японцев на восточное побережье Китая и вечной угрозы его северным областям со стороны кочевников монголов и чжурчжэней (с 1635 г. назывались маньчжурами). Китайские купцы и мореходы из прибрежных провинций Фуцзянь

¹⁴ Пириш Томе – потомственный аптекарь, полушпион-полудипломат, получивший «дополнительные полномочия» от А. д'Албукерки. Появился в Малакке в июне или в июле 1512 г.

¹⁵ Он был мусульманином монгольского происхождения, занимавшим пост тайцзяня – высшего дворцового евнуха. Номинально Ма Хэ (за заслуги получил имя Чжэн Хэ) руководил семью экспедициями (1405–1407, 1407–1409, 1409–1411, 1413–1415, 1417–1419, 1421–1422 и 1431–1433), но не участвовал во второй.

и Гуандун, с молчаливого согласия или без него местных чиновников, продолжали торговать с отдельными филиппинскими и индонезийскими островами и, при случае, с Малаккой. Но масштабы торговли были незначительными, и императорское правительство либо игнорировало, либо порицало деятельность купцов. Корея прозябала в своем уединении, оправдывая данное ей прозвище «Королевство-отшельник», и ее правители признавали сюзеренитет Китая. Японию терзали внутренние войны; власть номинального императора и сёгуна не ставилась ни во что, а представители непокорной феодальной знати сражались между собой за землю и власть.

К счастью для португальцев, в то время, когда они появились в азиатских водах, у мощных государств Египта, Персии (Ирана) и Виджаянагара не было военного флота в Индийском океане. Даже богатые центры торговли Ормуз и Малакка, чье процветание зависело исключительно от морской торговли, не имели кораблей, рассчитанных на плавание в океане. Малайские суда, в основном типа лан-чара, были небольшими, они несли один прямой парус и ими управляли двумя веслами, крепившимися на корме. Было только несколько больших купеческих джонок, построенных в Пегу и на Яве. Но яванцы, отличные корабельщики и моряки, которые в свое время ходили на Мадагаскар (и отчасти его колонизировали), теперь ограничили свою морскую торговлю Индонезийским архипелагом и его ближайшими окрестными островами. Арабы и выходцы из Гуджарата и другие мореплаватели, которых контролировали мусульмане и которые господствовали на торговых путях в Индийском океане, располагали большими океаническими судами и малыми каботажными. Но даже на самых больших судах не было артиллерии, а их корпуса не имели железных деталей. Тем самым они были значительно менее прочными, чем португальские каракки и галеоны, с которыми им предстояло встретиться.

Привычка португальцев называть всех мусульман, которых они встречали от Марокко до Минданао, «маврами» затемняет тот факт, что, когда они вышли в Индийский океан, арабы уже больше не господствовали в морской торговле муссонной Азии от Ормуза до Кантона, как это было раньше. Арабские корабли все еще можно было часто встретить в западной части Индийского океана, но в его восточной части их место почти полностью заняли индийские торговцы-мусульмане и моряки из Гуджарата, с Малабарского берега, из Бенгалии и с Коромандельского берега. Купцы-тамилы из Калинги и с Коромандельского берега все еще держали в своих руках значительную часть торговли индийским текстилем с Малаккой, куда они приходили на своих кораблях. Но повсюду индусские купцы вели торговлю только на побережье, отправляя свои товары на мусульманских судах. Это было следствием ряда общественных и религиозных кастовых запретов, которых, несомненно, не было в более ранние века, когда властители Чолы в Южной Индии предпринимали с внушительными силами морские походы против суматранской империи Шривиджайя. Но к 1500 г. среди индуистов высшей касты установилось воззрение, что переход через океан сам по себе уже есть акт отступничества и, чтобы загладить вину, необходимо совершить дорогие очистительные обряды. Кроме того, когда они поднимались на борт мусульманского (или европейского) судна, это тоже вменялось им в вину, как непозволительное общение с людьми ритуально нечистыми. Невзирая на эти предрассудки, многие индусы, жившие в прибрежных районах Индии от Гуджарата до Бенгалии, к XIV в. обратились в ислам.

Господство в морской торговле в Индийском океане сначала арабов и позднее, в значительной степени мусульман индийского происхождения, в основном из Гуджарата, в обоих случаях было достигнуто мирными средствами. Те, что были заняты в морской торговле, отправляясь в плавание, оставляли свои семьи на берегу. В первую очередь так поступали мусульмане, которые, следуя строгим правилам, обрекали женщину на затворничество. Арабы, выходцы из Гуджарата, другие купцы и моряки, торговавшие на Цейлоне, в Малакке и Индонезии, неизбежно брали женщин, на время или постоянно, в тех портах, где они останавливались, ожидая попутного ветра, чтобы вернуться домой. Их дети воспитывались уже как мусульмане; когда они вырастали, то теперь уже сами помогали распространить свою веру среди соотечественни-

ков. Подобные мусульманские торговые колонии росли и процветали; самые богатые и влиятельные их представители, раньше или позже, но обязательно получали право строить мечети в портах, где они жили. Затем они приглашали муллу, духовного наставника; и уже теперь муллы в свою очередь помогали привлечь новых приверженцев ислама. Так последователи пророка распространяли свою веру и устанавливали торговые связи на обширном пространстве от поселений суахили на восточном побережье Африки до Островов пряностей и Индонезии, не прибегая к насильственным методам убеждения, что было характерно для первоначального этапа экспансии ислама от Аравийской пустыни и до Пиренеев и Гималаев. В частности, на западном берегу Индии они тесно взаимодействовали с индусскими купцами и раджами; ни та ни другая сторона не пыталась обратить друг друга в свою веру. Все это укрепило мусульманскую торговую монополию в Индийском океане. Португальцы сразу же поняли, что они могут покончить с ней только при помощи грубой силы, а не на пути мирного соперничества.

Они проделали это самым безжалостным образом и на удивление быстро. Для достижения своей цели им было необходимо иметь несколько укрепленных гаваней, которые должны были послужить им в качестве военно-морских баз и торговых складов. Эти ключевые объекты были готовы уже при вице-короле Афонсу д'Албукерки (1453–1515) в 1510–1515 гг. Гоа на Малабарском берегу Индостана был отвоеван португальцами у султана Биджапура в день св. Екатерины (10 ноября) 1510 г., и «Золотой Гоа» скоро отеснил Каликут и стал основным торговым портом между Камбеем и мысом Коморин. Гавань особенно хорошо подходила в качестве транзитного порта в прибыльной торговле лошадьми, которую вели арабы и персы с индуистской империей Виджаянагар. Албукерки сделал Гоа резиденцией португальского вице-короля и получил поддержку местных жителей, индусов. Контроль над Персидским заливом был установлен после повторного завоевания Ормуза в 1515 г. (Албукерки первый раз захватил Ормуз в 1510 г., построив там форт, но вскоре португальцы были оттуда изгнаны); его правитель превратился в некотором роде в вассала Португалии. Четырьмя годами ранее Албукерки овладел Малаккой, которая стала для португальцев крупным перевалочным пунктом индонезийских пряностей, а также военно-морской базой, контролировавшей узкий проход из Индийского океана в Яванское и Южно-Китайское моря. Альтернативным путем через Зондский пролив пользовались редко.

Достижения Албукерки стали возможны благодаря его предшественнику Франсишку де Алмейда, который разгромил объединенный флот мамлюкского Египта и Гуджарата у острова Дну (февраль 1509 г.). Тем самым Алмейда отомстил за поражение своего сына Лоуренсу в морском сражении при Чауле, произошедшем в 1508 г.¹⁶, и его смерть от рук тех же самых противников. Таким образом, были уничтожены основные морские силы мусульман, которые могли бы почти на равных противостоять португальцам. Превосходство португальцев на море у восточноафриканского побережья уже было обеспечено строительством фортов в Софале (1505) и Мозамбике (1507) и союзом с султаном Малинди. Единственной большой неудачей в этой истории замечательных успехов был провал их попыток перекрыть пути доставки пряностей через Красное море, возведя на входе в него такую же крепость, что и Ормуз в Персидском заливе. Как оказалось, остров Соко트라, который португальцы заняли для этой цели, был слишком удален и слишком беден, чтобы сыграть роль военно-морской базы, и он был оставлен в 1510 г. Албукерки едва не потерпел поражение в повторной попытке штурма Адена (март 1513 г.); и, хотя португальцы на краткое время зашли в Красное море и заходили впоследствии, им так и не удалось там закрепиться. Это море оставалось фактически «мусульманским озером» после того, как турки первый раз заняли Адена в 1538 г. Исходившая от португальских кораблей, курсировавших у Баб-эль-Мандебского пролива, явная угроза помогла прервать на

¹⁶ Где египтяне, снарядившие с помощью венецианцев большой флот в Красном море, разгромили маленькую португальскую эскадру.

два-три десятилетия морские пути торговли пряностями, но затем она восстановилась, как мы увидим ниже.

Воздая должное Албукерки за его завоевания Гоа, Малакки и Ормуза, когда для этого сложились благоприятные обстоятельства, будет ошибкой считать его инициатором и автором большого стратегического плана, который затем методично выполнялся. Намерение перекрыть вход в Красное море обсуждалось еще раньше в Лиссабоне, а захватить Гоа Албукерки предложил индусский корсар Тимоджа. Заслуга Албукерки в том, что он принял это предложение и настаивал на необходимости удержания Гоа, когда правительство в Лиссабоне выразило свои сомнения в этом вопросе. Король Мануэл в своих наставлениях начальникам флотов, вышедших в плавание из Лиссабона в 1509 и 1510 гг., также признавал важность овладения Малаккой, хотя завоевать ее выпало Албукерки.

Кроме трех ключевых твердынь – Гоа, Ормуза и Малакки, которые обеспечили португальцам контроль за основными морскими путями в торговле пряностями в Индийском океане, за исключением Красного моря, скоро были возведены другие укрепленные прибрежные поселения и торговые посты (*feitorias*) от Софалы на юго-востоке Африки до Тернате на Молуккских островах. В дополнение к ним португальцам было позволено основать ряд неукрепленных поселений и факторий в некоторых районах, где азиатскими правителями им было предоставлено право ограниченной экстерриториальности. Это была всеобщая и давняя практика, которую можно видеть на примере индийских и яванских купеческих общин в Малакке, мусульманских торговцев на Малабарском берегу и персидских и арабских – в Южном Китае. Португальские поселения подобного типа были Сан-Томе-де-Мелиапор на Коромандельском берегу, Хугли в Бенгалии и Макао в Китае. Уничтожив силой оружия естественно сложившуюся в Индийском океане монополию мусульман на торговые пути, по которым шли пряности, и захватив три их главных торговых центра, португальцы затем постарались навязать свою монополию на эти торговые пути; эта политика нашла отражение и в напыщенном титуле короля Мануэла, который португальская корона хранила столетия: «Владыка всех завоеванных земель, морских путей и торговли Эфиопии, Индии, Аравии и Персии». Торговля в определенных портах и определенными товарами (пряностями в первую очередь) отныне была привилегией португальской короны, и такая торговля велась во благо ее. Навигация в Азиатском регионе продолжалась, как и прежде, только теперь португальцы выдавали разрешение (*cartaz*; напоминало британское морское охранное свидетельство, или навицерт 1939–1945 гг.) конкретным судовладельцам и купцам на осуществление платежей, при этом за пряности и другие определенные товары должна была взиматься таможенная пошлина в Гоа, Ормузе и Малакке. Если португальские суда в Индийском океане встречали корабли, не имевшие разрешения, их захватывали и топили, особенно если они принадлежали мусульманским торговцам.

Португальская монополия на морскую торговлю в Индийском океане, конечно, не была столь эффективной, как требовалось, но, владея Мозамбиком, Ормузом, Диу, Гоа и Малаккой, португальцы получали возможность регулировать в значительной мере основные потоки морской торговли в этом регионе на протяжении почти всего XVI в. К востоку от Малакки португальцы без труда могли вести торговлю через те порты, которые им для этого подходили, и действительно применяли свою систему *cartaz* к самым различным судам, бороздившим моря между Явой и Японией. Разгром вражеского флота в сражении у Диу в 1509 г. имел свое зеркальное отражение в морском сражении у берегов Малакки в январе 1513 г., только теперь победа была одержана над яванским флотом, состоявшим из больших джонок. Португальским каракам не мог бросить вызов ни один индонезийский военный корабль, и они беспрепятственно перевозили гвоздику из Амбона, Тернате и Тидоре и мускатный орех с островов Банда. Португальское судоходство в этом регионе вплетало свою нить в обширную сеть морских торговых путей между портами Малакки и Индонезии. Когда португальцы попытались, выйдя в Южно-Китайское море, опять прибегнуть к военной силе, как они это делали в Индийском океане,

береговой флот китайцев дважды нанес им поражение в 1521 и 1522 гг. Когда впоследствии они все же получили доступ к желанной китайской торговле, этого удалось добиться, как они ни пытались навязать свои условия, только на условиях китайской стороны.

И тем не менее достижения португальцев в деле созидания морской империи в муссонной Азии были не менее значительными, чем у испанцев в построении сухопутной империи в Америке, возможно, даже более впечатляющими. Достаточно сказать, что население Португалии в XVI в., вероятно, так и не превысило одного с четвертью миллиона человек, что ощущалась постоянная нехватка моряков, а Гоа был единственным оборудованным португальским портом в Азии. В то же время у португальцев были свои обязательства в Марокко и Западной Африке. И это не говоря уже о начавшейся с 1539 г. колонизации португальцами бразильского побережья. Кроме того, большинство стран – соперниц Португалии в Азии не столь сильно отставали от нее в технологическом отношении, в сравнении с той пропастью, что разделяла индейцев Нового Света и испанцев. Диогу де Коту (1543–1616) и другие современные ему португальские хронисты с гордостью отмечали, что их соотечественникам в Азии приходилось противостоять хорошо вооруженному противнику, который столь же искусно владел огнестрельным оружием и пушками, как и сами португальцы, в то время как кастильские конкистадоры в Мексике и Перу сражались с довольно примитивными воинами. Здесь уместно перечислить основные факторы, которые способствовали невиданному подъему Восточной империи Португалии, которая просуществовала сравнительно длительное время, несмотря на скудные демографические и экономические ресурсы страны.

Признанное превосходство относительно хорошо вооруженных португальских кораблей над невооруженными купеческими судами мусульман в Индийском океане подкреплялось настойчивостью европейских завоевателей в достижении цели, которая в значительной мере отсутствовала у их азиатских противников. Английский историк и дипломат Джордж Бейли Сэнсом так пишет об этом в своей книге «Западный мир и Япония»: «Португальцы пришли в Азию, твердо намереваясь добиться успеха. Их дух был сильнее воли народов Азии к сопротивлению. Даже мусульмане, господствовавшие в Индийском океане и многое терявшие в случае успеха португальцев, не проявили в защите своих интересов ту несгибаемость и страстную энергию, с какими действовал их европейский соперник». Часто забывают, что первые попытки португальцев захватить Гоа, Малакку и Ормуз были неудачными и провалились. И только благодаря настойчивости Албукерки планы португальцев осуществились. Во-вторых, многие азиатские правители разделяли убеждение Бахадур-шаха, султана Гуджарата, что «войны на море дело купцов и не пристало султану этим заниматься». В-третьих, страны Азии, бывшие целью португальского предприятия, были лишены возможности эффективно противостоять Португалии, поскольку единство их в этом деле подрывало внешнее и внутреннее соперничество. Достаточно привести несколько примеров для иллюстрации этого.

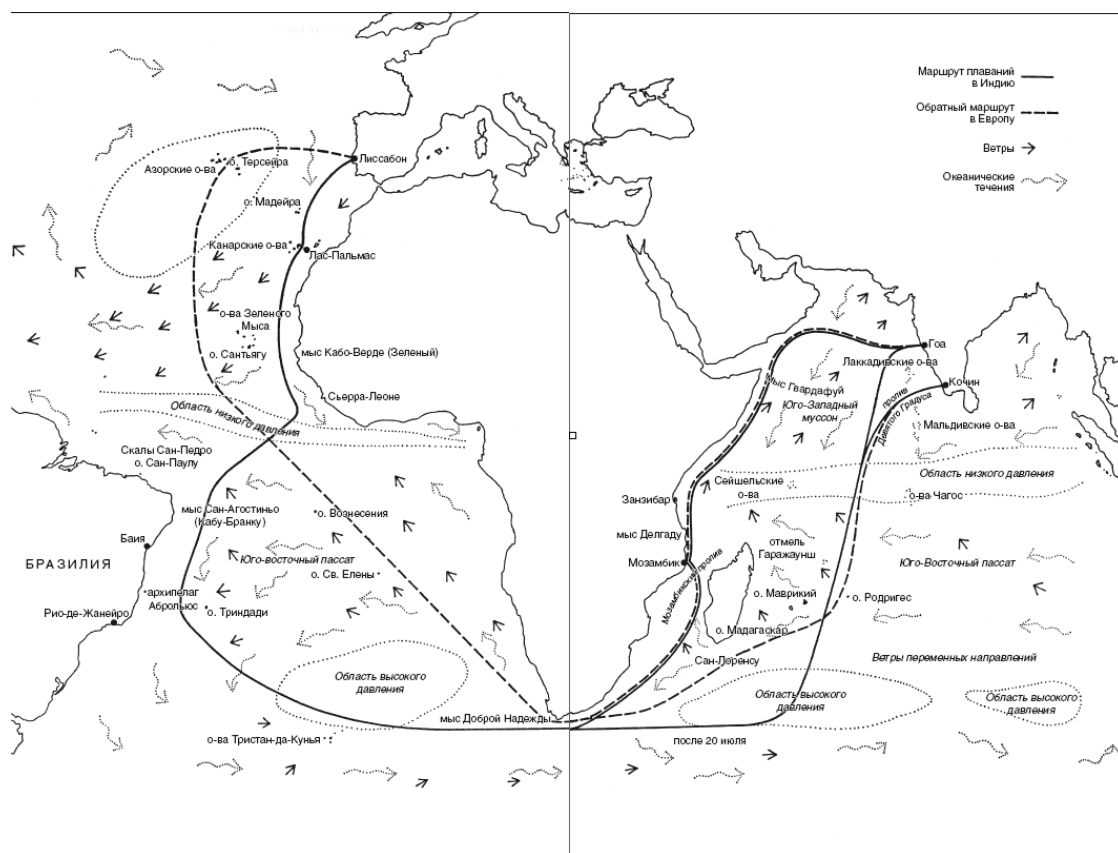
Длительное соперничество между Момбасой и Малинди в Восточной Африке помогло Португалии установить свою власть на побережье, населенном племенами суахили, ставшими союзником португальцев. Застарелая вражда между заморином Каликута и раджей Кочина помогла португальцам стать твердой ногой в Индии, поддержав раджу против правителя Каликута. Это также обеспечило Португалии устойчивые позиции в торговле малабарским перцем, подобно тому, как соперничество между султанами Тернате и Тидоре позволило ей занять ведущее положение в торговле гвоздикой на Молуккских островах. Ко времени прибытия португальцев на Цейлон «удивительно прекрасный остров» был поделен между тремя слабыми и враждебными друг другу государствами, боровшимися за главенство на острове. Это позволило португальцам довольно легко захватить власть. Ожесточенная вражда между суннитской Турцией и шиитским Ираном, частые войны между мусульманскими и индуистскими государствами Индии также препятствовали эффективному сопротивлению португальской агрессии и экспансии. Ачех и Джохор, самые опасные враги Малакки, часто конфликтовали друг с дру-

гом. Нежелание императорского правительства в Пекине иметь какие бы то ни было связи, в том числе и торговые, с «варварами из Западного океана» научились обходить чиновники и купцы прибрежных провинций. Они были заинтересованы в торговле с так называемыми «варварами», пусть и контрабандной. Конечно, португальцы не были им конкурентами, они просто пользовались представившейся возможностью. В этом отношении их дела в Азии напоминают не менее впечатляющие действия испанских конкистадоров в Америке. Падре Хосе де Акоста из Общества Иисуса указывал в 1590 г., что, если бы испанцы не воспользовались враждой между ацтеками и тлаксаланцами в Мехико или соперничеством между единокровными братьями инками Атауальпой и Уаскарром в Перу, «Кортес и Писарро едва ли смогли удержаться на побережье, хотя они были замечательными командирами».

Наиболее поразительной чертой морской империи Португалии, той, которая сложилась к середине XVI в., была ее крайняя разбросанность. На востоке она была представлена цепью фортов и факторий, простиравшихся от Софалы и Ормуза на восточной границе муссонной Азии до Молуккских островов и Макао (1557) на границе Тихого океана. В другой части мира она также простиралась на большие расстояния, имея крепости в Марокко (Сеута, Танжер, Мазаган и др.), несколько факторий и фортов, разбросанных от Кабо-Верде до Луанды (1575) на побережье Западной Африки, острова в Гвинейском заливе и боровшиеся за выживание поселения на побережье Бразилии. Лиссабон имел постоянное морское сообщение с Антверпеном, который был перевалочным центром для азиатских пряностей и других колониальных товаров. Португальцы в больших количествах ловили рыбу на отмелях у Ньюфаундленда, пока их в конце XVI в. не начали активно вытеснять конкурировавшие с ними англичане и уловы резко упали. Среди важных товаров этой широко раскинувшейся империи было золото Гвинеи (Элмина), юго-востока Африки (Мономотапа) и Суматры (Кампар); сахар Мадейры, Сан-Томе и Бразилии; перец с Малабарского берега и из Индонезии; мускатный орех с островов Банда; гвоздика из Тернате, Тидоре и Амбона; корица с Цейлона; золото, шелка и фарфор из Китая; серебро из Японии; лошади из Ирана (Персии) и Аравии; хлопчатобумажные ткани из Камбея (Гуджарат) и с Коромандельского берега. Различные виды товаров Азии или становились в портах континента предметом бартерной торговли, или доставлялись в Лиссабон вокруг мыса Доброй Надежды, где эти товары обменивались в странах Средиземноморья и Северной Европы на металлы, зерно, корабельное имущество, текстиль и другие мануфактурные товары, от которых Лиссабон, будучи нервным центром морской империи, сильно зависел. Перец был главным товаром, импортируемым с Востока, а серебряные слитки – основным экспортным товаром в «Золотом Гоа».

Для того чтобы эти каналы морской торговли от Бразилии до Японии функционировали четко и бесперебойно, требовалось большое количество судов и матросов; и тех и других явно не хватало. Во-первых, как уже говорилось, население Португалии было небольшим, хотя отдельные современные ученые с этим не согласны. По крайней мере, основываясь на результатах переписи 1527 г., которая учитывала число домашних очагов (*fogos*) или домовладений, население должно было бы составлять от 1 миллиона до 1 миллиона 400 тысяч жителей. Можно подсчитать достаточно точно, что в XVI в. приблизительно 2400 человек ежегодно уезжали из Португалии в заморские владения. Подавляющее большинство среди них составляли здоровые холостые молодые люди, которые отправлялись в «золотое» Гоа и далее на восток, и очень немногим из них было суждено вернуться. Ежегодная утечка из Португалии рабочей мужской силы была, таким образом, значительной; и она была определено большей, чем в соседней Испании, где из всего населения в 7 или 8 миллионов человек только около 60 тысяч эмигрировало в Америку к 1570 г., в среднем менее 1 тысячи человек в год. Более того, Португалия была лишена еще одного преимущества. В то время как большинство испанских эмигрантов заселили плодородные нагорья Мексики и Перу после завоевания этих районов, большинство португальцев отправились на малярийные тропические побережья Африки и Азии. Многие из

тех португальцев, что поднялись на борт корабля, чтобы отплыть в Гоа, умерли на 6, 7 или 8-м месяце пути в Индию. Что касается испанцев, которые грузились в Севилье, то их ждал относительно короткий и быстрый путь через Атлантический океан в Веракрус.

Морской путь в Индию, XVI–XVIII вв.

Афонсу д'Албукерки, основной автор плана по строительству Португальской Индии в 1510–1515 гг., утверждал, что обеспечить безопасность Восточной империи можно «четырьмя надежными крепостями и большим, хорошо вооруженным флотом с 3 тысячами родившихся в Европе португальцев». Он создал три из четырех намеченных крепостей, но мечта о сильном флоте с 3 тысячами моряков сбылась лишь на краткое время, когда в 1606 г. армада из 18 «больших кораблей» и 25 малых судов снова захватила Малакку. В XVI в. обстоятельства сложились так, что португальцам пришлось напрягать все силы, чтобы поддержать все форты и поселения между Софалой и Нагасаки, которых насчитывалось уже не четыре, а больше сорока. Эта их разбросанность на большом пространстве усугубляла проблему нехватки людей в такой степени, что вице-короли редко могли собрать больше чем тысячу белых людей для любой экспедиции, как бы ни была она важна. Из Португалии в Азию эмигрировало очень мало женщин, на борту каждого корабля находилось 800 и больше мужчин и только 10–15 женщин, а часто ни одной. Когда португальцы прибывали в Азию, они начинали сожительствовать сразу с несколькими молодыми рабынями, что вызывало возмущение миссионеров-иезуитов. Но на Востоке смертность среди мужчин-португальцев в результате военных действий, болезней и несчастных случаев была настолько высока, что представляется сомнительным, чтобы от Мозамбика до Макао можно было набрать 10 тысяч здоровых европейцев и мулатов, годных для несения морской и военной службы. Характерно для данной ситуации заявление архиепископа Гоа, сделанное в 1569 г. Он утверждал, что из 14 или 15 тысяч числившихся в списке наличного состава солдат и матросов, обязанных платить за отправление церковной службы,

едва ли насчитывается 3 тысячи человек и лишь только несколько сотен из них могут быть мобилизованы в Гоа в случае необходимости.

Действительно, несмотря на значительную эмиграцию в тропические страны работающих мужчин, несмотря на опустошения, производимые чумой, голодом и различными природными бедствиями, которые посещали Португалию в XVI в., население в целом, как казалось, сильно не сокращалось, хотя точные данные, на основании которых можно сделать достоверные выводы, отсутствуют. Но определенно можно сказать, что значительные части территории Португалии имели слишком малочисленное население и большие площади сельскохозяйственных земель не использовались из-за недостатка рабочей силы. Районы, откуда отправлялась за море основная масса эмигрантов и искателей приключений с XVI по XVIII в., – это северные провинции Минью и Дору, населенная столица Лиссабон, Азорские острова и Мадейра в Атлантике. Для провинции Минью, как мы уже говорили, привычной картиной были небольшие участки земли, на которых трудились многочисленные крестьянские семейства. Поэтому для младших сыновей были все причины эмигрировать. Подобное положение сложилось также на Азорских островах, в частности на острове Мадейра, где было развито террасное земледелие, а в густо населенных долинах были плодородные почвы. Население здесь вскоре достигло точки насыщения. Большую часть эмигрантов давал Лиссабон, который был Меккой для всех голодавших и безработных; та же самая история повторялась в столицах Англии, Франции, Голландии – в Лондоне, Париже и Амстердаме. Многие из бедняков, приехавших в столицу, не могли найти здесь работу и вынужденно или добровольно должны были отправиться в эмиграцию; для многих это была последняя возможность как-то поправить свое положение. Когда современники утверждали, что Португалия имела большое количество населения, они думали в первую очередь об этих предпочтительных в вопросе выбора работы районах. Они забывали или сознательно не обращали внимания на более крупные области, такие как Алентежу и Алгарви, которые не могли обеспечить прожиточный минимум своим жителям вплоть до второй половины XIX в.

Если рабочих рук в португальской морской империи постоянно не хватало, состояние морского флота было проблемой не меньшей. Полных данных о количестве португальских судов в этот период не имеется, но современники поэт Гарсия де Резенде и мыслитель-гуманист и историк Дамиан де Гойш одновременно утверждают, что Португалия имела не больше 300 судов, которые могли выходить в открытый океан. И такое положение было на самом пике ее могущества как морской державы приблизительно в 1536 г. Эта цифра для такой небольшой страны впечатляет. Однако подобное количество судов явно недостаточно для поддержания морской торговли империи, ведущейся по всему миру. Подходящее дерево для строительства кораблей было нелегко приобрести в самой Португалии; отсутствовали также дороги и судоходные реки, необходимые для его транспортировки из внутренних областей страны, где произрастали леса из дуба. Сосновый лес в Лейрии, посаженный недалеко от побережья по распоряжению короля еще в Средние века для снабжения верфей корабельным лесом, давал древесину не лучшего качества. Большую часть леса приходилось покупать на побережье Бискайского залива и в Северной Европе. Это касалось также корабельного имущества: рангоутного дерева, железных изделий, парусины и других материалов для парусов и такелажа.

В некоторой степени дефицит покрывался в Индии, где тиковый лес, произраставший на западном побережье, шел на верфи в Гоа. Из его прочной водостойкой древесины строились в XVI–XVII вв. отдельные большие каракки и галеоны. Корабельные плотники на королевских верфях в Лиссабоне и Порту строили очень хорошие суда, которые вызывали восхищение у европейцев. Однако эти большие корабли были тихоходны, строительство их обходилось дорого, замену им было найти трудно. Индия, Малайя и Китай обеспечивали поставки древесины в неограниченном количестве для строительства небольших каботажных судов. Это были галиоты, фрегаты и подобные им парусные и гребные суда, которые можно было легко

заменить, если они выходили из строя. Но опять давала себя знать проблема нехватки людей. В итоге на португальские суда, участвовавшие в морской торговле в Азии, начали набирать команды из местных моряков – так повелось со времен Албукерки, – офицерами же были португальцы или мулаты. Даже огромные каракки, водоизмещением от 1 до 2 тысяч тонн, которые плавали между Гоа, Макао и Нагасаки, имели команды, полностью укомплектованные из негров-рабов и азиатов, за исключением корабельных офицеров и 15–20 португальских солдат и канониров. На португальских кораблях, которые плавали между портами Индийского океана, капитан иногда был единственным на борту белым человеком. Даже лоцманами и боцманами, а зачастую и моряками, часто были мусульмане из Гуджарата. Еще в 1539 г., когда португальский полководец Жуан ди Каштру снаряжал экспедицию в Красное море, он столкнулся с тем, что никто из португальских лоцманов не был знаком с Баб-эль-Мандебским проливом и даже не имел надежных лоций этого района. Ему пришлось положиться на «арабских, гуджаратских и малабарских лоцманов», у которых были свои карты этого места.

Понятно, что португальцы господствовали в морях, находившихся в непосредственной близости от их главных баз – Гоа, Диу, Ормуза, Малакки и Мозамбика. Но, несмотря на это, владычество их на море имело доставшуюся по наследству непрочную основу, что показал оглушительный успех набега двух слабых турецких флотилий в 1551–1552 и в 1585–1586 гг. В первом случае турецкий адмирал Пири Рейс, выйдя с 23 галерами из Красного моря, сначала разграбил Маскат, а затем осаждал в течение нескольких недель португальскую крепость в Ормузе, несмотря на то что его силы, по сохранившимся сообщениям, были значительно меньшими, чем у осажденных. Во втором случае авантюрист по имени Мир Али-бей всего с одним кораблем, имевшим несколько орудий, изгнал португальцев со всего побережья суахили, за исключением Малинди, захватив 20 португальских судов и большое количество различной добычи. В противоположной части Индийского океана яванский и ачехский флоты часто устраивали блокаду Малакки. Малайцам на гребных судах иногда сопутствовал успех в сражениях с португальцами в узких реках и эстуариях, поскольку каракки и галеоны не имели места для маневра и не всегда могли поймать ветер в паруса. Даже почти на расстоянии пушечного выстрела от фортов Гоа мусульмане-мопла, корсары Малабарского берега, наносили значительный урон португальской торговле в прибрежных водах, перехватывая конвои из небольших судов, груженных рисом и продуктами питания для колониальной столицы.

Тем не менее понесенные поражения, как бы ни были они тяжелы, не могли подорвать основы португальского владычества в Индийском океане. Турецкие, египетские, малабарские и малайские пираты на весельных галерах и одномачтовых судах не могли эффективно противостоять в открытом море большим караккам и галеонам, составлявшим основу морского флота Португалии. На это были способны лишь китайские, приспособленные для военных действий джонки; суда береговой стражи действовали по приказу императорского правительства строго в водах той или иной прибрежной провинции. Можно сделать общий вывод, что Португалия действительно, в той или иной мере, господствовала в морской торговле в Индийском океане на протяжении всего XVI в. Потери, которые несла прибрежная торговля португальцев от пиратских набегов малабарских корсаров, не могли поколебать господство португальцев на море, подобно тому как деятельность французских корсаров и каперов, наносившая гораздо больший урон английской морской торговле во время Войны за испанское наследство, была не в состоянии подорвать мощь Британского флота.

Следует также помнить, что, когда мусульманские державы Индия и Индонезия в первый и последний раз договорились выступить совместно против португальцев и атаковали Гоа, Чаул, Малакку и Тернате, они потерпели сокрушительное поражение. Лишь Тернате был уступлен султану Баабу в 1575 г. из-за нераспорядительности местного португальского командующего. Оставшиеся три крепости, несмотря ни на что, удалось удержать; успешная оборона Гоа и Чаула в 1571 г. рассматривалась современниками как важная победа португальцев в Индий-

ском океане, подобная победе дона Хуана Австрийского над турками при Лепанто в том же самом году.

Планам португальцев добиться монопольного права торговать пряностями Азии препятствовали, помимо нехватки судов и дефицита рабочей силы, и другие факторы. Несмотря на то что они господствовали в морской торговле в Персидском заливе благодаря своим крепостям в Ормузе и Маскате, они не могли полностью закрыть этот путь для мусульманских торговцев. Это было следствием того, что на протяжении почти всего XVI в. они были вынуждены поддерживать добрые отношения с Персией (Ираном), дружба с этой страной была необходима португальцам в качестве противовеса турецкой угрозе. Турки-османы завоевали Сирию и Египет между 1514 и 1517 гг. и заняли большую часть Ирака в 1534–1535 гг. Они захватили Аден в 1538 г. и Басру в 1546 г. Торговля пряностями со странами Ближнего Востока, которая осуществлялась через Красное море, начала бурно развиваться с 1540 г.; этот путь португальцам так и не удалось полностью перекрыть на длительное время, хотя маршрут через Персидский залив и вокруг мыса Доброй Надежды не потерял своего значения.

Производство пряностей в Азии, в связи с ростом спроса на них в Европе, во второй половине XVI в. почти удвоилось, и цены, соответственно, возросли в два-три раза. Общий вес грузов, перевозимых на португальских кораблях, следовавших по маршруту вокруг мыса Доброй Надежды, оценивался в 40–50 тысяч квинталов ежегодно в первой трети века и в 60–70 тысяч позднее (квинталом в Португалии называется мера веса приблизительно в 130 фунтов, или 51,405 кг). Вес перца в этих грузах колебался от 10 тысяч до 45 тысяч квинталов, но на протяжении длительного времени составлял в среднем 20–30 тысяч квинталов. Вес других специй в ежегодных поставках – корицы, гвоздики, сушеной шелухи мускатного ореха и самого ореха, имбиря и др. – составлял от 5 до 10 тысяч квинталов. К концу века доля Португалии в экспорте перца в Европу упала до 10 тысяч квинталов, и большие его партии доставлялись по суше в Левант. Согласно заявлению, сделанному в 1585 г. одним информированным португальским чиновником, из Ачеха в Джидду экспортировали ежегодно пряностей (преимущественно на судах султаната Гуджарат) в объеме от 40 до 50 тысяч квинталов. Значительную часть этих грузов составлял, конечно, перец, но мы не знаем, какая его часть предназначалась для европейского рынка и как много потребляла его Османская империя. В начале XVII в., когда на Восток прибыли голландцы и англичане, положение португальцев еще больше ухудшилось. Но лишь в 1611 г. в Лиссабоне было официально объявлено, что перец все еще остается основным предметом торговли в Португальской Индии и единственным, который приносит достаточный доход португальской монархии.

Суда с грузом индийского перца отправлялись в Португалию в основном с Малабарского берега, где королевские чиновники должны были покупать его на рынках Кочина и Кранганура, ведя конкуренцию с индийскими купцами. Как уже упоминалось выше, большое количество перца производилось также на Суматре и Западной Яве, но большая его часть шла на китайский рынок. Этот индонезийский перец был дешевле малабарского, но такого же хорошего (или даже лучшего) качества; однако из-за конкуренции со стороны ачехских и китайских купцов португальцы так и не смогли сбить цену на перец на Малабарском берегу. Во второй половине XVI в. малабарские торговцы перцем соглашались брать плату за него только золотом, однако португальцы никогда не могли присылать из Лиссабона столько звонкой монеты, сколько было у венецианцев, покупавших на золото пряности в странах Ближнего Востока. К сожалению, документация индийско-португальских монетных дворов в Гоа и Кочине не сохранилась, и свидетельства, какое количество золотых монет поставлялось ежегодно из Лиссабона в Индию, далеко не полны. Но при сопоставлении различных фактов становится ясным, что большая часть золота, необходимого португальцам для своих закупок в Малабаре, поступала начиная с 1547 г. из Юго-Восточной Африки, Суматры и Китая. Именно в этот год (или на следующий) на монетном дворе в Гоа была начата чеканка золотой монеты под названием «Сан-Томе» («Св.

Фома»), которая имела хождение в течение длительного времени наряду с популярным венецианским дукатом, ашрафи Ормуза, турецкими цехинами, пагодами Виджаянагара, мохурами Великих Моголов и другими золотыми монетами, ходившими по всему Востоку.

Первоначально перец в Лиссабоне был в свободной продаже для всех, но после 1503 г. все импортные товары начали продаваться через посредничество Дома Индии (*Casa da India*). В 1530 г. вышел королевский указ, что отныне Дом должен продавать пряности оптом (начиная от веса в один квинтал и больше), за исключением небольших их количеств, приобретаемых для пополнения аптекарских запасов. Как португальские, так и иностранные купцы закупали перец в Лиссабоне; одним из первых крупных предпринимателей в торговле пряностями был флорентийский купец и банкир Бартоломе Маркионе, заключавший большие контракты на поставку товаров из Гвинеи еще во время правления короля Жуана II. На протяжении почти всего XVI в. Антверпен был основным перевалочным и складским пунктом лиссабонского перца, откуда он поставлялся в различные страны Северо-Западной Европы. Немецкие и итальянские купцы и банкиры Фуггеры, Аффаитади (в Португалии они стали известны под именем Лафета), Джиральди соперничали друг с другом или же объединяли свои усилия, чтобы покупать перец и другие пряности у португальцев на основе долгосрочных и краткосрочных контрактов. Вплоть до 1549 г. португальцы имели свое собственное представительство в Антверпене, но оно прекратило свою деятельность в этом же году из-за невозможности конкурировать с более опытными фламандскими, немецкими и итальянскими торговцами. В последней четверти XVI в. иностранным купцам, заключавшим контракты на поставку перца, было позволено иметь свои представительства в Гоа и Кочине, чтобы можно было на месте наблюдать за покупкой и отправкой пряностей. Однако вследствие частых кораблекрушений и других непредвиденных случаев подрядчикам очень редко удавалось доставить товар в Лиссабон.

Кроме перца во второй половине XVI в. вырос португальский импорт мускатного ореха, корицы и имбиря, поскольку цена на них в этот период выросла почти в три раза. Португальская монархия не получала большого дохода от гвоздики и мускатного ореха, поскольку большие средства уходили на ежегодное снаряжение каррак и галеонов, на которых доставлялись пряности с Молуккских островов и моря Банда, и содержание фортов в Амбоне, Тернате и Тидоре. Контрабандная торговля процветала на этих отдаленных островах в значительно большей степени, чем где-либо еще. Королевский чиновник в Кочине в 1568 г. утверждал, что два галеона с гвоздикой, пришедшие с Молуккских островов, привезли только 2400 фунтов гвоздики, хотя оба корабля были снаряжены на средства короля. Большинство индонезийских пряностей были проданы португальцами в

Малакке, Гоа и Ормузе азиатским торговцам, и только относительно небольшое их количество было доставлено в Европу, несмотря на возросший спрос. К концу XVI в. португальцы отказались от попыток ввести государственную монополию на торговлю гвоздикой, при которой У₃ всего экспорта предназначалась монарху. Когда голландский адмирал Стивен ван дер Хаген захватил в 1605 г. Амбон, он обнаружил, что португальцы позволили мусульманским купцам со всей Азии, и даже из Турции, покупать гвоздику на этом острове. Подобная ситуация сложилась и в Ормузе, когда на протяжении последней четверти века персидские, турецкие, арабские, армянские и венецианские купцы посещали остров с целью приобретения пряностей у португальских чиновников и частных торговцев, совершенно не обращая внимания на возможное существование королевской монополии.

О процветании Ормуза в этот период свидетельствовал Ральф Фитч, купец-авантюрист времен королевы Елизаветы, посетивший остров в 1583 г.

«Ормуз – самый засушливый остров в мире, 25 или 30 миль в окружности; здесь нет никакой растительности, кругом одна соль. Все необходимое доставляется из расположенной на расстоянии 12 миль Персии – вода, дрова и провизия. Окрестные страны, будучи очень плодородными, поставляют все виды продовольствия в Ормуз. В этом городе живут купцы

всех наций, много мавров и язычников. Здесь идет оживленная торговля всеми видами пряностей, различными снадобьями, шелком и шелковыми тканями, прекрасными персидскими коврами, жемчугом в большом количестве с острова Бахрейн и великолепным жемчугом из других мест, лошадьми из Персии, которые покупает вся Индия. У них есть правитель-мавр, которого выбирают португальцы и который правит от их имени».

Что касается корицы, то португальцы обладали на нее наиболее действенной монополией, чем на любую иную пряность, поскольку ее наилучшие сорта произрастали на равнинах Цейлона, находившихся под контролем португальцев, а сами сингалы не имели собственных торговых судов. На Малабарском побережье и на острове Минданао произрастали сорта худшего качества, и поэтому, как заметил Линсхотен в 1596 г., «корица с острова Цейлон самая лучшая и замечательная в мире, и цена ее в три раза выше обычной». Монархия получала большие доходы от королевской монополии на эту пряность. Однако в повседневной практике основную прибыль от торговли присваивали губернаторы и чиновники, несмотря на существовавшие законы, запрещающие подобные злоупотребления. О славе корицы, ценной и желанной пряности, писал известный поэт Са де Миранда (1550), который был поражен, насколько Португалия обезлюдела, когда многие жители страны покинули Лиссабон и отправились, «влекомые ароматом корицы», на Восток.

Потеря Тернате в 1575 г., которая привела к ухудшению положения португальцев на Островах пряностей, была в значительной мере возмещена их фактической монополией на важный торговый путь, связывавший Китай и Японию. Первые попытки португальцев закрепиться на побережье Южно-Китайского моря были неудачны, частично причиной тому были их собственные действия, частично нежелание китайской имперской бюрократии официально признать нежелательных «пришельцев-варваров из Великого Западного океана». Но на рискованную контрабандную торговлю у берегов провинций Гуандун и Фуцзянь китайские чиновники продолжали смотреть сквозь пальцы, получая от нее доход. Это, естественно, привело к тому, что португальцы основали поселение в Макао (около 1557 г.), о существовании которого император в Пекине узнал с запозданием в 20 лет и был вынужден смириться с этим фактом. Вследствие напряженности в японо-китайских взаимоотношениях в это время и запрета династией Мин вести торговлю с «карликами-грабителями» островной империи на китайских или японских судах, португальцы из Макао были едва ли не единственными, кто поддерживал торговлю между двумя странами. Эта торговля основывалась на обмене китайского шелка-сырца и шелковых тканей и золота на слитки японского серебра. Конечно, династический запрет на прямую торговлю между Китаем и Японией соблюдался не всегда. Но тем не менее он действовал достаточно эффективно, и торговля наиболее ценными товарами была сосредоточена в руках португальцев. Объединение Японии при правителе Тоётоми Хидеёси и последовавшее затем вторжение в Корею (1592–1598) резко повысили в стране спрос на золото в последней четверти XVI в. Более того, хотя в Японии производился шелк, японцы своему шелку предпочитали китайский, все равно, в виде ли сырца или тканей, поскольку его качество было выше.

Путь от Гоа до Нагасаки (конечный порт японской торговли после 1570 г.) и обратно занимал от 18 месяцев до 3 лет, в зависимости от продолжительности стоянки корабля в Макао (или Нагасаки), если не успевали отплыть в сезон муссонов. В это плавание, вначале открытое для всех и каждого, вскоре стали отправляться один раз в год на карраке под командованием старшего капитана, назначаемого королевской властью. Тот, кто получал такое назначение, мог повести судно сам или продать свое право лицу, предложившему наивысшую цену. Почти вся торговля шелком находилась в руках купцов и иезуитов в Макао. Система импорта была основана на квотах, которые выделялись тем, кто занимался доставкой груза. Старший капитан получал приличные комиссионные за различные грузы в дополнение к тем доходам, что он получал от своих частных инвестиций. Линсхотен писал в 1596 г., что одно плавание

приносило доход в 150 или 200 тысяч дукатов; одно такое путешествие давало возможность старшему капитану сколотить состояние и уйти в отставку.

К концу XVI столетия Макао и Нагасаки, в прошлом заброшенные рыбацкие деревушки, превратились благодаря взаимовыгодной торговле в процветающие морские порты. Так с завистью описывал один приезжий голландец в 1610 г. привилегированное положение купцов из Макао в Нагасаки.

«Корабль, приходящий из Макао, имеет на борту около 200 и больше купцов, которые сразу же сходят на берег и выбирают дом, где могут расположиться со своими слугами и рабами. Они не обращают никакого внимания на то, сколько им приходится платить, они не останавливаются перед приобретением самой дорогой вещи. Иногда за семь или восемь месяцев пребывания в Нагасаки они тратят от 200 тысяч до 300 тысяч [серебряных] таэлей, благодаря чему живет городское население; это одна из причин дружественного отношения к ним местных японцев».

В последнее десятилетие XVI в. португальская монополия на внешнюю торговлю Японией и монополия иезуитов на японскую миссию, основанную в 1549 г. Франциском Ксаверием, оказались под угрозой со стороны испанских торговцев и монахов-миссионеров, появившихся на Филиппинах. Активность иберийских соперников, которая вызвала большую озабоченность среди португальцев, не привела в итоге к сокращению их доходов от торговли между Макао и Нагасаки. Несмотря на объединение в 1580 г. двух иберийских держав под властью испанского короля Филиппа II, правительство в Мадриде признало, что Япония находится в сфере влияния Португалии (границу которой определил в 1494 г. Тордесильяский договор) и что монополия на японскую торговлю должна принадлежать скорее Макао, а не Маниле.

Глава 3

Новообращенные христиане и духовенство в муссонной Азии (1500–1600)

Значимость японского серебра, китайского шелка, индонезийских пряностей, персидских лошадей и индийского перца в Португальской Азии не должна заслонять того факта, что Бог был вездесущ, как и маммона. Падре Антониу Виейра, великий португальский иезуит-миссионер, писал в своей «Истории будущего»: «Если бы не купцы, которые отправляются за земными сокровищами на Восток и в Западную Индию, кто доставил бы туда проповедников, что собирают небесные сокровища? Проповедники берут с собой Евангелие, а купцы берут проповедников». Если в Британской империи торговля следовала за флагманским кораблем, в Португальской империи сразу же за купцом шел миссионер. Надо признаться, что если люди Васко да Гамы и говорили, что они плывут в Индию на поиски христиан и пряностей, то в течение первых 40 лет деятельности португальцев на Востоке поиск христиан велся с куда меньшей настойчивостью и энергией, чем экзотичных пряностей. Вплоть до того момента, когда в 1542 г. в Гоа прибыли иезуиты с новыми людьми и новыми методами проповеди, относительно немного миссионеров отправлялось в Индию, и их успехи были скромны. Большинство среди них даже не пытались выучить какой-либо восточный язык и зависели от переводчиков, которые, естественно, лучше разбирались в рыночных ценах и базарных слухах, чем в тонких богословских материях. Но ни эти миссионеры, ни пришедшие на смену им более обученные иезуиты так и не озаботились познакомиться со священными книгами и основными религиозными воззрениями тех, кого они хотели обратить в свою веру, – мусульман, индуистов и буддистов. Все их верования они были склонны рассматривать как порождение дьявола.

Более того, многие священники были более заинтересованы служить маммоне, а не Богу. Так, несколько клириков обратились к скандально известному викарию Малакки в 1514 г., и из их слов стало ясно, во что они веруют. «Это основная причина, по которой они прибыли на Восток, – копить богатства в крузадо; и один из них заявил, что не успокоится, пока не скопит за три года 5 тысяч крузадо и много жемчуга и рубинов». Среди тех, кого подобные этим клирики обращали в христианскую веру, были большей частью либо женщины-азиатки, сожительствовавшие или состоявшие в законном браке с мужчинами-португальцами, либо домашние рабы и умиравшие от голода нищие и отверженные обществом люди, ставшие «рисовыми христианами». Конечно, случались и исключения, как это было в случае с народом парава, ловцами жемчуга из Южной Индии. Первоначально обращение было поверхностным (1537), затем оно дало ощутимые результаты. Но именно Общество Иисуса, иезуиты, находилось в авангарде церкви воинствующей, которое вело за души новообращенных напряженную и настойчивую борьбу, что была схожа с конкуренцией за обладание пряностями. Сыны Лойолы заложили и поддерживали более высокие стандарты поведения, в отличие от своих предшественников. Замечательные успехи португальских миссий с 1550 по 1750 г. были в основном делом их рук. Даже враждебно настроенные к ним протестанты вынуждены были отдать им должное.

Применяя политику кнута и пряника, в которой иногда преобладал кнут, многих азиатских жителей в окрестностях португальских крепостей удалось обратить в христианство, особенно население западного побережья Индии и равнинного Цейлона. Начав с массового разрушения индуистских храмов в Гоа в 1540 г., португальские власти, в основном по инициативе местного духовенства и королевских чиновников, приняли целый ряд суровых и репрессивных законов с целью предотвращения публичного исповедания индуизма, буддизма и ислама на территории, контролируемой португальцами. Эти законы были дополнены другими, целью которых было обеспечить более привилегированное положение обращенных в христианство

за счет их соотечественников, которые не захотели быть христианами. Основные направления миссионерской деятельности вырабатывались на церковных соборах, которые периодически созывались. Первый собор 1567 г. был особенно важен. Это было время, когда после Тридентского собора церковь обрела новые силы, и принятые на нем решения подтверждались на всех последующих соборах лишь с небольшими изменениями. Во время обсуждения его возможных решений руководствовались тремя основными соображениями, последнее из которых, как оказалось, на практике трудно согласовывалось (если вообще это было возможным) с первыми двумя.

Во-первых, на Тридентском соборе было признано, что все веры, за исключением римско-католической, были, по сути, не истинными и вредоносными сами по себе. Во-вторых, португальское королевство было обязано распространять римско-католическую веру, при этом светская власть государства должна была поддерживать духовную власть церкви. И в-третьих, запрещалось угрозами и насилием обращать в истинную веру, «поскольку никто не приходит к Христу, Небесному Отцу, иначе, как только добровольно по любви и по ниспосылаемой Им благодати».

Тем положением, что человека нельзя приводить к вере силой или под угрозой применения силы, часто просто пренебрегали на практике согласно другим решениям собора, которые были узаконены указом генерал-губернатора Индии от 4 декабря 1567 г. Этот указ предписывал *inter alia* (среди прочего), что все языческие храмы на территории, контролируемой португальцами, должны быть снесены; что не должно произноситься имя пророка Мухаммеда с минарета во время призыва мусульман к молитве; что все их языческие священники, учителя и святые должны быть изгнаны и что все их священные книги, где бы их ни нашли, такие как Коран, следует изымать и уничтожать. Индуистам и буддистам было воспрещено посещать на окрестных территориях свои храмы, так же как и проезжим азиатским паломникам. Был также наложен запрет на ритуальные омовения, столь характерные для индуизма.

Проведение нехристианских брачных церемоний и религиозных процессий было строго запрещено. Не разрешалось переходить из ислама в индуизм или буддизм и наоборот, но приверженцам этих религий было дозволено обращаться только в христианство. Моногамия была обязательна для каждого, независимо от исповедуемой веры. Мужчинам, которые уже имели больше одной жены (или сожительствовали больше чем с одной наложницей), было предписано отказаться от всех, за исключением одной, первой, на которой они женились (или узаконить брак с одной из наложниц). Все осиротевшие дети индуистов должны были быть отняты, если необходимо, то и насильно, у родственников, с которыми они жили, и переданы христианским наставникам или приемным родителям, и подготовлены католическими священниками к крещению. Если один из партнеров в языческом браке становился новообращенным, дети и собственность должны были передаваться под его попечение. Христианам не разрешалось жить или останавливаться в домах нехристиан, иметь какие-либо иные отношения с последователями других вер, кроме как строго деловых. От всех индуистских семей требовалось представить поименные списки; затем формировали группы из 50 человек, которые каждое второе воскресенье должны были посещать местные церкви и монастыри, где им преподавали основы христианства. Существовала шкала штрафов, которые могли резко вырасти для тех, кто пытался уклониться от этой обязанности. Нехристиане подвергались законной дискриминации, а новообращенным оказывалось предпочтение при подборе кандидатов на выгодные посты в государственных учреждениях, которые не закреплялись (а подобное случалось довольно часто) только за новообращенными христианами. Большинство предписаний были еще более ужесточены различными дополнительными статьями, принятыми на последующих церковных соборах. Были сделаны лишь незначительные послабления. Прошло немного времени, и мусульманские мечети разделили судьбу индуистских и буддистских храмов в тех местах, где они еще не были разрушены первыми неистовыми конкистадорами. Католические

церкви были построены на месте снесенных мечетей и храмов, и доходы от земель, некогда им принадлежавших, теперь уже шли на содержание христианских церквей.

Очевидно, что эти дискриминационные и принудительные меры, даже если и не могли принудить людей стать христианами под сенью меча, не оставляли им другого выхода. Теперь, когда они лишились своих священников, учителей, святых, священных книг и общественных мест поклонения, не говоря уже о запрете свободно исповедовать свою веру, законодатели 1567 г. были уверены, что «ложные и языческие, мавританские верования» зачахнут и погибнут на всей территории, контролируемой португальской монархией. Однако, как нравоучительно заявляли эти законодатели, одно дело принимать добрые законы и совершенно другое – проводить их в жизнь. В действительности применение этих законов сильно разнилось в зависимости от места, времени и обстоятельств и зависело, в особенности, от характера вице-короля и архиепископов, чья власть была весьма значительной.

Совет 1567 г. исключил применение положений закона, направленного против мусульман, в отношении мечетей на Ормузе. Ведь если местный правитель и был португальской марионеткой, то население было исключительно мусульманским. Необходимо было также принимать во внимание и чувства персов (иранцев), подданных соседнего государства¹⁷, могущество которого все возрастало. Торговцы-индуисты Диу сохранили право иметь свои храмы, когда город-остров отошел в 1537 г. португальцам. Столетие спустя это право было подтверждено после того, как Диу оказало помощь иезуитским миссионерам в Абиссинии, и подобные привилегии были даны местным мусульманам. Было явно невозможно предпринять какие-то запретительные меры в отношении китайских храмов в Макао; португальцы с трудом терпели буддистские и даосские уличные процессии и празднества. Голландский кальвинист Линдсхотен, критически относившийся к португальцам, рассказывает нам, что, когда он был в Гоа в 1583–1589 гг., «все, какие только есть народности и веры, – индусы, язычники, мавры, евреи, армяне, гуджаратцы, брамины и все народы Индии, которые живут и торгуют там», имели право на свободу совести. Только при этом ставилось условие, чтобы они проводили свои свадебные «и другие полные суеверий и дьявольщины» обряды за закрытыми дверями.

Несмотря на то что указ 1567 г., по всей видимости, положил конец всем общественным контактам между португальскими семьями и их соседями-нехристианами, нам известно, что какие-то связи продолжали поддерживаться. На последующих церковных соборах было подтверждено, что не должно не только терпимо относиться к языческим процессиям на португальской территории, но и осуждалась также практика, когда христиане на время сужали их участников драгоценностями, пышными нарядами и рабами. Но нам также известно, что, несмотря на эти церковные инвективы, португальцы, случалось, предоставляли мусульманам пушки для салюта в праздник Рамадан. Моногамии, соблюдения которой требовали с пуританской строгостью прелаты на соборе 1567 г. и последующих, придерживались далеко не все португальцы; их мужчины продолжали держать гаремы, устраивая их где только и когда только было возможно. Отчеты миссионеров начиная с времен св. Франциска Ксаверия и дальнейшие их сообщения полны жалоб на потрясающе развратное и бесстыдное поведение лузитанцев. Профессиональные танцовщицы и храмовые проститутки с ближайших индусских территорий находились под покровительством португальских идалго Гоа и Бассейна (Васаи), щедро одаривавших их, несмотря на неоднократные запреты со стороны архиепископов и вице-королей. И последнее, но не менее важное. Оговорка, что чиновничьи должности в любом случае должны быть зарезервированы для новообращенных христиан, часто нарушалась на практике. Здесь не место приводить все возможные примеры, но жизнь показала, что только индусы имели опыт и способности к финансовой деятельности; они собирали ренту с королевских земель, взымали таможенные и акцизные сборы и другие налоги.

¹⁷ В описываемое время – Сефевидский Иран.

Иезуитский архиепископ Антониу де Квадруш писал в 1561 г. из Гоа монарху, говоря о результатах политики кнута и пряника в проповеди Евангелия не только на этом острове, но и во всей округе, той, что находилась под контролем португальцев. Большинство индусов стали новообращенными благодаря проповедям миссионеров-иезуитов.

«Другие приходят, потому что их приводит наш Господь, и нет никого другого, который убедил бы их прийти; другие приходят, потому что их убедили так поступить их недавно обращенные родственники; одни из них привели три сотни, другие одну сотню, а некоторые и того меньше, кто сколько мог. Другие, и они менее многочисленные, приходят, потому что их принуждают к этому законы, которые Ваше Величество приняли в этих землях, где индуистские храмы и обряды находятся под запретом; если же эти люди были осуждены и заключены в тюрьму, то они, находясь в заключении, из страха перед наказанием, просят о святом крещении».

Автор добавляет, что, когда эти напуганные узники просят о крещении и катехизации, иезуиты забирают их и направляют в коллегиум Св. Павла и дают им пропитание. Когда они съедят свою пищу и коснутся блюд, на которых она подается, они теряют свою принадлежность к касте без всякой надежды (так он пишет) когда-нибудь вновь ее обрести, поскольку они навсегда осквернены в глазах правоверных индусов. Тогда для них уже нет никаких препятствий стать новообращенными христианами.

Архиепископ признал, что многие португальские миряне в Гоа резко критикуют эту практику, утверждая, что это равносильно обращению в христианство силой. Он отверг эту критику, которая, по его мнению, была продиктована злым умыслом и корыстными соображениями в первую очередь королевских чиновников, которые сотрудничали с браминами, полагаясь на их опыт в ведении финансовых дел, для того чтобы работа администрации шла гладко. Однако имеется множество иных свидетельств этого времени, которые указывают на то, что критические высказывания были во многом справедливыми. Один из королевских чиновников утверждал в 1552 г. в письме португальской королеве, что иезуитов больше волнует собственный престиж, чем результаты проповеднических трудов; они выполняют свою работу на скорую руку, лишь бы получить нужный результат.

«Помимо различных досадных притеснений, которым подвергались индусы, для того чтобы заставить их согласиться на принятие крещения, многих из них также насильно брили и принуждали есть говядину, и они вынужденно нарушали свои суеверные и идолопоклоннические обряды. По этим причинам большинство из них бежало, и португальские христиане жаловались на это, потому что они не могли существовать, не прибегая к их услугам. К тому же местные жители вели фермерское хозяйство, культивировали пальмовые рощи и занимались многими другими важными делами».

Церковный собор 1567 г. также признал, что индусы часто жаловались гражданским властям в Гоа, что «их детей, их рабов и слуг» обращали в христианство силой; такие жалобы периодически повторялись на протяжении столетий. Нет сомнения, что некоторые из них были явным преувеличением, но много нареканий было справедливыми. Собравшиеся для аудиенции у короля в феврале 1563 г. в Лиссабоне епископы Сеуты, Лиссабона, Танжера, Ангры, Порталегри, Ламегу и Алгарви открыто заявили о наличии значительных злоупотреблений во всех заморских португальских миссиях, включая насильственное и массовое псевдокрещение местных жителей, не понимавших значение таинства. Невозможно, чтобы семь ведущих португальских иерархов сделали такое важное заявление, не будучи абсолютно убежденными в подобных фактах. Опубликованная обширная документация об иезуитских миссиях XVI в. в Гоа совершенно определенно указывает на то, что миссионеры прибегали к практике, получившей впоследствии название «безжалостное милосердие», когда духовенство пользовалось поддержкой находившихся под его влиянием явных ханжей, таких как губернатор Франсишку Баррету (1555–1558) и вице-король дон Конштантину де Браганса (1558–1561). Во время прав-

ления последнего исход индусов с Гоа на материк достиг таких угрожающих размеров, что его непосредственные преемники нашли необходимым пересмотреть проводимую им политику. И граф Редонду (1561–1564), и дон Антан де Норонья (1564–1568) предоставили индусам Гоа особые гарантии, что их не будут обращать в христианство силой. Указ, принятый Редонду 3 декабря 1561 г., провозглашал, что всем индусам, бежавшим с португальской территории, чтобы избежать религиозных преследований, будет возвращена собственность и земли, конфискованные у них по приказу дона Конштантину, если они вернутся обратно в свои деревни в течение полугода.

Возможно, и не стоит говорить о том, что, несмотря на сомнительные методы, с помощью которых в XVI в. жителей Индии обращали в христианство, потомки этих новообращенных становились с течением времени преданными христианами. Это понял епископ Думе, первый прелат в Гоа, когда он выступал (в 1552 г.) за изгнание с португальской территории всех тех индийцев, которые не приняли христианство. Если бы они остались и крестились, писал он, вряд ли можно было ожидать, что они станут добрыми христианами, «а вот их дети будут такими». Это в действительности и произошло. После массового разрушения индуистских храмов в 40-х гг. и массового обращения в новую веру в 60-х гг. XVI в. христианство прочно утвердилось на португальской территории в самом Гоа и Васими и в окрестностях. Подобно тому как в Европе потомки саксов, тевтонов и славян, которых во многих случаях насильно обратили в христианство, впоследствии стали пылкими христианами, так и жители Гоа и Васими по прошествии двух-трех поколений стали глубоко привязанными к религии, которая была навязана, довольно жестко, их предкам.

Не следует также забывать о различии между политикой Португалии и отношением в обществе к приверженцам других религий в первой и второй половине XVI в. В общем и целом португальцы, осознав, что индусы вовсе не христиане, вначале были готовы терпимо относиться к этому факту и сотрудничать с ними, в противовес мусульманам. Действительно, Албукерки в конечном счете вынужден был отказаться от своего первоначального плана противостоять мусульманам где только возможно и часто в ущерб им поддерживал индусов; он понял, что не сможет обойтись без моряков из Гуджарата и мусульманских купцов в подобных обстоятельствах. Более того, Албукерки писал королю Мануэлу в октябре 1514 г.: «Мусульманские купцы имеют свои резиденции и поселения в лучших портах Индии. У них много очень больших кораблей, и они ведут значительную торговлю, и индусские цари очень тесно связаны с ними, поскольку получают от них доходы каждый год. И баньяны¹⁸ Камбея, которые и есть основные индусские купцы в этих местах, полностью полагаются на мусульманские корабли».

Албукерки и его ближайшие преемники, хотя и отождествляли индуизм со «слепым идолопоклонничеством», не занимались систематическим разрушением индуистских храмов и не вмешивались открыто в общественные церемонии и обряды индусов (за исключением запрета самосожжения вдовы с трупом мужа). По отношению к мусульманам они вели себя совсем по-другому – сносили мусульманские мечети и запрещали исламские обряды при первом возможном случае. Подобным образом у португальских первопроходцев в Азии и Абиссинии не вызывали беспокойства обряды халдеев и сиро-якобитов, то есть почитавших ев. апостола Фому¹⁹ христиан Малабарского берега, и монофизитская Эфиопская церковь, когда они наконец установили связь с «пресвитером Иоанном». Но обострение религиозного противостояния в Европе, вызванного распространением протестантских ересей и одновременно происходившим возрождением Римско-католической церкви, получившим наименование Контрреформация, нашло свое явное отражение на Востоке во время правления Жуана III (1521–1557), кото-

¹⁸ Название купца в Западной Индии, от санскритского banik.

¹⁹ Этнорелигиозная группа в Индии (современный штат Керала), считающая себя потомками первых индийских христиан, обращенных апостолом Фомой.

рый возвестил, как это назвал профессор Фрэнсис Роджерс, о наступлении «Эры латинского высокомерия».

Вслед за созывом Вселенского Тридентского собора, учреждением инквизиции (1536) и введением строжайшей церковной цензуры в Португалии сразу же последовало разрушение индуистских храмов в Гоа и проявилась все крепнущая тенденция считать христиан ев. Фомы и абиссинцев упорными еретиками, которых следует вернуть в лоно Церкви как можно скорее. В Европе принцип, что правитель и его подданные должны иметь одну и ту же веру – *cujus regio illius religio*, – становится широко распространенным как среди католиков, так и протестантов. Было неизбежно, что португальцы постараются применить тот же самый принцип и в тех местах, которые они эффективно контролировали. На практике это относилось к их поселениям на западном побережье Индии и на равнинном Цейлоне. Уголовные законы, которые с 1540 г. начали действовать в отношении открытого исповедания ислама, индуизма и буддизма в некоторых владениях Португалии на Востоке, имели зеркальное отражение уголовных законов, принятых в европейских странах против тех, кто придерживается других форм христианства; соответственно правительства этих стран считали их подрывными и еретическими. Стоит только вспомнить отношение к католикам в Британии и Ирландии и те гонения, которым повсюду подвергались евреи. Было сказано, и, несомненно, это справедливо, что «человек – религиозное животное». С полной уверенностью можно заявить, что человек – это также преследуемое животное. История христианства, по сути пацифистской религии братской любви, дает нам много примеров этому. И деятельность португальцев в Индии не была исключением из всеобщего правила.

Римско-католическая церковь в Португалии и в ее заморской империи сохранила к 1550 г. сильные позиции; и ее положение еще более укрепилось с началом Контрреформации, которую Португалия безусловно и сразу поддержала.

Священники пользовались в значительной степени иммунитетом и были вне гражданской юрисдикции. Монашеские ордена и церковь владели около $\frac{1}{3}$ наличной земли в самой Португалии и многими лучшими землями в Португальской Индии. Священники и прелаты часто оставались на всю жизнь в Азии, постоянно влияя на паству, что контрастировало с трехлетними сроками правления вице-королей и губернаторов, что выразилось в короткой рифмованной пословице жителей Гоа: *Vice-rei va, Vice-rei vem, Padre Paulista sempre tem* («Вице-короли приходят и уходят, но отцы-иезуиты всегда остаются с нами»). Прежде всего, у португальцев было глубоко врожденное чувство почтения к статусу священника, которое отразилось в еще одной народной пословице: «Самый худший поп лучше, чем самый лучший мирянин». Есть ряд факторов, которые помогают понять роль церкви в это глубоко религиозное время в военном и морском предприятии, создавшем в Азии португальскую морскую империю, которая была отлита в церковной форме. Когда некоторые королевские чиновники в Гоа упрекнули вице-короля дона Конштантину де Браганса в попытках всеми возможными способами обратить в христианство местных баньянов (купцов), что могло бы значительно помешать сбору королевских налогов, «он ответил, что, как и все христианские принцы, он предпочел бы стремлению получить с этих земель доходы и снарядить каракки с грузом перца, прежде всего ради чести и славы Его Величества, решимость добиться обращения в истинную веру несчастных уроженцев Гоа, что он готов рискнуть всем, чтобы спасти хотя бы одну душу». Слова эти были сказаны не просто так, потому что это был тот самый вице-король, который отверг предложение правителя Пегу выкупить за баснословную сумму священную реликвию – зуб Будды, захваченный португальцами в Джафнапатаме, который архиепископ Гоа в присутствии народа раздробил на мелкие части пестом в ступке.

Если насильственное обращение взрослых было, в теории, запрещено монархом, церковными и государственными властями, то это правило не распространялось на индийских сирот на территории Гоа и Васаи, где разрешалось применение силы согласно королевским и вице-

королевским указам, первый из которых был обнародован в Лиссабоне в марте 1559 г. Монарх повелевал в этом указе, что «все дети язычников в городе Гоа и на островах... оставшиеся без отца и матери, и без деда и бабушки, и всяких других родственников, и которые еще не достигли возраста, когда они могут все понимать и здраво рассуждать... должны быть тотчас же взяты и переданы в Коллегиум Св. Павла Общества Иисуса в уже упомянутом Гоа, чтобы монахи упомянутого коллегиума смогли бы их крестить, и обучить, и провести их катехизацию».

Затем вступило в действие законодательство, в Лиссабоне и Гоа, дававшее разрешение на использование силы при отнятии таких осиротевших детей у их живых родственников, наставников или друзей, и сила применялась довольно часто.

Но на этом законодательство, предусматривавшее принудительные меры, не остановилось. В то время как из текста первоначального указа 1559 г. следовало, что под сиротой понимается такой ребенок, который потерял обоих родителей, и деда, и бабушку, вскоре начали считать сиротой ребенка, который потерял отца, несмотря на то что мать, дед и бабушка были все еще живы. Объяснение подобной трактовки вытекало из португальского законодательства (*Ordenacoes*), которое определяло состояние сиротства подобным образом. И это определение применялось как в метрополии, так и в колониях. Оно было упразднено в 1678 г., когда более либеральные положения указа 1559 г. были восстановлены. Возраст, который позволял насильно забрать сироту у его нехристианских родственников, в указе 1559 г. особо не оговаривался. На практике он сильно варьировал, пока не был окончательно определен вице-королевским указом 1718 г. в 14 лет для мальчиков и 12 лет для девочек.

Задача розыска сирот и дальнейшего их обустройства, если необходимо, то и насильственным путем, поручалась священнику, которого называли «отец христиан» (*Pai dos Christaos*). Он обладал большими правами в защите духовных и насущных интересов новообращенных. Это был обычно, хотя и не всегда, иезуит; и на эту должность назначали не только в Гоа, но и в Васаи, и на Цейлоне, и в некоторых других местах на Востоке, где действовали португальские законы. Неудивительно, что родственники сирот прилагали все усилия, чтобы только скрыть детей от нежелательного внимания «отцов» и священников инквизиции, после учреждения ею трибунала в Гоа в 1560 г. Однако, как всегда, практика сильно расходилась с теорией. «Отцы» и служители Святой палаты иногда жаловались, что не только взрослые индусы помогали тайно вывозить детей на территорию индуистов и мусульман, но иногда это делали даже прирожденные христиане. Церковные власти неоднократно заявляли, что представители гражданской администрации проявляют безразличие в этом вопросе, а иногда просто не желают действовать, когда их просят оказать помощь.

Можно привести еще много примеров, чтобы показать, как португальцы прибегали к силе или угрожали применить силу в отдельные периоды времени и случаях, проводя христианизацию Востока, но одного примера будет достаточно. Падре Алешандре Валиньяну, великий реформатор иезуитских миссий в Азии в последней четверти XVI в., писал, что ев. Ксаверий, «кoему присуща глубокая духовность и благоразумие, осознавал, как несовершенна и примитивна природа этих людей, созданий Божьих, и дар убеждения не столь впечатляет их, как сила. Именно по этой причине он считал, что будет очень трудно создать христианскую общину в среде негров (*entre los negros*, так автор называл индийцев в целом и жителей Малабарского берега в частности). Но еще сложнее будет сохранить ее, по крайней мере до тех пор, пока будет сохраняться владычество португальцев в этих местах; как в случае с морским побережьем, вдоль которого курсируют флоты Его Величества, воздавая по заслугам или наказывая местных жителей, в зависимости от того, чего они заслуживают».

Валиньяну добавил, что поразительный успех миссионерских методов Ксаверия на Рыбном берегу²⁰ был в большой мере обязан его дальновидному подходу, когда он чередовал в обращении с народом поощрения и угрозы. «И наряду с теми милостями, что он обещал оказать им, временами прибегал и к угрозам, пугая их тем, какой урон может впоследствии, если [португальский] капитан запретит им рыбный промысел и морскую торговлю, и тем самым заставляя многих из них принять крещение (*compellendo eos intrare ad nuptias*)». Если даже Валиньяну и преувеличивал ту сторону деятельности Ксаверия, которая позднее получила известность как «политика канонерок», факт остается фактом, что подобные взгляды были распространены среди португальских миссионеров на Востоке. «Церковь воинствующая» больше не была фигурой речи.

Не была она, по этой причине, церковью торгующей. Не говоря о тех клириках, которые помышляли больше о земных благах, чем о спасении душ, духовные ордена были вынуждены заниматься поиском источников финансирования для поддержки миссий, зачастую идя ради этого на компромиссы. Согласно условиям патронажа (*Padroado*), который осуществлял король Португалии, он должен был выделять средства на эти цели, но из-за невиданно большого количества обязательств, взятых на себя морской империей, выплачивались они не в полной мере и нерегулярно. Должен был сохраняться баланс между частными пожертвованиями и благотворительными дарениями недвижимости, и там, где этого было недостаточно, а местные христиане были слишком бедны, чтобы содержать свои церкви и пастырей, единственным спасительным средством было занятие торговлей. Иезуиты были среди тех, кто, добровольно или вынужденно, наиболее часто прибегал к этому способу для содержания своих миссий, прежде всего в Японии. В Португальской Азии обычно сцинично говорили, что королевские чиновники осуществляют платежи поздно, частично или никогда (*tarde, mal, e nunca*). Вице-короли, губернаторы и капитаны постоянно жаловались, что денежные выплаты идут прежде всего церковникам и лишь затем морякам, военным и гражданским службам (это так и было), но королевская казна зачастую оказывалась пуста.

Когда падре А. Валиньяну был вынужден заплатить налог своим духовным начальникам в Гоа за незаконную торговлю китайским золотом и шелком с Португальской Индией в 1599 г., он, находясь в то время в японской миссии, дал на это разгневанную отповедь.

«Милостью Божией я не был рожден сыном купца, и я таковым никогда не был. Но я доволен тем, что сделал все, что мог, ради Японии, и я верю, что наш Господь тоже смотрит на это как на благое дело и что он щедро воздаст мне за это в настоящем и будущем. Если бы Его Божественное Величие не внушило мне сделать то, что я сделал для Японии, вполне могло случиться, что страна оказалась бы в еще более тяжелом положении без всякой надежды на спасение. По той простой причине, мой друг, что тот, кто сыт и ни в чем не нуждается, не может быть добрым судьей и разрешить те трудности, которые испытывают те, кто умирает от голода, во всем нуждаясь. И если бы Вы, Ваше Преподобие, приехали сюда и увидели бы эти провинции, где у людей расходы столь велики, а доходы столь ничтожны, где нажить себе состояние столь же ненадежное, сколь и опасное дело, то уверяю Вас, что Вы не могли бы спокойно спать... Ваше Преподобие и отец-визитатор должны пойти нам навстречу в этом деле, а не спорить с нами».

Логика аргументации у Валиньяну была неопровержимой, и не было бы преувеличением сказать, что без помощи золота, прямой или косвенной, миссионерская церковь в Азии не смогла бы действовать столь эффективно.

К концу XVI столетия португальцы оставили привычку смотреть на окружающий мир глазами конкистадора, они и мыслили уже по-иному; все те идеи, что вели их в течение первых десятилетий по пути экспансии в Азии, ушли в прошлое. Прежде всего их основным занятием

²⁰ Район города Квилон (Коллам).

стала мирная торговля; одновременно они старались удержать все завоеванные ими земли. Эта мирная политика была полной противоположностью враждебной политике испанцев в Маниле на Филиппинах, где доминиканец брат Диего Адуарте писал в 1598 г.: «Португальцы, это уже понятно всем, больше не будут стремиться ни к новым завоеваниям ради блага монархии, ни к распространению веры. Они вполне удовольствуются теми портами, что продолжают удерживать, чтобы и дальше иметь возможность заниматься морской торговлей». Похожие взгляды высказывал несколько лет спустя Гуго Гроций, который заметил в своем труде *Mare Liberum* (1609): «Португальцы во многих местах уже не несут с собой веру или вообще не обращают на нее внимания, поскольку они заинтересованы только в приобретении богатства». Не составит труда привести и другие критические высказывания современников, не в последнюю очередь их можно найти и в португальских источниках. Но в действительности Бог не везде подчинялся мамоне, как утверждают эти уничижительные замечания. Наоборот, даже беглый обзор Португальской Азии в конце XVI в. говорит о впечатляющих достижениях миссионеров вообще и иезуитов в частности.

Конечно, невозможна точная оценка количества христиан в Азии в этот период. Авторы миссионерских отчетов имеют пристрастие к круглым цифрам и таблице умножения, которое заставляет с подозрением относиться ко многим, а может, и к большинству их отчетов. Часто не делается различия между практикующими христианами со знаниями основ веры и теми, кто являлся христианином только номинально. Массовые крещения, раньше или позже, заканчивались всеобщей апостасией; это происходило в тех областях, где португальская администрация не могла поддержать духовную власть или где правитель (или землевладелец) начинал преследовать своих христианских подданных (или арендаторов). Полученные данные ненадежны и требуют проверки в свете дальнейших исследований.

В то время, как и сегодня, новообращенных христиан в мусульманских землях было очень мало, в основном это были женщины, живущие с мужчинами-португальцами, и дети от этих союзов (обычно не узаконенных), сбежавшие рабы и люди, отверженные обществом. От Софалы и далее к северу в Восточной Африке насчитывалось едва ли несколько сотен таких христиан. Однако среди племен банту в том же самом районе вполне могло быть несколько тысяч обращенных, включая и рабов. В португальских владениях в Персидском заливе было еще меньше местных христиан, по вполне объяснимым причинам, незначительное их число проживало в Диу, где (как мы видели) индуизм и ислам имели официальное признание. На западном берегу Индии, на прибрежной полосе земли между Даманом и Чаулом, известной как «Провинция Севера», проживало от 10 тысяч до 15 тысяч христиан, в основном в Васаи и его окрестностях. В Гоа и на близлежащих островах, в расположенных на материке районах Салсете и Бардеш их могло насчитываться до 50 тысяч человек и больше. В Кочине и прибрежных поселениях Малабарского берега было несколько тысяч новообращенных, не считая христиан св. Фомы. Оценка количества христиан Рыбного берега дает их число между 60 тысячами и 130 тысячами человек, и невозможно сказать, какой показатель точнее.

Число 30 тысяч человек – вполне надежное для Цейлона, хотя не ясно, включает ли оно государство тамиллов Джафна и остров Маннар. Это государство считалось независимым от Сингальского государства. Предположительно несколько тысяч христиан проживало в португальских поселениях на Коромандельском берегу и в их окрестностях, в Бенгалии и Аракане (ныне Ракхайн в Мьянме). Но очень мало христиан было в этот период в Малакке, Сиаме (Таиланде), Бирме и Индокитае. Наиболее достоверная цифра для островов Индонезии – от 15 тысяч до 20 тысяч человек. Большинство из этих новообращенных было сосредоточено на островах Амбон (Молуккские острова) и на островах Солор (Малые Зондские острова). Число христиан в Макао достигало около 3 тысяч человек, но миссионерская деятельность иезуитов в Китае, которые добились таких замечательных результатов в XVII в., была все еще в зачаточном состоянии. Последнее, но не менее важное, что касается количества и качества, – это мис-

сионерская деятельность в Японии. Здесь христианская община вполне могла насчитывать до 300 тысяч человек; большинство проживало в Нагасаки и его окрестностях, на острове Кюсю и в столице Киото и вокруг нее.

За исключением христиан, придерживавшихся сирийско-халдейского обряда (Малабарская церковь Св. Фомы), которые были примирены с Римско-католической церковью на церковном соборе в Диампере (совр. Удаямперуре в штате Керала) в 1599 г., по весьма приблизительным оценкам, в регионе от Софалы в Африке до Сендая в Японии насчитывалось от полумиллиона до миллиона римокатоликов. Причем последняя цифра, весьма вероятно, является наиболее точной. Может показаться, что это не так много, в сравнении с миллионами тех, кто придерживался традиционных верований; но, вне всякого сомнения, это очень впечатляющий показатель. Тем более что жатва пришлась на промежуток времени от 1550 до 1599 г. И это притом, что количество миссионеров было незначительным.

В Японии, стране многообещающей миссионерской деятельности, в 1597 г. было всего 137 иезуитов-миссионеров; и на всех христиан Молуккских островов, численностью приблизительно 16 тысяч человек, приходилось всего 50 иезуитов, проповедовавших там с 1546 г. до конца столетия. Более того, смерть от различных заболеваний и естественная смертность среди миссионеров была неизменно высока, поскольку в то время о причинах тропических заболеваний и их лечении было ничего не известно. Поэтому всего за четыре года – с 1571 по 1574-й – в миссиях на Востоке умерло 58 иезуитов, многие из которых были достаточно известны. В отдельных миссиях с нездоровым климатом, таких как Замбези и Молуккские острова, оставалось всего от 5 до 6 миссионеров, которые отвечали за проповедь на огромной территории. Не способствовали обращению в христианство и гестаповские методы так называемой Святой палаты, или инквизиции; и самосожжение вдов индуистов сменила медленная смерть на кострах евреев в аутодафе в Гоа.

Одна из основных проблем миссионеров заключалась в том, что многие арабские правители опасались за своих подданных; они считали, что те из них, кто принял христианство, предпочтут отныне идентифицировать себя с европейскими завоевателями, чем оставаться преданными своей родной земле. Это было, до некоторой степени, неизбежным, особенно в Индии, где новообращенный индуист из высшей касты сразу же становился «неприкасаемым» и потому был вынужден полагаться на своих европейских единоверцев, рассчитывая на их защиту и поддержку. В Китае, Индокитае и Японии было широко распространено подозрение, что новообращенные христиане станут, выражаясь современным языком, «пятой колонной»; и зачастую оно было вполне обоснованным. Достаточно хотя бы вспомнить амбициозный план по завоеванию Китая в 1588 г. иезуита падре Алонсо

Санчеса, намеревавшегося набрать вспомогательные войска из японских и филиппинских христиан. Более здравые коллеги Санчеса сразу же отвергли его план; но знаменательно, что 20 лет спустя иезуитский хронист заявил в своей, получившей официальное одобрение, истории португальских миссий в Азии: «Сколько язычников обратится к Христу, столько же друзей и вассалов получит Его Величество себе на службу, потому что эти новообращенные позднее станут сражаться за государство [Португальскую Индию], христиане – против их необращенных соотечественников».

Среди тех препятствий, с которыми столкнулись миссионеры, не последнее место занимало их незнание религиозных верований тех, кого они собирались обратить в новую веру. Удивляет то, что новообращенных было так много. Особенного успеха миссионеры добились там, где (в отличие от Гоа или земель христиан из сословия даймё в Японии) было невозможно прибегнуть к помощи светской власти для того, чтобы запугать или разжечь чувство алчности у торговцев и тем самым привлечь на свою сторону. Господь, непостижимым образом творя чудеса, несомненно, даст ответ, который удовлетворит набожного верующего наших дней, как это было и в прошлом. Но те, кто придерживается иных, более светских взглядов, могут счи-

тать, что присутствуют и другие факторы. Довольно характерный факт, что в некоторых буддистских странах, где миссионеры добились наибольших успехов, особенно на Цейлоне и в Японии, влияние буддизма в то время значительно уменьшилось. В некотором смысле не будет преувеличением утверждать, что упадок буддизма в обеих странах можно сравнить с далеко не лучшим положением Римско-католической церкви в Западной Европе накануне Реформации.

Другим фактором, который играл на руку миссионерам, была поразительная схожесть многих обрядов индуизма и буддизма (использование изображений, воскурение благовоний, моление по четкам, женские и монашеские ордена, живописные обряды и храмы) с обрядами Римско-католической церкви. Действительно, миссионеры, как правило, не задумывались об этом, и они часто обвиняли дьявола в том, что он богохульно привнес католические традиции в практику восточных религий, чтобы смутить истинно верующих. Но опыт, обретенный кальвинистами и другими протестантами-миссионерами в Азии, ясно указывал на то, что такое чисто внешнее сходство обрядов значительно облегчало переход адептов местных верований в Римско-католическую церковь, в отличие от того, что предлагали строгие положения учения Жана Кальвина, Теодора Безы (Беза) и Джона Нокса. Стоит также отметить, что христианские миссионеры в землях индуистов и буддистов большей частью добивались наибольшего успеха среди представителей касты рыбаков. Это объяснялось тем, по крайней мере отчасти, глубоко укоренившимся среди буддистов и индуистов суеверным представлением, что нехорошо отнимать жизнь у животных. Рыбаки, к которым относились с презрением их единоверцы из Тутикорина (крайний юг Индостана, северо-восточнее мыса Коморин), острова Маннар (Цейлон) и острова Кюсю (Япония), находили сочувствие у христиан. Даже в мусульманской Малакке единственная группа местного населения, которая продолжает исповедовать христианство и в наше время, – это община рыбаков.

В итоге следует подчеркнуть, что влияние христианства в XVI в. в Азии распространилось не только на тех, кто принял его. Даже при дворе Великих Моголов были иезуиты-миссионеры, хотя их надежды на обращение в христианство императоров Акбара и Джахангира не осуществились. Иезуиты были также при дворе правителя Японии Хидеёси, даже тогда, когда христианским миссионерам было, по-видимому, запрещено проживать за пределами Нагасаки; и иезуит-визитатор Валиньяну был посланником вице-короля Гоа при дворе этого военного диктатора Японии. Францисканские монахи обратили в христианство последнего сингальского правителя Котте (Цейлон), который заявил о своем господстве над всем Цейлоном и завещал этот остров королю Португалии (и Испании). Шах Персии (Ирана) принял монахов-августинцев в своей столице, а правители Сиам (Таиланда) и Камбоджи разрешили пребывание доминиканцев в своей стране на некоторое время.

Несмотря на непонимание многими миссионерами местной культуры, все же некоторые из них, более восприимчивые в этом отношении, действовали подобно катализаторам в культурных отношениях между Азией и Европой. Представленные иезуитами при дворе Акбара картины и гравюры европейских художников произвели глубокое впечатление на индийских художников, что можно видеть на примере многочисленных миниатюр, в которых отразились европейское влияние и мотивы. Иезуиты поставили первый печатный станок с наборным шрифтом в Индию и (возможно) в Японию. Это помимо того, что в Нагасаки был напечатан (1599) сокращенный вариант книги «Путеводитель для грешников» монаха-доминиканца Луиса де Гранады с помощью наборного шрифта и ксилографического клише. В Китае периода династии Мин миссионеры, вдохновленные итальянским миссионером-иезуитом Маттео Риччи, начали постепенно внедрять западноевропейскую науку, которая обеспечила стране привилегированное положение в следующем веке. Но прежде всего миссионеры дали европейцам более глубокое представление об Азии благодаря своим письмам и отчетам, которые широко разошлись по всей Европе.

Глава 4

Рабы и сахар в Южной Атлантике (1500–1600)

Для нас не важно, было ли случайным открытие Бразилии, или это произошло в результате поставленной перед португальцами задачи, когда корабли Педру Алвариша Кабрала, направляясь в Индию, подошли в апреле 1500 г. к берегам этой страны²¹. «Земля истинного Креста», как называли ее первопроходцы, вскоре получила иное наименование – Бразилия. Это название было обязано красному дереву паубразил («цезальпиния» по-латыни), произраставшему на побережье. Португальцы были всецело заняты торговлей в Индии, добычей золота в Гвинее (Элмина) и походами в Марокко и потому не обращали должного внимания на эти недавно открытые земли, где, казалось, есть только красное дерево, попугаи, обезьяны и примитивнейшие голые дикари. Эти американские индейцы относились к языковой семье тупигуарани; они были охотниками, рыбаками и собирателями; женщины отчасти были заняты в сельском хозяйстве. Кочевые племена индейцев были в состоянии добыть огонь, но не могли производить металлы. Оседлые племена строили окруженные частоколом деревни, которые представляли собой несколько больших хижин, где спали; они были возведены из кольев, переплетенных травой, и имели крышу из пальмовых листьев. Основным продуктом питания был маниок, он становился съедобным после того, как из его клубневидных корней удаляли (путем варки, поджаривания и высушивания) ядовитый гликозид. Некоторые племена практиковали ритуальный каннибализм.

Первое впечатление при взгляде на этих обнаженных дикарей каменного века было положительным. В представлении европейцев это были невинные дети природы, почти как Адам и Ева в раю незадолго до их грехопадения. Секретарь Кабрала Педру Ваш де Каминья, непосредственный свидетель этого, писал королю Мануэлу: «Они показались мне людьми столь невинными, что если мы сможем понять их и они нас, то они вскоре станут христианами. Потому что, как кажется, они не имеют никакой религии и не имеют о ней понятия... Определенно этот народ добрый и удивительно простой, и мы можем легко обратить их в любую веру, какую бы мы ни захотели. И более того, Господь одарил их прекрасными телами и добрыми лицами, такими, какими он наделяет обычно добрых людей, и я верю, что Он, приведший нас сюда, сделал это намеренно... Среди них были заметны три или четыре девушки, очень молодые и очень красивые, с иссиня-черными волосами, спадавшими на плечи, их детородный орган, едва прикрытый и лишенный растительности, был настолько совершенен, что мы несколько не стыдились смотреть на него... Одна из девушек была вся покрыта татуировкой от головы до пят, рисунок был нанесен [голубовато-черной] краской, и она была столь совершенно сложена, и ее бесстыдство было столь очаровательно, что многие наши соотечественники, увидя такую красоту, устыдились бы, что они не такие же».

Португальцы предвосхитили концепцию французских философов «Благородного дикаря», сформировавшуюся в XVIII в., и многие современные исследователи в качестве свидетельства этого указывают на характерную особенность лузитанцев – готовность идти на сближение с людьми другого цвета кожи и склонность португальцев заключать браки с цветными женщинами. По существу, это было просто проявлением естественной потребности моряков, долгое время не имевших физических связей с женщинами. Можно легко провести параллель между их поведением и отношением английских и французских моряков в XVIII в. к легко одетым красоткам Таити и других островов Тихого океана. Более того, это льстившее дикарям каменного века сравнение их с невинными обитателями земного рая или канувшего в прошлое

²¹ Кабрал подошел к берегу Бразилии 22 апреля 1500 г. Однако еще 26 января 1500 г. к мысу Сан-Роки вышла испанская экспедиция Висенте Яньеса Пинсона, участника первой экспедиции Колумба.

золотого века продержалось недолго, как и схожая реакция Колумба и его испанских моряков при виде араваков с Карибских островов, встреченных им в его первом путешествии. Стереотипное представление о бразильском индейце как о неиспорченном дитяти природы вскоре было вытеснено всеобщим представлением португальцев о нем как о законченном дикаре. *Sem fe, sem rei, sem lei*, то есть для него не было «ни веры, ни короля, ни закона».

Эта перемена в отношении стала явной и преобладающей, хотя и не была всеобщей, начиная со второй половины XVI в. Это было в основном следствием того, что главным экспортным товаром страны вместо красного дерева стал сахар, и потому потребовалась дисциплинированная (или рабская) рабочая сила. На протяжении первых трех десятилетий этого периода все контакты с Бразилией ограничивались кратковременным посещением ее торговцами и моряками, которые приплывали выменивать железные инструменты и европейские дешевые безделушки и украшения на бразильскую древесину, попугаев, обезьян и пропитание, необходимое для самих португальцев на время их пребывания. Эта деятельность не предполагала строительства постоянных поселений; только беглецы и изгнанники приживались на новых местах и становились членами индейских племен.

Эта основанная на бартере экономика вела к установлению в целом дружественных отношений, несмотря на неизбежное взаимонепонимание в некоторых вопросах и случавшиеся стычки. Более того, французские моряки и купцы из Нормандии и ее столицы Руана также часто посещали побережье Бразилии с целью приобретения красного дерева, их бартерная торговля велась иногда даже с большим размахом, чем португальская. Вначале американские индейцы не делали различия между двумя соперничавшими европейскими странами. Но к 1530 г. они научились это делать. Старое межплеменное соперничество еще более обострилось: тупинамба в основном поддерживали французов, племя тупиникин – португальцев.

Растущая французская угроза в этом районе Южной Америки, который был предназначен Португалии согласно Тор-десильясскому договору (1494), естественно побудила короля Жуана III основательно взяться за колонизацию Бразилии. Согласно принятому им в 1534 г. плану, участок побережья между местом впадения в океан Амазонки и Сан-Висенти был разделен на 12 капитаний (*порт, capitania* — административно-территориальная единица), протягивавшихся с севера на юг на расстояние от 40 до 100 лиг и на неопределенное расстояние внутрь континента. Четыре северные капитании, расположенные между Парайба-ду-Норти и Амазонкой, не были заселены в XVI в., хотя землевладельцы, которые их получили (*donatarios*), безуспешно пытались добиться этого. Из оставшихся восьми только Пернамбуку на северо-востоке и Сан-Висенти на крайнем юге смогли преодолеть трудности начального периода освоения, и они стали относительно важными центрами экономического роста с достаточным населением. Другие или были оставлены в результате нападений индейцев, или пребывали в полной заброшенности, имея небольшие группы поселенцев на отдельных участках побережья, где они смогли как-то «зацепиться». Следующий шаг был предпринят королем в 1549 г., когда новый генерал-губернатор был направлен для создания капитании в Баии, занимавшей центральное положение среди всех капитаний. Она перешла под прямое управление представителя короля. Его сопровождали иезуиты-миссионеры, имевшие задачу обращения в христианство американских индейцев и призванные наряду с этим заботиться об образовании и нравственности колонистов, многие из которых были ссыльными. Французы, которые тем временем обосновались в Рио-де-Жанейро, были изгнаны из «Южной Франции», как они претенциозно называли его, в 1565 г. Прибрежные районы Бразилии были с тех пор под португальским контролем. Единственным местом, где поселенцы проникли вглубь страны, была Пиратининга, самый южный район Сан-Паулу.

Ссыльные, которые были пожалованы землей в 1534 г., и их наследники не были ни знатными дворянами, ни зажиточными купцами, но представителями мелкопоместного и нетитулованного дворянства. Они не имели, в большинстве своем, капитала и достаточных средств

для освоения земель, несмотря на все правовые и налоговые привилегии, дарованные монаршей властью. Эти привилегии предусматривали также право основывать небольшие поселения и предоставлять им права самоуправления, право смертной казни раба, язычника и представителей низшего класса христианского вероисповедания, право сбора на местном уровне налогов, за исключением налога на ряд товаров (в том числе красного дерева), бывших монополией государства, и право на строительство сахарных заводов, а также сбора десятины на ряд производимых продуктов, таких как сахар, и с вылова рыбы. Система дарений (*donatario*), представлявшая собой смешение феодальных и капиталистических отношений, прежде находила удачное применение в деле развития Азорских островов и Мадейры и менее успешно действовала на островах Зеленого Мыса и в течение короткого времени в Анголе (1575).

Были ли они в итоге успешными или нет, учреждение этих капитаний и образование центральной государственной власти в Баии привлекло тысячи поселенцев из Португалии, осевших на бразильском побережье. Это было значительным изменением в случайных до этого связях португальцев с американскими индейцами. Пионеры-поселенцы в первое время сильно зависели от бартерной торговли с местными жителями. Их снабжали продуктами питания и давали возможность получить работу случайные торговцы и лесорубы, занимавшиеся заготовкой древесины. Но когда поселенцы начали выращивать различные продовольственные культуры (в основном маниок) на расчищенных от леса участках и закладывать сахарные плантации, как они это делали в Пернамбуку и Баии, они столкнулись с нехваткой рабочих рук. Аборигены были готовы работать временно за орудия труда и различные дешевые украшения, но не имели ни малейшего желания заниматься постоянным каторжным трудом на ферме, в поле и на плантации.

С другой стороны, португальцы, эмигрировавшие в Бразилию, хотя и были прирожденными крестьянами, не собирались заниматься ручным трудом в этой новой, согласно их представлениям, «земле обетованной», если бы представилась возможность избежать этого. Все это неизбежно привело к тому, что поселенцы постарались использовать индейцев в качестве рабов. Те становились рабами после того, как их «выкупали», или попадали в плен в результате частых межплеменных войн, или их просто захватывали во время нападений на те индейские деревни, которые считались недружественными в отношении к поселенцам. Обращать индейцев в рабство категорически запрещал королевский указ 1570 г., за исключением тех случаев, когда они становились пленными во время «справедливой войны» или принадлежали к племенам каннибалов. Этот указ не был воспринят серьезно большинством поселенцев; к тому же различные другие факторы повлияли на сокращение количества работников на плантациях. Многие племенные группы были уничтожены вследствие войн и распространения различных болезней, принесенных европейцами, например оспы; плантационное рабство также вело к высокой смертности среди рабов. Таким образом, поселенцы были вынуждены искать какой-то выход из сложившегося положения, другие источники пополнения рабочей силы во второй половине XVI в.

Этот источник был найден в дальнейшем росте торговли черными рабами из Западной Африки. Труд этих рабов уже интенсивно использовался на островах Зеленого Мыса и в меньшей степени на Мадейре и в южных районах самой Португалии. Большие партии рабов в середине XVI в. отправляли на Антильские острова и в Испанскую империю в Новом

Свете. Но наиболее удачно и эффективно рабский труд негров использовали на островах Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе. Эти острова, когда их открыли португальцы в 1470 г., были безлюдны; и здесь сложилось смешанное население, представленное белыми поселенцами из Португалии (включая детей евреев, депортированных в 90-х гг. XV в.) и неграми-рабами из самых различных племен, привезенных с материка, многие из которых впоследствии обрели свободу. Почвы и климат Сан-Томе оказались очень благоприятными для выращивания сахарного тростника, и на острове в XVI в. произошел настоящий экономиче-

ский подъем, продолжавшийся на протяжении всего столетия, в связи с резким увеличением спроса на сахар в Европе. Процветавшее на островах производство сахара увеличилось с 5 тысяч арроб в 1530 г. до 150 тысяч арроб в 1550 г. Именно пример Сан-Томе привел к решению перенести производство сахара вместе с неграми-рабами также и в Бразилию.

Буйная тропическая прибрежная растительность была не в новинку португальским первопроходцам в Бразилии, многим из них стало привычно такое окружение во время исследовательских плаваний вдоль побережья Западной Африки. Но если и было много схожего между тропическими землями на обоих побережьях Южной Атлантики, существовали также явные различия. Португальские поселенцы вскоре обнаружили множество естественных природных рисков и помех на всем обширном пространстве континента – от джунглей Амазонии до холмистых равнин наиболее продвинувшегося на юг региона, в наши дни называемого Рио-Гранди-ду-Сул. Все же природная среда для белых поселенцев была менее враждебной, чем в Западной Африке, где во многих областях свирепствовала тропическая лихорадка. Многочисленные насекомые-вредители превращали занятие сельским хозяйством в подобие рискованной игры во многих районах Бразилии, даже если здесь и не встречалась африканская муха цеце. Длительные засухи опустошали на много лет внутренние области Северо-Востока, где экология едва ли стала лучше, если не хуже, за последние три столетия. В других местах страны капризный бразильский климат мог резко меняться – от проливных дождей и наводнений до почти полного их отсутствия. Несмотря на плодородные почвы в некоторых районах, таких как низменные территории Баии и равнины Пернамбуку, где выращивался сахарный тростник, на расчищенных от тропических джунглей участках, предназначенных для занятий сельским хозяйством, почвы были очень бедны органическими химическими элементами, что порождало проблемы при выращивании культурных растений. За исключением Амазонки и ее притоков реки Бразилии не дают возможности легко проникнуть во внутренние области страны; судоходству вверх по рекам мешают начинающиеся на относительно небольшом расстоянии от устья пороги и водопады. Эти естественные препятствия в Западной Африке выражены не столь сильно, где, однако, государственные образования негров банту или суданского происхождения образовывали более действенный барьер на пути во внутренние районы континента в сравнении с кочующими индейцами Бразилии.

С другой стороны, условия жизни в некоторых районах Португалии были таковы, что у многих людей не было выбора, как только эмигрировать. Бразилия, со всеми своими недостатками, давала им возможность лучшей жизни, которую они не могли обеспечить себе на родине. Португалия, не меньше чем Бразилия, зависела от капризов природы – то от постоянно льющих дождей, то от засухи, а также от бедных почв во многих районах. В XVI–XVII вв. страну опустошали эпидемии чумы, которой не было в Бразилии, пока в 1680-х гг. там не случилось вспышки желтой лихорадки. Перенаселенность и нехватка земли в некоторых плодородных районах (провинция Минью) в Северной Португалии и на островах Мадейра и Азорских в Атлантическом океане вели к постоянной эмиграции населения. И начиная примерно с 1570 г. все больше португальцев отправлялись в Бразилию, чем в «золотой» Гоа и на Восток. Ссыльных осужденных (*degradados*) в Баии в 1549 г. насчитывалось 400 человек из тысячи жителей. Но в дальнейшем число добровольных эмигрантов значительно превысило число тех, кто покинул страну не по своей воле, но ради ее благополучия. Более того, хотя эмигрантов-мужчин было, естественно, больше, чем женщин, число последних, последовавших за своими мужьями в Бразилию, значительно превысило число женщин, отправившихся в Индию.

Амброзиу Фернандеш Брандан, поселенец Северо-Востока Бразилии в конце XVI в. с большим опытом, разделил португальских иммигрантов на пять групп. К первой относились моряки, служившие на судах, курсировавших между Португалией и Бразилией, хотя, строго говоря, эти люди не были иммигрантами, но временными приезжими, даже если они оставляли в каждом порту по морской традиции жену или подругу. Во вторую группу входили купцы и

торговцы, многие из которых вели дело на основе поручительства в интересах главы компании, находившейся в Португалии. Брандан обвинял этих торговцев, что было довольно несправедливо, что они ничего не делали для обогащения колонии, а, наоборот, стремились вытянуть из нее все материальные ценности, насколько это было в их силах. Третью группу составляли ремесленники и мастера, работавшие самостоятельно каменщиками, плотниками, медниками, портными, сапожниками, ювелирами и др. Почти все они зависели от рабского труда, если у них хватало денег на покупку раба (или рабов), которых они могли обучить своему ремеслу. К четвертой группе относились работники, чей труд соответственно оплачивался, надсмотрщики или десятники на плантациях сахарного тростника или рабочие на скотоводческом ранчо. Пятую группу составляли работодатели, наиболее важными среди которых были владельцы энженьо (*senhores de engenho*), так в Бразилии называли сахарный завод вместе с плантацией сахарного тростника. Из этих плантаторов уже сформировалась местная аристократия, и они во всем старались выглядеть как дворяне, принадлежавшие к знати, вне зависимости от того, каково было их истинное происхождение и их зачастую темное прошлое. Брандан утверждал, что большинство представителей всех пяти групп намеревались вернуться в Португалию, как только они скопят достаточное количество денег, и отойти от дел. Утверждая так, он явно преувеличивал; он был вынужден признать, что большинству пришлось остаться в Бразилии, где многие обзавелись женами и семьями, и в результате они стали более тесно связанными со страной.

Иезуит Фернан Кардин, современник Брандана, оставил нам интересное описание Бразилии в этот период времени, которое английские корсары отобрали у него в 1601 г. и которое священник Сэмюэл Перчас опубликовал только 24 года спустя. Поскольку часть оригинала была утеряна, я буду цитировать перевод Перчаса там, где это необходимо. Кардин сильно хвалил климат Бразилии, называя его «умеренным, со свежим и целебным воздухом», который был лучше португальского. Его поражало долголетие жителей, как американских индейцев, так и португальских поселенцев. «Люди живут долго, до девяноста, ста и более лет; и в стране много пожилых людей». Он находился под глубоким впечатлением от «ясной и чистой» красоты тропических ночей, когда в небе сияет Южный Крест. Но, как и большинство его современников, он разделял средневековое поверье в губительное влияние Луны, которая, писал он, «наносит вред здоровью и приводит к порче многих вещей». Светает в этой стране столь же быстро, отмечал он, как и наступают сумерки; и в Южном полушарии «их зима начинается в марте и заканчивается в августе; лето начинается в сентябре и заканчивается в феврале; ночи имеют такую же продолжительность, что и дни на протяжении всего года». Один его комментарий довольно курьезен, а именно что страна «отчасти меланхолична», объяснение чему он находил в продолжительных дождях и частых разливах рек. Он говорил о том, что строительный камень встречается довольно редко в прибрежных районах, а также о том, что в стране не хватает необходимого материала для пошива одежды, за исключением хлопка. Выращивание крупного рогатого скота и сахара – вот чем в основном занимались здесь поселенцы, и в районах их проживания «пища и вода целебны и легко усваиваются организмом».

Сравнивая Бразилию с Португалией, Кардин считал, что у первой «более умеренный и благоприятный климат, без страшной жары и холодов, где люди действительно живут долго; где основные болезни – это колики или заболевания печени, боли в груди и голове, чесотка, и никаких других португальских болезней». Море у бразильского побережья изобилует съедобной и вкусной рыбой. На берегу наблюдается благословенное отсутствие вшей и блох. Дома выглядят непритязательно, «большинство их имеют глинобитные стены и перекрыты камышом, хотя теперь они начинают возводить постройки из известняка, камней и кирпичей». Имеется большая нехватка европейских материалов для одежды и мануфактуры, особенно в более бедных и редко населенных южных капитаниях. С другой стороны, в Пернамбуку и Баии население «снабжено всеми видами одежды и шелками, и люди ходят в изысканных нарядах, одеты

в шелк и бархат». Отсутствие вшей и блох компенсируется другими вредными насекомыми «самых разных видов, таких ужасных и ядовитых, что, если они ужалят человека, место укуса распухает и остается опухшим 3–4 дня; особенно это касается бодрых и здоровых людей, у которых свежая кровь от хорошего хлеба и вина и дорогих продуктов из Португалии». Удивительно, но, перечисляя вредных насекомых Бразилии, падре Кардин не упомянул о вездесущем муравье, который получил от раздосадованных его присутствием плантаторов сахарного тростника прозвище Король Бразилии.

Кардин резко осуждал то, как португальские поселенцы, или большинство из них, относятся к индейцам, которых убивали или обращали в рабство по малейшему поводу (или без него). И это несмотря на повторные королевские приказы и официальные законы, запрещающие подобную жестокость. Его отчет очевидца всего один из многих документов XVI–XVII вв., в которых подробно описывается, как поселенцы и королевские чиновники убивали, превращали в рабов и нещадно эксплуатировали индейцев; иезуиты-миссионеры были одиноки в своем стремлении защитить их. Даже если принять во внимание имевшие место преувеличения и тот факт, что индейцы не всегда воздерживались от враждебных действий, а также то, что некоторые из них были каннибалами, накопившиеся свидетельства дают возможность говорить о влиянии на поведение как португальцев, так и испанцев «черной легенды». Кардин приводит несколько примеров, как поселенцы выманивали индейцев из их деревень в сертане (*sertao*), внутренних засушливых районах страны, на побережье, где их превращали в рабов. В некоторых случаях охотники за рабами даже переодевались иезуитами-миссионерами, все были одеты в сутану и имели тонзуру, чтобы завоевать доверие дикарей, поскольку иезуиты были единственными белыми людьми, кому индейцы доверяли.

Приводимые Кардином свидетельства того, что португальские поселенцы часто в своем поведении руководствовались принципом, которому позднее последуют англосаксы в Северной Америке, что «хороший индеец – это мертвый индеец», слишком многочисленны, чтобы приводить их здесь. Достаточно процитировать одно из многих наблюдений, из которого становится ясно, какая пропасть пролегла между королевскими предписаниями и практикой колонистов.

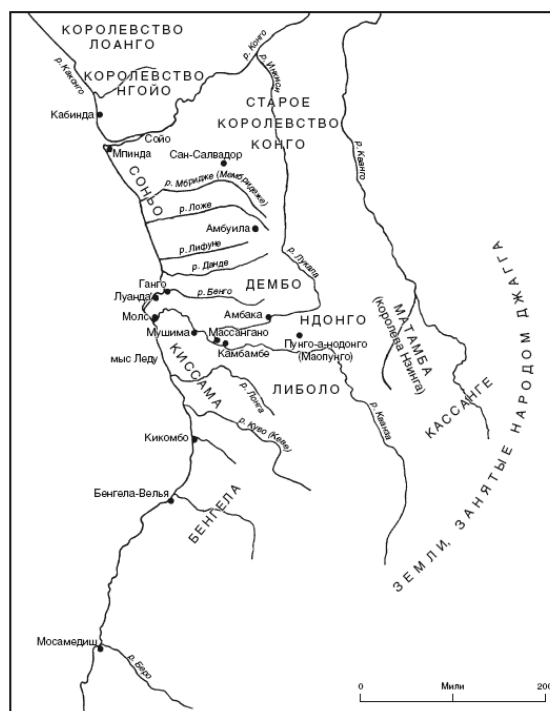
«Что касается осуществления правосудия в отношении индейцев, Королю, нашему повелителю, следует понять, что хотя Его Величество, как и все королевские особы, его предшественники, всегда считают основной обязанностью губернаторов рассматривать и решать дела индейцев, тем не менее правосудие касательно их в Бразилии почти не имеет места. Это ясно видно по тем нападениям, ограблениям, пленениям и другим притеснениям, которым подвергаются индейцы вплоть до сих пор. К индейцам закон всегда был суров; их приговаривали к повешению, четвертованию, рассечению на части; им отрубали руки, пытали раскаленными щипцами и сажали на жерло пушки. Все это полагалось за убийство или соучастие в убийстве португальца (который, несомненно, заслуживал этого). Но всегда есть люди, и их немало в Бразилии, как и всегда они были, печально известные грабежами, воровством, поджогами, продажей в неволю и убийствами в отношении многих индейцев, против которых еще ни разу не было применено наказание. И следует опасаться, что возмездие придет с Неба ко всем жителям Бразилии».

На основании всего сказанного, принимая во внимание массу свидетельств, можно легко опровергнуть современное утверждение португальцев о бескровной колонизации Бразилии, отмеченное произвольной симпатией и пониманием к американским индейцам, чувством, которое отсутствует у других колониальных держав в Америке – испанцев, англичан, французов или голландцев. Но было бы, конечно, равным образом ошибочным недооценивать действительные достижения Португалии в колонизации Бразилии и утверждать, что к аборигенам всегда везде относились плохо, как уверяли Кардин и современные ему критики. Если поселенцы, в своей значительной части, рассматривали индейцев как источник рабочей силы,

которых можно было принудительно использовать, нисколько не считаясь с ними, были также и примеры мирной расовой ассимиляции. Первопроходцу Дуарте Куэлью была передана в дар капитания Пернамбуку и часть морского побережья (*donatario*); два поколения его семьи в течение 1540–1570 гг. прилагали большие усилия, чтобы отстроить колониальное поселение, чему упорно сопротивлялись окрестные племена. В это же самое трудное время родственник Дуарте конкистадор Жерониму д'Албукерки, отличавшийся чадолубием, прославился своими любовными похождениями. Его знали как человека «имевшего мягкий характер и дружелюбно расположенного к окружающим, и поскольку у него было много детей от дочерей местных племенных вождей, он относился к ним с предупредительностью». Патриарх «Адам из Пернамбуку», окрещенный этим именем из-за своего многочисленного потомства, в 1584 г. официально признал 24 своих отпрыска. И в наши дни многие из знатных семейств Пернамбуку гордятся своим происхождением от индейской «принцессы» Марии ду Эспириту Сайту Арку-Верде. Это была бразильская (и более плодovitая) Покахонтас²².

Иезуиты пытались сделать из кочующих индейцев оседлых христиан, собирая их в миссионерские поселки (*aldeias*), так же поступали, с переменным успехом, их испанские коллеги, создавая более известные всем резервации в Парагвае. Эти поселки первоначально располагались вблизи поселений белых и их небольших городков; иезуиты вынужденно давали согласие на работу своих подопечных у португальских поселенцев, оговаривая это рядом условий и гарантий. Но они стремились ограничить эти контакты, насколько это было возможно, и оградить своих неофитов от разлагающего влияния белых поселенцев и полукровок. По этой причине они воздерживались, в некоторых местах, от обучения новообращенных португальскому языку, пользуясь в миссионерских поселках в общении смесью диалектов тупи-гуарани с португальским языком. Монархия была также заинтересована в том, чтобы обеспечить дружеское сотрудничество с «цивилизованными» индейцами, которых называли *Indios mansos* («кроткие индейцы»), в защите прибрежных поселений от нападений корсаров – в первую очередь французских, а после 1570 г. и английских. Эти дружественные индейцы были также полезны, когда устраивали облавы на сбежавших негров-рабов, хотя индианки часто свободно вступали в связь с африканцами, когда представлялась такая возможность; мужчины этих рас обычно недолюбливали друг друга. В самых южных районах Сан-Паулу и Сан-Висенти процесс смешения белых и индейцев протекал интенсивнее, чем где-либо еще. Белые поселенцы брали в жены индианок или чаще сожительствовали с ними. В жилах жителя Сан-Паулу текла смешанная кровь (так обстояло дело почти со всеми), в этом было явное сходство бразильцев с франко-канадскими метисами, или, иначе, трапперами (*фр. coureur-du-bois*). Местные жители привычнее себя чувствовали на лесных тропах в отдаленных внутренних районах, чем дома на собственной ферме. Они удалялись вглубь континента на сотни миль в поисках индейцев-рабов и драгоценных металлов, отдельные их отряды проникли вплоть до Анд в конце века.

²² Покахонтас – дочь индейского вождя, вышедшая в 1614 г. замуж за Джона Ролфа в английской колонии Джеймстаун в современном штате США Виргиния. Пакахонтас, которую окрестили Ребеккой, родила сына, потомки которого живы до сих пор, сама же отправилась с мужем в Англию, где в 22 года умерла от пневмонии или туберкулеза.

Ангола и королевство Конго, XVI–XVIII вв.

Как бы ни были удачливы индейцы в роли охотника, рыболова, бойца или охотника за рабами на службе белого человека и как бы ни желали индианки стать его женами, наложницами и служанками, именно труд раба-африканца стал основой плантационного хозяйства в трех (относительно) населенных прибрежных районах – Пернамбуку, Байя и Рио-де-Жанейро. Этих негров-рабов привозили в основном из различных областей Западной Африки, расположенных к северу от экватора, начиная, можно сказать, с 1550 г. Во второй половине XVI в. это были в основном Конго и Ангола. Первоначально рабы набирались в Сенегамбии из народностей волоф и мандинга в западной части Судана, на побережье рабов в Нижней Гвинее из народностей ардра и йоруба, а также из жителей Бенина и Варри в дельте реки Нигер. Острова Сан-Томе и Принсипи, особенно первые, вскоре стали перевалочным пунктом, где собирались партии рабов из Нижней Гвинеи, а позднее из Лоанго и Конго, для того чтобы быть проданными за золото в Сан-Жоржи-да-Мина (Элмине) или отправленными на продажу в Лиссабон, Бразилию или Испанскую Америку. Подобную роль исполнял остров Сантьяго среди островов Зеленого Мыса, куда свозились рабы из Сенегамбии. Работорговля на Сан-Томе и впоследствии выращивание сахарного тростника на этом острове получило значительный стимул после того, как португальцы установили дружественные отношения с королевством Конго народа банту в 1483 г. История безуспешных попыток насадить христианство и европейскую цивилизацию в этом африканском королевстве в первой половине XVI в. хорошо известна, и здесь необходимо только вкратце подытожить ее. Она наглядно показывает двойственность в подходе португальцев к черным африканцам, который сохранялся в течение длительного времени, – стремление спасти их бессмертные души и поработить их бренные тела.

Основная часть старого королевства Конго занимала северную часть современной Анголы со столицей Мбанза-Конго, которая позже была переименована в Сан-Салвадор. С севера королевство ограничивала река Конго, на юге – р. Ложе; восточная граница проходила приблизительно в южном направлении от озера Стэнли-Пула²³ параллельно реке Кванго. Различные государства и племена к востоку и югу от этих границ по очереди признали власть

²³ Ныне оз. Малебо – на р. Конго выше Киншасы и Бразавиля.

Конго, изредка отправляя дань и дары *Мани*, вождю или королю, имевшему резиденцию в Мбанза-Конго. Одним из этих довольно бедных данников был Нгола, король Ндонго – государства, расположенного между реками Данде и Кванза, к югу от Конго. Конголезцы и племена мбунду, населявшие эти саванны, которые охватывали с юга экваториальные леса, практиковали сменную культивацию, чередуя различные культуры. Они умели обрабатывать металлы – железо и медь – и были искусными горшечниками. Они также ткали циновки и изготавливали различные предметы одежды из листьев пальмы рафия. Их мастерство в этом деле просто поражало первых португальцев. У них были домашние животные – свиньи, овцы, куры и в некоторых районах крупный рогатый скот, хотя они не пили молока, не занимались маслоделием и сыроварением. Их жилищем были хижины, или краали, построенные из непрочных материалов, прямоугольных по форме. Из сельскохозяйственных орудий у них была только мотыга и топор; наряду с просом, сорго и бобами, которые они выращивали, в их рационе были также лесные плоды и дичь. Законы племени и обычаи регулировали их повседневную жизнь, и их знахари, лечившие людей, были в большом почете. Конголезцы не знали искусства письма; но португальцы считали их наиболее развитыми среди негритянских племен, которые они до сих пор встретили. И эти банту железного века, без сомнения, превосходили бразильских индейцев, пребывавших в каменном веке.

Конголезская монархия не была наследственной. Королю обычно наследовал один из его сыновей; но, как правило, у наследника были соперники, и победивший претендент на трон убивал своих противников и тех, кто их поддерживал. Утвердившийся на престоле король теоретически обладал абсолютной властью, но на деле он должен был обязательно прислушиваться к мнению ведущих представителей знати. Наиболее влиятельные из них были губернаторами пяти из шести провинций, на которые королевство было поделено (центральная шестая провинция находилась под его личной властью). Эти правители отвечали за сбор и доставку в столицу местной дани в виде пальмового волокна, слоновой кости, шкур и рабов. Наиболее ценной валютой были морские раковины *изимбу*; и их доставляли исключительно с острова Луанда, которым управлял представитель короля.

Португальские короли из Ависской династии начиная с 1483 г. не предпринимали попыток ни установить политический контроль над королевством Конго, ни завоевать его силой. Им было достаточно признавать королей Конго своими соратниками по оружию и относиться к ним как к союзникам, а не вассалам. Пытались они также обратить королей и их подданных в христианство, посылая миссионеров в Конго и обучая избранных конголезских юношей в Лиссабоне. В первые португальские миссии и посольства в Конго входили не только священники и монахи, но и опытные ремесленники, каменщики, кузнецы и сельскохозяйственные работники. Два немецких печатника в Лиссабоне добровольно переехали со своим печатным станком на остров Сан-Томе в 1492 г., как можно предположить, с целью трудиться в интересах королевства Конго или в самом королевстве. Однако ничего из того, что они могли бы выпустить из-под печатного пресса, не сохранилось. Несколько португалок были направлены в королевство, чтобы научить местных женщин из знати правилам ведения домашнего хозяйства, принятым в Португалии. Один из конголезских принцев, посланных учиться в Европу, был со временем рукоположен в епископы Утики, на что неохотно дал согласие папа римский по просьбе португальского короля в 1518 г. Наиболее страстным сторонником западной цивилизации и религии в XVI в. в Конго был король Нзинга Нвемба, названный доном Афонсу I после его обращения в христианство, правивший с 1506 по 1543 г. Это был истинный, пылкий и умный новообращенный христианин, который прилагал все усилия для утверждения новой веры, в том числе подавая личный пример. Португальских миссионеров, торговцев и мастеровых людей ожидал теплый прием, и по крайней мере какое-то время конголезцы проявляли искреннее желание принять (или адаптировать) европейский образ жизни, который привлек японцев 350 лет спустя. Что же тогда помешало королевству народа банту четыре с половиной

столетия назад принять западный образ жизни, когда король Португалии Мануэл I и король Конго Афонсу I оба искренне преследовали эту цель?

Во-первых миссионеров было недостаточно, как и учителей и ремесленников для обучения конголезцев. Дон Афонсу постоянно просил о присылке новых учителей и ремесленников, но их так и не набралось в достаточном количестве. Многие из тех, кто все же приехал, вскоре умерли, так как в то время ничего не было известно о причинах и методах лечения малярии и других тропических заболеваний. Во-вторых, многие из приехавших миссионеров проявляли равнодушие в своей деятельности, которая не была их призванием, поскольку духовенство в Португалии не отличалось высокой моралью, как и повсюду в Европе. В-третьих, обширные и все множившиеся обязательства Португалии в отношении заморских территорий, раскинувшихся от Островов пряностей до Сан-Висенти в Бразилии, наряду с продолжавшимися военными действиями в Марокко, с неизбежностью отвлекали внимание от Конго. Король Португалии Жуан III, правивший с 1521 по 1557 г., в отличие от двух своих предшественников, не проявил особого интереса к миссионерству в Конго. В течение длительного времени он оставлял без ответа многочисленные письма и послания короля Конго; и когда он действительно посылал ответ и оказывал какую-либо помощь, то обычно она была очень незначительна и приходила слишком поздно. Вторжение орд каннибалов джагга из Центральной Африки в королевство Конго в 1568–1573 гг. привело к опустошению нескольких его областей, прежде чем этих дикарей изгнал из пределов королевства португальский экспедиционный корпус. Но основной причиной провала столь обещающего начала – утверждения западной цивилизации в Конго – была постепенно крепнувшая связь между миссионерами и работоторговцами, которая окончательно сложилась перед вторжением джагга.

Уже в 1530 г. годовой вывоз рабов из королевства Конго оценивался в 4 тысячи или 5 тысяч *rescas de Indias*. Под наименованием *resca* подразумевался сильный и здоровый юношараб; все другие рабы обоего пола ценились меньше и не были ему равноценны. Под эту категорию могли подпадать два или три человека, разного возраста, пола и физической формы; грудных детей считали вместе с матерью. В это время большинство рабов приобретали в процессе меновой торговли вне пределов королевства Конго из племен теке и мпумбу на северо-востоке и мбунду на юге. Король Афонсу I и его наследники постоянно жаловались, что португальские торговцы смотрят на конголезцев как на рабов; да и вторжение джагга сопровождалось значительным ростом работоторговли, которая продолжала процветать в Конго и после их изгнания. Сами конголезские короли время от времени дарили рабов королям Португалии; но из их переписки явствует, что рост работоторговли воспринимался ими болезненно и они старались ограничить ее, как могли. Португальские короли также были намерены сотрудничать в этом отношении с конголезскими монархами, но их усилия систематически саботировали губернаторы и плантаторы острова Сан-Томе, которые постоянно увеличивали объемы торговли, заключая сделки с оптовыми торговцами на континенте.

Не желая исполнять мешавшие им королевские указы и стремясь уклониться от уплаты экспортных пошлин в конголезском порту Мпинда, работоторговцы с Сан-Томе все чаще обращали свои взоры на королевство Ндонго, к югу от реки Данде; здесь жил народ мбунду. Португальцам стало известно о существовании этого недавно образованного, но растущего государства банту к 1520 г., когда король Мануэл передал инструкции двум посланникам ко двору «Короля Анголы», так был назван могущественный правитель согласно своему родовому имени Нгола. Посланникам сообщили, что страна Нголы, как говорят, богата серебром и что он сам просил прислать миссионеров, имея намерение принять христианство. Каковы были результаты этого первого посольства, неизвестно, но поиски новых душ и серебра продолжали оказывать влияние на португальскую политику в Анголе на протяжении многих лет, хотя, как и в Конго, рабы оставались наиболее надежным и непосредственным источником дохода. Вплоть до 1571 г. португальская монархия ставила условием, что рабов должны принимать на борт

только в конголезском порту Мпинда; но уже начиная с 1520 г. все большее количество рабов непосредственно отправлялось из устья реки Кванза в Анголе, где действовали работорговцы с острова Сан-Томе, которые уклонялись от уплаты государству экспортной пошлины.

В 1560 г. португальский монарх предпринял еще одну попытку установить официальные отношения с Нголой. Однако послов, среди которых было четыре миссионера-иезуита, несколько лет продолжали удерживать в Нголеме, столице Ндонго, которую описывали как город из 5–6 тысяч «домов» (краалей), прежде чем он сгорел в 1564 г. в пожаре. Паулу Диаш де Нувайш, который сопровождал иезуитов, вместе с несколькими выжившими попутчиками был освобожден Нголой по прошествии нескольких лет; но священник-иезуит Франсишку де Гувейя оставался в плену до самой смерти десять лет спустя. Задолго до этого он разочаровался в возможности без труда обратить мбунду в христианство. В своем послании португальскому монарху в 1563 г. он утверждал на основании полученного опыта, что эти банту были варварами-дикарями, которые не могут быть обращены посредством мирного убеждения, которое применялось в отношении таких культурных азиатских наций, как японцы и китайцы. Христианство в Анголе, писал он, должно насаждаться силой оружия, и в случае, если это удастся, банту станут прекрасными и послушными христианами. Таковым было и оставалось в течение долгого времени основное убеждение португальских миссионеров и мирян. Как писал другой иезуит-миссионер из Анголы двенадцать лет спустя: «Почти каждый убежден, что обращения этих варваров невозможно добиться любовью, только сила может сделать из них христиан и вассалов нашего повелителя короля».

Взгляды церкви воинствующей совпадали с предложениями Паулу Диаша де Нувайша, который после возвращения в Лиссабон в 1565 г. обратился с настоятельной просьбой к правительству назначить его правителем Анголы, чтобы можно было повторить успешный опыт организаций капитаний в Бразилии. В 1571 г. ему была дана королевская грамота, согласно которой предусматривалась колонизация, по крайней мере части Анголы, крестьянскими семействами из Португалии. Их должны были снабдить «всеми семенами и саженцами, какие они только могут взять с собой, как из королевства, так и с острова Сан-Томе». Но когда в феврале 1575 г. эскадра Паулу Диаша подошла к Луанде, там уже давно шла незаконная работорговля, которой положили начало белые Сан-Томе. Малярия и другие тропические болезни оказались непреодолимым препятствием для полномасштабной колонизации белыми поселенцами внутренних областей в течение следующих трех столетий. О высоких идеалах королевской грамоты вскоре было забыто, и все свелось к одной работорговле. Рабов набирали двояким способом. Во-первых, через посредничество странствующих работорговцев (*pombeiros*). Среди них встречались и белые португальцы, но чаще всего это были мулаты, или свободные негры, или даже обремененные доверием рабы. Все они отправлялись во внутренние районы на рынки невольников и оттуда караванами доставляли рабов на побережье. Португальцы также получали дань рабами от племенных вождей, которые им подчинялись. Вторым источником пополнения рабской силы был набег. Отправлявшимся в набег за рабами помогали воины джагга, которые играли ключевую роль в «черной войне» (*guerra preta*); их называли также «охотниками за буйволами» (*empacasseiros*).

Племя пенде, жившее на побережье Анголы в XVI в. и потом откочевавшее во внутренние районы к реке Касаи, сохранило интересное устное предание о португальском завоевании их первоначальной родины.

«Однажды прибыли белые люди на кораблях с крыльями, которые блестели на солнце, как ножи. Они долго воевали с Нголой и плевались в него огнем. Они захватили его соляные ямы, и Нгола бежал вглубь страны на реку Лукала. Некоторые его храбрые подданные остались у моря, и когда белые люди пришли, они обменяли яйца и цыплят на их ткани и бусы. Белые люди пришли вновь. Они принесли нам маис и кассаву, ножи и мотыги, земляные орехи и

табак. С этого времени и до сегодняшнего дня белые не приносили нам ничего, кроме войн и нищеты».

Когда европейцы начинали высаживать новые культуры, они научили местных туземцев молитве, чтобы вырос хороший урожай; пенде до сих пор помнят, хотя и в искаженной форме, эту молитву.

Хотя португальцы продолжали вывозить рабов из Мпинды и Лоанго в Бразилию через Сан-Томе на протяжении всего XVI в., Ангола стала основным поставщиком рабов после основания Луанды в 1575 г. Надежная статистика за этот период отсутствует, но приезжий инспектор, проверявший отчеты таможенного управления в Луанде в марте 1591 г., сообщал, что с начала года было вывезено 52 053 *recas de Indias* (или просто *реса* – стандартная партия рабов, отобранных по возрасту, полу и физическому состоянию). Эта цифра, отражающая общий объем работорговли в Западной Африке, явно занижена, поскольку не учитывается значительное количество рабов, вывезенных из других портов и в результате контрабандной торговли. Мы также не знаем, какая часть этих рабов прибыла в Бразилию и какая – была предназначена для продажи в Испанской Америке. Подрядчики и торговцы-перекупщики, которые играли основную роль в этой торговле, – зачастую это были португальские евреи, – предпочитали отправлять рабов в Кастильскую Вест-Индию, чем в Бразилию, даже когда невольничьи корабли якобы отправлялись в один из бразильских портов. Испанцы платили за рабов серебряной монетой, в то время как плантаторы и поселенцы Бразилии рассчитывались сахаром, ромом и табаком. Другие неофициальные источники того времени называют цифру в 23 тысячи рабов, вывозимых за год только из Анголы. Эта цифра, несомненно, сильно завышена, но сохранившиеся свидетельства говорят, что от 10 тысяч до 15 тысяч негров-рабов из Западной Африки в среднем за год сходили на берег в бразильских портах. Большая их часть в последней четверти XVI в. была из Анголы.

Вопросы вызывает и то, на каких территориях расселялись негры-рабы в Бразилии в те годы, но, несомненно, большая их часть была сосредоточена в Пернамбуку и Баии. Предположительно, в 1580–1590 гг. в Пернамбуку проживало от 10 тысяч до 2 тысяч рабов, в Баии – от 3 тысяч до 4 тысяч. Для Пернамбуку первая цифра была ближе к истине, чем вторая, поскольку это было более богатое и процветающее поселение, чем Байя. Падре Мауру, который проанализировал все показатели, предполагает, что негритянское население Бразилии в 1600 г. выросло до 13–15 тысяч человек, 70 % которого было занято на всех 130 плантациях сахарного тростника. Он также подсчитал, что каждый негр собирал ежегодно 80 арроб (1 арроба – 15 кг) тростника, общий его годовой сбор составлял от 750 тысяч до 800 тысяч арроб. Принимая во внимание, что продолжительность трудовой жизни раба была в среднем 7 лет, он определил, что максимальное количество вывезенных из

Западной Африки рабов за 30 лет составило около 50 тысяч человек, «и это довольно точная оценка».

Сведения о белом населении Бразилии тоже неполны и противоречивы в отсутствие какой-либо переписи. Общепринятая для 1584 г. оценка приводит цифру общего количества населения в 57 тысяч человек: 25 тысяч белых, 18 тысяч натурализованных индейцев и 14 тысяч негров-рабов. Не говоря уже о том, что она основывается на противоречивых свидетельствах того времени (Аншьета, Кардин и Суареш), не принимается во внимание и процесс смешения трех рас, шедший на протяжении почти целого столетия. Магальянш Гудинью, соглашаясь с наличием 57 тысяч душ в 1583 г., оценивает население в 1600 г. в 150 тысяч человек, среди которого было 30 тысяч белых и 120 тысяч рабов. Но эти подсчеты полностью игнорируют американских индейцев и родившихся от смешанных браков, и, кроме того, выглядит невероятным тот факт, что количество населения утроилось за 17 лет. Единственное, что можно утверждать, вне всякого сомнения, – это то, что и белое и черное население Бразилии значительно выросло в последней четверти XVI в.; подсчеты, произведенные инквизи-

рами-ревизорами, указывают на большой процент иммигрантов из северных областей Португалии.

Каковы бы ни были реальные показатели численности населения, не может быть никакого сомнения, что стремительный рост производства сахара в Бразилии в 1557–1600 гг. был одним из значимых событий в атлантическом мире того времени. Пернамбуку и Байя оставались наиболее важными центрами производства и самыми многочисленными поселениями. Так, в 1585 г. было только три сахарных завода и 150 португальских домовладельцев в Рио-де-Жанейро, тогда как в Олинде и ее окрестностях работало 66 заводов и проживало 2 тысячи португальцев. Роскошные наряды и лукулловы пиры, устраиваемые богатейшими плантаторами в Пернамбуку, вызывали критику иезуитских моралистов. Падре Кардин заметил, что «в Пернамбуку более заметно проявляется тщеславие, чем в Лиссабоне». Но он также признавал, что плантаторы в большинстве своем делали щедрые пожертвования на церковь и, в частности, на иезуитов, посылая своих детей учиться в иезуитскую школу в Олинде. Кардин сообщает, что в 1584 г. в торговле сахаром были заняты 40 судов, курсировавших между Ресифи и Лиссабоном. К 1618 г. их число увеличилось до 130.

Высокодоходная и обладавшая способностью к быстрому восстановлению торговля сахаром не раз успешно преодолевала все выпадавшие на ее долю испытания. Например, за три года, с 1589 по 1591 г., каперы английской королевы Елизаветы захватили 69 судов, занятых в бразильской торговле; стоимость сахара в трюмах этих судов оценивалась по крайней мере в 100 тысяч английских фунтов. Это привело к тому (как сообщал испанский шпион), что сахар стал дешевле в Лондоне, чем в Лиссабоне или Баии. Французские корсары и пираты-берберы также приложили к этому руку, не говоря уже о естественных рисках, таких как великая засуха 1583 г., которая на время подорвала производство сахара в Пернамбуку. Но все возраставший спрос на сахар в Европе и рост работорговли с Анголой, а также возможность фрахта нейтральных судов (Ганза) позволили плантаторам постепенно увеличить объемы производства. В конце столетия один из них мог похвастаться перед правительством в Лиссабоне, что сахар из Бразилии дает больший доход, чем все пряности, перец, драгоценные камни и предметы роскоши, которые на военных судах везли из «золотого» Гоа.

Глава 5

Мировое соперничество с голландцами (1600–1663)

Голландский путешественник Виллем Босман, автор классического описания Гвинеи в конце XVII в., заметил, что роль португальских первооткрывателей и завоевателей в колониальном мире подобна роли «сеттера, который поднимает дичь, но, как только она убита, ее захватывают другие». При этом наибольшую выгоду получали голландцы. В этом циничном замечании есть большая доля правды, потому что, когда голландцы в конце XVI в. перешли в наступление в своей 80-летней войне за независимость против испанцев, именно португальские колониальные владения, а не испанские оказались мишенью постоянных и мощнейших атак голландцев. Поскольку владения иберийских стран были разбросаны по всему миру, то военные действия велись на четырех континентах и семи морях, и скорее именно это соперничество, развернувшееся в XVII в., заслуживает названия Первой мировой войны, а не холокост 1914–1918 гг., которому присваивается эта сомнительная слава. Потери в голландско-иберийском конфликте были не так уж и велики, но и численность населения в мире была в ту эпоху довольно небольшой, хотя несомненно, что борьба велась на всех континентах. Помимо сражений на полях Фландрии и всем пространстве Северного моря, противостояние шло от устья Амазонки до нагорий Анголы, от острова Тимор до побережья Чили. Трофеями были гвоздика и мускатный орех Молуккских островов, корица Цейлона, перец Малабарского берега, серебро Мексики, Перу и Японии, золото Гвинеи и Мономотапы, сахар Бразилии и негры-рабы Западной Африки. Если только вспомнить, что численность населения двух небольших стран, Португалии и Республики Соединенных провинций, не превышала, возможно, полутора миллионов человек в каждой и что обе страны были глубоко вовлечены в европейские дела, величие и размах их действий поневоле должны вызывать у нас чувство восхищения. Более того, в это мировое соперничество часто вовлекалась третья сторона – это могли быть англичане, датчане, конголезцы, персы (иранцы), индонезийцы, камбоджийцы и японцы. И последнее, но не менее важное, – присутствовал ясно выраженный религиозный аспект, поскольку католики-португальцы и кальвинисты-голландцы ощущали себя защитниками своей веры и потому считали, что ведут борьбу во славу Господа против Его врагов. В глазах сторонников «истинного христианского реформатского учения», а именно такое его определение было принято на синоде в 1618–1619 гг. в Дорте, Римско-католическая церковь была «вавилонской блудницей», а папа римский – истинным Антихристом. Португальцы, со своей стороны, были абсолютно убеждены, что спастись можно только верой в догматы Римско-католической церкви, как провозгласил Тридентский собор в XVI в. «Голландцы всего лишь хорошие канониры, а в остальном они если чего-то и заслуживают, то только сожжения на костре, как закоренелые еретики» – так писал португальский хронист в 1624 г., выразив тем самым убеждения многих своих соотечественников.

Большое голландское наступление на Португальскую колониальную империю явно имело своей причиной объединение испанской и португальской монархий под главенством испанского короля Филиппа II. Против его владычества в Нидерландах в 1568 г. восстали голландцы. Десять лет спустя 4 августа 1578 г. в битве при Эль-Ксар-эль-Кебуре в Марокко потерпел поражение и был убит бездетный король Себастиан, и трон перешел к последнему монарху из Ависской династии, престарелому и больному кардиналу Энрике. Король-кардинал умер в январе 1580 г.; прошло несколько месяцев, и Филипп II, матерью которого была Изабелла Португальская, предъявил свои права на вакантный португальский трон. Он прибег к помощи солдат-ветеранов герцога Альбы и мексиканских «серебряных пуль» и, применив эту хитроумную комбинацию, получил возможность сказать с гордостью о своем новом владении: «Я наследовал его, я купил его, я завоевал его». Испания и Португалия оставались единым государ-

ством в течение 60 лет; португальские патриоты сравнивали эти года с «вавилонским пленом» евреев²⁴. Иберийская колониальная империя просуществовала с 1580 по 1640 г., протянувшись от Макао в Китае до Потоси в Боливии; она стала первой империей в мире, над которой никогда не заходило солнце.

Захват Филиппом II Португалии в 1580 г. столкнулся лишь с видимостью сопротивления, за исключением азорского острова Терсейра, на который испанцы предприняли крупное вторжение. Большинство португальской знати и высшего духовенства поддерживали объединение двух стран. Широкие слои народа и низшее духовенство глухо протестовало, но массы были неорганизованны, подавлены случившимся, и у них не было вождя после катастрофы под Эль-Ксар-эль-Кебиром, которая еще больше ослабила экономику страны, поскольку большие денежные суммы шли на выкуп у мавров пленных. Однако национальное чувство португальцев было довольно сильно, и сам Филипп II был достаточно благоразумен, чтобы на собрании в 1581 г. кортесов, которые официально подтвердили право короля на корону, способствовать достижению договоренности о том, что две колониальные империи будут по-прежнему иметь раздельное административное управление. Уния этих двух иберийских монархий была личной, подобно тому как это было в Объединенном королевстве Шотландии и Англии в лице монархов Стюартов, начиная от восхождения на престол Якова VI (он же английский король Яков I) и до Акта об объединении при королеве Анне. Король Испании Филипп II (он же король Португалии Филипп I) поклялся сохранить португальские законы и язык, советоваться с португальцами при обсуждении всех дел, имевших непосредственное отношение к Португалии и ее заморским владениям, и назначать туда только португальских чиновников. Испанцам было категорически запрещено торговать и селиться в Португальской империи, а португальцам – заниматься подобным в Испанской империи.

Португальцы впоследствии жаловались, что союз их монархии с Испанией был единственной причиной, по которой голландцы, и в меньшей степени англичане, решили напасть на их заморские владения в начале XVII столетия. Эти жалобы, выглядевшие вполне естественно, едва ли были справедливыми. Англичане уже бросили вызов торговой монополии Португалии в Гвинейском заливе в середине XVI в., и нет никакого сомнения в том, что две протестантские морские державы уже были обречены на конфликт с Португалией, когда последняя заявила, что она единственная владычица на океанских просторах к востоку от мыса

Доброй Надежды. Все же факт остается фактом, что именно усилия Филиппа II подавить восстание в Нидерландах и вводимое им периодически эмбарго на голландскую торговлю с Иберийским полуостровом и империей способствовали втягиванию португальцев в войну с северными морскими державами раньше, чем это могло бы случиться. Более того, сильная голландская морская держава, решившая начать войну против своих иберийских врагов в их заморских колониях, которые давали экономические ресурсы Филиппу II на ведение войн во Фландрии и Италии, ставила Португалию, как более слабого партнера в союзе двух держав, в более тяжелое положение, чем Испанию. Война в колониях началась с нападения в 1598–1599 гг. голландских военных кораблей на острова Принсипи и Сан-Томе. По мере того как война со временем распространялась на все новые территории, голландцы все чаще совершали нападения на португальские поселения в Азии, Африке и Бразилии. Почти все они располагались на незащищенных морских побережьях и потому были более уязвимыми для вражеских атак в сравнении с сухопутными твердынями испанских вице-королевств Мексики и Перу, которые невозможно было сокрушить или серьезно им угрожать нападением только с моря.

²⁴ В 586 г. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор II после взятия Иерусалима переселил уцелевших евреев в Вавилонию, в 539 г. до н. э. персидский царь Кир II Великий после захвата Вавилона (большинство крепостных ворот которого «пятая колонна» ночью открыла для армии персов и мидян) отпустил евреев обратно в Палестину, поощрив и разрешив заново отстроить храм в Иерусалиме. Период нахождения в Вавилонии, где евреи очень много почерпнули из культурного наследия шумеров и вавилонян, они называли «вавилонским пленом».

Голландская экспансия на семи морях в первой половине XVII в. была по-своему выдающейся, как и морская экспансия Португалии и Испании за сто лет до этого. Но нас больше интересует то разрушительное влияние, которое она оказала на Португальскую империю. Тем не менее, обращая внимание на данный аспект этой истории, мы не должны забывать, что голландцы также часто совершали нападения большими силами на испанские колонии. Одновременно с первой атакой на Бразилию флота Вест-Индской компании в 1624–1625 гг. второй голландский флот из 11 судов и 1650 матросов, снаряженный Генеральными штатами и голландской Ост-Индской компанией, прошел через Магелланов пролив и вышел в Тихий океан. Опустошив побережья Перу и Чили, корабли пересекли океан и доплыли до Молуккских островов и Батавии на острове Ява. Это было дерзкое, прекрасно организованное предприятие. Более того,

голландцы, совершая рейды против португальцев в их азиатских владениях, довольно часто, хотя и не совсем удачно, совершали набеги на Филиппины еще до того, как 80-летняя война между Северными Нидерландами и Испанией завершилась подписанием в 1648 г. Мюнстерского договора.

Противостояние между португальцами и голландцами, которое началось с нападения на Сан-Томе и Принсипи в 1598–1599 гг., закончилось захватом в 1663 г. португальских поселений на Малабарском берегу, хотя окончательные условия перемирия были выработаны только шесть лет спустя в Лиссабоне и Гааге. Вплоть до восстановления независимости Португалии, когда королем был провозглашен Жуан IV, герцог Браганса (1 декабря 1640 г.), португальцы и испанцы были союзниками в борьбе с голландцами, но в последующие 23 года португальцам пришлось сражаться на внутреннем фронте с испанцами, а за морем – с голландцами. Рискнув упростить проблему, можно сказать, что эта длительная колониальная война приняла форму борьбы за главенство в торговле пряностями Азии, работорговле в Западной Африке и торговле сахаром в Бразилии. Соответственно, можно сделать вывод, что в итоге борьба окончилась в пользу голландцев в Азии, с ничейным результатом в Западной Африке и победой португальцев в Бразилии. Кратко эти важные события можно подытожить следующим образом.

Голландцы сразу же добились успеха в Ост-Индии, захватив в 1605 г. Острова пряностей, но они столкнулись с упорным сопротивлением португальцев в Тидоре и не встретили отпора в Амбоне. Испанцы в следующем году неожиданно предприняли контрнаступление с Филиппин, в результате которого они захватили и удержали Тидоре и часть Тернате, пока угроза китайского нападения на Манилу не заставила их в 1662 г. вывести с Молуккских островов свои гарнизоны и отказаться от претензий на монополию в торговле гвоздикой в пользу голландцев. После своего изгнания с Молуккских островов португальцы утвердились в Макасаре (Южный Сулавеси), который они использовали в качестве базы в торговле гвоздикой, сандаловым деревом и другими товарами из Индонезии. Португальцам покровительствовали толерантные мусульманские правители Гова и Талло, поступая так вопреки торговым претензиям голландской Ост-Индской компании, которая с 1619 г. имела свою резиденцию в Батавии (Джакарта). Голландцам пришлось организовать две крупные экспедиции против Макасара (в 1660 и 1667 гг.) для того, чтобы изгнать португальцев вместе с представителями британской и датской Ост-Индских компаний. Тем временем голландцы постоянно прилагали усилия для изгнания португальских купцов из азиатских портов от Персидского залива до Японии, и поэтому длинная цепочка португальских береговых поселений, отпадавших одно за другим, значительно поредела. Блокада Малаккского пролива со стороны голландцев в 1634–1640 гг. была отчасти эффективной, и сильная крепость XVI и XVII вв. Сингапур наконец пала в январе 1641 г. С 1638 по 1658 г. были захвачены португальские поселения на побережье Цейлона. Завоевания голландцев в Азии завершились взятием Кочина и других португальских крепостей на Малабарском берегу в 1663 г.

Таким образом, голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 г., удачно обеспечила себе контроль над гвоздикой и мускатным орехом с Молуккских островов, корицей с побережья Цейлона и перцем с Малабарского берега. К 1663 г. голландцы потеснили португальцев, выступавших в качестве посредников в морской торговле между Японией и Аравией, и обеспечили себе ее львиную долю. Голландцы добились монополии в европейской торговле с Японией после того, как португальцы были изгнаны из островной империи правящим военным диктатором из рода Токугава по религиозным и политическим причинам в 1639 г. Единственными местами, откуда голландцы не смогли, несмотря на все свои усилия, вытеснить португальцев, были Макао на побережье Южно-Китайского моря и удаленная группа островов в архипелаге Малые Зондские острова (о. Тимор, о-ва Солор, о. Флорес) в Индонезии. В июне 1622 г. голландцы начали большое наступление на Макао, но оно было отбито с большими потерями его защитниками. Целью другой экспедиции, предпринятой в 1660 г., была Формоза (о. Тайвань). Усилия голландцев отобрать у португальцев торговлю сандаловым деревом на Малых Зондских островах окончились ничем. В основном это объяснялось тем, что сопротивление жителей организовывали местные миссионеры-доминиканцы, которые воодушевляли их и вели в бой. В отличие от голландцев англичане на Востоке ограничивались большей частью оборонительной позицией в отношении португальцев. Хотя Иран в 1622 г. не захватил бы Ормуз, если бы англичане не прислали в помощь шесть больших военных кораблей и опытных канониров. Стремительное продвижение голландцев на Восток встревожило англичан не меньше чем португальцев, что привело к заключению перемирия между англичанами и голландцами в Гоав 1635 г. Опасения в отношении голландцев привели также к рабочему соглашению между датчанами и португальцами в Ост-Индии после sporadических и незначительных столкновений между ними в 1619–1631 гг.

В Восточной Африке голландцы дважды потерпели неудачу при высадке на португальский остров и порт Мозамбик (1607 и 1608), что было одной из причин основать собственное поселение на мысе Доброй Надежды в 1652 г. Однако голландцы не скоро проникли во внутренние области континента, в то время как португальцы в это время вышли в долину реки Замбези, совершая рейды и занимаясь торговлей в тех местах, что позднее стали страной Южная Родезия. В Западной Африке голландцы впервые появились на Золотом Берегу в Моури в 1612 г. (форт Нассау), и очень скоро им удалось отобрать у португальцев большую часть торговли золотом. Они потерпели сокрушительное поражение при первой попытке взять штурмом крепость Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина) в 1625 г., но значительно лучше организованная экспедиция, предпринятая 13 лет спустя, добилась успеха. Голландские отряды оккупировали побережье Анголы и Бенгелы в августе 1641 г., хотя они знали, что Португалия сопротивлялась попыткам вторжения испанцев на ее территорию в декабре предыдущего года и что все завоеванные заморские территории следовали примеру страны-матери. Что, собственно говоря, и произошло к 1645 г., за единственным исключением – Сеуты, что было официально признано по договору 1668 г. (отошедшей к Испании). Кальвинистские отряды захватчиков, вторгшись в Анголу, установили на удивление теплые взаимоотношения с королем-католиком Конго Гарсия II и предводителем народа джага канибалом Нзинга. В августе 1648 г. эти страные союзники уже были близки к окончательному уничтожению выживших португальских защитников Анголы, все еще занимавших три крепости в долине реки Кванза (Мушима, Масангано и Гамбамбе), когда португальско-бразильская экспедиция из Рио-де-Жанейро вновь захватила Луанду и драматически изменила сложившееся положение в последнюю минуту одиннадцатого часа. Когда в 1663 г. был подписан мир, голландцы удержали за собой крепости на Золотом Берегу в Гвинейском заливе, но португальцы сохранили контроль над Анголой, Бенгелой, Сан-Томе и Принсипи, которые они вернули себе в 1648–1649 гг.

В Бразилии, после кратковременной оккупации Баии в 1624–1625 гг., голландцы в 1630 г. напали на Пернамбуку. Через 15 лет под их властью оказались богатейшие и самые

крупные по площади северо-восточные прибрежные районы по производству сахара. Жители этой области подняли восстание в июне 1645 г. против своих правителей-еретиков, и король Жуан IV, немного поколебавшись, предоставил им значительную, пусть и не официальную, помощь, направив за океан из Португалии корабли и людей. В результате ожесточенной войны, продолжавшейся почти десять лет, Ресифи и последние голландские крепости капитулировали в январе 1654 г. Первоначальным паролем инсургентов для начала восстания было слово «сахар», которое достаточно ясно указывает на одну из основных причин (и основной трофеей) войны. Но не будем забывать, что ненависть, которую испытывали друг к другу кальвинисты и римокатолики на почве вероисповедания, сыграла еще большую роль в начале вооруженного противостояния. Обе стороны прибегали в этой борьбе к помощи аборигенов, индейцев, как и сто лет ранее, когда врагами были французы. Основная часть канибальских племен тапуия поддержала голландцев, в то время как большинство тупи остались верны португальцам. В составе португальско-бразильских отрядов были мулаты, негры и полукровки от различных смешанных браков. Среди их выдающихся командиров были, в частности, чистокровные вождь американских индейцев (Камаран) и негр (Энрике Диаш). А вождь восставших Жуан Фернандеш Виейра, который сражался с первого до последнего дня, был сыном дворянина с Мадейры и мулатки-проститутки. Огорчение голландцев от потери Нидерландской Бразилии было тем большим, когда они поняли, что потерпели поражение от большей частью «цветной» армии. Торговля сахаром Бразилии осталась безоговорочно в руках португальцев. Однако усовершенствованные методы выращивания сахарного тростника и его переработки были заимствованы у англичан и французов Вест-Индии и внедрены во время господства голландцев в Пернамбуку, возможно через посредство португальско-бразильских евреев.

Через катастрофических событий, что пережили португальцы в первые 40 лет XVII в. и основная вина которых лежала на голландцах, была одной из основных причин их восстания против испанского монарха в 1640 г. Но они были разочарованы в своей надежде, что голландцы прекратят агрессию против Португалии и ее заморских владений, как только страна отделится от Испании. Десятилетнее перемирие между двумя соперничающими державами было подписано в 1641 г. в Гааге, но оно было ратифицировано только год спустя и не исполнялось в Азии вплоть до ноября 1644 г. В Бразилии и Анголе перемирие часто нарушалось, пока вновь не вспыхнули полномасштабные военные действия после восстания в Пернамбуку в июне 1645 г. После истечения срока перемирия в 1652 г. война в колонии приняла более ожесточенный характер, и Португалия решила прибегнуть к помощи англичан, укрепив союз с ними посредством брака Карла II и Екатерины Браганса в 1661 г. Добившись мира с Испанией и Объединенными провинциями (1668–1669), частично при посредничестве англичан, португальцы понимали, что они были вынуждены пойти на это. Передача Бомбея и Танжера еретикам-англичанам в качестве приданого за Екатериной, естественно, возмущала страстных католиков-португальцев, хотя при сложившихся обстоятельствах у них не было никакой возможности управлять этими двумя территориями.

Причины побед голландцев в Азии сводились к трем факторам: превосходство в экономических ресурсах, превосходство в человеческих ресурсах, превосходство в военно-морской мощи. Объединенные провинции Северных Нидерландов были более зажиточны, чем обедневшее королевство Португалия. Количество населения в обеих странах было приблизительно одинаковым (1 миллион 500 тысяч и 1 миллион 250 тысяч человек соответственно). Но в то время, как Португалия должна была поставлять «пушечное мясо» для Испании вплоть до 1640 г., истощая свои людские ресурсы, голландцы могли использовать и использовали наемников из Германии и Скандинавии для службы в своей армии и на флоте. Неравенство в морской мощи было еще более разительным – по оценкам известного португальского иезуита Антониу Виейра. В 1649 г., как он писал, голландцы располагали более чем 14 тысячами судов, которые можно было использовать в качестве военных кораблей, в то время как Порту-

галия не обладала и 13 кораблями данного ранга. По его словам, голландцы имели 250 тысяч моряков, а португальцы – всего лишь 4 тысячи. Виейра явно преувеличивал, но не слишком сильно. Перепись действующих моряков, проведенная в Лиссабоне в 1620 г., показала только 6260 человек на всю страну. На заседании консультативного совета при вице-короле Гоа в ноябре 1643 г. было заявлено, что в Лиссабоне отсутствуют в достаточном количестве опытные лодчаны для проводки кораблей в Индию, поскольку все моряки с соответствующим опытом (меньше десяти человек) находились на трех купеческих кораблях, вооруженных пушками, в Гоа, который голландцы держали в блокаде. Нехватка моряков дальнего плавания была вечной проблемой для Португальской империи, о чем мы уже не раз говорили. Но никогда она не была столь острой, как на протяжении всей затянувшейся войны с голландцами.

Другая причина голландских успехов в морях Азии заключалась в том, что генерал-губернаторы Батавии, и в частности Антонио ван Димен, которому удалось сломить морскую мощь португальцев в Индийском океане в период между 1636 и 1645 гг., обладали гораздо лучшим знанием морской стратегии, чем многие вице-короли в Гоа. Более того, португальцы, которые в основном возлагали свои надежды на титулованных и благородных дворян (*fidalgos*) в качестве армейских и морских командиров, заранее ставились в неравное положение. Опыт и профессионализм – вот что было основным критерием при приеме на службу в голландскую Ост-Индскую компанию, а не происхождение и положение в обществе. На этот факт не могли не обратить внимания наиболее образованные представители португальского общества. В заметках одного из них, относящихся к 1656 г., идалго-аристократы, которые потеряли Малакку и Цейлон, противопоставляются голландцам самого что ни на есть простого происхождения, которые завоевали эти территории. Другие не менее значимые факторы – это прежде всего дисциплина и подготовка голландских моряков и солдат и рост доходов голландской Ост-Индской компании, что резко контрастировало с падающей экономикой некогда «золотого» Гоа.

Священник Фернан де Кейруш, историк-иезуит, описавший португальско-голландскую войну на Цейлоне, с сожалением говорил о том, что «для голландцев война с нашей стороны была войной, которую могли вести только бедняки» (*guerra de pobres*). Опытный португальский военачальник в Индии говорил вице-королю в 1663 г.: «Это общеизвестный факт, что ход войны нельзя изменить к своей выгоде, не имея денег и людей. И вот почему мы являемся свидетелями столь большого беспорядка, стольких слез и стольких потерь, потому что королевская казна пуста, а у вассалов короля нет денег, чтобы помочь ему». На следующий год другой португальский военачальник на Малабарском берегу писал тому же вице-королю: «Любой голландский капитан обладает полной властью и большими деньгами, которыми можно воспользоваться при случае, и ему позволено потратить их столько, сколько ему будет необходимо. Что касается нас, то мы должны при всяком пустячном случае получать разрешение от вышестоящего начальства. И такое разрешение очень часто приходит слишком поздно. Более того, мы плохо обеспечены всем необходимым, мы всегда вынуждены выпрашивать разрешение на следующий шаг, что, в свою очередь, лишает нас возможности сделать что-либо, потому что ничего нельзя сделать, не имея денег. Прежде всего в отношении местных уроженцев».

Дон Мануэль Лобу да Силвейра ошибался, когда он утверждал, что правление голландской Ост-Индской компании никогда не жаловалось на те траты на войну и организацию морских экспедиций, которые постоянно требовались от них. Но это его замечание – общеизвестная истина. Потому что в войне между богатыми и бедными, когда все прочие факторы равны (моральные и физические качества солдата, его снаряжение и подготовка, а также тактика и прочее), всегда побеждают богатые.

Несомненно, в ходе длительного соперничества между португальцами и голландцами все эти прочие факторы были не всегда одинаковы. Что касается двух факторов – физических данных и дисциплины, – преимущество было на стороне голландцев, особенно на Азиатском

театре военных действий. Солдаты голландских Ост-Индской и Вест-Индской компаний были, естественно, наемниками; рядовой состав представляли в основном немцы, французы, скандинавы и (до 1652 г.) англичане, хотя среди офицеров и был большой процент голландцев. Физические данные этих жителей Северной Европы были предметом завистливых комментариев жителей Бразилии и Цейлона; и хотя первые часто жаловались на явную скудность своего дневного довольствия, кормили их значительно лучше, чем португальцев. Полуголодные португальские солдаты на Цейлоне жаловались в 1644 г.: «Мы настолько обессилели от голода, что даже трое из нас не могут противостоять одному голландцу». Португальский старший офицер, присутствовавший при победном штурме Баии в мае 1625 г., писал о сдавшемся голландском гарнизоне: «Это были молодые, все как на подбор, солдаты, которые сделали бы честь любой пехоте в мире». Один португалец, защитник Баии во время второй ее осады в 1638 г., писал в своем дневнике после того, как был отбит еще один приступ: «Мы пересчитали их павших – 327 человек, когда передавали им их тела, все они были молоды и красивы, они были похожи на гигантов, и они, несомненно, были цветом голландского войска».

Португальские же солдаты, посылаемые, казалось, на убой на колониальную войну, на протяжении всего XVII в. рекрутировались довольно часто из уголовного элемента и осужденных преступников, о чем свидетельствуют постоянные жалобы властей Гоа и Баии. Да и сами власти Португалии не представляли весь вред подобной практики. Мануэль Северин де Фария, каноник Эворы и историк, писал в 1622 г. после получения известия о падении Ормуза: «Ничего хорошего не следует ожидать от плохого выбора солдат, которых мы посылаем из Португалии в Индию, очищая тюрьмы от всех головорезов, что были брошены туда, потому что они не смогли уверовать в Бога. И вряд ли стоит удивляться, что те, кто так вели себя дома, будут поступать по-иному в чужой стране».

Подобное мнение выразил 60 лет спустя капитан Жуан Рибейру, ветеран войны на Цейлоне в 1640–1658 гг., который так выразился об осужденных заключенных, вербуемых каждый год в солдаты в лиссабонской тюрьме Лимуэйру: «Тот, кто недостойно ведет себя в Португалии, не может вести себя достойно в Индии». Не меньше нареканий вызывал у чиновников и состав новобранцев, которых отправляли в морские завоевательные походы. Часто среди них встречались настоящие дети – «солдаты» 12, 10 и 8 лет; редко, но были и 6-летние. Более того, наиболее дееспособные из взрослых рекрутов быстро меняли солдатский меч на монашескую сутану послушника-иезуита, как только прибывали в Гоа. Подобная практика была предметом желчных реплик в переписке между королевскими чиновниками, вице-королями и церковными властями на протяжении всего XVII в. Постоянные обсуждения имевших место злоупотреблений говорят о том, что с ними так и не удалось покончить, несмотря на все грозные запреты со стороны властей.

Отсутствие жесткой дисциплины и соответствующей военной подготовки в мирное время также говорили не в пользу Португалии в сравнении с ее противниками голландцами. Особенно подобное незавидное положение вещей было характерно для Азии. Португальцы в течение почти двух столетий намеренно воздерживались от формирования регулярных воинских подразделений. У них не было иной тактики, как только бросаться в беспорядочные атаки с боевым кличем «Сантьяго!» (св. Иаков). Но даже в Европе португальцы среди других стран континента всегда в самую последнюю очередь принимали любые нововведения в области тактики, в военном обучении и снаряжении. Об этом свидетельствует известнейший литератор, имевший опыт солдата и моряка, дон Франсишку Мануэль де Мелу в своем произведении «Эпанаторы» (*Epanaphoras*) 1660 г. Это тем более странно, поскольку их соседи испанцы находились в авангарде развития военного дела в течение всего XVI в. В итоге португальцы стали предметом насмешек и уничижительной критики со стороны их кастильских современников в 1580–1640 гг. по причине того, что «полностью игнорировали любую форму военной дисциплины».

Недостаточной военной подготовке и отсутствию дисциплины сопутствовала высокомерная самонадеянность, которая приводила к тому, что в критический час португальцы проявляли удивительную беспечность и неосмотрительность. Вот что писал Франсишку Родригеш да Силвейра, основываясь на своем личном опыте. В 1595 г. большинство солдат гарнизона Ормуза располагались на ночь вне крепостных стен. Как-то смена караула опоздала на два часа, и с большим опозданием, но солдаты все же явились на службу, но прежде выслали впереди себя негра-раба (а может, и негритьянку), который нес их оружие. Голландские моряки, которые сошли на берег близ Дамана, – это был год перемирия 1649-й, – вошли в город не замеченные никем, и никто их даже не окликнул из местных (включая солдат гарнизона), потому что все крепко спали во время сиесты (*sesta*), продолжавшейся обычно с 12 до 4 часов пополудни. Португальские гарнизоны не были снабжены достаточным количеством оружия, к тому же оно часто было технически негодным, проржавевшим, неготовым к бою. Об этом свидетельствует нескончаемый поток жалоб начиная со времен Афонсу д'Албукерки. Бесчисленные примеры могут проиллюстрировать тот факт, о чем с возмущением писал священник и историк Мануэль Северин де Фария, о той «...вопиющей беспечности, которая присуща португальцам, находящимся вдали от Лиссабона, как будто они живут в безопасности в самой Португалии. Это часто заканчивается для португальцев сокрушительным поражением, потому что, если мы сражаемся без оружия, нас ждет или поражение, или спасение благодаря чуду, посланному небесами».

Как бывает во всех затяжных войнах, противостояние между португальцами и голландцами в мире тропиков сопровождалось взаимными обвинениями в совершенных жестокостях и преступлениях в отношении военнопленных. Это особенно проявилось в кампании 1644–1654 гг. в Пернамбуку, когда обе стороны обвиняли друг друга в подстрекательстве своих помощников индейцев к совершению диких и варварских действий и когда командиры с той и другой стороны запрещали своим людям щадить противника. Капрал Саар сообщает, как во время заключительных боев за Цейлон он и некоторые из его товарищей, с которыми португальцы плохо обращались в плену, отомстили за себя, преследуя бегущего врага после сражения при Панитуре в октябре 1655 г. «Несмотря на то что наши офицеры кричали: «Бойцы, помните, что вас зовут милосердными голландцами, так что покажем, что это действительно так, и пощадим врага!» – мы продолжали, как будто не слышали их, без остановки стрелять и рубить беглецов, пока у нас хватало сил и боеприпасов, устлав поле сотнями трупов».

Непримиримость на почве вероисповедания сыграла свою роль в ожесточавшейся взаимной ненависти, и португальцы жаловались, что, когда они переносили страдания, попав в руки голландцев на Цейлоне или в Бразилии, самыми их худшими притеснителями были ревностные кальвинисты зеландцы, или «пишилинги», как они называли их, неправильно произнося название города Флиссинген.

Принимая во внимание преимущества голландцев, только некоторые из которых я перечислил здесь, необходимо задаться вопросом, почему для завоевания только части Португальской Азии им потребовалось около 60 лет и почему они потерпели полное поражение в Анголе и Бразилии после столь многообещающего начала. Среди нескольких имеющихся можно упомянуть следующие причины. Хотя нет никакого сомнения в том, что голландские наемники были обычно физически сильнее своих противников португальцев, последние были лучше приспособлены к жизни в тропическом климате. Этим объясняется победа бразильцев и португальцев в Бразилии в решающих сражениях в 1648 и 1649 гг. у Гуарарапеса, выигранных людьми, привыкшими к тропической жаре и обученными ведению боевых действий в буше. Они сражались против людей, учившихся военному ремеслу в привычных для них условиях на полях Фландрии и Германии в прохладном климате. С другой стороны, на Цейлоне окончательная победа досталась голландцам. Без сомнения, отчасти это произошло благодаря помощи, полученной от союзников сингалов, хотя среди них были также и те, кто помогал

португальцам. Но основной причиной была ужасная некомпетентность португальского верховного командования. Напротив, в Пернамбуку и португальцы и бразильцы были лучшими командирами. Сложился замечательный триумvirат полководцев: Жуан Фернандеш Виейра (уроженец Мадейры), Андре Видал де Негрейрус (бразилец) и Франсиско Баррето (уроженец Перу). Помощниками их были уже упомянутые индеец Фелипе Камаран и негр Энрике Диаш. Следует заметить, что превратности сухопутной войны не сказывались на результатах морских сражений. На море голландцы добились и удерживали преобладающее преимущество как в Индийском океане, так и в Южной Атлантике. Даже когда они временно потеряли господство на море с катастрофическими результатами для себя, как у Луанды в августе 1648 г. и у Ресифи в январе 1654 г. Эти поражения не были делом рук противника, но результатом их собственных стратегических просчетов и административных упущений, а также причиной были отчасти погода и ветер.

Кроме приведенных технических соображений, основной ответ на вопрос, почему португальцы так долго удерживали пришедшую в упадок империю, несмотря на подавляющее во многих отношениях превосходство голландцев, лежит в том, что, несмотря на все свои недостатки, португальцы пустили в колониях глубокие корни. Их невозможно было так просто изгнать из колоний, просто одержав над ними победу на суше или на море или в результате целого ряда поражений, как это случилось в Северо-Восточной Бразилии между 1630 и 1640 гг. или в Анголе в 1641–1648 гг. Многие голландцы, совершенно разного положения, сознавали этот факт, начиная от генерал-губернатора Антонио ван Димена в Батавии и заканчивая капралом Иоганном Сааром на Цейлоне. Первый писал в Амстердам в 1642 г.: «Многие португальцы в Индии (да и во всей Азии) считают ее своим отечеством. Они уже не думают о Португалии. Они уже почти не ведут с ней торговлю, а если еще и остается таковая, то очень незначительная. Довольствуются они торговлей только в портах Азии, как будто они уроженцы этих мест, и для них не существует других стран». Капрал Саар после нескольких лет службы на Цейлоне писал о португальцах 20 лет спустя: «Куда бы ни забросила их судьба, они готовы поселиться там до конца своих дней, и они никогда не задумываются о возвращении в Португалию. Но когда голландец приезжает в Азию, то он думает так: «Пройдут шесть лет моей службы, и я вернусь в Европу».

Mutatis mutandis (с известными оговорками) подобные критические замечания могли бы относиться и к временному голландскому господству в Северо-Восточной Бразилии и на побережье Анголы и Бенгелы. Граф²⁵ Иоганн Мориц Нассау-Зиген, чья деятельность на посту губернатора голландских владений в Бразилии была направлена на просвещение страны и до наших дней пользуется признанием многих бразильцев, не уставал обращаться к своему начальству в Гааге и Амстердаме. Он неоднократно предупреждал о том, что если не будут присланы из Европы в достаточном количестве голландцы, немцы и скандинавы в качестве колонистов для замены (или ассимиляции) местных португальских поселенцев, то последние, навсегда оставшиеся португальцами в глубине души, не преминут воспользоваться первой же возможностью для бунта. И это предсказание оправдалось в 1645 г. Знаменитый путешественник и купец, по вероисповеданию гугенот, Жан Батист Тавернье писал, что «португальцы, куда бы они ни приходили, улучшают условия местообитания для тех, кто идет вслед за ними, в то время как голландцы стремятся уничтожить все, что возможно, там, куда только ступит их нога». Тавернье имел сильное предубеждение против голландцев. Однако правда и то, что как только голландцы взяли Коломбо, Кочин и другие добротные отстроенные португальские поселения, то, по словам капрала Саара, они немедленно разрушили множество домов и крепостных укреплений, оставив себе треть от площади, освоенной их предшественниками. Также общеизвестно, что португальцы на протяжении всего XVI в. способствовали, как прямо, так

²⁵ С 1652 г. князь.

и косвенно, более широкому культивированию гвоздичного дерева на Молуккских островах, особенно последовательно внедряя его в Амбоне. Голландцы со своей стороны начали массово вырубать деревья во избежание перепроизводства гвоздики и ультимативно потребовали от местных жителей, чтобы пряность продавали только им, угрожая, в случае неповиновения, карательными экспедициями (их называли «хонги-тохтен»), чего португальцы никогда не делали. Португальцы выращивали также фруктовые деревья и другие культуры, разводили свиней и коз на необитаемом острове Святой Елены, чтобы суда, плывшие на родину, могли сделать здесь остановку и воспользоваться в случае нужды запасами свежей пищи. Голландцы, высадившись на острове, вначале стали рубить деревья и, вне всякого сомнения, оставили бы после себя настоящую пустыню, но вскоре прекратили эту разрушительную практику и последовали примеру португальцев.

Несмотря на суровые меры, к которым прибегали португальцы, чтобы обеспечить себе первенство «в завоевании новых земель, судоходстве и торговле» в Индийском океане, «индейцы тем не менее были настроены более благожелательно к португальцам, чем к представителям любой другой христианской нации», как писал Гиллис ван Равестейн в 1618 г. из Сурата. Этот факт крайне раздосадовал голландцев, которые удачно противодействовали притязаниям своего противника на всеобщую монополию. Прошло 43 года, и уже Виллем Схютен удивлялся поведению ловцов жемчуга в Тутикорине²⁶, что они скорее находят язык со своими португальскими угнетателями, чем с голландскими купцами. Можно найти множество подобных свидетельств голландцев, имевших большой опыт общения с жителями Азии. Все они собраны в энциклопедическом труде Питера ван Дама, содержащем конфиденциальную информацию для директоров голландской Ост-Индской компании в конце XVII в. Согласно его свидетельствам, португальцы часто плохо обращались с индейцами, «захватывали и сжигали их суда, разрушали во время набегов гавани и насильно обращали пленных в христианство, облагали произвольными налогами их грузы, перевозимые по морю, и держали себя высокомерно и заносчиво на их земле». Однако тем не менее индейцы предпочитали иметь дело с португальцами, чем с любыми другими европейцами.

Многие современные авторы, особенно португальские, утверждают, что подобное отношение индейцев, как и многих жителей Азии (хотя и не всех), в основном объяснялось тем, что португальцы значительно чаще, чем представители наций Северной Европы, заключали браки с местными женщинами и что у них не было предрассудков в отношении цвета кожи. Оба этих утверждения не следует принимать во внимание, такие воззрения не были характерны для XVII столетия. Голландские и английские купцы на Востоке тоже сожительствовали с азиатскими женщинами, хотя и не брали их в жены столь часто, как португальцы. Более того, эти женщины почти всегда принадлежали к низшим классам общества и кастам; они были или проститутками, или новообращенными христианками, и потому их соотечественники считали их вероотступницами. К тому же они не оказывали влияния ни на политику, ни на экономику. Португальцы, об этом говорится в главе 11, не были в полной мере лишены расовых предрассудков. Не говоря о том (как отмечал еще с некоторой долей преувеличения Линсхотен), что «во всех местах они вели себя подобно господам и хозяевам, с презрением и уничижительно относясь к местным жителям».

Некоторые более проникательные голландские чиновники и купцы на Востоке замечали, что португальцы имеют большое преимущество перед гражданами Нидерландов благодаря влиянию и престижу, которые приобрели католические миссионеры во многих районах. Мы уже говорили о том, что португальские методы распространения своей веры в тех странах, где их политическая власть была неограниченной, основывались скорее на принуждении, чем на убеждении. Но там, где привилась римско-католическая вера, она пустила глубокие корни.

²⁶ Тутикорин – юг Индостана, северо-восточнее мыса Коморин.

Генерал-губернатор Голландской Ост-Индии Антонио ван Димен, один из немногих ревностных кальвинистов на этой должности, с сожалением констатировал, что в сфере религиозного прозелитизма португальские миссионеры «значительно превосходят нас, и их священники проявляют больше рвения и энергии, чем наши проповедники и чтецы миряне». Питер ван Дам, писавший в конце века, приписывал успех португальцев, которые продолжали удерживать свои позиции на Малых Зондских островах, в основном «их священникам и клиру, которые привлекли многих аборигенов на свою сторону, тем самым обеспечив большое преимущество над нами; они в полной мере воспользовались плодами своей деятельности». Голландцы столкнулись с сопротивлением, вдохновителями которого были именно католики, в прибрежных районах Цейлона и в Южной Индии. Кальвинист Александр Гамильтон высказал сожаление, что банту Замбези и племена побережья Мозамбика «завязывали торговые связи только с португальцами, у которых в прибрежных районах было несколько священников, что внушало страх наивным туземцам, и они обменивали бивни слонов и золото за всякие безделушки». Именно иезуитские миссионеры при дворе Пекина мешали всем попыткам голландцев установить официальные торговые связи с Китаем, в то время как чиновники провинций Гуандун и Фуцзянь в целом поддерживали «рыжеволосых варваров» после прихода к власти в 1644 г. Маньчжурской династии.

Тесное сотрудничество между крестом и короной, которое было характерной чертой иберийских империй, конечно, не всегда помогало португальцам в их борьбе с голландцами. Боязнь «пятой колонны» была одной из главных причин для японского правительства закрыть в 1639 г. страну для всех европейцев, сделав исключение для голландцев. Этот подспудный страх, поселившийся в умах японских военных диктаторов, постоянно подогревался в XVII в. голландскими и английскими протестантами, разоблачавшими католических миссионеров как якобы подрывных агентов. В другой части света король-католик Конго и его местное священство, хотя и резко отрицавшее кальвинистскую пропаганду голландцев, восторженно принимали сообщения о голландских победах. Они даже возносили молитвы в церквях за победу протестантских голландских армий против католиков-португальцев в Анголе в 1641–1648 гг. Дон Матеуш де Каштру, титулярный епископ Хризополиса и уроженец Гоа, был настолько настроен против португальцев-единоверцев, что на протяжении целого десятилетия 1644–1654 гг. убеждал кальвинистов голландской Ост-Индской компании и мусульманского султана Биджапура напасть на Гоа. Если миссионеры-иезуиты часто назначались послами при дворе Великих Моголов, великий шах Ирана Аббас I Сефевид потребовал в 1614 г., чтобы к его двору не присылали дипломатов монахов-августинцев, «потому что монах вне своей кельи словно рыба, вынутая из воды». Но мнение шаха Аббаса разделяли в Азии не все. Часто в роли дипломатических посланников выступали брамины в Индии и буддистские священнослужители в Японии, и азиатские правители не видели ничего неуместного в том, чтобы португальские миссионеры выполняли подобные функции.

В любом случае голландские власти с сожалением признавали, что их кальвинистские проповедники никогда не могли соперничать на равных с католическими священниками. Во время голландской оккупации Пернамбуку (1630–1654) многие из голландцев перешли в Римско-католическую церковь или примирились с ней, в то время как новообращенных из католицизма в кальвинизм практически не было, и если такое и случалось, то на них смотрели как на белую ворону. Подобную картину можно было наблюдать и в португальских владениях в Азии, захваченных голландцами, или когда под их еретическим влиянием и на их территории существовала какая-либо католическая община. Как только у евроазиатов Батавии, Малакки, Коромандельского берега, Цейлона и Малабарского берега появлялся шанс, они, зачастую с большим риском для себя, оставляя протестантского проповедника читать проповедь перед пустыми скамьями, тайно собирались у переодетого бродячего католического священника послушать мессу, или окрестить своих детей, или торжественно совершить свадебный

обряд. За небольшими исключениями – в основном на Амбоне – от обращенных голландцами в кальвинизм в пределах бывших португальских владений в тропиках в наше время не осталось и следа, в то время как католические общины, основанные португальцами, все еще процветают во многих районах.

Еще одна причина, почему жители Азии – или многие из них – предпочитали иметь дело с португальцами, а не с англичанами и голландцами, находит объяснение у хрониста Антониу Букарру, который писал о европейской торговле гуджаратским текстилем в 1614 г. В то время как даже беднейшие и малосостоятельные португальцы обычно нанимали местных жителей для упаковки, переноски и погрузки товара на корабли, англичане и голландцы из Ост-Индских компаний заставляли заниматься простым ручным трудом своих матросов и белых служащих. Кроме того, будучи основными нанимателями местной рабочей силы, португальцы были готовы в любое время и на любом месте получать даже небольшой доход от некоторых товаров, которые были либо английскими, либо голландскими. Франсишку Пелсаерт, торговый посредник голландцев в Агре, описывая упадок португальской торговли с Гуджаратом в 1626 г., заметил: «Из-за этого падения торговли нас проклинают не только португальцы, но и мусульмане и индусы, которые во всем обвиняют только нас, заявляя, что мы являемся подлинным бичом для их процветания. Даже если английская торговля приносит ежегодно миллион рупий, все равно она не идет ни в какое сравнение с прежним торговым оборотом, который был во много раз большим не только в Индии, но также в торговле с Аравией и Персией».

Несмотря на риск чрезмерного упрощения вопроса, все-таки напрашивается вывод, что, хотя вначале многие азиатские народы тепло встретили голландцев, как бы в противовес гордости и самомнению португальцев, вскоре те из них, что попали в сферу влияния голландской Ост-Индской компании, на собственном опыте поняли, что сменяли короля-чурбана на короля-аиста.

Не говоря уже об открытом противоборстве и экономическом, политическом и религиозном соперничестве между португальцами и голландцами, существовал еще один аспект этой борьбы, который заслуживает здесь краткого упоминания. Это было сражение между двумя языками, и в нем легко победили португальцы. Поскольку именно португальцы возглавили заморскую экспансию Европы, их язык (или его варианты) стал лингва франка, международным языком в большинстве прибрежных районов, которые они открыли для европейской торговли и иной деятельности в обоих полушариях. К тому времени, когда им бросили вызов голландцы, португальский язык укоренился настолько глубоко, что его уже невозможно было заменить другим, хотя голландцы и пытались это сделать. Во время 24-летнего господства голландцев в Северо-Восточной Бразилии местное население упорно не желало учить язык своих правителей еретиков. Считается, что только два голландских слова сохранилось в народном языке Пернамбуку. В Анголе и Конго, хотя большинство банту приняли сторону голландцев в 1641–1648 гг., их рабы негры, помощники и союзники, продолжали пользоваться португальским и даже не пытались выучить голландский. В Северо-Восточной Бразилии было отобрано несколько сыновей вождей тапуйя и отправлено в Голландию учиться, где они овладели языком и приняли новую веру. Но эти первые ласточки весны не сделали, и миссионеры-иезуиты вскоре после 1656 г. покончили со всеми следами влияния голландского языка среди индейцев Бразилии.

В Азии португальский язык, или скорее его креольский вариант, сопротивлялся с еще большим успехом давлению официального языка голландской администрации и законодательства. Раджасингха II (1629–1687) в Канди, столице Цейлона, хотя и поддержал голландцев в борьбе с португальцами, отказывался принимать письма и послания на голландском и настаивал, чтобы они были написаны на португальском языке, на котором он бегло говорил и писал. Мусульманские правители Макассара тоже свободно говорили на португальском языке, и один из них даже прочитал в оригинале все труды испанского богослова доминиканца Луиса де

Гранады. В апреле 1645 г. губернатор Молуккских островов Геррит Деммер заметил, что португальский «или даже английский» представляются более легкими и привлекательными языками, чем голландский, для обучения жителей Амбона. Самое удивительное свидетельство победы языка Камоэнса (Камоинша) над языком Вондела являет голландская колониальная столица Батавия, «Королева Восточных морей». Португальцы никогда там не жили, в городе побывали только их военнопленные, и несколько раз заходили португальские корабли с кратковременными визитами. Однако благодаря рабам и домашним слугам с берегов Бенгальского залива получил распространение креольский диалект португальского языка, на котором говорили голландцы и представители смешанных рас, выросших в Батавии, которые иногда говорили и на материнском языке. Эта практика подверглась резкой критике со стороны властей Батавии, но еще в 1647 г. они свидетельствовали, что большинство подданных Нидерландов считали для себя «большой честью иметь возможность говорить на иностранном языке», в отличие от их португальских предшественников и пришедших им на смену англичан и французов в роли строителей империи. Подобное происходило и во многих других местах, и даже на мысе Доброй Надежды, где условия благоприятствовали белым поселенцам для дальнейшей колонизации территории после тяжелых первых десятилетий ее освоения. Креольский португальский в течение длительного времени оставался здесь лингва франка, не без влияния языка африкаанс. Так объяснял генерал-губернатор Иоганн Майцайкер и его консул в Батавии директорам голландской Ост-Индской компании в 1659 г.: «Португальский язык легко учить, и на нем легко говорить. Вот почему мы не можем помешать рабам, привезенным из Аракана²⁷, которые никогда не слышали ни слова по-португальски (да и, конечно, даже наши собственные дети), предпочесть этот язык всем другим наречиям и сделать его своим языком».

²⁷ Ныне Ракхайн на юго-западе Мьянмы (Бирмы).

Глава 6

Застой и упадок империи на Востоке (1663–1750)

Иезуитский священник падре Мануэл Гудинью, совершивший в 1663 г. сухопутное путешествие из Индии, пройдя через Персидский залив и Ирак, в Португалию, описание которого увидело свет в Лиссабоне два года спустя, начал повествование о своих странствиях со скорбных сетований о прошедшей славе и бедствиях в настоящем. «Лузитанская Индийская империя в прошлом господствовала на всем Востоке. Верховная власть ее распространялась на восемь тысяч лиг; и в ней были двадцать девять городов, бывших столицами такого же числа провинций, и другие меньшие города. Империя принимала законы для тридцати трех вассальных королевств; она поражала весь мир своими пространствами, блестящими победами, процветавшей торговлей и несметными богатствами. Ныне, по своим ли грехам или по причине неизбежного упадка всех великих империй, она сократилась до нескольких земель и городов, и потому стоит задуматься, а было ли государство меньше в своем начале, чем теперь, при своем конце».

Затем, отождествив зарождение, рост, процветание и распад Португальской Индии с четырьмя возрастами человека, иезуит с большим сожалением приходит к заключению: «Если она еще и не погибла окончательно, то это потому, что она еще не нашла своей гробницы, достойной прежнего величия. Если прежде это было живое дерево, то теперь это засохший ствол; если прежде это был дом, то теперь это руины; если прежде был человек, то теперь это карлик; если прежде это был гигант, то теперь это пигмей; если прежде было величие, то теперь ничто; если в прошлом было вице-королевство Индия, то ныне это всего лишь Гоа, Макао, Чаул, Бассейн, Даман, Диу, Мозамбик и Момбаса и еще несколько крепостей и мест не столь значимых. Короче говоря, это немногие останки великого тела этого государства, которые наши враги оставили нам или в память о наших прежних обширных владениях в Азии, или как горькое напоминание о том малом, чем мы владеем в настоящем».

Иеремиада падре Гудинью нашла отклик у многих его современников, до вице-короля Жуана Нуньеша да Кунья включительно, который писал монарху в июне 1669 г.: «Во всем этом государстве меньше португальцев, чем в Альюш-Ведруш». В этом небольшом городке к югу от Лиссабона насчитывалось только 200 домовладельцев. Предполагая, что на каждое домохозяйство приходится 5–6 человек, это даст в итоге меньшее число, чем 1500. Именно столько белых португальцев насчитывалось в оставшихся португальскими поселениях – от Софалы до Макао. Возможно, вице-король и преувеличивал, но не сильно. В официальной переписке между Лиссабоном и Гоа в 1650–1750 гг. постоянно выражается обеспокоенность, что число прирожденных португальцев на Востоке остается незначительным и что смертность среди них в нездоровом климате Гоа и острова Мозамбик достаточно высока. Процент белых женщин был постоянно крайне низким. Так, в 1553 г. в Маскате была всего одна женщина, как и в 1636 г. в Макао. Положение усугублялось тем, что, если верить иезуиту падре Фернану де Кейрушу, который писал в Гоа в 1687 г., «даже в наши дни беременность португальских женщин заканчивается почти всегда фатально и для матери, и для ребенка».

Мы уже говорили, что в XVI в. очень небольшое число женщин уезжали вместе с мужьями из Португалии на Восток, и такое положение дел сохранялось в течение следующих 200 лет. В Португальском королевстве, в отличие от Испанской монархии, было принято не поощрять женщин к отъезду в Азию и Африку, чтобы стать там колонистами. Исключение делалось лишь для «сироток короля». Под ними понимались девочки, достигшие брачного возраста, которых отправляли партиями из сиротских приютов Лиссабона и Порту за счет государства. За ними давали приданое в виде незначительных государственных постов для их будущих мужей уже по прибытии в Гоа. Первая группа девочек-сирот отплыла из Лиссабона

в 1546 г., и так продолжалось до самого начала XVIII в. По моему мнению, ежегодно уезжало не более 30 девочек, возраст которых находился в пределах от 5 до 15 лет. Случалось, что в отдельные года не отправляли никого, хотя Франсишку Родригеш де Силвейра, служивший в Индии с 1585 по 1598 г., явно преувеличивал, когда писал: «По правде говоря, мы проявляем крайнюю неосмотрительность, когда отправляем каждый год в Индию от четырех до пяти судов, на борту которых исключительно мужчины, но совсем нет женщин». Следует также заметить, что не все девочки-сироты находили своих мужей, когда они прибывали в «золотой» Гоа, о чем официальные лица время от времени напоминали португальскому монарху. Якобы некоторые женщины были слишком стары и уродливы; в других ситуациях административные должности слишком плохо оплачивались и не могли никого привлечь. В некоторых случаях муниципалитет Гоа призывал власти в Португалии не присылать больше девочек-сирот в Индию. Муниципальные советники заявляли, и нет сомнения, что предельно корректно, что в Индии было достаточно женщин и девушек брачного возраста. Это были дочери уважаемых португальских граждан от брака с евроазиатскими женщинами, которых было нужно обеспечить всем необходимым в первую очередь. В 1595 г. отправка девушек была временно приостановлена, но вскоре эта практика возобновилась, хотя масштабы ее не способствовали кардинальному решению демографической проблемы Португальской Азии.

Помимо этих «девочек-сирот короля», некоторые женатые португальцы брали с собой в Индию своих жен и дочерей, хотя в большинстве случаев только сыновья сопровождали своих отцов. Жоржи Кабрал, генерал-губернатор Индии в 1549–1550 гг., первым среди губернаторов имел в Гоа жену-европейку. Прецедент не повторялся на протяжении следующих двух столетий, когда жена вновь назначенного вице-короля маркиза Таворы настояла на том, что она будет сопровождать своего мужа в Индию в 1750 г., несмотря на нежелание короны дать ей такое разрешение. На ситуацию вряд ли могло повлиять присутствие небольшого числа белых женщин, которые отправились за своими мужьями в Азию, как и периодические наборы девочек-сирот, как заметил хронист монастыря августинцев во имя св. Моники в Гоа в конце XVII в. «Несмотря на то что португальцы посещают страны Востока уже в течение почти двух столетий и большое количество мужчин и всего лишь несколько женщин каждый год отправляются туда, население выросло незначительно, притом что сменилось не более трех поколений».

В этом опять есть некоторое противоречие, поскольку в Гоа было несколько белых семейств, которые могут похвастаться более чем тремя не прерывавшимися поколениями. Но они были довольно редки, и евроазиаты во втором и третьем поколении преобладали.

Другой причиной провала политики португальцев «плодиться и размножаться» в азиатских и африканских прибрежных поселениях в XVII и XVIII вв. были плохие климатические условия местностей, где располагались основные их крепости, особенно Гоа и остров Мозамбик. Последнее место в описаниях путешественников, отправлявшихся в Индию еще в 1550 г., представлялось настоящим кладбищем. Что касается «золотого» Гоа, то его муниципальные власти писали в Португалию к королевскому двору в 1582 г., что обстановка в колониальной столице стала особенно нездоровой после великой осады 1570–1571 гг., и ситуация постоянно ухудшалась в течение последующих двух столетий. Двумя основными причинами этого прогрессирующего ухудшения были пористые почвы и участвовавшие заболевания малярией. Что касается первого фактора, то он способствовал просачиванию стоков ливневой канализации в колодцы, откуда домохозяйства брали воду для питья, и потому стремительно распространялись заболевания в результате отравления воды фекальными массами. Увеличивавшемуся числу заболеваний малярией способствовал застой воды в колодцах, резервуарах и заброшенных бассейнах для купания, где формировалась благоприятная среда для размножения кровососущих насекомых-переносчиков. Но причины тропических заболеваний, таких как дизентерия и малярия, не могли быть диагностированы вплоть до наступления XIX и XX столетий. Современники могли приписывать причину смерти якобы нездоровому климату и

воздуху, особенно «воздуху в ночное время». По имеющимся данным, в Королевском госпитале для солдат в Гоа за первые 30 лет XVII в. умерло 25 тысяч португальцев. Это были умершие на постое или во время службы на борту кораблей. Хотя надежная статистика за длительный период наблюдения отсутствует, нет никакой причины предполагать, что наблюдалось какое-либо снижение потерь в рабочей силе на протяжении последующих 150 лет. Положение горожан тоже не улучшилось; за это время целые районы некогда людной столицы были заброшены и превратились в джунгли, несмотря на все усилия муниципалитета остановить этот катастрофический упадок. Администрация была вынуждена оставить Старый Гоа в 1760 г. и переехать в значительно меньшее поселение Панаджи, расположенное в нескольких милях ближе к устью реки Мандови, но с более здоровыми природными условиями.

Второй причиной снижения численности белого и евроазиатского населения в Португальской Индии было распространение дезертирства среди прибывших новобранцев и солдат, набранных среди заключенных и составлявших значительную часть гарнизона. Первые сообщения об этом восходят к временам Афонсу д'Албукерки. Здесь достаточно привести два типичных свидетельства об этой проблеме. Первое принадлежит дону Криштовану де Мелу, участнику Государственного совета в Гоа в августе 1721 г., когда обсуждался план совместной англо-португальской экспедиции против капера Канхонджи Ангриа, вождя маратхов Алибага. Де Мелу обратил внимание на то, что в Гоа оставалось только 700 солдат гарнизона, многие из которых были негодны к военной службе. «На многих солдат нельзя положиться, поскольку нам известно, как неохотно они выполняют свои обязанности. Несмотря на то что им платят вовремя и регулярно выдают довольствие, они все равно дезертируют при первом удобном случае, без всякой причины, предпочитая скорее быть рабами мусульман, индусов и еретиков, чем вассалами своего короля. Это то, чего мы не можем избежать, поскольку большинство из новобранцев – осужденные и высланные за всякие бесчестные преступления, и потому от них нельзя ожидать отважного поведения и рвения в таком важном предприятии».

Двадцать пять лет спустя вице-король дон Педру де Алмейда, маркиз Каштелу-Нову, писал государственному секретарю в Лиссабон, что он не в состоянии справиться с дезертирами. Он прекрасно понимал, что наилучший способ предотвратить дезертирство – это платить, одевать и кормить солдат должным образом и не раздражать их жестокими наказаниями. «Так в этом государстве относятся к ним, и, несмотря на все, случаи дезертирства столь часты и многочисленны, что я боюсь, у нас вскоре не останется ни одного европейского солдата». Из тех людей, которые остались в Гоа, большинство вступило в религиозные ордена.

Нехватка солдат в Португальской Индии во второй половине XVII и первой половине XVIII в. становилась все более серьезной проблемой, поскольку «Государство Индия» в это время вело почти непрерывную войну с арабскими правителями Омана и с маратхами Западной Индии. Если португальцы надеялись на некую передышку в затянувшейся и разрушительной войне с голландцами на Востоке, они были горько разочарованы. «Скажите мне, сеньор, – писал хронист и солдат Диогу де Коту в своем «Диалоге ветерана» (1611), – есть ли в наши дни другая земля, которая бы больше напоминала приграничную область, чем Индия, где было бы необходимо постоянно иметь с собой оружие? Конечно, такой земли нет!» Прошло сто лет, и власти в Лиссабоне заметили, что «правительство в Индии уже окончательно приняло милитаристский и воинственный характер (*um governo totalmente militar e guerreiro*)». В 1746 г. вице-король Педру де Алмейда напомнил королю Жуану V: «Это государство – военная республика, и ее безопасность на суше и на море полностью зависит от нашего оружия». Эта приграничная территория постоянного военного противостояния, которое продолжалось с небольшими перерывами вплоть до конца XVIII в., помогает понять, почему так мало португальских женщин уезжало в Индию в сравнении с мужчинами и почему крестьяне охотно эмигрировали из Португалии и с островов в Атлантике в Бразилию, стремясь воспользоваться выпавшей им возможностью устроить свою жизнь на новом месте, где отдельные враждебно настроенные

индейские племена вполне могли быть каннибалами, но они не были вооружены мушкетами и артиллерией, как арабы в Омане и маратхи.

Жители прибрежного Омана были прирожденными мореплавателями на протяжении веков еще до того, как португальцы оккупировали Маскат, но их суда отличались непрочной конструкцией и были неспособны противостоять португальской артиллерии в открытом море. В январе 1650 г., однако, эти арабы захватили Маскат и несколько португальских судов в гавани. В течение очень короткого времени имамам Омана удалось создать флот из судов с корабельной артиллерией, построенных по образцу португальских, которые им удалось захватить. Эти суда могли сражаться, более или менее успешно, с португальским океаническим флотом (*Armada de alto-bordo*) в Индийском океане с 1650 по 1730 г. Невероятно быстрый рост военно-морской мощи Омана в 60-е гг. XVII в., начинавшего строительство флота, можно сказать, с пустого места, требует дальнейшего рассмотрения и исследования. Мы не знаем ни в какой степени оманцы использовали европейцев, дезертиров и перебежчиков в качестве канониров и при строительстве своих кораблей, ни откуда они получали кораблестроительный лес или же довольствовались купленными и захваченными судами. Но факт остается фактом, что они посылали морские экспедиции в Момбасу в 1660–1661 гг., разграбили город Диу (где захватили большую добычу) в 1668 г., а два года спустя едва не захватили крепость на острове Мозамбик. Они постоянно, начав в 1661 г. с Бомбея, совершали набеги на небольшие португальские владения на западном побережье Индии. К концу XVII в. они изгнали португальцев из Момбасы и всех городов и островов, населенных суахили, на восточном побережье Африки (Могалишо, о. Пате, Пемба, Занзибар, Малинди и др.) и провозгласили свой сюзеренитет над ними к северу от мыса Делгаду²⁸.

Португальцы периодически посылали флот из Гоа на помощь Момбасе, пока она не пала в декабре 1698 г., а также совершали рейды в Персидский залив против своих оманских врагов. Обе стороны сообщали о внушительных победах в многочисленных сражениях, но в действительности они заканчивались с переменным успехом. Саркастический комментарий Александра Гамильтона по этому поводу был все же близок к истине. «Война в Маскате (продолжавшаяся с тех пор, как арабы захватили у них этот город) не так тяжела для них, поскольку она заставляет их держать флот из 5–6 кораблей и еще несколько мелких фрегатов, что дает пропитание большому числу людей. В противном случае, толпясь в церквях, они стали бы обузой для государства. Между ними и арабами было много стычек, но ни одна сторона не понесла большой урон. Мне довелось быть очевидцем одного морского боя близ Сурата, но он не был кровавым».

Овингтон, побывавший в Сурате в 1689 г., был еще более резок в высказываниях, он отдал преимущество оманцам: «Португальцы прилагают все усилия, чтобы избежать встречи с ними, и никогда не ввязываются в стычку, если не имеют большого преимущества». И Овингтон, и Гамильтон, сравнивая обхождение с военнопленными с обеих сторон, отдавали предпочтение в этом арабам.

«Португальцы относились к пленным крайне сурово, заставляя делать тяжелую работу, и приучали их к дисциплине кнутом. Однако арабы проявляли в обращении гуманность, содержали пленных в свободных условиях, не заставляли их выполнять непосильную работу и выделяли на их питание столько же денег, сколько и своим солдатам, то есть платили дважды в месяц. Если же кто-либо из португальцев был ремесленником, то он мог свободно заниматься своим ремеслом и зарабатывать деньги для своего выкупа».

Свидетельства Овингтона и Гамильтона могут вызвать подозрения, поскольку они оба были закоренелыми протестантами и склонны отдавать предпочтение мусульманам перед католиками. Но неспособность португальцев справиться с оманской угрозой явно видна из пере-

²⁸ То есть начиная от населенного пункта Кионга на побережье современного Мозамбика у границы с Танзанией.

писки администрации Гоа с королевским двором и признаний, сделанных во время заседаний Государственного совета в Гоа в эти годы. Следует также добавить, что, если потери в боях были довольно небольшими, организация этих кампаний требовала значительных денежных сумм и привлечения многих солдат; особенно это касалось длительной осады Момбасы (март 1696 – декабрь 1698 г.). Запоздало сообщая о падении крепости в рапорте, написанном в конце 1699 г., вице-король добавил: «Я могу уверить Ваше Величество, что эта осада нанесла значительный урон государству, так как при этом погибло более одной тысячи португальских солдат, а также около десяти тысяч местных, которые были все вассалами Вашего Величества, вследствие заразной атмосферы». Нет возможности проверить эти цифры, но совершенно ясно из всех сообщений об этой эпической осаде, что причиной большинства потерь были болезни; плохое питание и эпидемии выкашивали массу людей вдобавок к одному убитому в бою. Разногласия между суахили из Восточной Африки и их оманскими правителями помогли португальцам отвоевать Момбасу в 1728 г. и быстро восстановить свое владычество на всем побережье суахили. Но непостоянный султан острова Пате²⁹, который призвал их, вновь изменил. Момбаса сдалась местным инсургентам в ноябре 1729 г., и экспедиция из Маската быстро восстановила контроль Омана над побережьем к северу от мыса Делгаду. Власть Омана была непрочной, как и власть бывших здесь до этого португальцев. Власти в Лиссабоне и Гоа не сразу расстались с надеждой вернуть себе Момбасу. Но быстрое утверждение власти маратхов на западном побережье Индии привело к тому, что португальцы совсем рядом с ними обрели более опасного врага. И потому они не смогли воспользоваться дальнейшим ослаблением и раздорами в Омани после 1730 г.

Маратхи были реальной угрозой для португальцев уже в последней четверти XVII в., Гоа в 1683 г. избежал неминуемого поражения лишь потому, что в тылу войск маратхов неожиданно появилась армия Великих Моголов, перешедших через Западные Гаты. Время наибольшей активности маратхов пришлось на 1734–1740 гг., когда город Бассейн (Васаи) и процветавшая «Провинция Севера» были захвачены войсками пешвы после нескольких ожесточенных сражений. Упорная оборона Бассейна, которая завершилась почетной капитуляцией 16 мая 1739 г., вызвала восхищение у рыцарственных индусов-победителей. С той поры в их среде бытует выражение «воин, подобный португальцу». В «Провинцию Севера» входили португальские поселения, расположенные на 60-мильной полосе побережья между Бомбеем (вынужденно уступлен англичанам) и Даманом. Эта провинция, где имелись плодороднейшие земли, простиралась на 20–30 миль вглубь индийской территории. Это было все, что осталось португальцам после разрушительных войн с голландцами и Омани. Гордые и зажиточные жители столицы называли ее «дон Бассейн». Война 1737–1740 гг. разорила не только их, но и многих жителей Гоа, «поместья знати и духовенства, находившиеся большей частью в «Провинции Севера», как сообщал об этом вице-король английскому эmissару из Бомбея в октябре 1737 г. К тому же и сам Гоа едва не оказался во власти маратхов в 1739–1740 гг. только благодаря выплате военных репараций; необходимые суммы были собраны в результате принудительного займа у местных индусов, поскольку туземцы-христиане (и многие португальцы) были слишком бедны, чтобы выплатить требовавшуюся контрибуцию.

Не говоря уже об успешных действиях на суше, маратхи превратились в грозных врагов на море. Среди известных корсаров были представители семейства Ангрия в первой половине XVIII в. Основатель его Хонаджи Ангрия был командующим флотом маратхов, но он оставил этот пост и основал независимое княжество на узкой полосе побережья приблизительно 240 миль в длину и 40 миль в ширину между морем и Западными Гатами от гавани Бомбея до Венгурлы. Вожди Ангрия не принимали кличку «пираты», которой их наградили европейские враги. Однако их галеоты, и кечи, и другие легкие, но хорошо вооруженные суда

²⁹ В архипелаге Ламу у побережья современной Кении.

захватывали богатую добычу, совершая нападения на все купеческие корабли при первой же представлявшейся возможности, независимо от их принадлежности. Их авторитет значительно возрос, когда они отразили в декабре 1721 г. совместное нападение англ о- португальских сил на свою главную крепость Колаба. В это время некоторые португальские торговцы из «Провинции Севера» были вынуждены брать особое разрешение-патент у пиратов, чтобы избежать нападений с их стороны. Это было болезненным унижением для подданных монарха, который все еще носил титул «Владыка всех покоренных земель, морских путей и торговли» в Индийском океане.

Крупное поражение у полуострова Колаба в 1721 г. еще больше обострило отношения между англичанами в Бомбее и их португальскими соседями из Бассейна и Тханы, которые и прежде не отличались особой сердечностью после вынужденной передачи семи островов Англии в качестве приданого Екатерины Браганса, вышедшей замуж за Карла II. Пограничные споры вокруг Бомбейской гавани часто заканчивались вооруженными столкновениями и в итоге привели к открытой, но локальной войне. Вскоре был достигнут компромисс и заключен мир, но всеобщее недоверие во взаимоотношениях сохранялось на протяжении почти всего XVIII в. Англичане обвиняли португальцев, что те не оказали им никакой поддержки в экспедиции 1721 г. и снабжали людей Ангрия оружием и боеприпасами. В 1720 г. португальские священники были изгнаны из Бомбея и заменены более ответственными итальянцами. Португальцам, со своей стороны, были противны постоянное пьянство, ссоры и недисциплинированность англичан; их также обвиняли в том, что они поставляли боеприпасы и посылали своих канониров в войска пешвы, что и привело к потере «Провинции Севера». Что касается английских канониров на службе у маратхов, то это были дезертиры. И был по крайней мере один подобный канонир у португальцев. Из отчетов Ост-Индской компании становится ясно, что ее служащие в Бомбее продавали продовольствие маратхам и порох португальцам. В обоих случаях делали они это крайне неохотно, придерживаясь эгоистичной политики нейтралитета.

Потеря «Провинции Севера» и последовавшее за этим прекращение пограничных споров вокруг Бомбея не способствовали снижению напряженности в отношениях между англичанами и португальцами в Азии. Вице-король маркиз Алорна с горечью жаловался на высокомерие английских флотских офицеров, особенно коммодора Гриффина и адмирала Боскауэна, которых он обвинял во вмешательстве в морскую торговлю португальцев в Бенгальском заливе и насильственном присоединении старого португальского поселения Сан-Томе-Мелиапур к растущему городу Мадрасу. Тот же самый вице-король указывал на произвол, чинимый правлением голландской Ост-Индской компании в отношении португальских судов, ходивших в Малакку. Он объяснял все эти факты в своей памятной записке новому вице-королю в 1750 г.

«Я относился к этим двум государствам, пребывая на своем посту, со всем благоразумием, которое только возможно со стороны того, кто не располагает достаточной силой достойно ответить на все оскорбления и насилие. Чтобы не идти на окончательный разрыв в отношениях в сложившихся обстоятельствах, я передаю дело на рассмотрение Его Всевернейшего Величества, чтобы он сам принял необходимое решение в отношении упомянутых двух стран».

Едва ли стоит упоминать, что последующие дипломатические протесты, направленные Португалией в Лондон и Гаагу, не возымели действия вследствие сильного давления со стороны Ост-Индских компаний в этих двух столицах.

Не говоря уже об уроне, понесенном «Государством Индия» в результате войн с Оманом и маратхами, и влияние, и власть португальцев в Юго-Восточной Африке, которая в середине XVII в. простиралась через весь континент вплоть до Анголы, были поставлены под удар в 1693–1695 гг. в результате военных действий вождя банту Чангамира. Читатели, знакомые с историей Южной Африки, конечно, помнят о мечте испанцев найти Эльдorado в Южной Америке; подобно им, португальцы грезили о золотых и серебряных приисках Мономотапы,

долгое время считавшейся библейской страной Офир. Португальцы, следуя за арабами и суахили, странствующими торговцами золотом, слоновой костью и рабами, в 1575–1675 гг. поднялись вверх по долине реки Замбези и оказались на территории современной Южной Родезии³⁰, дойдя до гор Кариба. Таких авантюристов было немного, хотя в Лиссабоне принимали амбициозные планы колонизации, предусматривавшие отправку в 1635 и 1677 гг. из Европы в Юго-Восточную Африку горняков, крестьян и ремесленников вместе с их семьями, снабдив их всем необходимым для жизни и работы на новом месте. Для осуществления задуманного потребовалось значительно меньше средств, чем первоначально предполагалось. Из относительно небольшого числа эмигрантов, добравшихся до Восточной Африки, выжили немногие. Они прошли несколько дальше крошечных поселков Келимане, Сена и Тете в долине реки Замбези, где свирепствовала лихорадка. Но самые удачливые и настойчивые пополнили ряды тех, кто взял в аренду большие земельные участки (*prazo*) на правах супруга местных богатых наследниц или в результате упорного труда.

Некоторые португальские авантюристы (а позднее и выходцы из Гоа), воспользовавшись кризисом власти в Мономотапе и тяжелым положением верховного вождя конфедерации племен Макаланга (Вакаранга), продолжали удерживать с помощью силы или договоров земли мелких вождей, от лица которых они осуществляли свою власть. Иезуит Мануэл Барету, хорошо знакомый с районом Замбези, так описывал в 1667 г. сложившееся положение:

«Португальские владельцы земель имеют такую же власть и права, как и вожди кафров [*Fumos*], от которых они их получили, потому что условия ренты [*foro*] были обговорены на этих условиях. По этой причине они подобны германским князьям, поскольку они могут принять любой закон, приговорить человека к смерти, имеют право объявить войну и ввести новые налоги. Возможно, они сильно злоупотребляют всем этим; но их не будут уважать вассалы, если они не будут пользоваться всей той властью, что и вожди, которым они наследовали».

Падре Барету также добавлял, что эти авантюристы не ограничиваются тем, чтобы внушать к себе только уважение и страх, но они также известны своей расточительной гостеприимностью и королевской щедростью. Он привел в качестве примера Мануэла Паиша де Пинью, который «держал себя и управлял своим домашним хозяйством подобно принцу». Он поддерживал свою репутацию тем, что «был щедр на благодеяния, но в то же время очень жесток, прибегая к телесным наказаниям; эти качества приветствовались кафрами».

Области Восточной и Западной Африки, колонизованные португальцами или находящиеся в сфере влияния Португалии

³⁰ Ныне Зимбабве.

Несмотря на то что эти искатели удачи получали свои земельные наделы от Мономотапы, а позднее и от португальской короны, арендованные земли были, по сути, частными владениями, которые управлялись, как это было принято среди «баронов-разбойников». Владельцы арендованных участков содержали частные армии, сформированные из отпущенных на свободу негров, которые жили на своей земле, и основной части послушных рабов. В этих армиях насчитывалось 10 тысяч, 20 тысяч и 25 тысяч человек, и распускались они столь же быстро, как и формировались при необходимости, если что-то шло не так. Владельцы земельных наделов часто враждовали друг с другом, помимо того, что приходилось вести не прекращавшуюся войну с непокоренными и враждебными племенами. По этой и другим причинам эти земли в условиях постоянных военных действий часто меняли своих владельцев и свои границы. В течение двух-трех поколений сами землевладельцы полностью африканизировались. С целью предотвратить подобное развитие событий и поставить их под надежный контроль власти монарха, земельные владения были переведены в статус собственности, ограниченной в порядке ее наследования, которой имели право владеть три поколения, при условии выплаты ежегодной ренты золотым песком. Теоретически эти земли передавались в дар белым женщинам, чьи родители были португальцами. Мальчики, рожденные от этого брака, лишались права наследования. Земля передавалась только по женской линии, от матери дочери (это условие было принято около 1675 г.), с той же оговоркой, что наследница должна выйти замуж за белого человека. Земли короны (*prazo da Coroa*) передавались семьям на условиях владения ими на протяжении только трех поколений, после чего предполагалось вернуть их короне. Отсутствие навыков правильного возделывания земли, брак владелицы земли с цветным или ее нежелание жить в поместье – все это также приводило к тому, что земли возвращались короне. Предпринимались также попытки ограничить размер землевладений.

С течением времени все эти условия переставали соблюдаться. Поместья (*prazos*) разрастались до невиданных размеров, бросая вызов самым большим фазендам (*fazendas*) в Бразилии. Самое маленькое поместье можно было обойти за день, но были и такие, которые было не объехать на лошади и за восемь дней. Обязательство правильного культивирования земли большей частью игнорировалось, поскольку не было рынка для экспорта излишков сельскохозяйственной продукции. Землевладельцы выращивали продовольственные культуры только для собственных потребностей и питания рабов. В долине реки Замбези проживало совсем немного белых поселенцев – мужчин, и предполагаемая средняя продолжительность их жизни была очень короткой, так что наследница поместья в XVIII в. часто выходила замуж за мулата, более привычного к местному климату, или за индопортугальца из Гоа. Тем не менее многие поместья процветали в течение некоторого времени, и ходит много легенд о богатстве и щедрости их хозяев и о несметных богатствах, накопленных ими в виде золота, слоновой кости и рабов. Система также помогала поддерживать, хотя и не на должном уровне, власть португальцев и их влияние в долине Замбези. Корона надеялась именно на частные армии землевладельцев в войнах с местными племенами, поскольку гарнизоны с регулярными частями в Сене, Тете, Софале и Келимане насчитывали не больше 50–60 больных лихорадкой осужденных солдат, высланных из Португалии и Индии. Нехватка рабочей силы из Европы была основной причиной, почему португальская Восточная Африка не добилась успехов в своем развитии в первой половине XVIII в. В 1744 г. вице-король сообщал монарху, что гарнизон на островах Керимба, разбросанных на расстояние 300 миль между островом Мозамбик и мысом Делгаду, насчитывал всего лишь 15 солдат и одного сержанта, «так что не наберется даже одного солдата на каждый остров»; всего населенных островов было 19.

Несмотря на малочисленность португальцев в Юго-Восточной Африке, как во внутренних ее областях, так и на побережье, им удалось проникнуть во внутренние области континента. Один из наиболее оживленных и богатых базаров, где они часто бывали, находился

в Дамбараре. В результате недавних исследований было определено его местонахождение – вблизи шахты Джамбо, в 20 милях к северо-северо-западу от столицы Южной Родезии Солсбери³¹. Этот базар и окрестные места, которые посещали португальцы, оказались в эпицентре восстания нескольких племен, когда в 1693–1695 гг. правители Мономотапы и Чангамира установили временное сотрудничество. Один из торговцев, переживших эти катастрофические события, несколько лет спустя обосновался в Зумбо, и с тех пор это место указывало на западную границу наибольшего проникновения португальцев в бассейне реки Замбези. Иезуиты и миссионеры-доминиканцы тоже владели земельными участками, которые принадлежали их духовным орденам. За исключением иезуитов, поведение белого и черного духовенства не отвечало моральным и социальным нормам; однако они оказывали большое влияние на племена банту, среди которых они жили, и поддерживали хотя бы номинально их верность.

Два выдающихся примера их церковного влияния в первой половине XVIII в. показывают монахи-доминиканцы Жуан де Менезеш с островов Керимба и Педру да Тринидаде из области Зумбо. Первый, умерший в 1749 г., был подлинным правителем северных островов Керимба, более деятельным представителем португальских властей, чем убогий сержант с 15 солдатами. Отец Жуан игнорировал все приказы своего церковного начальства, вице-короля и губернаторов оставить свою паству и вернуться в Гоа, и португальский флаг продолжал реять над островами. Он также активно вел контрабандную торговлю с французами и англичанами и умер в окружении своих многочисленных сыновей и внуков. Его соратник из Зумбо, который скончался в 1751 г., видимо, соблюдал целибат; он установил широкие торговые связи с племенными вождями, приобретая золото, слоновую кость и рабов. Память о нем сохранялась долгое время среди банту, которых он обучил различным ремеслам и познакомил с европейскими сельскохозяйственными орудиями труда. Оба этих монаха имели собственные частные армии из негров, свободных и рабов, подобные армиям крупных землевладельцев.

На другой границе восточной Португальской империи именно миссионеры монахи-доминиканцы обеспечили сюзеренитет португальской короны над большей частью Тимора, частью островов Солор, восточной оконечностью острова Флорес (Ларантука) в архипелаге Малые Зондские острова. По общему признанию, эти монахи исполняли распоряжения португальских губернаторов, насколько им это было выгодно, а в двух случаях они просто изгнали представителей короля. В Лифау, на северном побережье Тимора, официально располагалась португальская администрация. В 1699 г., когда здесь побывал Уильям Дампир, на берегу было «около сорока или пятидесяти домов и одна церковь. Это были жалкие, покосившиеся глинобитные строения, крышей которых служили пальмовые ветви». Дампир описывает их жителей «как внешне похожих на индейцев, с медным цветом кожи и гладкими черными волосами. Они говорят на португальском языке и исповедуют католическую веру, но едят скоромную пищу, когда захотят. Они уважают себя за исповедание католической веры и происхождение от португальцев; и они будут сильно рассержены, если кто-то скажет, что они не португальцы. Мне довелось увидеть трех белых людей, двое из которых были священниками... и в любой части острова встречаются лишь единицы истинных португальцев».

Подобное положение вещей сохранялось на протяжении следующих полвека и больше. Вице-король маркиз Алорна так писал в своем донесении в 1750 г.: «На этом острове живут только семь или восемь португальцев и несколько миссионеров в условиях полной свободы, но урожай в винограднике Господа Бога, что они пожинают, не так уж и велик». Макао также пришлось пережить несколько тяжелых лет, особенно в период с 1660 по 1750 г. Не раз его обитатели оказывались на грани разорения в результате китайских экономических «санкций» (так их называли бы в наше время), которые вводили провинциальные власти Кантона. Но «город в Китае, где произносится имя Божье», располагал несколькими верными друзьями при дворе

³¹ Ныне столица Зимбабве город Хараре.

в Пекине в лице отцов-иезуитов, которые весьма успешно ходатайствовали за него перед особами, занимавшими Трон дракона.

Другой причиной, объяснявшей застой и упадок в португальских владениях в Азии и Восточной Африке в эти годы, было отсутствие справедливости в судах (*a falta de justicia*). Как явствует из официальной и неофициальной корреспонденции, на протяжении почти ста лет это было предметом постоянных жалоб, поступавших из мест, значительно отдаленных друг от друга, таких как Мозамбик, Гоа и Макао. Гашпар Курейя, исполнявший одно время обязанности секретаря Афонсу д'Албукерки и проведший всю жизнь на Востоке, оставил разоблачительные свидетельства судебного произвола в его время. Почти теми же словами описывали сложившееся положение Диогу ду Коту и другие честные и правдивые люди той эпохи – XVII и XVIII вв.

«Самое большое зло из всех возможных зол – это когда к людям относятся несправедливо, потому что коменданты крепостей в Индии правят людьми, обладая властью, данной им королем, и при этом берут на себя еще большие полномочия. Они совершают много злоупотреблений, о чем прекрасно знает король. Это и грабежи, и убийства, и неприкрытое насилие в отношении замужних женщин, вдов, девственниц-сирот и открытое сожительство с ними. Жертвами всех этих злодеяний, которые они совершают без страха Божьего и не боясь короля, становятся христиане, мусульмане, индусы, местные жители и иностранцы. И их манере вести себя следуют королевские и мировые судьи, судебные приставы и чиновники казначейства. Ничего бы этого не было, если бы только король приказал прилюдно казнить на набережной Гоа губернатора Индии и при этом в королевском указе было бы сказано, что он был обезглавлен потому, что не выполнял свои обязанности так, как следовало бы».

Принимая во внимание некоторую горячность такого заявления Курейи и признавая, что существовали, хотя и не столь многочисленные, справедливые и неподкупные судьи, факт остается фактом, что вопрос «отсутствия справедливости» занимал выдающееся место в официальной переписке между властями в Лиссабоне и Гоа, а также муниципального совета Гоа.

Это глубоко укоренившееся злоупотребление было осуждено на Первом церковном соборе в Гоа в 1567 г. и во время заседаний на последующих соборах. Даже если судьи и чиновники были честны, сложное португальское законодательство, принятое в самой стране и по всей империи, предоставляло большие возможности для затягивания рассмотрения дела – апелляций, встречных исков и вызова свидетелей и тому подобного, чем широко пользовались адвокаты (включая ставших христианами индийских браминов, которые получили разрешение на судебную практику). Хронист-иезуит Франсишку ди Соза (Соуза) писал в 1698 г. в Гоа: «Португальцы, к большому огорчению, не смогут добиться благоприятного к ним отношения со стороны жителей Востока, пока не будет решен вопрос с отправлением правосудия, пока суды низшей инстанции не научатся быстро рассматривать дела, как это принято в государствах Северной Европы, где успешнее складываются отношения с сельским населением». В то время как правосудие в это время у англичан, голландцев и французов во многих отношениях оставляло желать лучшего, будь то в метрополии или в заморских владениях, весьма знаменательно, что падре де Соза считал европейские суды и судей примером для португальцев.

Оказавшись в XVII–XVIII вв. в тяжелейшем положении, которое усугублялось собственными ошибочными действиями, в условиях кризисной демографической и экономической ситуации португальцы вполне могли задать себе вопрос, как они вообще смогли выжить в Азии и Восточной Африке. «Государство Индия» – обречено, и его падение неизбежно. Таких пророчеств в то время было множество. Это государство уподобляли «лежавшему на смертном одре человеку со свечой в руке». Хотя эта свеча горела еще очень долго, пока ее сознательно не погасили в результате неспровоцированного нападения Индии на Гоа, Даман и Диу в 1961 г. Португальцы на протяжении столетий проявляли удивительную способность выживать в усло-

виях негодного управления сверху и отсутствия дисциплины внизу. И в эти времена им помогали какие-то другие факторы.

На первое место следует поставить принципиальные разногласия в лагере их противников. Власть имамов Йаруби в Омане, которые правили с 1624 по 1738 г., подрывало внутреннее соперничество, не имевшее параллелей даже в расколотом арабском мире. Имамы были заняты войной с Ираном и португальцами на протяжении почти всего собственного господства. Маратхи также объединялись крайне редко, и им приходилось противостоять врагам в своем тылу. По-видимому, они не собирались нанести Гоа последний смертельный удар, когда в 1739 г. он был готов сдаться на милость победителя. Они хорошо понимали, что в Индии укрепляется власть англичан, и рассматривали португальцев в качестве противовеса. В Африке смерть победоносного вождя Чангамира в 1695 г., возможно, спасла португальцев от поражения, и никто из его наследников уже не смог вновь объединить враждебные белым племена банту. Межплеменное соперничество на Тиморе, начавшееся в незапамятные времена и перешедшее в XIX столетие, привело к тому, что, если какие-то кланы восставали против владычества (зачастую номинального) португальского монарха, последние могли рассчитывать на их завистливых соперников, которые выступали в поддержку роялистов. Даже мусульмане Восточной Африки, принцесса Фазы (Ампазы) и королева Занзибара, оставались верными союзниками португальцев во время борьбы за Момбасу в 1690-х гг. Более того, неудачное командование отдельных португальских военачальников в некоторых кампаниях компенсировалось храбростью и самопожертвованием их подчиненных.

И все же португальцам удалось отстоять свою утерявшую многие территории Восточную империю, хотя им приходилось противостоять не только сильным азиатским противникам, но и бороться с серьезной торговой конкуренцией со стороны процветавших голландской и британской Ост-Индских компаний, удалось благодаря унаследованным от предков качествам, таким, как стойкость и упорство. «Упорством можно добиться многого» – этому правилу португальцы следовали во всех превратностях этой эпохи. Несмотря на катастрофические поражения на море и на суше, на все унижения, которым они подвергались в таких местах, как Макао и Мадрас, португальцы на Востоке всегда испытывали гордость за свой, как они считали, славный XVI век. Они были убеждены, что, будучи наследниками конкистадоров Афонсу д'Албукерки и вассалами своего «могущественного» короля, они тем самым стояли гораздо выше выскочек-купцов из европейских торговых компаний, как бы те ни были богаты. Они были также убеждены в своем превосходстве над азиатами, над которыми столь долгое время господствовали в Индийском океане. Иезуит Франсишку ди Соза (Соуза) в своем труде «Завоеванный Восток» в 1710 г. говорил о «португальском характере, презиравшем все эти азиатские расы». Португалец чувствовал, что Бог на его стороне, хотя Он, как они открыто признавали, в то же время наказывал их за грехи, отняв Малакку, Цейлон, Малабарский берег и Момбасу.

Титул «величайший и могущественнейший» (*muito alto e muito poderoso*), которым чиновники величали королей в официальной переписке, не был просто фигурой речи, по крайней мере если речь шла о португальцах. Даже если прочие европейцы считали, что такой титул не подходит первым трем монархам из дома Браганса, которые едва ли были ровней Бурбонам, Габсбургам и Стюартам. Один французский миссионер, трудившийся в Сиаме (Таиланде) и Индокитае (1671–1683), заметил, что «если в беседе с португальцем заговорить о могуществе и авторитете его короля, то сердце его сразу же наполняется гордостью и он готов привести любые доказательства в пользу этого». Это чувство гордости присутствовало во всех слоях общества и разделялось представителями всех классов Португалии. Лишь король Жуан IV представлял едва ли не единственное исключение. Однажды он признался французскому посланнику в Лиссабоне, что с удовольствием освободился бы от бремени борьбы за Португальскую Индию, если бы существовал какой-либо достойный выход из создавшегося положения. Но он был первым и последним португальским монархом, сделавшим такое при-

знание. Его наследники не колебались идти на добровольные жертвы ради спасения распадавшегося «Государства Индия». Английский губернатор и советник в Бомбее правильно заметил в 1737 г.: «Португальская монархия уже давно удерживает свои владения в Индии за счет простого средства, она смотрит на них с точки зрения чести и веры». Более того, подобное отношение поддерживали даже «просвещенные» государственные деятели, которые критиковали причуды и экстравагантное поведение короля Жуана V Великодушного. По свидетельству дон Луиша да Кунья, самого опытного португальского дипломата того времени, король соглашался с тем, что «завоевания – вот что делает нам честь и поддерживает нас». Если Португалия еще что-то значила в глазах великих держав Европы, то этим она была обязана в первую очередь своим заморским имперским владениям. И если в 1700 г. Бразилия была самым ценным алмазом в португальской короне, Индия продолжала оставаться самым престижным.

В итоге необходимо также подчеркнуть тот факт, что «упадок» Португальской Азии, о котором так сокрушались современники этих событий и которому уделяли с тех пор столько внимания историки, был замечен не везде и зависел от времени и места; часто повторялись периоды относительного мира и процветания. При описании как золотого века конкистадоров, пришедшего на XVI столетие, так и бедности, в которой оказались многие их последователи, часто приводятся в ретроспективе преувеличенные оценки. Когда падре Мануэл Гудинью в 1663 г. превозносил величие «Государства Индия», подробно описывая 29 ее столиц и 33 вассальных государства, то это был всего лишь полет фантазии, а не трезвая историческая правда. В число упомянутых им 33 государств могли входить крошечные прибрежные княжества, в которых правили раджи, и индонезийские сельские общины, или кампонги, власть вождей которых распространялась на территорию всего в несколько квадратных миль. Подобным образом в то самое время, когда Александр Гамильтон в конце XVII в. высмеивал нищенскую жизнь португальцев «во всех их колониях по всей Индии», итальянский путешественник Джемелли Карери после своего посещения Дамана и Гоа в 1695 г. писал: «У португальцев очень хорошая жизнь в Индии в том, что касается стола, одежды и рабов в их услужении». Существует множество других подлинных свидетельств очевидцев. Кроме многочисленных рабов-негров из Восточной Африки, труд которых использовали португальцы, в их распоряжении было значительное число свободных рабочих рук, крайне дешево оплачивавшихся, – индийцев, индонезийцев и китайцев. Хотя несомненно, как писал иезуит Франсишку ди Соза (Соуза) в 1710 г., росли ряды обедневшего пролетариата в крупных центрах Португальской Азии, богатых купцов и зажиточных капитанов было тоже немало. «Ибо нищих всегда имеее с собою», по словам Евангелия.

Великолепные церкви и массивные крепости, руины которых на всем расстоянии от Мозамбика до Макао все еще поражают воображение путешественника XX в., почти все были построены (а некоторые значительно перестроены) в 1600–1750 гг., а не в XVI в., как часто утверждается. Золото и слоновую кость из Восточной Африки продолжали доставлять в Гоа в первой половине XVIII в., а вот золото и перец с Суматры уже привозить перестали. Гоа был важным центром торговли алмазами в 1650–1730 гг., возможно, даже более значимым, чем Мадрас. Корабли с Востока, отправлявшиеся из Мандови к устью Тежу (Тахо), все еще везли много товаров, хотя приплывало не более одного-двух кораблей в год вместо пяти или шести в прежнее время. К 1725 г. экономический центр Португальской морской империи переместился из «золотого» Гоа в город «Святого Спасителя в бухте Всех Святых» в Бразилии, но дворяне-португальцы Индии все еще похвалялись тем, что они являются прирожденной знатью, «а та, что в Португалии, в сравнении [с ними] только тень».

Глава 7

Возрождение и развитие Запада (1663–1750)

Экономическое возрождение Португалии и заморских владений империи, которое, как ожидалось, должно было последовать сразу же после заключения мира с Испанией и Соединенными провинциями (Голландией) в 1668–1669 гг., так и не состоялось в последующие 20 лет. Португальская экономика находилась в зависимости в основном от реэкспорта бразильского сахара и табака и от экспорта собственных товаров – соли, вина и фруктов, которыми она платила за импорт зерновых, сукна и других промышленных товаров. Доходы от экспорта никогда не могли в полной мере покрыть расходы на импорт. Проблемы с платежным балансом страны все больше обострялись по мере роста производства сахара в британской и французской Вест-Индии, который удачно конкурировал с бразильским сахаром. «Название «Бразилия» означает «сахар, и только сахар» – так говорилось в послании муниципального совета Баии, адресованном королю, в 1662 г.; и пару лет спустя один английский моряк, побывав в Бразилии, писал: «В этой стране изобилие сахара, и он здесь наилучшего качества». Он добавлял, что из Рио-де-Жанейро, Баии и Ресифи «ежегодно отправляется много кораблей с грузом сахара, и табака, и бразильского красного дерева для купцов Португалии. Эти товары делают богаче Португальскую империю, которая без них превратилась бы в нищее королевство». Но в 1671 г. знавший свое дело английский генконсул в Лиссабоне Томас Мейнард, «активно отстаивавший интересы своего государства», сообщал своему правительству: «Весь сахар, поставленный в этом году, вместе с другими товарами, которые королевство экспортирует, не сможет покрыть и половину расходов на товары, им импортируемые, так что все их наличные деньги уйдут из страны в течение всего лишь нескольких лет». Положение усугублялось всеобщей экономической депрессией, поразившей большую часть Западной Европы, и сокращением ежегодного импорта серебряных слитков из Испанской Америки в Лиссабон через Кадис и Севилью.

И на другой стороне Атлантического океана у Португальской империи дела складывались не лучшим образом. В этом отношении очень ценный материал дает переписка муниципального совета Баии и королевской администрации в последней четверти XVII в., так как совет представлял в первую очередь интересы владельцев сахарных заводов. Они постоянно – подобно их английским и французским конкурентам на островах Карибского моря – на что-то жаловались: падение цен, вялую торговлю, высокие налоги, дорогой и малоэффективный рабский труд. Все это делало их занятие неблагоприятным и одновременно рискованным. Их ведущий представитель Жуан Пейшоту Вьегас указывал в 1687 г., что бразильский сахар в Лиссабоне в середине XVII в. обложили большими пошлинами, в то время как в Европе цена на него была высокой. И эти пошлины сохранялись и даже позднее увеличились, когда европейская цена на этот товар начала падать, вследствие увеличения производства сахара у французов и англичан в Вест-Индии. За семь лет до этого Вьегас, который кроме сахарного тростника занимался также выращиванием табака и скотоводством, с большим недовольством указывал на то, что из каждых 100 табачных роллов 75 шли на оплату пошлин и фрахта. Вьегас, автор известных критических статей, также указывал на то, что помимо препятствий, которые являются делом рук самого человека, опасности занятия сельским хозяйством в тропиках таятся в самих природных условиях. Выращивание сахарного тростника «подобно акту соития, участник которого не знает, добился ли он чего-либо, и если да, то кто появится в результате – мальчик или девочка, здоровый ребенок или больной; все станет известно только после его рождения».

Следует сказать, что плантаторы были отчасти сами виноваты в собственном тяжелом положении, что объяснялось не в последней степени их экстравагантным и расточительным образом жизни. Более того, почти все хозяева покупали рабов и оборудование заводов у своих

агентов и купцов в морских портах на основе долгосрочных кредитов и с высокой процентной ставкой и потому оказывались обремененными долгами. Банкротства случались часто, и относительно большое число плантаторов оставались владельцами своих фамильных состояний не более чем на протяжении двух-трех поколений. И Бразилия, и Ангола страдали в это время от острой нехватки оборотных средств, поскольку купцы Лиссабона и Порту предпочитали теперь принимать оплату пряностями, а не сахаром. Генерал-губернатор Бразилии жаловался в 1690 г., что более 80 тысяч крузадо ушло из Баии только в Порту и что, если неблагоприятный баланс торговли сохранится в таком виде, всю экономику вскоре ждет окончательный крах. Ухудшавшееся положение в экономике Португальской Атлантической империи еще более усугубилось эпидемией оспы в Анголе в середине 1680-х гг. и почти одновременно вспыхнувшей желтой лихорадкой в Бразилии, где в Баии и Пернамбуку в 1686–1691 гг. наблюдался высокий уровень смертности. В письме к другу в Лиссабоне в июле 1689 г. падре Антониу Виейра мрачно заметил:

«В этом году многие сахарные заводы перестали перерабатывать сахарный тростник, и в следующем году только немногие из них смогут работать. Предусмотрительные люди советуют нам носить одежду из хлопка, есть маниок и вновь начать пользоваться стрелами и луком из-за нехватки современного оружия. Так что мы скоро опустимся до примитивной дикости индейцев и станем бразильскими туземцами, а не португальскими гражданами».

Естественно, в этих жалобах есть некое преувеличение, но имеется множество других реальных свидетельств о тяжелом экономическом положении Португальской империи в Атлантике на протяжении последней четверти XVII в., хотя оно и не было столь катастрофическим, как в иеремиадах отца Виейры. Знаменательный факт, но, как ни странно, Томас Мейнард, пророчивший скорый коллапс экономики Португалии в 1671 г., писал 12 лет спустя, когда кризис был все еще в полном разгаре, о «чудесном качестве» бразильского сахара, который, как обычно, реэкспортировался из Лиссабона. Но знаменательно также и то, что муниципалитет Лиссабона направил в июле 1689 г. протест королевской администрации, составленный в резких выражениях, в котором вновь перечислялись жалобы городского совета Баии (*Camara*) на пошлины на сахар, на табак и другие основные товары. По утверждению муниципальных советников, эти пошлины поощряли англичан и французов к развитию собственного производства различных культур в своих колониях. Лиссабонский муниципалитет также утверждал, что конкретный опыт показывает, что доход от налогообложения имеет тенденцию к снижению по мере того, как все туже закручивается фискальный пресс. Если Вьегас говорил о сложностях и отсутствии гарантий успеха в занятиях сельским хозяйством в тропиках, то советники в Лиссабоне, перечисляя классические факторы, которые являлись бичом крестьян в Португалии, напоминали королевской администрации: «Сельскохозяйственные рабочие заняты неизбежным тяжелым трудом, дающим лишь призрачную надежду на будущее; в бесплодные годы они теряют все, что они вырастили, в урожайные годы наступает затоваривание на рынке и, соответственно, падают цены. Эти два бедствия постоянно сопровождают их».

Эти донесения и им подобные, стекавшиеся в столицу со всей широко раскинувшейся Португальской империи, иногда принимались королем и его советниками сочувственно, но обычно клались под сукно. Основная причина этой уклончивости объяснялась тем, что португальская монархия сильно зависела от таможенных доходов, так что она не могла отказаться от возможности получить немедленный доход и надеяться на какие-то денежные поступления в отдаленном будущем в условиях резкого сокращения налогообложения. Например, в 1715 г. пошлины на товары, экспортируемые (или реэкспортируемые) в Бразилию из Лиссабона, в некоторых случаях возрастали до 40 %. Правительство страны, конечно, было прекрасно осведомлено о столь тяжелой ситуации. Оно постаралось предотвратить катастрофу путем сочетания временных и рассчитанных на будущее мер, которые не предусматривали снижения таможенных пошлин. Принимались постоянные усилия по развитию швейной промышленности

в Португалии; было принято протекционистское законодательство по образцу французского министра Кольбера, заключались рабочие контракты с французскими и английскими квалифицированными ткачами. Налог на предметы роскоши был направлен против импорта таких товаров, особенно на шелк и золотую нить из Франции. В 1688 г. номинальная стоимость монет золотой и серебряной чеканки в Португалии и заморских территориях возросла на 20 %, в то время как их внутренняя стоимость осталась неизменной. В 1695 г. в Баии был основан колониальный монетный двор для чеканки местных золотых и серебряных монет. Номинальная стоимость этих монет была увеличена дополнительно на 10 %, и хождение этих монет было разрешено только в Бразилии. Этот монетный двор в 1698–1699 гг. был переведен в Рио-де-Жанейро, потом в 1700–1702 гг. в Ресифи и, наконец, опять на постоянной основе в 1703 г. в Рио-де-Жанейро. Чеканка медной монеты в Анголе была разрешена в 1680 г., однако доставлены были монеты (отчеканенные в Лиссабоне) в эту колонию только 14 лет спустя. В 1680 г. португальское поселение было основано в Сакраменто (ныне Колония-дель-Сакраменто) на северном берегу Ла-Платы напротив Буэнос-Айреса, чтобы вывозить через «черный вход» серебро Потоси в Верхнем Перу, откуда шло серебро в 1580–1640 гг. Королевская администрация также начала более активно стимулировать поиск золота, серебра и алмазов в Бразилии, который вели, с небольшими перерывами, начиная с середины XVI в.

Не все эти меры были успешными. Программы индустриализации тормозились нежеланием французского и английского правительств разрешить своим квалифицированным рабочим эмигрировать и передавать технические знания португальцам. Английское правительство обращалось к своему послу в Лиссабоне в 1678 г.: «Если бы вы смогли узнать имена подданных Его Величества, которые заняты теперь на строительстве мануфактур в Португалии, то, в таком случае, самые суровые меры были бы приняты для их возвращения в отечество». Вероятно, имелись в виду репрессивные меры против их семей, оставшихся в Англии. Но полностью предотвратить подобную эмиграцию профессиональных мастеров было невозможно, если они отправлялись в одиночку или небольшими группами. Именно таким образом в 1677 г. в Лиссабон прибыло из Колчестера девять ткачей вместе с двумя англичанками, чтобы «научить португальцев чесать шерсть и прясть на английский манер». Значительно более серьезный удар развитию в Португалии текстильной промышленности, в сравнении с политикой «собаки на сене» иностранных правительств, нанесло самоубийство в мае 1690 г. Луиша де Менезеша, третьего графа Эрисейра, зачинателя политики Кольбера в Португалии. Его наследники были больше заинтересованы в развитии винной торговли, и в этом им помогла война англичан и голландцев с Францией в 1689–1697 гг., которая резко увеличила в Англии спрос на португальские вина и затормозила экспорт французского вина. Девальвацией валюты в 1688 г. были крайне недовольны в Бразилии, но учреждение монетного двора в 1695 г. тепло приветствовалось. Колония в Сакраменто, хотя она быстро стала центром контрабандной торговли с испанским вице-королевством Перу, оказалась очень дорогим предприятием в связи с враждебным отношением испанцев.

Производство сахара в Бразилии, которое, казалось, находилось на грани полного краха в 1691 г., начало вскоре восстанавливаться, возможно, из-за повышенного спроса в Европе или истощения его запасов на складах в Лиссабоне, а также благодаря его высокому качеству в сравнении с сахаром Вест-Индии. Во всяком случае, наблюдательный кругосветный мореплаватель Уильям Дампир, который побывал в Баии (Салвадоре) в 1699 г. и пробыл там достаточное время, чтобы понять, что там происходит, заметил: «Это место обширной торговли». В гавани тогда находилось 32 больших корабля из Европы и два судна работоторговцев из Анголы, а также много мелких каботажных судов. Он добавлял: «Сахар этой страны значительно лучше, чем тот, что мы доставляем домой с наших плантаций; он белее и мельче, чем наш неочищенный тростниковый сахар». Однако невиданное возрождение португальско-бразильской экономики, которое началось в 1690-х гг., было обязано несколько запоздалому открытию золото-

носных россыпей в невиданных прежде масштабах в отдаленном и малодоступном районе на расстоянии 200 миль от Рио-де-Жанейро, который отныне получил известность как Минас-Жерайс («Главные рудники»).

Точное время и место открытия первой богатой золотоносной жилы неизвестны. Имеющиеся данные разнятся, а официальные сообщения губернаторов Рио-де-Жанейро и Баии запоздало и неточно отражают находки первых десяти лет. Согласно последним данным, выглядит правдоподобным утверждение, что богатые месторождения россыпного золота обнаружили почти одновременно отдельные старатели и разрозненные банды из штата Сан-Паулу в 1693–1695 гг. Они действовали в девственных лесах, кустарниковых зарослях и саваннах современного штата Минас-Жерайс и искали не золото, а серебро и индейцев, которых они уводили в рабство. Испанцы ранее нашли серебро в небывалом количестве на нагорьях Мексики и в Верхнем Перу. Как часто случается, первые, кому улыбнулась удача и кто обнаружил золото, попытались удержать это в секрете, но долго так продолжаться не могло. К 1697 г. даже жители прибрежных городов, скептически относившиеся к слухам о первых находках, тоже поняли, что действительно есть «золото в этих холмах» и его невиданно много. Первой из больших золотых лихорадок Нового времени было положено начало. В июне 1697 г. губернатор Рио-де-Жанейро сообщал в Лиссабон, что в Каэте раскопки, «проводившиеся у подножия горы, дали шахтерам надежду, что золота в этом районе хватит на долгое время». Все новые и новые богатые месторождения обнаруживали почти каждый день на большой территории, где воды каждой реки и ручья, казалось, несли золотой песок.

Первооткрывателям и владельцам месторождений золота, в основном уроженцам штата Сан-Паулу, рано или поздно должны были бросить вызов. Кочующие толпы безработных и просто искатели удачи со всей Бразилии и из Португалии быстро сошлись все вместе на «главных рудниках», куда вели через дикую и пустынную местность нехоженые тропы из Баии, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. «Бродяги и люди вне закона и без всяких моральных устоев из простонародья» – так неслестно отзывался о них генерал-губернатор Баии в 1701 г. Один непосредственный свидетель происходящего из иезуитов описывал положение в менее желчных тонах.

«Каждый год толпы португальцев и иностранцев устремляются на рудники. Из городов и поселков, с плантаций и из самого что ни на есть бразильского захолустья приезжают белые, мулаты и негры, а также нанятые жителями Сан-Паулу индейцы. Смешение людей всякого рода и звания; мужчины и женщины, молодежь и старики, бедные и богатые; мелкие дворяне и люди незнатного происхождения, миряне, священники и монахи различных духовных орденов, у многих из которых нет ни дома для жилья, ни места в монастыре в Бразилии».

Не все из тех, кто отправился во внутренние области страны (таких португальцев-чужаков, недавно прибывших, называли «эмбоаба», *порт. emboabo*), смогли вынести трудности пути к желанному золоту. У многих из них не было с собой ничего, кроме палки в руке и заплечного мешка. На обочинах дорог, по которым передвигались золотоискатели, находили их бездыханные тела, и «окоченевшие пальцы продолжали сжимать початок кукурузы, единственное их пропитание в пути».

Толпы самых разных авантюристов наводняли золотые прииски Минас-Жерайс; все золотоискатели были твердо уверены, что они станут владельцами больших состояний. Вскоре они разбились на две враждовавшие друг с другом группы. Первую составляли жители штата Сан-Паулу со своими слугами и рабами-индейцами. Вторая группа была представлена приезжими из Португалии и различных областей Бразилии; в помощниках у них были тоже рабы, но в основном эти рабы были родом из Западной Африки. Между обеими соперничавшими группировками в конце 1708 г. вспыхнула небольшая гражданская война, или, выражаясь точнее, начались незначительные вооруженные столкновения, продолжавшиеся с краткими перерывами почти целый год. Во всех этих событиях было больше шумихи, чем реальных смертей и разрушений. Сомнительно, чтобы каждая из сторон конфликта могла потерять даже сотню

человек. Но результатом войны была победа пришельцев и их (в основном жителей Баии) союзников, а их соперники из штата Сан-Паулу были изгнаны с золотых приисков Минас-Жерайс. С этого времени население этого района было преимущественно белым – в основном португальцы, большинство которых происходили из провинции Минью в Северной Португалии. Было также значительное число рабов из Западной Африки и мулатов, родившихся от смешанных браков негритянок и жителей штата Минас-Жерайс.

«Война с пришельцами», как были названы гражданские волнения 1708–1709 гг., позволила короне впервые установить свою власть в беспокойном горнорудном районе. Обе стороны обратились в Лиссабон за поддержкой, что дало возможность короне прислать своего губернатора для создания костяка новой администрации в Минас-Жерайсе. Введение налога – «королевской пятой части» (*quinto real*), или, по-иному, 20 % на все добывавшееся золото, вызвало большое недовольство, которое вылилось в июне 1720 г. в восстание против губернатора и его администрации в Вила-Рика-де-Ору-Прету, главном центре горнорудного района. Жители Сан-Паулу не оказали никакой помощи восставшим португальцам, и мятеж был подавлен властями, которые прибегли одновременно к силе и обману. Полк драгун (также набранных в основном в Северной Португалии) должен был поддержать пошатнувшуюся королевскую власть в Минас-Жерайсе, которой было обеспечено мирное существование на протяжении почти 70 лет. Жители Сан-Паулу, изгнанные из этих мест в 1708–1709 гг. и отправившиеся дальше на запад, в последующие десятилетия открыли одно за другим месторождения золота в Куябе, Гоясе и Мату-Гросу. Во второй половине 1720 г. в Минас-Жерайсе были открыты также месторождения алмазов, а в 1740 г. в так называемом алмазоносном округе был установлен строгий административный режим, не имевший аналогов в других колониальных империях Европы. Весь округ был изолирован от остальной Бразилии, и посетить или выехать из него можно было только с письменного разрешения его управляющего.

Открытие золота и алмазов в Бразилии и их добыча в беспрецедентных масштабах имели несколько важных последствий в португальском мире. Во-первых, оно привело к перемещению больших масс населения из прибрежных районов Пернамбуку, Баии и Рио-де-Жанейро в горнорудные районы внутренних областей Бразилии. Это не было медленным и постепенным переселением редких и малочисленных групп скотоводов, уже происходившим в отдельных районах, таких как долина реки Сан-Франсиску, но шла эмиграция *en masse*. Во-вторых, в то время, давая ощутимый стимул для развития колониальной экономики и тем самым помогая разрешить один экономический кризис, эмиграция порождала следующий, привлекая рабочую силу, как рабов, так и свободных, с сахарных и табачных плантаций и из прибрежных городов, искавших более высокооплачиваемые места на приисках и рудниках. Резкому росту цен способствовала также нехватка рабочих рук, сопровождавшая значительно выросшую добычу золота. В-третьих, возросший спрос на рабов из Западной Африки на рудниках и плантациях Бразилии вел к соответствующему увеличению работоторговли и поиску новых невольничьих рынков. Самой метрополии, то есть Португалии, использование полезных ископаемых Бразилии и возрождение ее торговли с этой колонией дало возможность выправить несправедливый баланс торговли золотом с другими странами Европы. Бразильские золото и алмазы также сильно обогатили монархию, церковь и двор и позволили королю Жуану V на протяжении всего длительного времени его царствования, с 1706 по 1750 г., не созывать кортесы с целью просить у них денег. Говорят, что монарх якобы сказал: «Мой дед боялся всего и имел долги, мой отец имел долги. Я же и не боюсь, и не имею долгов».

Предположительно, это хвастливое заявление было сделано после подписания мирного договора в Утрехте в 1715 г., завершившего Войну за испанское наследство. Когда король Жуан, будучи еще неопытным и молодым, за девять лет до того вззошел на трон, Португалия, вовлеченная в войну, в основном под давлением Англии, находилась в тяжелейшем положении. Рассматривая уже произошедшие события, можно сказать, что для Португалии, находившейся

в сложном положении между Францией и Испанией с одной стороны и морскими державами и Австрийской империей – с другой, было бы наилучшим выходом придерживаться нейтралитета. Герцог Кадалвал, премьер Португалии и один из близких советников короля Педру II, прекрасно осознавал это и раньше, поскольку имел предельно реалистичный взгляд на ресурсы Португалии и понимал, что страна не готова к войне. В 1705 г. он говорил, что Португалия далека от мысли вступить в союз с Англией и Голландией, направленный против Франции и Испании, так как она не в состоянии противостоять «самому ничтожному князю в Ломбардии». Война была также очень непопулярна среди простых людей, которые даже после 35 лет мира все еще не оправались от принесенных ими тяжелых жертв в долгой борьбе с Испанией и Голландией. Несмотря на то что португальская армия вместе с союзными английскими и голландскими войсками смогла дважды на краткое время занять Мадрид, война не принесла Португалии ничего, кроме унижения и больших потерь. Достаточно упомянуть взятие Сакраменто испанцами (1705), страшный разгром союзников у Алмансы (апрель 1707 г.) и разграбление Рио-де-Жанейро французским корсаром Дюге-Труэном в 1711 г., после того как годом ранее потерпела полное поражение плохо организованная экспедиция дю Клерка. Даже золото, стоимостью в миллионы крузадо, ежегодно поставляемое теперь в Португалию из Бразилии, могло только частично восполнить военные потери, поскольку большая его часть шла в Англию в оплату импортных товаров. Английские и голландские правительственные субсидии покрывали только половину потребностей португальской армии и шли также на снабжение собственных войск на Иберийском (Пиренейском) полуострове.

Британское правительство недостаточно настойчиво требовало на переговорах, предшествовавших подписанию Утрехтского договора, исправления европейских границ, что было обещано Португалии в качестве компенсации за ее вступление в войну на стороне союзников. Португалии пришлось довольствоваться признанием ее права на владение Амазонией, чего требовала и Франция, и смириться с переходом колонии Сакраменто под власть испанцев, как было решено на заключительном этапе переговоров о мире. Приобретенный Жуаном V горький опыт убедил короля в необходимости сохранять в будущем нейтралитет в любом европейском конфликте, несмотря на то что он все же направил несколько военных кораблей в Эгейское море, чтобы помочь папской и венецианской эскадрам в их борьбе против турок в 1716–1717 гг. Короля также глубоко возмутило какое-то незначительное на вид нарушение со стороны испанского двора дипломатического иммунитета посольства Португалии в Мадриде, что привело к взаимным угрозам начать войну и к разрыву дипломатических отношений между двумя монархиями Пиренейского полуострова в 1735–1737 гг. Однако театр военных действий ограничился только эстуарием Ла-Платы, где природные условия значительно затруднили ведение боевых действий и привели к большим потерям с обеих сторон, чем в результате их бессистемных и непоследовательных военных операций. Король Жуан V был самым педантичным и набожным среди португальских монархов. И его чрезмерная забота о своем личном престиже привела к обострению отношений с папским престолом в 1728–1732 гг. Несмотря на это, он всегда щедро жертвовал на церковь, а недавно учрежденный патриархат Лиссабона постарался организовать таким образом, чтобы он не уступал в величии и красоте богослужений Святому престолу апостола Петра. Король принял сторону иезуитов китайской миссии в богословских спорах с Конгрегацией пропаганды веры в вопросе о «китайских церковных обрядах». То значительное количество бразильского золота, что он посылал папскому двору и кардиналам, имело своим последствием дарование королю в 1748 г. титула «Всевернейшего Величества»; тем самым исполнилась его давно лелеемая мечта сравняться в чести с «наихристианнейшим» королем Франции и «первым среди католиков» королем Испании.

Король Жуан V явно следовал в своих действиях политике «короля-солнца» Людовика XIV, стремясь положить начало золотому веку абсолютизма в Португалии, подобно тому, как это сделал Людовик XIV во Франции. В некоторой степени ему это удалось, поскольку во время

его правления Португалия снискала международное признание, которого она не имела со времен короля Мануэла I и открытия морского пути в Индию. Лиссабон снова стал одним из богатейших городов Европы, но одновременно и самым населенным, и одним из самых грязных. Большая, а возможно, и наибольшая часть бразильского золота, привезенного в Лиссабон, тратилась на дорогостоящее церковное строительство и расточительные мероприятия патриархата, такие как возведение гигантского монастыря-дворца Мафра (1715–1735), соперника Эскориала и Версаля. Были более обоснованные траты на великолепные библиотеки Коимбры, Мафры и лиссабонской Коллегии ораторианцев; на картографирование некоторых районов Бразилии; на раздачу каждые две недели золотых монет бедным и нуждавшимся горожанам, которые продолжались в течение многих лет. Одним из действительно выдающихся монументов его царствования был циклопический акведук Агуаш-Ливреш (Свободные воды) в Лиссабоне, построенный между 1732 и 1748 гг. (хотя и окончательно вошедший в строй только в 1835 г.), который впервые удовлетворил потребности в воде в столице. Это замечательное сооружение было построено на деньги, полученные от дополнительного налога на производство вина, мяса и оливкового масла, предназначенного для жителей столицы и столичного района. Надо отдать должное Жуану V, что он настоял на том, чтобы церковные деятели, представлявшие в том числе избалованный вниманием монарха патриархат Лиссабона, заплатили причитающуюся им часть налога, когда они проявили обычное нежелание сделать это, ссылаясь на церковный иммунитет.

Акведук Агуаш-Ливреш был крайне необходим для горожан, так что простой трудовой люд заплатил причитающийся налог, хотя, может, и не столь охотно. Но совершенно иное отношение сложилось у народа к Мафре, на строительстве которого было занято одновременно свыше 45 тысяч человек. Происходили массовые реквизиции телег и вьючных животных для перевозки строительных материалов и продовольствия, и если ремесленники не соглашались добровольно на работу на стройке, то их принуждали к этому. В 1730 г. французский консул с неудовольствием замечал, что было невозможно найти во всем Лиссабоне мастера, который мог бы починить колесо у экипажа, и он был вынужден ходить пешком, несмотря на свой высокий статус. Британский посланник также пожаловался на то, что не мог купить ведро известки для побелки своего дома. Еще в 1720 г. французский посол в Лиссабоне конфиденциально сообщал своему королю, что постройка никогда не будет закончена, поскольку казна была пуста и всех денег Иберийского полуострова будет недостаточно, чтобы оплатить ее. Но все же она была завершена, несмотря на многомесячные задержки зарплаты художникам и ремесленникам. Муниципалитет Лиссабона обанкротился, вынужденно набирая ссуды, чтобы помочь финансированию работ. Король не смог, несмотря на неоднократные напоминания и свои обещания, вовремя погасить сделанные займы. Швейцарский военный и натуралист Шарль Фредерик де Мервейё, посетивший Мафру в 1726 г., заметил, что почти каждый на строительстве жаловался на нелепое сумасбродство, и добавлял: «Определенно три четверти королевской казны и всего золота, привозимого из Бразилии, обратились в камни».

Но не только строительство Мафры привело муниципалитет Лиссабона к финансовому краху. Король также потребовал отметить ежегодный праздник Тела Христова в 1719 г. с таким небывалым размахом, что муниципалитет так и не смог заплатить все долги, набранные им по этому случаю. Заключение браков представителей королевских правящих домов Испании и Португалии в 1729 г. финансировалось в основном португальской стороной при помощи налога (известного под эвфемизмом *donativo*, или «свободный дар»), который собирался по всей Португалии и империи. Причем в Бразилии этот налог составлял 8 миллионов крузадо, и бразильцы португальского происхождения возмущались тем, что им приходится платить большую часть всего налога. Денежные переводы шли в Лиссабон много лет спустя и после того, как стало ясно, что поступления составляют лишь часть этой суммы. Незадолго до того, как Жуан Великодушный – так называли короля его верные подданные – умер в 1750 г., он превра-

тился в маразматика-ханжу. В королевской казне не нашлось достаточно денег, чтобы оплатить его похороны. Некоторые из самых близких к королевскому двору слуг, включая кучера королевы, не получали за свой труд ничего в течение пяти лет. Те, кто служил в армии и на флоте в отдаленных колониальных гарнизонах, также зачастую с большим запозданием, да и то не полностью, получали причитавшееся им жалованье.

Следует, однако, признать, что сложившееся представление о короле Жуане V, как самом пассивном и суеверном среди всех португальских королей, который проявлял инициативу только в любовных связях с монахинями и тратил большие деньги на церкви и поощрение музыкантов, в значительной мере является весьма искаженным. В значительной, но не в полной мере. Он был совершенно другим человеком до того, как эпилептические припадки в 1740-х гг. превратили его в физического и умственного калеку и присущая ему религиозность превратилась в религиозную манию. До того, как это случилось, британский посол в Лиссабоне, который хорошо знал короля, считал, что у него «острый ум» и что он «удивительно быстро и живо» схватывал суть вопроса и находил решение. К такой положительной оценке приходишь после изучения деловой и частной переписки короля. Эти документы свидетельствуют, что на протяжении большей части своего правления это был умный и ответственно относившийся к своим обязанностям монарх, хотя и подверженный приступам депрессии и маловерия. Более того, наиболее явные отрицательные стороны его характера, если можно так выразиться, были присущи большинству его подданных. Лишь небольшая часть португальцев, проживших длительное время в Париже, Риме, Лондоне и Гааге и находившихся под влиянием идей эпохи Просвещения, могли осуждать многие пристрастия короля Жуана. Прежде всего – к пышным церковным службам и различным важным церковным празднествам, его покровительство инквизиции и подчеркнутое уважение к священникам, монахам и всем прочим деятелям церкви. Но большинство его соотечественников испытывали те же самые чувства. Возможно, отчасти причиной тому были многочисленные церковные праздники, поэтому в португальском году было только 122 рабочих дня, о чем свидетельствовал дон Луиш да Кунья в 1736 г. Другими словами, как говорил Жайме Куртезан в своем труде, посвященном Жуану V, если король грешил в этом отношении, он грешил вместе со всем народом.

Падре Антониу Каэтану да Соуза, хронист и панегирист короля, писал уже в конце его длительного правления, что это было «счастливое царствование, которое вполне может быть названо золотым веком, поскольку из Бразилии поступало немереное количество золота». Это не было гиперболой, скорее небольшим преувеличением. Нарочитая расточительность короля Жуана V, которая была возможна только благодаря отсрочке выплаты долгов и задержке в выплате заработной платы, заставляла Европу думать, что португальский король значительно богаче, чем он есть на самом деле. Протестантский проповедник Джон Уэсли отразил это широко распространенное мнение в своих заметках *Serious Thoughts occasioned by the great Earhquake at Lisbon* («Серьезные размышления, вызванные большим землетрясением в Лиссабоне», 1755). «Купцы, проживающие в Португалии, сообщают нам, что у короля есть большое здание, полное алмазов, и в котором все еще хранится большое количество золота в монетах и слитках; это превышает все, что имеют все другие правители Европы». Это убеждение – или иллюзия – того, что действительно был золотой век короля Жуана V, с тем большей верой воспринималось в Англии, поскольку португальские и бразильские золотые монеты имели большее хождение в некоторых графствах страны, чем английские соверены. Они были законной валютой повсюду, и их стоимость ежегодно указывалась в карманных календарях; так, житель Эксетера в 1713 г. отметил: «В ходу у нас, можно сказать, исключительно португальское золото».

начальника интендантской службы на английском военном корабле, во время его стоянки в Лиссабоне в августе 1720 г.

«На протяжении последних двадцати дней меня настойчиво обхаживал капитан Стюарт, прося использовать все мои связи со знакомыми купцами, чтобы получить от них желаемое золото для отправки в Англию. И без всяких проблем, риска и сложностей нам доставили на борт несколько тысяч золотых монет [каждая стоимостью в 27 шиллингов и 6 пенсов в ценах 1720 г.]. Каждый день я получал от купцов (которые соблюдают все меры предосторожности и секретности при отправке денег) больше 6 тысяч монет, которые я перевозил за несколько раз в своих карманах на баркасе, ожидавшем меня; сопровождавшие меня люди были вооружены мушкетами, пистолетами и саблями, чтобы в случае опасности оказать сопротивление таможенникам, которые постарались бы помешать нам, остановить наш баркас и напасть на нас (вывозить валюту из Португалии запрещено, вплоть до угрозы смертной казни), но все прошло без осложнений. Я выгружал все золото, привезенное со мной, и вновь отправлялся назад. Я был вынужден пренебречь своими обязанностями – посещать биржу днем и вечером. Я скрывался, чтобы не быть разоблаченным... купцы посылали золото на борт корабля только после получения пакета с транспортной накладной, в которой указывался наиболее благоприятный день для отплытия».

Сохранились некоторые данные о слитках, доставленных на пакетботах из Лиссабона в Фалмут. С 25 марта 1740 г. до 8 июня 1741 г. в Англию было доставлено слитков на сумму 447 347 фунтов стерлингов, в 1759 и 1760 гг. стоимость их повысилась до 787 290 фунтов и 1 085 558 фунтов соответственно. Это неполные данные за первую половину XVIII в. Капитан Королевского флота Огастес Херви доставил из Лиссабона груз в 80 тысяч монет в 1748 г. и 63 533 – в 1753 г., не считая 30 тысяч монет, поставленных из Лиссабона в Гибралтар и Италию в 1752 г. Для перевозки ценного груза использовались также купеческие корабли, и «золото Португалии, стоившее свыше миллиона», превратилось на Лондонском монетном дворе в английские монеты только за три года – с 1710 по 1713 г. Золотые монеты стали привычной валютой в обращении в Англии, особенно в графствах, расположенных к юго-западу от Лондона, чему способствовали пакетботы, приходившие в Фалмут. Всегда следует осторожно подходить к оценке показателей эффективности торговли, которая во многом зависела от контрабанды. Однако наиболее достоверная оценка ежегодного притока португало-бразильского золота в Англию в царствование короля Жуана V дает нам цифру от 1 миллиона до 2 миллионов фунтов стерлингов. Французский резидент в Лиссабоне, имевший надежный источник информации, оценивал ежегодный отток золота из Португалии в Англию в 12 миллионов крузадо (1,5 миллиона фунтов стерлингов) в 1730–1740 гг. Излишне пояснять, что контрабанда золота не ограничивалась Лиссабоном. О Баии и Рио-де-Жанейро будет сказано ниже (с. 247–249).

Ключевая роль бразильского золота в росте английского экспорта в Португалию во время правления короля Жуана V отмечалась проживавшими там англичанами. В 1706 г. консул в Лиссабоне писал, что торговля произведенной на мануфактуре английской шерстью «растет день ото дня, и будет расти по мере роста благосостояния страны при условии все большего ежегодного поступления золота из Рио». В 1711 г. английские купцы в Лиссабоне объясняли рост своего бизнеса в основном благодаря «развитию португальской торговли с Бразилией и поступлению из этой страны большого количества золота». Они достаточно осторожно добавляли, что если «торговля будет и дальше расти, то наша торговля шерстяными изделиями, вероятно, также будет соответственно расти». Четыре года спустя они, не колеблясь, утверждали, что бразильская торговля является «базисом и основой» всей их торговли. В 1732 г. английский посол в Лиссабоне лорд Тироли самодовольно утверждал: «Англичане, поселившиеся здесь в большом количестве, имеют значительное влияние в морских перевозках и торговле». Этот факт признавали и их соперники, французские и голландские купцы в Лиссабоне. Один француз так отзывался об этом в 1730 г.: «Английская торговля в Лиссабоне самая важ-

ная среди всех других; ее объем равен объему торговли всех, вместе взятых, купцов других наций». Неудивительно, что члены этой «веселой и свободной фактории», как назвал Бенджамин Кин ассоциацию ведущих британских купцов в Лиссабоне в 1749 г., благоденствовали и процветали и что их доходы, привилегии и их высокомерие все больше раздражали португальцев.

Некоторые наиболее проникательные англичане, посещавшие Лиссабон, в некоторой степени соглашались с португальской точкой зрения, о чем говорится в журнале уже упоминавшегося ранее капитана Огастеса Херви. После его беседы со специальным посланником лордом Тироли, состоявшейся летом 1752 г., он писал:

«Лорд Тайроули много говорил со мной о местных делах, и я обнаружил, что тон его высказываний в отношении португальцев значительно изменился, в отличие от того, что он говорил во время путешествия. Он обвинял факторию в том, что она превратилась в собрание недовольных, беспокойных гордецов и экстравагантных личностей. Я имел причины думать, что его здешние старые [португальские] друзья возымели на него некоторое влияние. Вскоре он перестал сдерживать свое возмущение факторией и заговорил об участниках ее в оскорбительных выражениях. Он получил официальный ответ на жалобы, которые он распорядился расследовать, и вскоре после этого был отозван. Он уехал, презирая и ругая всех англичан, которые, я полагаю, весьма неразумны в своих требованиях и все же продолжают думать

в некоторых случаях, что португальцы с предубеждением относятся к торговле с ними, но в этом они мало чем отличаются от других наций. И кто может обвинить их в том, что они, стремясь свести свою торговлю с положительным балансом, а не в ущерб себе, не оказывают предпочтения другим странам?»

Англо-португальская торговля в первой половине XVIII в. была обязана в первую очередь своим процветанием не только Договору Метуэна, заключенного в декабре 1703 г., поскольку привилегии в торговле, предоставленные англичанам правительством Португалии, были вскоре распространены и на другие государства, начиная с голландцев в 1705 г. Но этот договор позволил значительно увеличить импорт в Португалию английских сукон и полотна и других товаров. Основная часть товаров реэкспортировалась затем в Бразилию. В Великобританию в обмен поставлялось португальское вино.

На самом деле снижение пошлин на португальские вина произошло еще в 1690 г., и Метуэнский договор подтвердил их. В основном сладкие лиссабонские вина, а не сухие вина севера страны провинции Дору сразу же получили выгоду от договора, а рост торговли португальской виной начался значительно позже. Выпуск легких камвольных и шерстяных тканей, наиболее подходивших для бразильского рынка и в производстве которых английские мануфактуры имели большую специализацию, чем их голландские, французские и немецкие конкуренты, стал ключевым фактором при завоевании англичанами расширявшегося португальского и бразильского рынка одежды и всех сопутствовавших этому аксессуаров. Процветавшие английские купцы, обосновавшиеся в Лиссабоне и Порту, которые пользовались изобилием товаров в Лондоне, могли предоставить португальским, а через них и бразильским покупателям долгосрочные и на более выгодных условиях кредиты, чем их иностранные конкуренты.

Золотая лихорадка в Минас-Жерайсе и, как следствие, острая нехватка рабочей силы в Бразилии привели, как мы уже говорили, к масштабной эмиграции из Португалии и значительному притоку негров-рабов из Западной Африки.

О количестве эмигрантов из Португалии и с ее островов в Атлантике можно только догадываться, но не следует принимать на веру раздутые цифры, все еще довольно распространенные. Сомнительно, чтобы в первые два десятилетия XVIII в. в самый пик золотой лихорадки в Минас-Жерайсе за год из Португалии в Бразилию эмигрировало больше чем 5 или 6 тысяч человек. Если это даже так, довольно удивительно было слышать от некоторых королевских советников в 1715 г. благодушные утверждения, что утечка рабочих рук, вызванная

эмиграцией и недавней войной, едва ли столь заметна, потому что Португалия густо населена. Пять лет спустя советники резко поменяли свое мнение, поскольку большое количество работоспособных мигрантов только из Минью вынудило корону принять декрет (март 1720 г.), резко ограничивавший эмиграцию в Бразилию. Отныне эмигрировать можно было только после получения правительственного паспорта. Конечно, этот декрет не всегда выполнялся столь строго, и перенаселенные регионы Минью, Азорских островов и, конечно, Лиссабона продолжали поставлять большую часть эмигрантов. Среди них явственно преобладали здоровые юноши, и все они уезжали за свой счет или при финансовой поддержке своих семей и друзей. Но были и такие советники, которых принимали не все, которые требовали от короля принятия более действенных и реальных планов по отправке в Бразилию уже целых семей сельскохозяйственных рабочих за счет средств короны. Один такой план был осуществлен в 1748–1753 гг., когда партии крестьянских семей были отправлены с Азорских островов в Санта-Катарину и Рио-Гранди-ду-Сул. Несмотря на то что не удалось набрать, как намечалось, 4 тысячи переселенцев, но прибывшее в район Санта-Катарины (современный Флорианополис) значительное число эмигрантов обоих полов обеспечило больший процент населения белых в сравнении с другими частями Бразилии в конце XVIII и начале XIX в.

Если золотая лихорадка в Минас-Жерайсе повлияла в значительной степени на рост эмиграции белого населения в Бразилию, то она же вызвала и рост работорговли между Западной Африкой и портами Байя, Рио-де-Жанейро и (в меньшей мере) Пернамбуку. В 1671 г. королевство Ндонго в Анголе народа мбунду не смогло одновременно противостоять давлению португальцев с запада и нападением племени касанже королевства Имбангала с востока. Одна часть мбунду «отложились» и основала королевство Матамба под управлением знаменитой королевы Нзинга (ум. 1663), которая долгое время противостояла и португальцам, и касанже. Старое королевство Конго распалось после поражения от португальцев в битве при Амбуиле (29 октября 1665 г.) и смерти короля Антониу I. В XVIII в. центр работорговли в Западной Африке переместился из Матамбы и Касанже в страну Лунда по реке Касаи, в то время как густонаселенная страна Овимбунду за Бенгелой все больше страдала от нападений португальских работорговцев. Эпидемия оспы 1685–1687 гг. привела к большой смертности среди племен банту Анголы, и эта демографическая катастрофа придавала дополнительный импульс возрождению португальской работорговле в Гвинейском заливе, которая продолжалась все это время. Эта торговля активизировалась не в последнюю очередь благодаря потребности в рабском труде на золотых приисках в Бразилии начиная с 1695 г.

После того как голландцы вытеснили португальцев в 1637–1642 гг. с побережья Гвинейского залива, ими к этому региону на протяжении нескольких десятилетий был проявлен лишь незначительный интерес. На собственном опыте голландцы убедились, что негры предпочитают бразильский табак из Баии всем другим товарам. Они позволили торговцам, привозившим табак из Баии, приобретать рабов в четырех портах современной Дагомеи, тогда эти земли назывались Рабский берег: Гранд-Попо, Вида (называемая португальцами Ажудой), Жакен и Ала. Корабли, чьи экипажи занимались этой торговлей, должны были заходить в порт голландской Вест-Индской компании крепости Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина) для проверки грузов и уплаты 10 %-ной пошлины на табак, привезенный ими из Бразилии, под угрозой конфискации корабля и груза, в случае невыполнения требования, кораблями Вест-Индской компании. Португальцы, естественно, всегда стремились избежать этого налогообложения, как только представлялась такая возможность. Но они сильно нуждались в рабах из Судана, которых они приобретали в Вида и которые были более сильными, чем банту из Анголы.

Более того, экспортеры находили очень выгодной эту торговлю, так как негры предпочитали третьесортный табак из Баии любому другому, и табак первого и второго сортов экспортировался только в Португалию. Этот третьесортный табак состоял из забракованных листьев высшего качества, которые сворачивали в толстую веревку, как листья других сортов, но более

густо смазывались черной патокой. Подобную технологию не могли столь же эффективно применить английские, голландские и французские торговцы на побережье Гвинейского залива, несмотря на все их усилия. Монополия на этот третьесортный табак из Баии давала португальцам преимущество над всеми их европейскими конкурентами на протяжении всего XVIII в. В 1789 г. командир французского форта в Виде сообщал: «Бразильский табак лучшей крутки и более подслащенный, и весит он больше, чем наш; он готовится на чистом сиропе, в то время как табак, получаемый из Лиссабона, готовится на сиропе и морской воде. Он слишком быстро сохнет, и негры знают об этом». Рост торговли между Байей и Видой, несмотря на трудности, вызванные пошлинами на нее со стороны голландцев и частыми войнами между крошечными прибрежными государствами Ардра, Вида и Жакен с Дагомеей, которые имели место в 1728 г., виден из следующего факта. Если за пятилетний период 1681–1685 гг. всего 11 кораблей с грузом табака из Баии посетили побережье у Мины (Элмины), то в 1700–1710 гг. их число увеличилось до 114. Первоначально португальцы экспортировали некоторое количество контрабандного золотоносного песка из Гвинеи; первые золотые монеты, отчеканенные в Баии в 1695 г., были из золота, полученного в обмен на табак. Однако после того, как рудники Минас-Жерайса начали давать драгоценный металл, процесс пошел в обратном направлении. С этого времени бразильское золото контрабандно ввозилось работоторговцами Баии в Виду, несмотря на все усилия правительства страны и колониальных властей остановить эту «утечку» и свести всю экспортную торговлю к табаку.

В письме к королю в 1731 г. вице-король граф Сабугоза подчеркивал полную зависимость экономики Бразилии от западноафриканской работоторговли. Он считал, что ежегодно в Байю из Виды привозили от 10 до 12 тысяч рабов. При этом, по его мнению, их было явно недостаточно для работы в рудниках и на плантациях. Ангола поставляла от 6 до 7 тысяч рабов ежегодно, и они распределялись по квотам между Байей, Рио-де-Жанейро, Пернамбуку и Параيبой. Суданцев, которые работали на плантациях сахарного тростника и табака в Баии, вскоре более или менее тайно начали поставляться на более доходные рынки Рио-де-Жанейро и Минас-Жерайса. Вице-король также утверждал, что другие потенциальные рынки работоторговцев в Верхней Гвинее, Сенегале, Гамбии, королевстве Лоанго и даже на Мадагаскаре и в Мозамбике попытались использовать в качестве альтернативы уже имевшимся. Но по той или иной причине от этого пришлось отказаться, так что рабам из Виды не было замены. Семь лет спустя его преемник граф Галвеаш подчеркивал, что наилучшим источником рабов для Бразилии все еще является Вида, с точки зрения их качества и количества. Работоторговля в Западной Африке часто испытывала подъемы и спады, помимо складывавшегося в тот или иной момент времени спроса и предложения. Позже объемы торговли в Виде снизились, и, по официальным данным, экспорт рабов из Анголы и Бенгелы вырос до 10 тысяч человек в год.

Стремительно нараставший поток переселенцев из Португалии и с островов в Атлантическом океане и рабов из Западной Африки в Бразилию в первой половине XVIII в. привел к росту населения этой страны, исключая непокоренные племена индейцев во внутренних ее областях, до 1,5 миллиона человек. Несмотря на то что вследствие золотой и алмазной лихорадки начали заселяться районы Минас-Жерайс, Куйаба, Гояс и Мату-Гросу, а в результате менее впечатляющего развития скотоводства – остров Маражо, Пиауи и Рио-Гранди-ду-Сул, в старых капитаниях Пернамбуку, Байя и Рио-де-Жанейро, где развивалось производство сахара, все еще проживало более половины населения колонии. Горнорудные районы Бразилии далеко на западе были изолированы друг от друга. Чтобы добраться оттуда до Сан-Паулу, Минас-Жерайса и побережья, надо было совершить длительное и трудное путешествие по лесным тропам и по рекам через обширные незаселенные территории и места обитания враждебных индейцев. Весьма верно было замечено, что изолированные поселения и так называемые «дырявые границы» характерны для Бразилии с начала ее колониального освоения вплоть до наших дней. Теперь грузовик, автобус и самолет выполняют ту задачу, которую не в состоянии

были решить до конца негры-переносчики, вьючные лошади, караваны мулов и каноэ, – легкие и быстрые пути сообщения.

Трудно сказать, каков был национальный состав страны в 1750 г., вследствие явной недостаточности точных цифр, которые имеются для удаленных друг от друга мест. В общих чертах, не рассматривая более мелкие подразделения, все население делилось на белых людей (*brancos*), к которым могли относиться и те, кто имел такой социальный статус; цветных со смуглым цветом кожи, смешанного происхождения, включая мулатов, хотя иногда их выделяли в отдельную группу (*pardos*); негров (*pretos*), рабов или свободных. В северных штатах Мараньян и Пара, в то время с независимой от Бразилии администрацией, проживали в основном индейцы. Во вторую группу населения входили мамелуко (*mamelucos*), метисы от брака белого мужчины и индианки и кабокло (*caboclos*), обычно так называли аборигенов Бразилии или метисов от брака индейца и белой женщины. Третья группа была представлена метисами белых и мулатов. И уже последними шли негры. Тропические дождевые леса в бассейне Амазонки, которая представляла замечательный водный путь во внутренние области страны, создавали препятствие для масштабной белой колонизации. В населенных портах Ресифи, Салвадор (Байя) и Рио-де-Жанейро и в их ближайших окрестностях преобладали негры, мулаты и метисы, белые были на втором месте, кабокло и индейцы – на третьем. В горнорудных районах Минас-Жерайс численность негров, предположительно, немного превосходила численность, вместе взятых, белых и мулатов с метисами. В Сан-Паулу белые и цветные (в основном мамелуко) значительно превосходили по численности негров, та же картина была среди пастухов и скотоводов в Рио-Гранди-ду-Сул. В других районах, таких как долина реки Сан-Франсиску и Пиауи, наблюдалось такое смешение рас, что цветное население было самым многочисленным. Современное положение, конечно, совсем другое, вследствие резкого роста европейской иммиграции в XIX и XX вв. наряду с полным прекращением иммиграции негров после полного прекращения африканской работорговли с Бразилией к 1860 г.

Последовавшие друг за другом эпилептические припадки, постигшие короля Жуана V, превратили его в потерявшего дар речи идиота за несколько недель до того, как он окончательно угас вечером 31 июля 1750 г. Но если бы он умер в здравом уме, то, возможно, был бы удовлетворен положением своей атлантической империи. По крайней мере, в сравнении с теми местами, где еще продолжал развеяться португальский флаг – в Азии и Восточной Африке. Конечно, некоторые проблемы, беспокоившие португальское правительство в 1706 г., сохранились и в 1750-м, но произошли также и позитивные перемены. Утечка бразильского золота в Англию была причиной столь же глубокого беспокойства для португальских властей, как и глубочайшего удовлетворения для английского правительства и купцов. Но эта в прямом смысле слова золотая утечка обеспечивала предоставление английским флотом помощи Португалии в случае (как это было в 1735 г.), если бы возникла угроза стране со стороны Испании или Франции. Предпринимавшиеся попытки развивать новые или почти угасшие отрасли отечественной промышленности (производство шелка, стекла, кожи, бумаги и др.) большей частью оканчивались ничем, но португальскую армию все же одели в сукно, произведенное в Ковильяне, а майский указ 1749 г. предписывал, чтобы все ливрейные лакеи носили одежду из португальского сукна. Большое количество иностранных (в основном английских) мануфактурных товаров, зерна, масла, мяса и других импортируемых продуктов, за которые платили в основном бразильским золотом, предназначались, почти исключительно, для процветавших городов Лиссабон и Порту и их ближайших окрестностей. Во всех других местах, из-за отвратительных дорог (ужасных даже по стандартам XVIII в.) и отсутствия судоходных рек, незначительная местная промышленность удачно противостояла иностранной конкуренции, поскольку цена всех импортных товаров возрастала вследствие транспортных расходов. Один итальянский путешественник в Португалии заметил, преувеличивая лишь отчасти, что в Лис-

сабоне было легче найти судно, отправлявшееся в Гоа и Бразилию, чем экипаж для путешествия в Порту или Брагу.

Широко распространенное мнение, что Договор Метуэна, заключенный в декабре 1703 г., привел к исчезновению многих отраслей местной промышленности, было явным преувеличением, если не совсем беспочвенным. Более того, если Лиссабон и Порту сильно зависели от импорта, они также получали большую выгоду от того, что служили перевалочными пунктами в Европе для бразильских товаров, откуда они уже перевозились торговцами дальше. Виноторговля процветала, хотя всем было известно, что английские купцы, в чьих руках был экспорт, получали значительно больший доход, чем португальские виноделы. Несмотря на то что большая часть бразильского золота, поступавшего в Португалию, впоследствии уходила в Англию или превращалась в камни Мафры и тратилась на нужды лиссабонских церквей и патриархата, все-таки какая-то его часть достигала и сельской местности. Об этом говорит полная очарования архитектура поместий (*quintas*) и старинных фамильных замков (*solares*), построенных или перестроенных в это время. Зажиточные английские купцы Лиссабона и Порту жили на широкую ногу, что больше всего поражало иностранных гостей, но кроме них и многие португальские купцы и предприниматели сделали себе состояние на торговле с Бразилией.

Балансовый отчет 1750 г. Южно-Атлантической Португальской империи, когда уже заканчивалось правление Жуана V, также показывал превышение прибыли над расходами в целом. Общеизвестно, что губернатор Анголы в 1749–1753 гг. в своей частной корреспонденции писал о том, что коррупция достигла небывалого уровня в колонии и поэтому она находится на грани развала. Но в своих официальных сообщениях он утверждал, что вывоз рабов в Бразилию значительно вырос во время его нахождения у власти. Как бы низко ни пали нравы жителей Луанды, предприимчивые работорговцы и подвижные военные отряды сумели, проникнув еще дальше во внутренние районы, разгромить в 1744 г. королевство Матамба. Это продвижение, каким бы медленным и нерегулярным оно ни было, выгодно отличалось от положения португальцев в районе Замбези и Мозамбике на противоположной стороне Африканского континента, где их влияние и власть постоянно слабели. В Бразилии несколько муниципальных советов Минас-Жерайс сообщали в 1750–1751 гг. в Португалию, что добыча золота резко падает, а количество негров-рабов, ввозимых в эту капитанию, столь же резко сократилось, хотя флот в Рио-де-Жанейро не простаивал. Точно так же, несмотря на то что владельцы плантаций сахарного тростника в Баии и Пернамбуку все громче жаловались на свое плачевное положение, большие партии сахара продолжали отправлять в Лиссабон из портов Салвадор и Ресифи. Если английский рынок бразильского сахара перестал существовать к 1750 г., Италия и другие средиземноморские страны все еще покупали его в больших количествах. Северные штаты Мараньян и Пара, в которых до того была только бартерная экономика, в 1749 г. обзавелись собственной металлической монетой (которая чеканилась в Лиссабоне). Амазонский перевалочный порт Белен-ди-Пара (ныне Белен) был застроен добротными домами в европейском стиле, что произвело благоприятное впечатление на французского ученого Шарля де ла Кондамина, который останавливался там шестью годами ранее.

Экономика Бразилии в первой половине XVIII в. быстро развивалась благодаря Мадридскому договору (13 января 1750 г.), который утвердил новые границы между португальскими и испанскими владениями в Южной Америке. Хотя условия договора не были полностью проведены в жизнь, Бразилия обрела в основном ее современные границы, а Испания официально отказалась от всех своих требований на владение бразильской территорией, вытекающих из условий Тордесильясского договора, который формально был отменен. Некоторые предприимчивые жители штата Сан-Паулу и португальцы к тому времени уже установили сообщение между районом Мату-Гросу, расположенным далеко на западе Бразилии, и областью Амазонии по рекам Гуапоре и Мадейре. Официальное разрешение на это португальская корона дала в 1752 г. Мадридский договор также передал Португалии семь испанских иезуитских реду-

ций на берегах реки Уругвай в обмен на труднодоступный и далеко расположенный аванпост Сакраменто на Ла-Плате.

Этот договор справедливо рассматривали как большую дипломатическую победу Португалии. Поскольку предыдущий опыт показывал, что легче убедить испанское правительство отменить инквизицию, чем заставить добровольно уступить хотя бы пядь американской земли любой иной европейской державе «и менее всего португальцам». Все же некоторые влиятельные деятели в Португалии не могли смириться со сдачей Сакраменто и были готовы саботировать выполнение договора, который был плодом труда секретаря короля Жуана, бразильца Алешандре де Гусмана. Один из его самых непримиримых противников был Себастиан Жозе ди Карвалью-и-Мелу, бывший португальский посланник в Лондоне и Вене. Это был человек, которому было суждено оказать наибольшее влияние, чем кому-либо до него, на историю Португалии.

Глава 8

Диктатура Помбала и ее последствия (1755–1825)

Рассматривать исторические события по простой схеме «жизнь того-то и того-то и его эпоха» и при этом привлекать биографию того или иного исторического деятеля – занятие, по признанию многих, не вызывающее доверия. Поскольку у автора появляется соблазн придать большую значимость «биографии», а не «эпохе». С другой стороны, есть личности – Оливер Кромвель в Англии, Людовик XIV и Наполеон I во Франции, Иосиф Сталин в России, – влияние которых на свою эпоху и последующие события, без всякого сомнения, настолько велики, что вполне оправданно (в широком аспекте) говорить об Англии Кромвеля, наполеоновской Франции и сталинской России. Точно таким же образом 22-летняя диктатура в Португалии Себастиана Жозе ди Карвалью-и-Мелу, широко известного под именем маркиза Помбала (титул этот был дарован ему в 1770 г.), являет собой период португальской истории, который оставил заметный след в жизни португальского общества, сохранившийся во многом до наших дней. Было бы глупо рассматривать даже краткую историю Португалии второй половины XVIII в., не сказав ничего об этом удивительном человеке, совмещавшем в себе доктора Джекила и мистера Хайда, оказавшем такое глубокое влияние на свою страну, сделав много полезного и много плохого. Безжалостное преследование иезуитов, варварские казни представителей аристократического рода Тавора и безумного падре Малагрида, политика регализма, доведенная до крайнего предела, радикальная реформа системы образования и его отношение к Англии и еврейской проблеме – все эти его деяния, вместе взятые, имели далекоидущие последствия. Он первым начал писать публицистику в яркой полемической манере, которой впоследствии подражали и его сторонники, и его критики при жизни и после его смерти. Если французские историки рассматривают эпоху Наполеона с противоположных точек зрения – за императора и против, то в Португалии авторы XIX и XX вв., писавшие о Помбале, расходятся еще более резко. Более того, Помбал – один из немногих португальцев в истории, который для многих интеллектуалов вне пределов Португалии и Бразилии настолько важная фигура, что его ставят в один ряд с Генрихом Мореплавателем, Васко да Гамой и (вполне можно допустить) с Антониу ди Оливейра Салазаром.

Он родился в 1699 г., а его жизненный путь завершился в 1782 г. Он происходил из семьи мелкопоместного дворянина незнатного рода и прожил первые 40 лет своей жизни в полной неизвестности. Имея прекрасное физическое сложение и рост более шести футов, обладая при этом железным здоровьем, он вел малоподвижный образ жизни. Вплоть до отстранения от власти он сохранял ясность мысли и работоспособность, несмотря на повторявшиеся приступы мучившей его болезни. Его привлекательная внешность помогла ему подыскать себе подходящую партию; в 1733 г. он женился на престарелой вдове аристократического происхождения. Но его брак не дал ему возможности занять подобающее место в высшем обществе, к чему он стремился. Жуан V, который почувствовал некую жестокость в его характере, отказался предоставить ему важный пост в правительстве. Он объяснил это тем, что Помбал безжалостен к людям. Когда в 1738 г. он был назначен посланником при Сент-Джеймском дворце, у него не было никакого дипломатического образования и знания внешней политики. Он изучал юриспруденцию в Университете Коимбры, который по своему уровню значительно уступал Оксфорду и Кембриджу того времени. За шесть лет пребывания в Лондоне он так и не выучил английский, зато бегло говорил по-французски. Он жадно читал во французском переводе английские книги, официальную корреспонденцию и документы; но его пространственные депеши из Лондона не обнаруживают в нем глубокого знатока ни английского общества, ни британской экономики. Он был часто приветлив и неформален в общении с людьми, хотя его чрезмерная болтливость утомляла иностранных дипломатов.

На Помбала глубокое впечатление произвела процветающая английская экономика и морская мощь британской державы. Его также поражало вопиющее противоречие между привилегированным положением англичан в Лиссабоне и Порту и теми жалкими условиями, в которые были поставлены немногочисленные португальцы, посещавшие Лондон. Он с возмущением говорил о том, как кокни развлекались тем, что бросали камни в безобидных португальских матросов (совсем как в сатирических карикатурах журнала «Панч» столетие спустя). Это можно было объяснить невежеством накачавшихся джином лодочников с Уоппинг-Стайрс, но Помбал добавляет: «Обеспеченные люди, которые видят эти оскорбления, не порицают открыто подобное поведение, храня молчание, и тем самым внутренне одобряют его». На основании статьи 15-й англо-португальского

Договора о союзе 1703 г. он потребовал для себя налоговой скидки и освобождения от уплаты ряда налогов, требуя предоставления тех же привилегий, которыми пользовались многие британские посланники в Лиссабоне. Раздосадованный постоянными и многочисленными жалобами Помбала, герцог Ньюкаслский, министр иностранных дел, встал на ту точку зрения, что король Жуан V, будучи абсолютным монархом, должен неизменно следовать англо-португальским договоренностям, в то время как конституционный монарх Георг II мог изменить свое мнение под давлением парламента. Английское правительство было раздражено постоянной критикой Помбала тех статей договора, что ущемляли права португальцев, и потому намеренно не преподнесло ему обычного подарка для отбывающего посла, когда он был отправлен со специальной миссией к королевскому двору в Вену в 1745 г.

Помбал прожил четыре года в австрийской столице, хотя и не добился особых дипломатических успехов на своем посту. Его первая жена умерла, и он женился на племяннице австрийского фельдмаршала Дауна, что дало ему доступ в высшее общество Вены. Невеста была вдвое моложе его, но брак был долгим и счастливым. Безжалостный диктатор был самым образцовым семьянином в частной жизни, его глубокая привязанность к жене и детям была взаимной. Помбал вернулся в Лиссабон незадолго до смерти короля Жуана V. Благодаря своей жене-австриячке он быстро снискал расположение королевы Португалии, уроженки Австрии, и через нее получил доступ к наследнику трона дону Жозе. Как только тот наследовал своему отцу, он сделал Помбала министром обороны и иностранных дел, оказав ему большее доверие, чем кому-либо из своих министров. Но именно великое Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г. ускорило возвышение Помбала, ставшего настоящим диктатором Португалии на протяжении последующих 22 лет. Были и другие чиновники высокого ранга кроме Помбала, действовавшие смело и решительно в этой невиданной прежде катастрофе. В руинах лежали две трети Лиссабона, в результате землетрясения погибло от 5 до 15 тысяч жителей города. Но именно к Помбалу в этой критической ситуации, пусть и неосознанно для себя, обратился король Жозе, и именно Помбал убедил монарха восстановить столицу на том же самом месте, а не переносить ее в Коимбру или куда-либо еще, как предлагали многие. Спустя три недели после катастрофического бедствия в День Всех Святых британский посланник в Лиссабоне сообщал своему правительству, что Помбал уже обсуждает планы восстановления пострадавшего от удара стихии города, «которые вполне легко могут быть осуществлены при помощи золота и алмазов, добываемых на приисках Бразилии».

Землетрясение в Лиссабоне произвело большое впечатление на всю Европу, и память о нем сохранялась долгое время. Вольтер описал его в своем «Кандиде», и Гёте вспоминал в автобиографическом сочинении «Поэзия и правда: из моей жизни» о том потрясении, которое поколебало его детскую веру во всемогущего Господа. Британская община в Лиссабоне, естественно, серьезно пострадала в землетрясении, хотя торговля не понесла такие большие убытки, на которые сразу же после землетрясения поступили жалобы. Основной урон английской колонии в столице был следствием того, что многие лиссабонские торговцы, которым англичане продавали товары на условиях долгосрочного кредита, не могли выплатить свой

долг, будучи окончательно разорены в результате постигшей их природной катастрофы. Но Эдуард Хей, консул в Лиссабоне, несколько месяцев спустя писал: «Поскольку бразильские купцы, как правило, люди состоятельные, можно твердо надеяться, что большинство из них заплатят долги, и я нисколько не сомневаюсь, что эта значительная часть нашей торговли будет развиваться и дальше, как и прежде». Хей был прав; и Вольтер был не так далек от истины, когда он цинично предположил спустя несколько недель после землетрясения, что англичане извлекут значительный доход от поставок строительных материалов для восстановления города. Несмотря на громкие жалобы купцов торговой фактории, что они полностью разорены, и их демонстративное нежелание платить налог на импорт, который взимался в целях собрать деньги на восстановление города, объем англо-португальской торговли в действительности увеличился за те пять лет, что прошли после землетрясения, и ее баланс сложился в пользу англичан. Это видно из следующих среднегодовых показателей (в тысячах фунтов).

5-летний период	Английский экспорт в Португалию	Английский импорт из Португалии	Профицит экспорта в Португалию
1746—1750	1114	324	790
1751—1755	1098	272	826
1756—1760	1301	257	1044

Правда, объем англо-португальской торговли начал резко падать в 1760-е гг. Английский экспорт постепенно сокращался со среднегодового показателя в 1 миллион 200 тысяч фунтов за декаду 1750—1760 гг. до около 600 тысяч фунтов в 1766—1775 гг. Это было вызвано несколькими причинами, такими как резкое падение добычи бразильского золота и периодическими кризисами в торговле сахарным тростником, работорговле и в разработке алмазных месторождений. Эти факторы резко сокращали покупательную способность населения Бразилии, что, в свою очередь, влияло на состояние торговли английских и португальских купцов. Последовавшая за этим тяжелая и длительная экономическая депрессия была усугублена коротким, но неудачным участием Португалии в Семилетней войне, которая повлекла за собой значительные траты на вооружение и опустошение многих прифронтовых районов, несмотря на то что масштаб военных действий был незначительным.

диктаторы, Помбал был убежден, что он лучше знал, в чем было благо для всей нации, которой он правил. «Я считаю абсолютно необходимым, чтобы только компании вели торговлю в королевстве и его колониях, – писал он в 1756 г., – и все купцы обязаны стать их членами или же вообще прекратить заниматься торговлей. И они, несомненно, должны быть уверены в том, что я знаю лучше их интересы, чем они сами, да и интересы всего королевства».

Помбал решительно отверг все многочисленные протесты английских купеческих факторий в Лиссабоне и Порту по поводу игнорирования их действительных или мнимых жалоб. Тем не менее его антибританская политика была сведена только к экономическому национализму. Его дипломатические усилия были направлены на то, чтобы английское правительство относилось к Португалии как к равному союзнику, а не как к зависимому сателлиту. Он не имел намерения выходить из англо-португальского союза и принимать сторону «Семейного соглашения» между Бурбонами Франции и Испании, направленного против Великобритании. В беседе с лордом Киноллом, британским посланником в Лиссабоне в октябре 1760 г., Помбал говорил, «что король, его господин, обязан проявлять заботу о благосостоянии и интересах своих подданных в первую очередь, отдавая ей предпочтение перед всеми другими делами». Так как Португалия не производила достаточного количества промышленных товаров и продовольствия и ей приходилось полагаться в основном на импорт из-за границы, Помбал признавал, что «по здравом размышлении он пришел к выводу, что королю, его господину, следует отдавать предпочтение в делах торговли подданным Великобритании перед всеми другими иностранцами и считать их интересы стоящими на втором месте после интересов своих подданных». В разговоре с лордом Помбал остроумно заметил, что «наша торговля с этой страной процветает, и нам грех жаловаться, и ни одно государство не сотрудничает с нами столь тесным образом. И он надеется и верит, что подданные его короля в Бразилии станут, после изгнания иезуитов, более цивилизованными; их потребности, конечно, вырастут, и спрос на британские товары с каждым годом будет увеличиваться. Что он знает, как выгодна была Великобритании торговля с Португалией, и что она являлась *единственным* поставщиком пряностей, что позволяло нам обеспечивать наши большие расходы».

Помбал напомнил лорду о совете французского посланника в Лиссабоне, который был настроен против англичан. «И он повторил то, о чем часто говорил мне: «Мы знаем о тех суммах, которые Великобритания выводит из этой страны; но мы знаем также, что и наши деньги должны уйти из страны, чтобы мы могли заплатить за то, что нам нужно, и за наши колонии. Вопрос заключается единственно в том, должны ли мы передать их другу, который хочет и может помочь нам в нашем бедственном положении, или мы передадим их тем, кто, самое меньшее, просто безразличен к нашему благополучию?»

То, что Помбал знал, о чем говорил, получило подтверждение два года спустя, когда он убедил короля Жозе отвергнуть франко-испанский ультиматум об отказе от союза с Англией и оказал сопротивление вторжению, которое последовало вслед за этим, несмотря на то что Португалия была совершенно не готова к войне. К счастью, испанская армия едва ли была более боеспособной, чем португальская; пришедшие на помощь английские войска с немецким главнокомандующим Шаумбург-Липпе продвигались очень медленно, военная кампания шла ни шатко ни валко, и обе стороны оказались в патовом положении.

Намек Помбала на иезуитов в выше процитированном разговоре с лордом Киноллом представляет собой типичный пример того, что стало главным убеждением его жизни, – отсталость и неразвитость государства Португалии и ее колониальных владений почти полностью лежат на совести Общества Иисуса. Непонятно, что лежало в основе подобной патологической ненависти к иезуитам. Ничто не указывало на ее существование вплоть до 1750 г., к тому же его первоначальному возвышению способствовали отчасти иезуиты. Однако десять лет спустя его фобия приняла маниакальную форму, и в подобном наваждении он пребывал до конца своей жизни. Его сводный брат Франсишку Хавьер де Мендонса Фуртаду, который был губернато-

ром штата Мараньяна и Пары, постоянно слал ему письма с осуждениями деятельности иезуитов-миссионеров в Амазонии, которые, по его словам, постоянно подрывали авторитет монархии. Эти эмоциональные нескончаемые уверения, – нельзя сказать, были они правдивы или нет или просто преувеличением, – должно быть, укрепляли подозрения Помбала в отношении к иезуитам. Как бы там ни было, Помбал вскоре пришел к убеждению, что иезуиты намеренно разжигают враждебные настроения среди индейцев к решениям Мадридского договора 1750 г., касавшимся резкого изменения границ в Южной Америке. Хотя Помбал прохладно относился к этому договору, действительное или воображаемое нерасположение иезуитов соблюдать его условия на территории своих миссий разгневало его. Положение в Амазонии оставалось сложным, тем не менее были проведены совместные военные операции испанских и португальских колониальных войск против селений принявших христианство индейцев гуарани в иезуитских миссиях в Парагвае.

Помбал с этого времени считал причиной всех проблем и любой оппозиционной деятельности тайное вмешательство Общества Иисуса, и не важно, где это происходило, в Португалии или колониях. Был всего лишь один-единственный случай, когда его доверие к англичанам было поколеблено. Французский министр иностранных дел Шуазель только намекнул ему (в июне 1767 г.), что англичане активно готовят заговор, чтобы захватить Бразилию с помощью «пятой колонны», и это были иезуиты! Помбал твердо верил, и в своем убеждении он не был одинок, в несказанные богатства иезуитов и в то, что они прячут сокровища в своих резиденциях. Но никаких сокровищ не было обнаружено, когда по распоряжению Помбала в 1759–1760 гг. вся собственность иезуитов во всей Португальской империи была конфискована. У иезуитов, конечно, были обширные земельные владения, включая сахарные плантации в Баии, скотоводческие ранчо на острове Маражо и в Пиауи и сельские поместья, в которых трудились рабы, в Анголе и долине Замбези. Однако Помбала интересовали не сахарный тростник, скот и рабы, а якобы тайно спрятанные ими золото и серебро, которых у иезуитов в действительности не было.

Судя по всему, иезуиты нигде не имели такого прочного положения и не обладали такой властью и влиянием, как в Португалии и в ее заморских владениях в то самое время, когда случилось Лиссабонское землетрясение. Но в течение пяти лет после него деятельность Общества Иисуса все же была полностью запрещена в границах Португальской империи, и его члены или были брошены без суда в тюрьмы, или депортированы в Италию. У иезуитов никогда не было недостатка во влиятельных врагах в других католических странах, таких как Франция, Испания или Венеция, но никогда они не подвергались в Португалии столь уничтожающей критике с тех самых пор, когда впервые они достигли командных высот во время правления короля Жуана III. Героические усилия Помбала по сокрушению мощи португальского отделения Общества Иисуса оказались прелюдией к изгнанию иезуитов из Франции и Испании (1764–1767) и вынужденному запрещению папским указом самого общества в 1773 г. Первоначальный успех в этом деле был достигнут благодаря тому, что короля Жозе убедили, что иезуиты были вовлечены в заговор, целью которого было убийство монарха, который едва не стал реальностью в сентябре 1758 г. Этот заговор был, несомненно, делом рук представителей аристократического рода Тавора, которые нетерпимо относились к известной всем любовной связи короля с прекрасной молодой маркизой, которая носила их титул. Изобличившие их улики были вырваны под пыткой, но Помбал использовал этот случай, чтобы запугать аристократию, и казнил семейство Тавора самым варварским способом. Это жестокое действие имело продолжение: в 1761 г. в Лиссабоне сошедший с ума старик иезуит Малагрида был задушен, а затем сожжен. Его казнь Вольтер назвал «смесью смешного и ужасного».

Диффамационная кампания Помбала, направленная против иезуитов, получила отражение в трехтомном труде *Deduccao Chronologica*, опубликованном в 1767–1768 гг. Помбал, цитируя в этой работе подлинные, но в значительной мере превратно истолкованные офици-

альные государственные документы, стремился доказать, что все беды Португалии – экономические, политические, общественные и религиозные – вызваны, прямо или опосредованно, бесчестной политикой иезуитов, которые действовали в соответствии с секретным генеральным планом, принятым ими еще в 1540 г. Хотя многие из документов, опубликованных Помбалом в сборнике, были подлинные, но вольно им интерпретируемые, и книгу можно было сравнить с поддельными «Протоколами сионских мудрецов». Эту книгу вполне можно считать вариантом другого труда – «Цитаты председателя Мао Цзэдуна». Помбал настаивал на том, что его книгу читают во всей Португальской империи, обосновывая свое утверждение абсурдными доводами. Экземпляры книги рассылались во все государственные учреждения, такие как муниципалитеты, членам которых предписывалось обращаться к ней как можно чаще и держать ее под замком. Приходские священники в колониях обязывались покупать и внимательно читать книгу и некоторые другие труды Помбала, плод его бессонных ночей, чтобы они с помощью «спасительного учения», содержавшегося в них, могли исцелить «больных овец» среди своей паствы (так Помбал наставлял архиепископа Гоа в 1774 г.). И до публикации, и после выхода книги в свет Помбал проводил яростную антииезуитскую кампанию, печатая книги и памфлеты, многие из которых были анонимны и которые были переведены на французский, итальянский, английский и другие языки. Как всегда бывает в пропаганде ненависти посредством печатного слова, антииезуитские работы Помбала имели кумулятивный эффект и тогда, и в наше время. Многие подозрения и нелюбовь к Обществу Иисуса, существовавшие в обществе за последние двести лет, восходят к этим публикациям Помбала.

Одна из основных причин появления у Помбала навязчивой антииезуитской идеи заключалась в проводимой им политике крайнего регализма и решимости подчинить Церковь практически в каждой области ее деятельности жесткому контролю со стороны государства. Он без долгих рассуждений, не обращаясь к посредничеству Рима, смещал любого прелата, осмелившегося выказать свое недовольство, подобно незадачливому епископу Коимбры, вынужденно оставившему кафедру в 1768 г. Он величал короля в официальных документах «Великим Мастером Ордена Христа (а также Ависского и Сантьяго)», несмотря на то что, согласно каноническим правилам, правящий монарх был только «Правителем и постоянным администратором». Он присвоил монарху в тексте королевского декрета, обнародованного в апреле 1757 г., «право возведения в любом из моих владений церквей и монастырей для монашеских орденов, которые имеют официальное признание со стороны Святейшего престола, без разрешения епископов, приходского священства или любого иного представителя Церкви».

Он запретил португальской инквизиции преследовать «новых» христиан, но обратился к помощи ее трибунала, который использовал как орудие мести против тех людей, которых ненавидел, таких как падре Малагрида, и превратил его в репрессивный орган монархии. В итоге он изгнал папского нунция (кардинала) из Лиссабона под банальным предлогом, основывая свое решение на протоколе, принятом в июне 1760 г. Дипломатические отношения с папским престолом были возобновлены только десять лет спустя, когда он дал свое согласие на это в январе 1770 г. Это произошло лишь тогда, когда папа Климент XIV уступил во всех спорных вопросах и обратился к Помбалу в подобострастной и заискивающей манере. Неудивительно, что английский посланник в Лиссабоне в то время полагал, что Помбал старался подражать Генриху VIII и Томасу Кромвелю, чтобы добиться полной независимости португальской церкви; однако Помбал всегда считал себя практикующим добропорядочным католиком и, конечно, нисколько не был склонен к протестантизму. Именно предельный регализм в действительности вдохновлял его, о чем свидетельствует и его предписание архиепископу Гоа в 1774 г., что, как только принимается какой-либо королевский указ или новый закон, «люди всегда должны в разговоре называть его «святой» и «святейший», поскольку эти законы исходят от «Мессии помазанника Божьего».

Помбал ни во что не ставил привилегии церкви в стране, в которой большинство народа от короля до простолюдина находилось под властью священника в гораздо большей степени, чем в любой другой стране мира, может быть, за исключением Тибета. Все это наглядно свидетельствует о действенности его диктатуры. Тюрьмы Лиссабона были полны несчастным народом всякого звания; заключенные содержались в подземных темницах без предъявления им законного обвинения, не представ даже перед судом. Информаторы и тайные агенты при подобной диктатуре плодились в невиданном количестве; в описываемые 1759–1777 гг. это было воистину царство террора. Люди понимали, что им нельзя высказывать критические замечания о Помбале даже в частной беседе между друзьями. Не существовало никакой явной и организованной оппозиции. Точное число жертв никогда не будет установлено, но около 800 человек были освобождены из тюрем Лиссабона и ближайших к нему городов, когда король Жозе умер и Помбал в феврале 1777 г. потерял власть. Подсчитано, что, по всей вероятности, вдвое больше людей умерло во время заключения; и, хотя некоторые счастливики получили в эти годы свободу, общее количество арестованных и посаженных в тюрьмы на те или иные сроки по приказу Помбала достигало, вероятно, около 4 тысяч человек. Это было нечто беспрецедентное для Португалии, даже если принять во внимание террор инквизиции. «Священная канцелярия», в конце концов, воспринималась положительно многими тысячами людей, и аутодафе было любимым зрелищем лиссабонской черни, которую привлекало зрелище медленной и мучительной смерти сгоравших на костре несчастных евреев. Но в 1776 г. австрийский посланник в Лиссабоне, бывший в наилучших отношениях с Помбалом, сообщал своему правительству: «Эта страна, находящаяся в тисках деспотического правления маркиза Помбала, друга короля, его фаворита и премьер-министра, уверена в том, что только смерть монарха может вызволить народ из-под тиранического и невыносимого ига. Страна никогда не была в более бедственном положении и не имела более жестокого правителя».

Был ли король Жозе марионеткой в руках Помбала – вопрос спорный. Как и то, насколько активно поддерживал король диктатора и один ли Помбал занимался всеми государственными делами. Во всяком случае, вплоть до своей кончины монарх поддерживал все шаги своего министра. Перед смертью он подписал декларацию, обязывающую его дочь выпустить из тюрем всех политических заключенных и заплатить все долги, сделанные королевским двором. Королева Мария I сразу же освободила всех заключенных и начала выплачивать долги кредиторам, которые оставались непогашенными в течение многих лет. Она также приняла отставку Помбала, на которую тот согласился крайне неохотно, спустя несколько дней после того, как она взошла на трон. Враги Помбала, естественно, настаивали на предании его суду и смертной казни, но затянувшееся расследование показало, что каждый законодательный акт Помбала формально был одобрен и подписан покойным королем. Из уважения к памяти своего отца королева согласилась только на ссылку опального диктатора в его имение Помбал, куда он уже удалился после отстранения от власти, где и скончался после длительной и тяжелой болезни в мае 1782 г.

Как мы уже говорили, о диктатуре Помбала в Португалии высказываются противоречивые мнения, и еще только предстоит сделать окончательную оценку его правления. Возможно, наиболее убедительной была точка зрения каноника Антониу Рибейру-душ-Сантуша (1745–1818), которую поддерживали отдельные его современники, которые могли судить об этом.

«Этот министр старался проводить невозможную политику. Он хотел сделать нацию цивилизованной и в то же самое время превратить ее в нацию рабов; он хотел распространить повсюду свет философского знания и, наряду с этим, возвысить королевскую власть до деспотизма. Он способствовал более глубокому изучению законов природы, международного права и его норм, создав для этого кафедры в университете. Но он не осознавал, просвещая тем самым народ, что суверенная власть была установлена для всеобщего блага страны, а не одного лишь правителя, и что ей необходимо положить определенные пределы».

Другие критики утверждали, когда после падения Помбала появилась возможность безопасно высказывать свое мнение, что многие из его реформ задумывались слишком поспешно и произвольно, они были противоречивы и не соотносились с реальностью. Многие указы были впоследствии отменены спустя всего несколько месяцев после их принятия, так как Помбал, хотя и не терпел возражений, был готов выслушать конструктивные предложения и никогда не боялся переменить свое решение, если это не касалось иезуитов, в отношении которых у него была настоящая фобия. Отсутствие согласованности и системности в законодательстве, особенно в указах и законах, с помощью которых он намеревался энергично стимулировать развитие португальской промышленности, начиная где-то с 1765 г., были в основном следствием настоятельной необходимости принять быстрые и решительные меры, чтобы ослабить зависимость Португалии от импорта во время тяжелого экономического кризиса 1756–1775 гг.

Хотя многие реформы Помбала оказались неудачными, недолговечными или просто вредными, некоторые из них были успешными и пережили его падение и последовавшую за этим клерикальную реакцию. Он отменил рабство в Португалии в 1761–1773 гг. не столько по гуманитарным соображениям, сколько из опасения, что труд негров-рабов, вместо того чтобы найти применение в сельском хозяйстве и на золотых приисках в Бразилии, будет использоваться в домашних хозяйствах в самой Португалии. Помбал покончил с расовой дискриминацией в азиатских колониях, придерживаясь принципа: «Его Величество делит своих вассалов не по цвету кожи, а по их достоинствам». В Америке он поощрял браки между белыми поселенцами в Бразилии и индейцами, находившимися в своем развитии на уровне каменного века. Он коренным образом реформировал устаревшую программу обучения в Университете Коимбры, усовершенствовав преподавание юриспруденции, математики и медицины. Он старался сформировать более образованный средний класс, учредив Торговый колледж в Лиссабоне и открыв на государственные субсидии школы в Португалии, Бразилии и Гоа. Он покончил с ужасным разделением между «старыми» и «новыми» христианами, принял строжайшие законы против антисемитизма, тем самым избавив португальское общество от зла, которое отравляло его на протяжении многих столетий.

Диктатура Помбала привела также к важным переменам в заморских владениях Португалии, которых мы коснемся здесь вкратце. Две монопольные компании, которые учредил Помбал в целях развития торговли и экономики Северо-Восточной Бразилии и Мараньяна и Пары, были успешны в обоих отношениях, хотя они и были упразднены вскоре после ухода Помбала в отставку. После трудного начала и вопреки противодействию мелких торговцев, на чьих интересах отрицательно сказалась деятельность компаний, настойчивые усилия Помбала направить основные потоки торговли на заморских территориях через две вышеупомянутые компании начали приносить свои плоды. Между 1757 и 1777 гг. в Мараньян и Пару доставили 25 365 рабов-негров из портов Западной Африки, в основном из Кашеу и Бисау в Португальской Гвинее, доля которых в трансатлантической работорговле до тех пор имела небольшое значение. С целью помочь поселенцам приобрести этих негров-рабов на условиях долгосрочного кредита процентная ставка была снижена с 5 до 3 %, а затем и вовсе отменена. Рабы из Западной Африки начали продаваться по себестоимости плюс небольшая сумма фрахта. За период 1755–1777 гг. экспорт какао удвоился как в количестве, так и в цене; важными экспортными товарами стали также хлопок, рис и шкуры, чего не было раньше. В производстве сахара в Пернамбуку и Параибе наблюдался застой, отмеченный лишь временным оживлением, и компания с этим названием ввезла между 1760 и 1775 гг. в Бразилию свыше 30 тысяч негров из Западной Африки.

Мараньян, который в 1755 г. был одним из наиболее отсталых и неразвитых районов Португальской империи, 21 год спустя стал одним из самых динамично развивающихся и процветающих. Этому «экономическому чуду» дала значительный толчок Война американских колоний за независимость. Великобритания была вынуждена обратиться к Португальской Америке

с просьбой о поставке хлопка, который прежде она получала из своих американских колоний. Благодаря диктаторским методам Помбала производство в 1760-х гг. быстро развивалось. Достаточно привести здесь один пример. Плантаторы под угрозой серьезных наказаний были вынуждены выращивать более качественный каролинский белый рис вместо местного риса красноватого цвета, который они первоначально предпочитали, и территория его выращивания вскоре распространилась до Рио-де-Жанейро. В результате к 1781 г. колония производила достаточно риса, чтобы обеспечить им и саму Португалию. Избыток риса реэкспортировался из Лиссабона в Лондон, Гамбург, Роттердам, Геную, Марсель и другие города. Малочисленное население Мараньяна было смешанным, в основном оно состояло из белых и индейцев; этнический состав его полностью изменился вследствие массового завоза негров-рабов. «Белый хлопок сделал Мараньян черным», – как заметил миссионер Кайу Праду.

Материальные выгоды, которые извлекли Бразилия и Мараньян и Пара благодаря двум получившим правительственные концессии компаниям, не помешали их ликвидации в 1778–1780 гг. Это было событие, которое с радостью встретили многие по обеим сторонам Атлантики; некоторые лиссабонские торговцы отслужили в честь этого молебн. Такой подход страдал недальновидностью, но несомненно, что наибольшие прибыли эти компании приносили отдельным зажиточным португальским купцам и предпринимателям, включая такие семейства, как Кинтела, Круш и Бандейра, которые инвестировали в них большие капиталы и были тесно связаны с другими монополистическими предприятиями Помбала, такими как государственная табачная монополия и бразильский китобойный промысел. Состояние семейства Кинтела в 1817 г. оценивалось, приблизительно, больше чем 18 миллионов крузадо.

Многотомное законодательство Помбала, регулировавшее добычу золота и алмазов на рудниках Бразилии, и реорганизация финансов страны, и создание королевской казны (*Real Erario*) не дали ожидаемых результатов; но причиной этого были факторы, находившиеся вне контроля, такие как истощение наиболее прибыльных месторождений полезных ископаемых и участие Португалии в войне 1762–1764 гг. Последствия, к которым привел запрет деятельности Общества Иисуса в Португальской империи, описаны в других главах книги, так же как и последствия законодательства в области межрасовых отношений. Перенос колониальной столицы Бразилии из Салвадора (Баии) в Рио-де-Жанейро в 1763 г. объяснялся в основном войной, которая велась тогда против испанцев. Явная дипломатическая ошибка Помбала 13 лет спустя привела к войне между двумя державами в Южной Америке, которая в итоге привела к потере Сакраменто, но в результате подписания в 1777 г. Договора Сан-Ильдефонсо были окончательно признаны западные границы Бразилии, установленные еще в 1750 г.

Несмотря на то что Помбал, по вполне понятным причинам, уделял больше внимания португальским владениям в Америке, чем более мелким и бедным колониям в Африке и Азии, о которых он просто забыл в своем реформаторском рвении, Франсишку Инусенсиу-ди-Соза-Коутиньо, бывший губернатором Анголы с 1764 по 1772 г., приложил немалые усилия не только для претворения в жизнь административных реформ Помбала, но и собственных, разработанных по его инициативе реформ. Он совершил попытку сделать из Анголы и Бенгелы нечто большее, чем пересыльные пункты рабов для нужд Бразилии, диверсифицировать экономику. Было начато производство литейного чугуна, кож и мыла; была введена монополия на соль, выдвинуты другие предложения, касающиеся развития сельского хозяйства. И это помимо того, что предлагалось заселить пригодные для проживания нагорья провинции Уила. Он основал учебное заведение в Луанде для подготовки военных инженеров и учредил торговую палату для купцов. Не все его начинания были успешны, но большинство из них не пережили его самого, поскольку у него не было последователей.

На другом побережье Африки Помбал вывел колонию Мозамбик из-под административного подчинения Гоа; но это не повлияло на ее зависимость от Португальской Индии. При этом положение находившейся в застое экономики Португальской Восточной Африки нисколько не

улучшилось. Удержание Португалией контроля за долиной реки Замбези и ее влияния в этом районе во второй половине XVIII в. полностью зависело от местных арендаторов, выходцев из банту. Помбал разработал наиболее детальные инструкции по восстановлению старого португальского города Гоа, который был оставлен его жителями по причине нездоровых условий для проживания, но его планы так и не были реализованы – помешали свирепствовавшие здесь малярия и дизентерия. Он был вынужден удовлетвориться запретом инквизиции в Гоа и уничтожением расовой дискриминации в отношении индийских христиан.

Отстранение Помбала от власти приветствовалось с неподдельным чувством облегчения большинством португальцев, за исключением торговцев-монополистов и крупных предпринимателей, которые получали прибыль за счет государственных компаний и других начинаний маркиза. Клерикальная реакция, неизбежно последовавшая вслед за восхождением на трон глубоко набожной королевы Марии I, не повлекла за собой полного пересмотра политики Помбала новым правительством, хотя современники называли это «переворотом» (*Viradeira*). Многие из ближайших соратников и сторонников опального диктатора были отправлены в отставку, но некоторые из наиболее известных были оставлены на своих постах, включая министра по делам колоний Мартинью де Мелу-и-Каштру. Один из его влиятельных чиновников Инасиу де Пина-Манике был назначен генерал-интендантом полиции. Старший сын Помбала, граф Оэйраш, был оставлен в своей должности председателя муниципального совета Лиссабона. Королева сразу же освободила всех политических заключенных, исполняя последнюю волю отца, но отказалась восстановить права иезуитов (хотя некоторым из них она назначила пенсию). Пересмотр в судах дел тех, кто был обвинен в заговоре против короля в 1758–1759 гг., привел к реабилитации многих из них, некоторые оправданы не были. Совесть королевы настолько тяготило это дело, что, несомненно, оно было основной причиной часто повторявшихся приступов меланхолии и психической неуравновешенности, которые доставляли ей немалые страдания и впоследствии в 1792 г. привели к неизлечимому сумасшествию.

Начавшееся возрождение некоторых отраслей и торговли в Португалии и Бразилии в последние годы диктатуры Помбала продолжилось в первые годы нового царствования, в основном благодаря нейтралитету Португалии в войне 1776–1783 гг., в которую были вовлечены Великобритания, ее североамериканские колонии, Франция, Испания и Нидерланды. Проводя политику ничем не ограниченного регализма, Помбал склонил короля Жозе подписать в июле 1776 г. указ, закрывающий все португальские порты для кораблей из Северной Америки и предписывающий относиться к ним как к пиратским судам. «Потому что такой пагубный пример, ими подаваемый, побудит всех незаинтересованных правителей отказать в помощи и покровительстве, прямо или опосредованно, отдельным вассалам, которые открыто восстали против своего законного суверена». Правительство королевы действовало более благоразумно. Несмотря на то что оно не приняло во внимание письмо Бенджамина Франклина от 16 июля 1777 г., который просил отменить вышеупомянутый указ, оно продолжало следовать выгодной ему политике нейтралитета, пока официально не признало США в феврале 1783 г.

Правительство королевы продолжило традиционную колониальную политику Помбала, стремясь поднять продуктивность сельского хозяйства и увеличить экспорт сахара, риса, хлопка и какао из Бразилии, в то же самое время запрещая производить там товары, например текстиль, которые могли конкурировать с промышленными товарами, экспортируемыми из Португалии, хотя не все они были португальскими. Это объяснялось тем, что монархия получала значительную часть своих доходов от пошлин на подобные товары. В 1756 г. английское министерство торговли подсчитало, что из 100 фунтов стоимости каждой партии британских товаров, поставляемых в Бразилию, 68 фунтов выплачивалось в виде налогов Португалии. Поэтому королевский указ 1785 г. запретил производство всех текстильных товаров в колонии, за исключением грубой хлопковой материи, шедшей на одежду для рабов и пошив мешков. С другой стороны, правительство поощряло производство риса, например освободив от уплаты

таможенной пошлины выращенный в Бразилии рис в период с 1761 по 1804 г. По инициативе наместника короля маркиза Лаврадиу в капитании Рио-де-Жанейро успешно шло разведение индиго. К концу столетия существовало 206 производств для получения индиго на плантациях в районе Кабу-Фриу; в 1796 г. они дали 5 тысяч арроб ценного красителя. Этот явно многообещающий проект закончился ничем, так как британская Ост-Индская компания после потери американских колоний вложила большие капиталы в производство индиго в Индии. Бразильское индиго, которое было худшего качества, уступило в конкуренции индийскому и было вскоре вытеснено с мирового рынка.

Отсталость сельскохозяйственной технологии в Бразилии была основной причиной, почему наиболее важные экспортные культуры страны не могли (как правило) противостоять своим конкурентам. За исключением, пожалуй, краткого периода нейтралитета Португалии в войне британских колоний в Северной Америке за независимость и крушения сахаропроизводящих французских колоний в Вест-Индии во время революционных и Наполеоновских войн. В 1788 г. Ямайка экспортировала больше сахара, рома и тростниковой мелассы, чем все капитании Бразилии, вместе взятые. Кайу Праду указывал, что тростниковые выжимки вначале использовались в качестве топлива при производстве сахара на бразильских плантациях в 1809 г. В то время как эти выжимки уже использовали таким образом за полвека до того в Британской, Французской и Голландской Вест-Индиях. В 1792 г. Э. Уитни изобрел хлопкоочистительную машину, и ее начали широко использовать в районах производства хлопка в Соединенных Штатах. В Бразилии ее не видели и 25 лет спустя.

Это безразличие к современным технологиям объяснялось инертностью и консерватизмом бразильских плантаторов. В самой Португалии в последней четверти XVIII и в начале XIX в. росла заинтересованность образованных людей экономическими, аграрными и социальными проблемами страны. Королевская Академия наук, основанная в Лиссабоне в 1779 г., ставила для себя, среди прочего, задачу «распространения национального образования, совершенствования наук и искусств и роста народной промышленности» в Португалии и империи. Ее научные труды, опубликованные в 1790–1812 гг., обращали особое внимание на сельскохозяйственные и экономические проблемы, но большинство авторов не осознали важность для страны промышленного прогресса в Британии и Франции и были сосредоточены прежде всего на недостатках сельского хозяйства в Португалии и Бразилии. Кроме этих научных работ принц-регент (впоследствии король Жуан VI) способствовал публикации 10-томного труда бразильского монаха-францисканца Ж.М. де Консейсана Велозу «Землевладелец Бразилии» (*O Fazendeiro do Brazil*). Его с полным основанием можно назвать учебником тропического земледелия, в который вошли в основном переводы лучших английских и французских работ того времени. К сожалению, его книгу в Бразилии проигнорировали, в частности, и из-за того, что Велозу в 1798 г. выступал за использование жмыха в качестве топлива.

Труды французских физиократов и энциклопедистов вдохновляли как образованных португальцев, стремившихся воплотить в жизнь административные, аграрные и образовательные реформы, так и образованных бразильцев, которые, усвоив политические и социальные идеи энциклопедистов, вывели колонию на дорогу к независимости. Труды просветителей были запрещены в Португалии и по всей империи даже и после реформы образования Помбала. Но значительное число зажиточных бразильцев посылали теперь своих сыновей учиться в Европу, и не только в Университет Коимбры, но и в Монпелье и другие учебные заведения Франции. Эти молодые люди возвращались в Бразилию с новыми европейскими идеями, рожденными Войной за независимость в Северной Америке, бурным развитием Промышленной революции, распространением масонства и в атмосфере ожидания грядущей Французской революции. Эти идеи могли получить отклик только в среде высокообразованных соотечественников, и они не предусматривали разрыва с Португалией, хотя получение независимости Соединенными Штатами подтолкнули бразильцев к мысли о подобном шаге. Все больше рас-

пространялось недовольство португальским правлением, но причины этого были различны в зависимости от области страны.

Негодование по поводу давящего бремени колониальных налогов было всеобщим. Особенно отрицательным было отношение к уплате одной пятой части всех доходов королю и церковной десятины, взыскание налогов с подрядчиков королевских монополий. Все эти налоги были достаточно высокими в штате Минас-Жерайс, и власти не сделали ничего, чтобы упорядочить их, когда произошло резкое снижение добычи золота. Коррупция и неэффективность колониальной бюрократии, чей труд был низкооплачиваемым, усугублялись постоянной необходимостью обращаться по многим вопросам к министрам в далекий Лиссабон, которые были непревзойденными мастерами затягивать решение дела. Монархи из династии Браганса рассматривали Бразилию как свою «дойную корову», что было сказано первым ее представителем; и во многих местах подобный очевидный факт вызывал растущее недовольство. Население континентальной Португалии к концу XVIII в. достигло, вероятно, 3 миллионов человек, а Бразилии – около 2,5 миллиона человек. Но одна треть последних были негры-рабы, а большая часть оставшихся были, как их называли колониальные чиновники, «люмпен-пролетарии» (*infima plebe*). Во многих областях Бразилии росла напряженность во взаимоотношениях коренных бразильцев – плантаторов, священников, чиновников и армейских офицеров – с уроженцами Европы купцами и торговцами, которые часто были монополистами и оптовиками во всех отраслях колониальной торговли, а также теми, кто был назначен на высокие посты в церкви и государстве через голову бразильцев. Напряженность в отношениях между этими двумя группами не следует, как часто бывает, преувеличивать. Заключалось много смешанных браков, и многие португальцы-европейцы (*Reinois*) участвовали в неудавшихся заговорах и мятежах еще до получения Бразилией независимости, да и после этого события.

Одно из первых и наиболее известных движений за отделение Бразилии или по крайней мере части ее от Португалии и учреждение республики получило название Инконфиденсия Минейра и имело место в 1789 г. в Минас-Жерайсе. Движение, плохо организованное, так и не успело выйти за рамки всеобщей дискуссии преисполненных смутных надежд заговорщиков, когда предатель выдал их властям. Главари движения, среди которых были как бразильцы, так и европейцы, были арестованы и преданы суду. В итоге из осужденных на смерть 11 человек был казнен только один заговорщик, остальные отправлены в ссылку в Африку или получили разные сроки тюремного заключения. Так случилось, что милосердие, проявленное монархом в этом случае, резко контрастировало с жестоким подавлением подобного движения в Гоа двумя годами ранее. Заговор, целью которого было изгнать португальцев и объявить Гоа республикой, был еще на стадии подготовки, когда был раскрыт из-за предательства одного из его участников. Во главе заговора стояли некоторые священники Гоа, которые побывали во Франции и вернулись, вдохновленные идеями Просвещения. Пятнадцать жителей Гоа, как гражданских лиц, так и военных, были варварским образом казнены; и, хотя сан спас виновных священников, некоторые из них были брошены умирать в тюрьму в Лиссабоне, даже не представ перед судом. Трудно поверить, что различное отношение к заговорщикам объяснялось чисто расовыми предрассудками, потому что в Бразилии все инконфиденты были белыми, а в Гоа все жертвы были цветными.

Недостаточно хорошо подготовленный республиканский заговор, вдохновленный успехом Французской революции, был раскрыт в Баии в 1798 г.; участники этого движения были цветные из низшего класса и негры-рабы. Его подавили, казнив четырех зачинщиков. Более серьезным был республиканский мятеж в Ресифи в 1817 г. Он быстро распространился в окрестных районах; его поддержали священники, чиновники, солдаты и плантаторы. Спустя два месяца он был подавлен португальскими войсками, посланными из Баии, но казнь восьми вожаков и аресты многих его участников только усилили нелюбовь местных уроженцев к при-

рожденным португальцам; их неприятие здесь было более глубоким, чем в других областях Бразилии.

В 1807 г. в Португалию вторглись французские войска – после того, как принц-регент, преодолев свою нерешительность, все-таки отказал Наполеону в требовании к его стране присоединиться к континентальной блокаде Великобритании. Королевская семья была вынуждена бежать в Бразилию, где в Рио-де-Жанейро королевский двор пребывал до 1821 г. Сразу же по прибытии в Бразилию принц-регент под давлением англичан принял декрет об открытии всех бразильских портов для торговли с дружественными государствами. В действительности это касалось, прежде всего, англичан – вплоть до окончания Наполеоновских войн. В 1815 г. Бразилия была провозглашена королевством, а в следующем году дон Жуан стал королем Португалии и Бразилии после смерти безумной престарелой королевы-матери. Он не захотел возвращаться в Европу, хотя война на полуострове уже закончилась. Однако, когда в 1820 г. конституционный переворот в Португалии привел к формированию в Лиссабоне либерального представительного правительства, он был вынужден год спустя вернуться в столицу. Когда король Жуан VI наконец покинул Рио, у него было явное предчувствие, что Бразилии еще недолго оставаться единым целым с Португалией. Он сказал своему старшему сыну, остававшемуся регентом в Рио-де-Жанейро: «Педру, если Бразилия пойдет своим собственным путем, пусть это произойдет при тебе, сохранившем ко мне уважение, чем в правление различных авантюристов».

Назревшее отделение ускорили безрассудные действия депутатов либеральных Конституционных кортесов, собравшихся в Лиссабоне в 1820–1821 годы. Вместо того чтобы принять предложения бразильских депутатов, что Португалия и Бразилия должны остаться единым королевством с равными правами обеих его частей, они настаивали на восстановлении полного контроля португальских воинских частей в Бразилии и требовали от дон Педру вернуться в Европу для завершения образования. Это бестактное отношение, естественно, вызвало глубокое возмущение в Бразилии, особенно в Рио, Сан-Паулу, Минас-Жерайсе и Пернамбуку. Многие известные бразильцы, во главе которых встал Жозе Бонифасиу ди Андрада-и-Силва, которого называли «Патриархом независимости», призвали дон Педру не оставлять страну. Командование португальского гарнизона в Рио угрожало насильно заставить его уехать, но вскоре военные капитулировали перед местным ополчением. События торопили его действовать, и, вспомнив, может быть, совет своего отца, дон Педру решил сделать то, что можно выразить одной фразой: «Если ты не можешь одолеть их, присоединись к ним». 7 сентября 1822 г. он театрально заявил: «Время пришло! Независимость или смерть! Мы отделились от Португалии». Декларация независимости не во всех частях Бразилии была встречена с энтузиазмом. Южные области и Пернамбуку в целом ее поддержали, но в Баии был сильный португальский гарнизон. Португальцы были незадолго до этого выбиты из Мараньяна и Пара силами морской экспедиции, возглавляемой британским авантюристом лордом Т. Кокрейном. К концу 1823 г. последние португальские войска покинули землю Бразилии, и во всей стране установилась власть императора Педру I. Отчасти в результате вмешательства британской дипломатии (или шантажа, как некоторые это называют) правительство Португалии все же признало в 1825 г. независимость Бразилии.

Потеря Бразилии пришлась на трудное для Португалии время, когда страна еще не восстановилась после катастрофических военных разрушений, вызванных тремя французскими вторжениями во время Наполеоновских войн. Открытие бразильских портов для английских купцов в 1808 г. было тяжелым ударом для португальской торговли с Бразилией. Только зарождавшаяся промышленность Португалии, у которой, как казалось в конце XVIII столетия, было многообещающее будущее, начала рушиться, столкнувшись с английской промышленной конкуренцией. Причиной этого была, по словам экономиста того времени Жозе Акурсиу даш Невеша, «магическая сила паровой машины, которая революционизировала механиче-

ское производство в течение последних нескольких лет и дала возможность англичанам производить настолько дешевые промышленные товары, что никто не мог соревноваться с ними в этом». В 1810 г. даш Невеш мрачно пророчествовал, что продукция все еще работавшей промышленности Португалии не сможет больше конкурировать с английским текстилем и другими промышленными товарами массового производства. Десять лет спустя он с грустью замечал: «Потеряв эксклюзивный рынок для нашей промышленной продукции, который был в основном бразильским, и не имея возможности, даже в Португалии, противостоять конкуренции со стороны иностранных промышленных товаров, мы наблюдаем, как исчезают наши мастерские теперь, после того как наше сельское хозяйство пришло в упадок в районах, затронутых войной, и у нас нет времени на передышку, которая дала бы нам возможность подготовиться к таким большим переменам».

Неспособность Португалии как-то справиться со странами-конкурентами, которые воспользовались достижениями промышленной революции, усугублялась такими факторами, как отсутствие в стране каменноугольных месторождений, каналов, нормальных дорог и транспортных средств, так и тридцатью годами политической смуты, приводившей часто к гражданской войне между либералами и сторонниками абсолютизма, которая опустошала страну начиная с 1820-х гг. Либеральные реформаторы не обращали должного внимания на укоренившийся консервативный характер крестьянства, привязанного к земле и находившегося под влиянием священников, которому хозяйство давало лишь возможность выжить. Именно крестьяне в то время составляли подавляющее большинство народа Португалии. Реформаторы первым делом стремились упразднить тесную связь между церковью и государством и сосредоточились на принятии ряда мер в области политики, конституционного законодательства и административного управления, часто не учитывавших экономическую и социальную реальность.

Участие Португалии в Наполеоновских войнах и пребывание португальского двора в течение столь длительного времени в Рио-де-Жанейро с неизбежностью привели к тому, что власти в Лиссабоне с 1805 по 1825 г. предоставили возможность своим колониям в Африке и Азии во многом взять управление на себя. Обретение независимости Бразилией, которая была «дойной короной» Португалии на протяжении более полутора веков, также заставило задуматься некоторых деятелей о возможности использовать ресурсы теперь уже Анголы и Мозамбика, чтобы восполнить понесенные потери. Но подобные замыслы не могли осуществиться до тех пор, пока внутренние беспорядки отвлекали внимание правительства, а всю энергию Анголы и Мозамбика поглощала работорговля. Только когда либеральная монархия окончательно утвердилась в стране, а с работорговлей было покончено, во второй половине XIX в. на африканские колонии было обращено пристальное внимание. Но это уже другая история, о которой прекрасно рассказано в книге *Portugal and Africa, 1815–1910: A study in uneconomic imperialism*, написанной Р.Д. Хаммондом; к ней мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Часть вторая

Характерные черты империи

Глава 9

Флот Индии и флот Бразилии

Морской путь из Португалии в Индию в течение длительного времени считался «несомненно, самым тяжелейшим испытанием, которое только известно в мире». Так писал в 1574 г. итальянский иезуит, испытав все трудности плавания на себе. Столетие спустя Джемелли Карери, другой итальянец, сказал почти то же самое, описывая путешествие через Тихий океан на галеоне из Манилы в Мексику в 1697–1698 гг., которое он с трудом перенес. По сути дела, не было особой разницы между этими полными опасностей и трудностей двумя океаническими торговыми маршрутами, которыми пользовались жители Иберийского полуострова в XVI в. В обоих случаях пассаты играли ключевую роль, и кругосветное путешествие, с учетом стоянки в Гоа или Маниле, продолжалось около полутора лет при самых благоприятных условиях. Но несмотря на то, что маршрут с начальным пунктом Филиппины существовал всего лишь с 1565 до 1815 г., путь в Индию, которому положил начало Васко да Гама, не потерял своей значимости и с приходом эпохи пара, хотя слава его давно испарилась. Кроме того, если путешествие вокруг мыса Доброй Надежды занимало в любом направлении от 6 до 8 месяцев, как и переход по Тихому океану из Манилы в Акапулько, то галеоны, отправлявшиеся из этого мексиканского порта, часто доплывали до Филиппин меньше чем за три месяца с помощью попутного ветра.

Юго-западный муссон, который обычно рождается на западном побережье Индии в начале июня, является причиной того, что все гавани в этом районе, можно сказать, закрываются с конца мая по начало сентября. Корабли Ост-Индской компании, уходя из Лиссабона, должны были вовремя достигнуть мыса Доброй Надежды, то есть в июле, и прийти в Гоа в сентябре или октябре. Опытный лоцман, обслуживавший путь в Индию, на вопрос, какое наилучшее время для отплытия из Лиссабона, как утверждают, ответил: «Последний день февраля – самое подходящее время, но первое марта будет уже поздно». На самом деле корабли часто уходили в плавание во второй половине марта или первой половине апреля, а иногда и с опозданием даже в мае. В последнем случае кораблям или приходилось возвращаться в Лиссабон, или (что происходило более редко) зимовать в Бразилии. Как суда, отправлявшиеся из Лиссабона, так и суда из Гоа обычно выходили в море позже, чем требовалось. Вместо того чтобы выйти из устья реки Мандави сразу после Рождества или под Новый год, суда покидали Гоа в феврале или марте, когда шансы пройти в «зимний» сезон в мае и июне через штормовой океан на широте мыса Доброй Надежды быстро таяли. В обоих случаях позднее отплытие объяснялось тем, что было сложно сразу собрать необходимую сумму наличных денег для оплаты груза и команды. Неизбежные трудности 6–7-месячного морского пути осложнялись еще и тем, что португальские королевские чиновники требовали, особенно в XVI и XVII вв., чтобы «ост-индские» корабли, по возможности, не заходили ни в один порт во время плавания из Лиссабона в Гоа и обратно. Только в случае крайней необходимости позволялось сойти на берег в определенных местах, включая остров Мозамбик, Азорские острова и (гораздо реже) остров Св. Елены.

Самые опытные лоцманы не очень-то полагались на официальные лоции, хорошо зная, что их крайне мало. Алейшу да Мота, имея 35-летний опыт плавания по морскому пути в

Индию, предупреждал в 1625 г. в составленной им лоции, не потерявшей своей актуальности для других морей и других веков.

«Держась заданного курса в районе, расположенном между островом Сан-Лоренсу [Мадагаскар] и экватором, необходимо вести корабль с большой осторожностью днем и ночью; и надо помнить, что широты мелей и островов не всегда точно указаны на картах, а есть и такие, что не отмечены вовсе. Одному матросу нужно постоянно находиться днем на топе мачты и следить за изменением цвета воды. А ночью матрос должен занять место на бушприте, постоянно промеривая глубину лотом и уменьшая, при необходимости, парусность, возлагая надежду только на Бога, а самому продолжая внимательно наблюдать».

Суда, ходившие в Индию на протяжении трехсот лет, были вначале известны под названием *Naos*; слово *Naos* имело много значений, но прежде всего оно означало «большой корабль». Так называли каракки в XVI и XVII вв. и большие, типа фрегата, парусные суда, плававшие на морском пути в Индию в XVIII в. На протяжении двух столетий между караккой (*Naos*) и галеоном существовали отличия. Первая представляла собой тяжелое и неповоротливое, с отвесными бортами купеческое судно, вооруженное легкими пушками, имевшее высокие палубные надстройки в носовой и кормовой части. Галеоны были больше в длину и с меньшим расстоянием между бортами; у них отсутствовали, в отличие от каракк, высокие надстройки на баке и юте, и они были вооружены тяжелой артиллерией, как все военные корабли. В действительности различия часто были не столь заметны, и есть много примеров того, как моряки называли свои корабли то караккой, то галеоном, а иногда и фрегатом. Здесь также имеется параллель с испанской морской практикой: галеоны из Манилы часто называли «большими кораблями Китая» (*Naos de China*), поскольку они везли в основном шелк и другие китайские товары.

На протяжении первых 30 лет существования морского пути большинство португальских судов, ходивших в Индию, все равно – каракк или галеонов, имели водоизмещение в 400 тонн. Число ежегодно отплывавших судов колебалось от 7 до 14, но возвращалось из плавания часто в два раза меньше судов, так как часть из них оставалась в Азии для несения военной службы. К середине XVI в. водоизмещение большинства кораблей ост-индских компаний выросло от 600 до 1 тысячи тонн, а среднее число судов в году упало до пяти. В 1570 г. Португалия попыталась как-то выйти из такого положения, когда тоннаж кораблей рос за счет их мореходных качеств и маневренности, и появился указ, что грузоподъемность судов должна быть в пределах 300–450 тонн. Можно сказать, что этот указ прошел почти незамеченным, не был он опубликован и повторно с необходимыми дополнениями, когда верхний лимит достиг 600 тонн. Наоборот, в последнюю четверть XVI в. в Гоа, Лиссабоне и Порту строились монстры водоизмещением в 2 тысячи тонн. Альваро де Басан, командующий испанским флотом, писал в 1581 г., что отплывавшие в тот год в Индию португальские корабли имели водоизмещение в 600 португальских тонн, «немного превышавших 1200 кастильских тонн». Сорок лет спустя патристически настроенный португальский писатель гордился тем, что груз одного португальского ост-индского корабля, разгружавшегося в Лиссабоне, превосходил вес грузов 4 самых больших испанских кораблей, занятых торговлей в Атлантике. Пожалуй, лучше всего передает то впечатление, которое эти огромные каракки производили на современников, описание Ричарда Хаклута судна «Мадре де Деуш», захваченного англичанами у Азорских островов и приведенного в Дартмут, где оно поразило всех и было тщательно исследовано капитаном Ричардом Адамсом и другими морскими экспертами в 1592 г.

«Каракка, по оценкам людей достаточно опытных, имела водоизмещение не меньше чем 1600 тонн; грузоподъемность – 900 тонн. Кроме товаров на борту было 32 медные пушки всех калибров, от 600 до 700 человек и провиант, имевшийся в достаточном количестве, принимая во внимание продолжительность плавания... После тщательного исследования корпуса судна он [Адамс] обнаружил, что его длина от носа до кормы (где был водружен фонарь) составляет

165 футов. Наибольшая ширина судна на уровне второй из трех закрытых палуб достигала 46 футов и 10 дюймов. Судно было погружено в воду до 31 фута при отплытии из Кочина в Индии, но при прибытии в Дартмут глубина погружения была не более 26 футов. Судно стало во время плавания легче и поднялось из воды на 5 футов. Оно имело семь уровней по вертикали: одну основную нижнюю палубу, три закрытые палубы, бак и спардек из двух отдельных настилов. Длина киля была 100 футов, высота грот-мачты 121 фут, а длина окружности пяртнерсов 10 футов 7 дюймов; длина грот-рея достигала 106 футов. В целом присутствует совершенная соразмерность, до которой далеко нашим самым большим кораблям, торговым или военным».

В 1570–1640 гг. португальские ост-индские корабли имели, как правило, плохое вооружение для судов таких размеров. В 1604 г. вышел указ, предписывающий иметь на борту каждой каракки не меньше 28 пушек, из которых 20 должны были быть «большими орудиями» (*pecas grossas*). В 1592 г. судно «Мадре де Деуш» имело самое наилучшее вооружение, поскольку на борту было 32 орудия всех калибров. Однако большая часть португальских судов в конце XVI и начале XVII в. редко имели больше 20 или 25 пушек, и в процентном отношении преобладал калибр 76 мм. Начиная с 1640 г. их вооружение все больше совершенствовалось. В XVIII в. мы встречаем по крайней мере двух вице-королей Индии, которые высказывали (в 1703 и 1745 гг.) недовольство тем, что корабли, ходившие в колонию, обычно представляли собой большие фрегаты, которые имели на борту от 50 до 70 орудий. Поэтому их использование в морях Азии было крайне неэкономным, и было бы предпочтительнее вооружать суда 30–40 пушками. Кстати, не менявшиеся португальцами в течение длительного времени правила о количестве орудий на кораблях представляют интересный пример лузитанского консерватизма. Их переиздавали без каких-либо изменений с 1604 по 1756 г., несмотря на то что за полтора столетия поменялись типы судов, на смену караккам пришли галеоны, а затем фрегаты.

Власти в Лиссабоне и Гоа сразу поняли преимущество индийского тика перед европейской сосной и дубом, но они не могли прийти к единому мнению, где дешевле строить корабли – в Португалии или Индии. Королевский указ 1585 г., опубликованный повторно с тем же самым содержанием 9 лет спустя, говорил о необходимости строить каракки в Индии, отдавая ей предпочтение перед Европой.

Это объяснялось тем, что «опыт строительства [в обеих странах] показал, что построенные в Индии суда более долговечны, чем построенные в королевстве, что они дешевле и прочнее, но найти здесь подходящее дерево для каракк становится все труднее». Впоследствии, однако, выяснилось, что хотя суда, построенные в Индии, вне всякого сомнения, были прочнее, но не всегда строительство их обходилось дешевле, чем в Европе. Причиной этого было поведение губернаторов португальских крепостей на западном побережье Индии, которые получали побочные доходы от заготовки и продажи местного строевого леса. Во время переговоров с королевскими чиновниками они заламывали немислимые цены. Капитаны Васаи (Бассейна) и Дамана, как писал вице-король Индии в 1664 г., требовали за свой лес вместо обычных пяти 40 зерафино. Европейский такелаж был также лучшего качества, чем азиатский. По этим и другим причинам большинство португальских ост-индских кораблей в XVII в. продолжали строить в Лиссабоне, где в 1620 г. на королевских верфях (*Ribeira das Naos*) было занято 1500 человек.

Возможно, самой известной из каракк Индии была *Cin-co Chagas*, которую построили в Гоа в 1559–1560 гг. под личным наблюдением вице-короля Конштантину де Браганса, «который отбирал лес бревно за бревном». Корабль получил прозвище «Констанция»; он курсировал между Индией и Португалией в течение 25 лет, совершив 9 или 10 кругосветных путешествий, не считая несения посыльной службы, и это был флагманский корабль пяти вице-королей, прежде чем он стал на последнюю стоянку в Лиссабоне. Когда судно разобрали, испанский король Филипп II (он же король Португалии Филипп I) распорядился отправить

ее киль в Эскориал в качестве трофея. Длинная жизнь этого судна представляла собой резкий контраст обычному сроку службы судов на торговом пути в Индию. Они редко совершали больше 3–4 кругосветных путешествий и ходили всего лишь 10 лет. В XVIII в. британская Ост-Индская компания не позволяла своим кораблям больше четырех раз уходить в кругосветные плавания на Восток. Испанские галеоны из Манилы, строившиеся на Филиппинах, зачастую из более твердого дерева, чем индийский тик, также всего лишь несколько раз пересекали Тихий океан.

В XVIII в. многие португальские корабли строились в Бразилии. Вице-король Индии в своем письме монарху в 1713 г. настаивал на более широком применении подобной практики. «Наиболее прочные корабли – те, что есть у нас в Индии, построены в Бразилии. Древесина их недоступна для корабельного червя, как видно на примере фрегата *Nossa Senhora da Estrella* и того судна [*Nossa Senhora da Piedade*], которое отправляется теперь в обратное плавание в королевство. Хотя они использовались в Индии 15 лет, они могут служить еще столько же. Мне не кажется, что возникнут сложности с подысканием подходящих судов в Португалии для плавания в Индию, так как большинство из них построены в Бразилии».

Двое его преемников в Индии, соответственно в 1719 и 1721 гг., также высказывали свое предпочтение судам бразильской постройки. Одним из судов-долгожителей XVIII в. был 66-пушечный фрегат *Nossa Senhora do Livramento*, построенный в Баии в 1724 г., который совершил несколько кругосветных путешествий в Индию между 1725 и 1740 гг.

Португальская монархия прилагала значительные усилия для развития судостроения в Бразилии в конце XVII и XVIII вв., так как породы бразильских деревьев отличались более прочной древесиной, чем, в частности, индийский тик, и были более устойчивы к корабельному червю. Но в Бразилии отсутствовала в достаточном количестве дешевая и квалифицированная рабочая сила, в отличие от Индии, Китая и Филиппин (до некоторой степени). Владельцы плантаций сахарного тростника возражали против использования своих рабов в качестве рабочей силы и заготовки строевого леса без соответствующей оплаты со стороны короны. Требовались не только опытные корабельные плотники, конопатчики и рабочие иных профессий из Португалии, но и не следовало также забывать о том, что и расценки на такелаж и другое корабельное снаряжение в Португальской Америке были выше. Священник-иезуит, рассуждая в 1618 г. о возможности постройки галеонов в Бразилии, пришел к выводу, что только строительство одного галеона обойдется в два раза дороже, чем в Европе. Споры о том, где выгоднее строить океанические суда – в Португалии, Бразилии или Индии, продолжались вплоть до XVIII столетия. Королевская администрация была настойчива в своих усилиях, и королевские судостроительные верфи появились в Баии, Рио-де-Жанейро и Белене. На них были построены великолепные суда, подобные выше упомянутым, но отдельные суда были подвергнуты жесткой критике из-за своих конструкторских ошибок. Из всех бразильских верфей именно верфь в Баии, которая существовала с 1655 г., была, несомненно, самой важной. Здесь строились суда для местных купцов и военные корабли для Индии. Плотники и работники для верфи набирались среди негров-рабов и белых (бывших осужденных).

Всегда была сложной и проблема набора необходимого количества экипажей для обслуживания морского пути в Индию. Матросы для океанического плавания не рождаются за один день, а потери от болезней и высокая смертность всегда были характерны для морских переходов в Индию. Есть раннее свидетельство 1505 г., как в матросы набирались совершенно неграмотные деревенские парни, о чем писал хронист Кастаньеда, рассказывая анекдотические истории о селянах-моряхах. Эта «деревенщина» не могла отличить правого борта от левого, когда судно уже выходило из устья Тежу, и, чтобы помочь им ориентироваться, на один борт повесили связку лука, а на другой – чеснока. «Теперь, – было сказано лоцману, – достаточно приказать матросам повернуть штурвал на лук или на чеснок, и тогда они быстро все поймут». На это можно смотреть как на исключительный случай, однако на протяжении трех столетий

существования морского пути в Индию не снижалось количество жалоб, что вместо опытных матросов на флот приходят портные, сапожники, лакеи, пахари и молодые новобранцы (*mocos bizonhos*), несмотря на строгие правила, призванные пресечь подобные нарушения. В 1524 г. осведомитель в Кочине сообщал в Португалию, что на всю Индию было всего лишь 300 португальских матросов, «включая больных и здоровых». Диогу ду Коту в 1558 г. уверял, что в Гоа насчитывалось всего лишь около 400 португальских матросов, пригодных к службе, что было исключительным показателем. Нехватка моряков в Европе особенно обострилась во время существования союза двух иберийских монархий с 1580 по 1640 г., когда многие португальские матросы предпочитали поступать на службу к испанцам, поскольку они платили больше и короли Испании были готовы и дальше пользоваться их услугами. Это объяснялось тем, что испанцы также все время испытывали нехватку моряков. Капитан Огастес Херви сообщает, что, когда испанский флот в 1731 г. отплыл из Кадиса в Ливорно, «матросы были настолько не обучены морскому делу, что снасти, погруженные на борт в невероятной спешке, были помечены с помощью игральные карт, и команды им подавались соответственные: «Тяни туз пик!», «Крепи червонного короля!».

Утверждалось, что за шесть месяцев плавания из Лиссабона в Гоа необученные матросы приобретают опыт и становятся настоящими моряками. Конечно, так часто и происходило, но касалось это не всех. Мартин Афонсу ди Соза (Соуза), один из опытнейших португальских капитанов своего времени, так описывал в 1538 г. королевскому министру сложившееся на флоте в Индии положение. Каждая каракка должна была иметь команду от 120 до 130 человек, среди которых были как матросы, уже имевшие опыт, так и юнги. Хотя большинство юнг были подростками, но они работали наравне со всеми, обучаясь морскому делу. Они делали самую тяжелую работу на судне и спали на шкафуте между фок- и грот-мачтой. Многие из них ни разу не ступали на палубу корабля до того, как отплыть из Лиссабона в Гоа. Ди Соза так писал об этом: «Пусть никто не говорит вам, что, когда они прибыли сюда, уже были моряками. Это самая большая ложь в мире, поскольку они просто бродяги, которые ни разу не видели моря. И чтобы стать моряком, необходимо служить много лет юнгой. Я уверяю вас, что эти типы могут запросто дезертировать и перейти на сторону мусульман... так как у них отсутствует чувство долга, и, как только они обнаружат, что им недоплатили хотя бы фартинг за их службу, они тут же уходят».

Вероятно, самый верный вывод об этой вечной проблеме, присущей и испанскому флоту, сделал проницательный наблюдатель, испанский монах-доминиканец Доминго Фернандес де Наваррете столетие спустя, описав свои впечатления от кругосветного путешествия: «Я знавал матросов, которые даже после плавания во многих морях так и не научились ориентироваться по компасу, не могли отличить шкот и тали от иных снастей, в то время как другие меньше чем за месяц узнали о всех морских терминах, так что можно было подумать, что они изучали это ремесло много лет».

Одна из причин трудностей вербовки в Испании и Португалии необходимого количества матросов на флот заключалась, по всей вероятности, в том, что в обеих странах с большой неприязнью и даже неуважением относились к морской службе. Это было тем более странно, когда мы вспомним, что эти два иберийских королевства были пионерами в морской экспансии Европы и что они обязаны своим величием и славой в XVI в. в основном своим морским открытиям и завоеваниям. Тем не менее во мнении и испанцев, и португальцев солдат занимал гораздо более высокое положение в обществе в сравнении с матросом. Этот факт нашел отражение не только при рассмотрении дел в суде и при представлении к королевским наградам, но и в официальной переписке, и в классической литературе Испании и Португалии. Испанский гуманист Луис Вивес называл матросов *Fex Maris* («отбросы моря»); а португальский хронист Диогу ду Коту, в отличие от кабинетного ученого Вивеса, бывалый и опытный путешественник, утверждал, что большинство матросов были «жестокие и бесчеловечные по своей при-

роде люди». Вице-король Индии маркиз Тавора, направляясь в Гоа, сообщал в 1750 г. государственному секретарю в Лиссабон, что «грубость и бессердечие матросов невозможно выразить словами. Я уверяю Вас, что это всеобщее правило для этих людей, когда они больше сожалеют о смерти курицы на борту, чем о потере пяти своих товарищей».

Нет ничего легче, чем найти сотни подобных уничижительных оценок в высказываниях многих образованных людей, которые, вероятно, представляли себе истинное положение дел и, несмотря на это, разделяли нелюбовь в отношении к морякам, которая была столь обычна на Иберийском полуострове. Излишне говорить, что эта широко распространенная и укоренившаяся антипатия не могла способствовать появлению самоуважения у моряков, и их полная лишений жизнь, несомненно, ожесточала их. Принимая во внимание ту грубость и резкость, которую к ним обычно проявляли те, кто считал себя стоявшим выше их на социальной лестнице, стоит ли удивляться тому, что при кораблекрушении или в иной тяжелой ситуации португальские моряки проявляли полное равнодушие к людям, которые презирали их. Моряки также не видели справедливого отношения со стороны королевских чиновников, которые расхищали их денежное жалование и урезали довольствие. Конрад Ротт, один из немецких предпринимателей-моно-полистов, занятый в торговле перцем, в 1600 г. пытался убедить старшего королевского чиновника, что сможет сразу же завербовать 3 тысячи португальских матросов, если только гарантировать им достойный заработок и обеспечить необходимым довольствием. В то же самое время лиссабонские чиновники с трудом могли набрать 300 человек, «лишь прибегнув к насильственным мерам и угрожая за неповиновение тюрьмой». В 1524 г. до сведения королевской администрации было доведено, что основной причиной тех сложностей, что возникали при вербовке опытных моряков для обслуживания морского пути в Индию, было высокое отношение к ним тамошних дворян. Сто лет спустя адмирал Жуан Перейра Кортириал утверждал, что морская служба на этом направлении столь непопулярна, что некоторых матросов вербуют насильно и содержат в цепях, пока судно не уйдет из Лиссабона.

Но не только на этот маршрут постоянно не хватало опытных матросов. На протяжении XVII и большей части XVIII в. немногочисленный португальский флот, который к тому же испытывал дефицит в опытных моряках, так и не смог очистить надолго от пиратов свои территориальные воды. В 1673 и снова в 1676 г. монархия попыталась восполнить недостаток моряков, призвав на службу 300 опытных моряков в Лиссабоне, которые составляли резерв на случай непредвиденных обстоятельств. Этим морякам были предоставлены привилегии, такие как освобождение их самих и их сыновей от военной службы и от постоя солдат, уменьшение налогов и разрешение носить личное оружие. В случае их смерти в бою вдовы этих моряков освобождались от уплаты всех долгов своих покойных мужей и получали щедрое денежное пособие (но не пенсию). Эта простая схема, как представляется, не сильно помогла. Иностранцы путешественники сообщали, что в экипажи военных португальских кораблей, как в Азии, так и в Бразилии, входили люди многих национальностей. Так, ост-индские корабли, плывшие на родину, имели в команде много негров-рабов, о чем сообщал вице-король Индии в 1738 г.

«Вся команда, набранная в Гоа, включая офицеров, матросов, канониров и юнг, едва ли состоит (исключая больных) из 120 человек; это как раз то число, которое необходимо для управления кораблем. Особенно во время муссона, когда на берегу можно встретить лишь небольшое число кафров из Мозамбика, так что пополнить ими палубную команду, чтобы выполнять черновую работу, представляется невозможным».

Вице-король не преувеличивал. Он мог бы рассказать о случае с кораблем «*Agua*» в 1559 г., который был спасен от потопления в Мозамбикском проливе только усилиями матросов-негров. Служащие Дома Индии в Лиссабоне эмоционально заявили в 1712 г., что многие суда, отправившиеся из Индии, так никогда бы и не пришли в Португалию, «если бы не адский труд находившихся на борту негров-рабов».

Суда, направлявшиеся в Гоа, везли в основном солдат и серебряные монеты (испанские, мексиканские и перуанские реалы), медь, свинец и другие металлы, различные европейские товары невысокого качества. Суда не были загружены полностью, часть балласта представляли бочки для воды и вина, запасы которых были рассчитаны на 600–800 человек, находившихся на борту. В обратный путь они отправлялись с громоздкими грузами перца, пряностей, селитры, индиго, леса твердых пород, мебели, китайского фарфора, шелка и индийского хлопка. Трюмы были заполнены полностью перцем, пряностями и селитрой; другие товары загромождали палубу, так что невозможно было пройти от кормы до носа, с трудом перелезая через груды товаров. Грузы в ящиках, тюках и корзинах также вывешивали на тросах с внешней стороны судна или крепили их к выступавшим за борт доскам. Перегружать судно и неправильно размещать груз в трюме категорически запрещалось существовавшими правилами (*regimentos*), но все эти разумные предписания открыто игнорировались. В перевозках через Тихий океан на манильских галеонах сложилась похожая ситуация. Корабли шли из Акапулько с солдатами и серебряными реалами Мексики и Перу. На обратном пути из Манилы многие суда были опасно перегружены китайскими товарами, несмотря на правила, запрещавшие эту укоренившуюся практику.

Многие офицеры и матросы продавали места на палубе и в каютах тем пассажирам, кто предлагал наибольшую цену, и здесь же они могли держать свое личное имущество. Португальцы называли подобные места «пристанищем». Офицерам и матросам разрешалось также иметь так называемые *caixas de liberdade* (дословный перевод «ящик свободы»), то есть ящики стандартных размеров, в которых они везли домой товары, приобретенные ими в Азии. Пошлина за них была небольшой или даже совсем не взималась. Правила, регулировавшие это «частное предпринимательство», как в британской Ост-Индской компании была названа подобная практика, менялись с течением времени, и они зависели от социального положения человека. Эти привилегии объяснялись тем фактом, что королевские власти не могли или не хотели платить морякам причитавшееся им жалованье и таким образом пытались его компенсировать. Те, кто поддерживал эту практику, аргументировали ее необходимость тем, что у матросов, являвшихся владельцами части груза, появлялся кровный интерес его защищать в случае нападения пиратов. Это, конечно, влекло за собой значительные злоупотребления также и в ост-индских компаниях Голландии, Франции и Англии.

Несмотря на недовольство реформой, – а любая реформа всегда вызывает противодействие при ее проведении, – корона предприняла в 1647–1648 гг. решительные попытки отменить систему «частного предпринимательства» и заменить ее соответствующим жалованьем. Одновременно с этим было предпринято еще одно нововведение. Дворян на посту капитанов ост-индских кораблей сменили профессиональные моряки. Важнее был их опыт судовождения, а не наличие «голубой крови». В марте 1647 г. Совет по делам заморских владений (*Conselho Ultramarino*) предупредил короля Жуана IV, что подобный проект непрактичен во многих отношениях, и посоветовал не воплощать его в жизнь. Но король настаивал на своем решении. Однако нововведение столкнулось со столь сильным противодействием со стороны тех, кого это касалось, офицеров и матросов, что король был вынужден в 1649–1652 гг. вернуться к старому порядку. Как и предвидели члены комитета, дворяне категорически отказывались служить под началом профессиональных моряков, которые были ниже их по положению в обществе. Капитаны судов, плававших в Индию, были дворянами и аристократами, зачастую не имевшими никакого опыта в морском деле. Это было основной причиной того, почему именно лоцманы, а не капитаны несли полную ответственность за выбор правильного курса и управление кораблем. Только во второй половине XVII в. стали назначать капитанами профессионалов, а не «сухопутных моряков», и только в XVIII в. это стало правилом, а не исключением.

Надменное и самоуверенное поведение многих португальских лоцманов, плававших в Индию, вошло в поговорку и стало предметом едкой критики современников эпохи и Диогу ду Коту. Но самые лучшие из лоцманов были непревзойденными в своем ремесле во всем мире, и об их преданности своей профессии свидетельствовал Ричард Хоукинс в своих «Заметках» 1622 г. «Испанцы и португальцы не имеют себе равных в искусстве владения штурвалом; это не идет ни в какое сравнение с тем, что я видел до сих пор. И я хотел бы, чтобы мы следовали во всем их лучшим примерам. Они постоянно находятся в нужном месте на палубе корабля, чтобы следить за его курсом. Лоцман и его помощники ни ночью, ни днем не перестают следить за стрелкой компаса. Они внимательно наблюдают за действиями стоящего у штурвала моряка, подмечая все его ошибки».

На каждом судне полагалось быть опытному врачу и хирургу с запасом всех необходимых лекарств. Но очень часто на борту был всего лишь брадобрей, исполнявший обязанности хирурга, – как это было в 1633 г., когда на четырех кораблях плыли 3 тысячи человек. На каждом судне, согласно королевскому приказу, были полностью укомплектованные аптечные ящики, но очень часто они не использовались по своему прямому назначению. Слишком часто лекарства попадали на черный рынок вместо того, чтобы быть розданными больным. Следует заметить, что многие лекарства были просто вредны, а другие бесполезны. Более того, многие португальские лекари были готовы по всякому поводу пускать больному кровь и давать слабительное, что часто приводило к летальному исходу. Ослабленный из-за плохого питания и болезней человек терял несколько пинт крови и страдал от обезвоживания организма. Распространение различных инфекционных заболеваний среди живших в ужасной скученности и антисанитарных условиях солдат и осужденных и, кроме того, в отсутствие укрытия от тропической жары неизбежно вели к высокой смертности среди матросов от дизентерии, тифа, лихорадки и цинги.

Диогу ду Коту сообщает, что во время плавания из Лиссабона в Индию в 1571 г. из 4 тысяч умерли 2 тысячи человек. За шесть лет с 1629 по 1634 г. из 5228 солдат, погрузившихся на корабли в Лиссабоне, отплывавших в Индию, только 2495 достигли Гоа. На обратном пути смертельных случаев обычно было гораздо меньше, поскольку суда не были настолько переполнены и большинство пассажиров были уже привычны к тяготам пути. Потери в пути возрастали, если в силу обстоятельств судам приходилось заходить на остров Мозамбик и экипаж с пассажирами сходили на берег. С 1528 по 1558 г. за 30 лет там умерло свыше 30 тысяч человек, в основном от малярии и лихорадки, вызывавшей разлитие желчи.

Итальянский иезуит Алессандро Валиньяно, бывший участником морского перехода в 1574 г., заметил: «Поражает тот факт, как часто и легко португальцы решаются на путешествие в Индию... Каждый год 4 или 5 переполненных людьми каракк отплывают из Лиссабона, и многие ведут себя так, будто отправляются в поездку на расстояние не далее чем на одну лигу от столицы, имея на себе одну рубашку и взяв с собой только хлеб и сыр в качестве провизии».

Поскольку не было ничего необычного в том, что от трети до половины простых людей умирало во время пути, неудивительно, что морской путь в Индию приобрел незавидную репутацию, которая сохранялась до второй половины XVIII в. Было в порядке вещей, когда эти смертельно опасные плавания заканчивались кораблекрушениями, которые оставались в памяти современников событий, но были и исключения. Хронист Кастаньеда вспоминал прибытие четырех кораблей в 1529 г. в Гоа «на рассвете дня св. Варфоломея (24 августа). Эта флотилия совершила удачное плавание, так что все пять сотен человек на борту были живы и здоровы и выглядели так, будто они оставили Лиссабон всего две недели назад». И он добавил, что «никогда после не видел ничего подобного».

Архивы Дома Индии в Лиссабоне погибли во время большого землетрясения 1755 г., и поэтому не сохранилось никаких сведений о морских переходах до этого времени. Однако Магальяенш Гудинью, который тщательно сличил многие имевшиеся свидетельства, подсчи-

тал, что в 1500–1635 гг. около 912 кораблей отплыли на Восток, из которых 768 достигли порта назначения. Соответственно в Португалию отправилось 550 кораблей, 470 из которых благополучно завершили плавание.

Мы уже говорили, что королевская администрация на протяжении полутора столетий существования морского пути в Индию предпринимала все возможное, чтобы не дать кораблям зайти в порты Бразилии ни на пути туда, ни обратно. Основной причиной этого было опасение, что суда там и останутся или многие матросы дезертируют. Во второй половине XVII в. стало общепринятой практикой, что суда по пути на родину заходили в тот или иной бразильский порт, как правило в Байю, по причине непогоды или недостатка провизии. После открытия и начала эксплуатации месторождений золота в штате Минас-Жерайс в 1690-х гг. это стало уже обычным делом. В итоге португальские власти все же дали разрешение на заход в бразильские порты, но только в случае потребности в ремонте или для пополнения запасов продовольствия. Суда обычно приходили в Байю потрепанные штормами, что оправдывало стоянку в течение нескольких недель, но их временное пребывание в заливе Всех Святых непременно сопровождалось запрещенным обменом восточных товаров на бразильские золото и табак. Все попытки покончить с этой процветавшей контрабандной торговлей провалились, потому что военная стража, размещенная на борту заходивших в порт кораблей, чтобы предотвратить контрабанду, «и была в большей части теми наглыми и позорными контрабандистами, которые переправляли товары с кораблей, и португальских, и иностранных, на берег». Так сообщал вице-король в Баии в Лиссабон в марте 1718 г. Сорок лет спустя в официальном отчете сообщалось, что среди азиатских товаров не только китайский фарфор пользовался наибольшим спросом и сбывался по высокой цене, но и значительное количество индийских товаров, в том числе и алмазы. После ремонта в Баии военные корабли конвоировали в Лиссабон суда, перевозившие сахар; такая практика существовала с середины XVII столетия.

Суда, задействованные в бразильской торговле в XVI в., были в основном каравеллами водоизмещением в 100–150 тонн. Галеоны и каракки использовались изредка, и они были значительно меньшими по размерам, чем те, что плавали в Индию. На каравеллах были только легкие пушки, и их скорость не позволяла им уйти от быстрых французских, английских и иных корсаров. Наиболее действенным выходом из подобного положения было или увеличить количество пушек на судах, или придать им конвои. Так поступали испанцы в своей трансатлантической торговле. Для того чтобы покрыть расходы по обеспечению безопасности бразильских судов (и других статей колониальной торговли), были учреждены два налога, *averia* и *consulado*, но сбор их оставлял желать лучшего. В итоге надежная защита так и не была обеспечена. По этой причине многие португальские торговцы использовали, по возможности, нейтральные суда Ганзы и Голландии.

Было много причин, почему Португалия так долго не могла организовать эффективную систему конвоев, несмотря на значительные потери, которые несли бразильские суда, и на испанский прецедент. В то время как испанская трансатлантическая торговля на одном побережье Атлантики была сосредоточена в Севилье и Кадисе, а на другом – в Картахене-де-Индиас, Портобело и Веракрусе, португальские корабли, занятые в торговле с Бразилией, отплывали из многих небольших портов в Португалии (Каминья, Виана, Авейру, Пениши, Назаре, Лагуш и др.), с Мадейры и Азорских островов, а также из больших перевалочных портов Лиссабона и Порту. На другом побережье Атлантического океана каждая из 14 бразильских капитаний располагала своим портом, несмотря на то что самыми важными были Ресифи, Байя и Рио-де-Жанейро. Многие из купцов и судовладельцев, занятых в этой торговле, были «маленькими людьми», у которых не было достаточно средств для строительства больших судов, оснащения их пушками и набора команды. Более того, ежегодный урожай сахарного тростника и перспективы его реализации резко менялись год от года, и потребность в кораблях было невозможно точно определить заранее. В этих условиях небольшие каравеллы (в отличие от больших тор-

говых судов) могли позволить себе в течение нескольких недель или даже месяцев ждать завершения погрузки в бразильских портах, и они имели больше шансов совершить два кругосветных путешествия в год. Португальцы фрахтовали время от времени для торговли с Бразилией многие иностранные суда. Владельцы и капитаны этих судов не хотели соглашаться с ограничением свободы их действий со стороны конвоя. Не последней причиной было и то, что качество сахара могло ухудшиться во время долгой погрузки и разгрузки нескольких судов, которые должен был сопровождать конвой. Как плантаторы, так и купцы были заинтересованы в скорейшем поступлении сахара на европейский рынок, надеясь реализовать его по наиболее выгодной цене, несмотря на риск доставки его на плохо вооруженных и пливших без конвоя каравеллах.

Переломный момент в Голландской войне заставил короля предпринять в 1647–1648 гг. предупреждающие действия. За эти два года в результате действий противника были потеряны 220 португальских торговых судов из Бразилии. Большая часть из них была захвачена зеландскими каперами, действовавшими в Южной Атлантике. Это составляло значительный процент от всех кораблей, занятых в бразильской торговле, и, хотя постройка каравелл обходилась относительно дешево и набрать команду для нее было относительно легко, не представлялось возможным быстро возместить все потери в стране, которая испытывала хроническую нехватку как в судах, так и в морях. Требовалось принятие радикальных мер. Поэтому был издан королевский декрет, запрещающий постройку (или фрахт) судов водоизмещением меньшим чем 350 тонн и имевшим на борту меньше 16 орудий, хотя тоннаж вскоре был понижен до 250 тонн. Устанавливалась норма вооружений для различных типов судов и давались поощрительные премии за строительство торговых судов с достаточным количеством пушек.

Самый влиятельный советник короля Жуана IV падре Антониу Виейра уже давно настаивал на создании на основе правительственной концессии двух компаний для торговли в Бразилии и Индии по примеру уже существовавших голландской и английской компаний. Он предполагал, что необходимые для этого суммы будут собраны по подписке «новообращенными христианами» (*Christaos-Novos*) в стране и за границей, если им будет дана гарантия, что деньги, инвестируемые ими подобным образом, не будут конфискованы инквизицией, даже если их владельцы будут арестованы. Некоторые близкие к Виейре люди осуждали его за то, что он выступал в защиту интересов иудеев, и его планы встретили сильное противодействие со стороны многих влиятельных людей помимо самой инквизиции. Но его исключительное влияние на короля и отчаянное кризисное положение страны побудили монарха преодолеть свою нерешительность, и 8 марта 1649 г. была зарегистрирована бразильская компания.

Инвесторы всех классов и национальностей получили право стать держателями акций с минимальным подписным взносом в 20 крузадо. Компания обязывалась снаряжать и поддерживать флот в 36 военных судов, разделенный на две эскадры, которые должны были конвоировать все суда, курсировавшие между Португалией и Бразилией; конечными портами назначения были Порту и Лиссабон в Европе и Ресифи (после того, как он был отвоеван в 1654 г.), Байя и Рио-де-Жанейро в Америке. Взамен компании было дано монопольное право на поставку в Бразилию, помимо завоза рабов, четырех основных товаров – вина, муки, оливкового масла и трески. Она также была уполномочена взимать пошлины со всего бразильского экспорта, начиная от 100 рейсов за невыделанную шкуру до 3400 рейсов за ящик белого сахара. Предусматривалось освобождение компании от уплаты налогов по многим товарам и от таможенного сбора в Португалии и выделение короной участка земли в Лиссабоне для строительства складов. Капитал, инвестируемый в компанию, не мог быть конфискован инквизицией или по решению какого-либо суда; даже в случае войны между Португалией и страной, гражданином которой был инвестор, его вклады и его доходы не могли быть конфискованы. Невозможно назвать точную цифру иностранных инвесторов, но их акции активно предлагались к продаже в Амстердаме, Париже и Вене. Основная часть всего капитала, который оценивался в 1 миллион

255 тысяч крузадо, принадлежала купцам из «новых» христиан Лиссабона в основном в виде принудительных займов. Восточно-Индийская компания, несмотря на все усилия Виейры, так и осталась на стадии проекта.

С самого начала компания подверглась ожесточенной критике на обоих берегах Атлантики, и не только со стороны неистовых антисемитов, которых было много во всех классах португальского общества. Компания не смогла собрать достаточно средств на содержание 36 военных кораблей, а через несколько лет – и конвоя. Решающая роль «новых» христиан в организации и управлении компанией вызывала подозрительное отношение набожной католической нации; и широко распространилось поверье, что Жуан IV умер, лишенный причастия, поскольку пренебрег в этом деле мнением инквизиции. В то время как Лиссабон и Порту получили прямую выгоду от судоходства, так как к этим двум портам было приписано большинство судов компании, многие малые гавани от Каминьи до Лагуша лишились возможности вести морскую торговлю. Именно она была основным занятием местных жителей на протяжении нескольких поколений и давала им возможность хотя бы скудного существования. Мелкие купцы и шкиперы с каравелл были вытеснены монополистами криптоиудеями и оптовыми торговцами Лиссабона. Но наибольшую критику вызывала неспособность компании снабдить Бразилию четырьмя основными импортными товарами – вином, мукой, оливковым маслом и треской – в достаточном количестве и по умеренным ценам. Португальский посол в Париже писал королю Жуану IV, когда еще только обсуждались планы создания компании: «Установление монополии на товары, которые удовлетворяют потребности повседневной жизни, всегда, как оказывается, наносят явный ущерб репутации тех монархов, которые дают на это свое разрешение. Хотя королевское казначейство и получает от этого какой-то доход, но тот вред, что она приносит простым людям, значительно превосходит ее строго ограниченные преимущества».

Постоянные жалобы колонистов получили горячую поддержку большинства губернаторов колонии и важных королевских чиновников. Влияние Виейры на двор резко уменьшилось во время его отсутствия, когда он был миссионером в Мараньяне, а в ноябре 1656 г. Жуан IV скончался. Несколько месяцев спустя компания потеряла право на невмешательство в ее дела инквизиции, и в 1658 г. монополия на четыре основных товара, поставляемые в Бразилию, была отменена. Вслед за дальнейшими ограничениями привилегий компании последовала ее передача короне в 1664 г., держатели акций получили компенсацию в виде вкладов в королевскую табачную монополию. После реорганизации она продолжала действовать как государственная компания *Companhia Geral do Comercio do Brasil*, задачей которой было обеспечивать конвои бразильским кораблям. Однако в феврале 1720 г. она была упразднена королевским декретом.

С финансовой точки зрения идея Антониу Виейры не оправдала ожиданий. Кроме того, что собрать полностью по подписке планируемые первоначально денежные суммы так и не удалось, португальские евреи-изгнанники и в Амстердаме, и повсюду весьма скромно инвестировали в компанию, и она только один раз выплатила дивиденды (в 15 %) до своей реорганизации в 1662–1664 гг. С другой стороны, система конвоев, начавшая действовать в 1649 г., значительно сократила количество потерь от рук голландцев и других корсаров. Отвоевание Ресифи и изгнание голландцев из последних удерживаемых ими крепостей на северо-востоке Бразилии в январе 1654 г. было обязано тому, что флот компании временно получил командование на море. Компания была также ответственна за рекрутирование отряда моряков для службы в ее конвойном флоте и их содержание. Этот отряд под популярным названием «полк хунты» продолжал существовать и после 1720 г.

К сожалению, мы не располагаем списками кораблей бразильского флота на каждый год до XVIII в., хотя названия практически всех судов, плававших на пути в Индию, сохранились в той или иной форме. Но если в индийском флоте во второй половине XVII в. ежегодно нахо-

дилось в плавании только два, три или четыре судна, бразильские флоты этого времени насчитывали более ста судов, численно превосходя современные ему испанские флоты. Суда были самого разного типа, и, несмотря на правила 1648–1649 гг., которые регулировали размер и вооружение корабля, некоторые из них были плохо снаряжены. Командир четырех английских военных кораблей, которые в июле 1656 г. встретили недалеко от португальского побережья бразильский флот в 107 судов, сообщал, что «это были самые жалкие суда, которые я когда-либо видел. Я уверен, что 12–14 крепких фрегатов одержали бы над ними верх и взяли бы всю возможную добычу». Такая судьба и выпала на долю бразильского флота в 1650 г., когда его перехватили капитаны Блейк и Попхэм, а в 1657 г. де Рейтер. Тем не менее система конвоев по мере ее развития привела к строительству больших и надежных кораблей для бразильской торговли на обоих берегах Атлантики, не говоря уже о фрахте значительного числа иностранных торговых судов.

Плавание из Лиссабона в Байю занимало в среднем около двух с половиной или трех месяцев; немного меньше времени требовалось, чтобы доплыть до Ресифи и немного больше – до Рио-де-Жанейро при благоприятной погоде и попутном ветре. Понятно, что переход в 2–3 месяца до Бразилии сильно отличался от путешествия в Индию, длившегося от 6 до 8 месяцев на переполненной каракке, в условиях свирепствовавшей на борту цинги и дизентерии. Природа, как правило, благоприятствовала плывшим в Бразилию, хотя суда, вышедшие из порта в неподходящий сезон, рисковали попасть в область штилей в экваториальном поясе или (на обратном пути) испытать на себе в конце осени и начале зимы силу неистовых штормов на широте Азорских островов. «Июль и август – самые лучшие порты полуострова», – заметил великий испанский адмирал дон Фадрике Альварес де Толедо. В 1690 г. королевским декретом было определено, чтобы бразильский флот каждый год выходил из португальских портов между 15 декабря и 20 января, а из Бразилии отплывал между последними числами мая и 20 июля. Последовавшие за этим декреты меняли сроки начала плаваний, но в действительности соблюдали их редко. Вице-король граф де Сабугоза жаловался в 1732 г. монарху, что купцы и капитаны фрегатов конвоя предпочитают отправляться в плавание, не принимая в расчет указанные сроки, но тогда, когда это необходимо в интересах их торговли. В этот период бразильские флоты были организованы в три отдельных конвоя, плававшая соответственно из Лиссабона в Рио-де-Жанейро, Байю и Пернамбуку. Все эти флоты везли в Португалию золото, сахар, табак, кожи и лес, но самым богатым был флот из Рио. В этот порт стекалось золото с месторождений Минас-Жерайс, Гояса, Куябы и Мату-Гросу, а также серебряные монеты из Перу, доставляемые контрабандным путем через Сакраменто. Каждый флот сопровождали от одного до четырех военных кораблей. Золото, независимо от того, принадлежало ли оно короне или частным лицам, должно было перевозиться только на борту военных кораблей. Флоты прекратили свое существование в 1765 г. и появились вновь на краткое время в 1797–1801 гг.

Поскольку условия плавания в Бразилию в сравнении с плаванием в Индию были несравненно легче и при этом моряки не были столь долго оторваны от дома, набрать команду на бразильские суда не было столь острой проблемой, как для ост-индских кораблей. Но проблема все же существовала, и в командах моряков бразильских флотов, особенно в 1660–1730 гг., было много иностранцев. Некий итальянский миссионер и монах-капуцин заметил (явно преувеличивая), что практически люди всех рас и цвета кожи, что только есть под солнцем, были на корабле вместе с ним, когда он плыл в 1703 г. из Баии в Лиссабон. В переписке между губернаторами Бразилии и Советом по делам заморских владений в Лиссабоне, относящейся к XVIII в., постоянно присутствуют жалобы на «необъяснимое нежелание» жителей Португальской Америки идти добровольцами на военный или торговый флот. Это объяснялось отчасти тем, что королевская власть платила скупо, даже в «золотое время» короля Жуана V (1706–1750). Другой причиной было отсутствие у местных уроженцев понятия дисциплины в армии и на флоте. Об этом говорили также испанские вице-короли, упрекавшие мексиканцев и перу-

анцев в крайнем нежелании служить солдатами. В течение всего XVIII в. сохранялась нехватка опытных португальских морских офицеров, что объясняет тот факт, почему во флоте его королевского величества было так много голландцев, британцев, французов и даже какая-то часть испанцев. С другой стороны, были опытные выдающиеся командиры, такие как Антониу де Бриту Фрейре и Гонсалу де Баруш Алвин, которые почти без перерыва в течение 30–40 лет находились на королевской службе в индийском и бразильском флотах.

В 1724 г. Роша Питта, хронист из Баии, гордо заявлял, что наша Португальская Америка посылает каждый год около сотни кораблей в Европу. Их груз состоит из 24 тысяч ящиков сахара, 18 тысяч роллов табака, большого числа выделанных и необработанных кож, «миллионов золота в виде золотоносного песка, слитков и звонкой монеты», а также строевого леса и других бразильских товаров. Он писал в эпоху наивысшего расцвета бразильской торговли. После 1760 г. в колониальном экспорте наступил спад в связи с падением добычи золота и ряда других причин, о которых мы уже писали. Последствия этого, до некоторой степени, были снивелированы резким увеличением торговли с регионами Мараньян-Пара и Пернамбуку-Параиба, импульс к развитию которой дали компании-монополисты Помбала. Первая компания имела в 1759 г. флот из 13 кораблей, в 1768 г. – 26, в 1774 г. – 32. У второй в 1763 г. было 31 судно, в 1776 г. их число упало до 17. Последствия ликвидации этих двух компаний между 1778–1788 гг. были компенсированы, в свою очередь, улучшением положения в морской торговле Рио-де-Жанейро и Баии после 1780 г. К 1796 г. город Спасителя на берегу залива Всех Святых вновь стал портом с самым большим товарооборотом в колониальном мире Португалии. Свои позиции он удерживал вплоть до прибытия в Рио принца-регента вместе с двором.

Глава 10

Патронат короны и католические миссии

Солдат-хронист Диогу де Коту, который провел всю свою сознательную жизнь в Индии и прекрасно знал то, о чем писал, рассказывает в шестой книге своих трудов *Decada* (1612): «Короли Португалии в своих завоевательных походах на Восток всегда имели своей целью объединить две власти – духовную и светскую, чтобы ни одна из них не могла существовать без другой». Францисканский монах хронист Паулу да Триндаде писал, находясь в Гоа, в своей книге *Conquista Espiritual do Oriente* («Духовное завоевание Востока»): «Два меча – власти государственной и церковной – всегда были вместе в завоевании Востока, мы редко видим, чтобы один применялся без другого; оружие вступает в дело тогда, когда такое право дает ему проповедь Евангелия, и эта проповедь только тогда приводит к результату, когда ей сопутствует и ее защищает оружие». Пример такого неразрывного союза креста и короны дает *Padroado Real* – королевский патронат над церковью в заморских владениях Португалии. Это было одно из самых ревниво охраняемых и упорно отстаиваемых исключительных прав португальской монархии, и на протяжении всего длительного и бурного времени борьбы за души людей это право было причиной ожесточенных споров между португальскими миссионерами и миссионерами других католических держав.

Португальскому понятию *Padroado* можно дать широкое определение: это сочетание прав, привилегий и обязанностей, дарованных папой португальскому монарху как покровителю римско-католических миссий и церковных учреждений на обширных территориях Африки, Азии и в Бразилии. Эти права и обязанности вытекали из текста папских булл и посланий, начиная с буллы *Inter caetera* 1456 г., принадлежащей Калликсту III, и заканчивая буллой *Praeelsae devotionis* 1514 г. Португальский *Padroado Real* на территориях за пределами Европы уже давно обладал теми же правами и обязанностями, что и *Patronato Real* испанской короны, которые были предусмотрены соответствующими папскими буллами и посланиями к «католическим королям» в период между 1493 и 1512 гг. Александр VI Борджа и другие папы эпохи Возрождения, вовлеченные в европейскую политику, перед лицом поднимавшегося протестантизма и турецкой угрозы в Средиземноморье не озадачивали себя вопросами христианского просвещения новых земель, открытых португальцами и испанцами. Викарии Христа не видели вреда в том, чтобы позволить монархам Пиренейского полуострова нести основное бремя расходов на строительство церквей, содержание церковной иерархии и на поддержку миссионеров, отправлявшихся для проповеди христианства к язычникам. В обмен на это правителям были дарованы широкие привилегии на поставление епископов на вакантные (или недавно основанные) кафедры в колониях, сбор церковной десятины и отдельных церковных налогов.

Что касается Португалии, многие из этих церковных привилегий первоначально были дарованы ордену Христа, которому (в 1455–1456 гг.) была передана духовная юрисдикция над «землями и островами», уже открытыми португальцами или которые будут ими открыты в будущем. Этот духовно-рыцарский орден, наследник ордена тамплиеров, основал король Диниш в 1319 г. Со времени инфанта дона Энрике (Генриха Мореплавателя) главой ордена (Великим магистром и администратором) всегда становился только член королевского семейства. В декабре 1551 г., согласно папской булле *Praeclara charissimi*, этот орден, как и два других португальских военных ордена – Сантьяго и Ависский, – находились под управлением короля. Будучи одновременно королями Португалии и Великими магистрами ордена Христа, Мануэл I и его преемники имели право патроната над всеми церковными постами, бенефициями и приходами в заморских владениях. Этот патронат должен был охватить и те земли, которые еще только предстояло открыть в будущем, но которые уже были поделены между Португалией и

Кастилией в 1494 г. согласно условиям договора в Тордесильясе. На землях Padroado, простиравшихся в середине XVI в. от Бразилии до Японии, ни один епископ не мог быть назначен на существующую кафедру и ни одна кафедра не могла быть учреждена без позволения португальского короля. И ни один миссионер не мог быть отправлен на новые земли без разрешения португальской короны, а если ему на это давалось позволение, то он мог отплыть только на португальском корабле.

Некоторые сторонники системы патроната уверяли, что король Португалии был своего рода папским легатом, а его церковное законодательство имело силу канонических указов. Помбал, зашедший столь далеко в своем регализме, заявил в 1774 г. недавно назначенному архиепископу Гоа, что португальский король уже в силу своего положения как верховный глава ордена Христа является «духовным прелатом» и облечен законной властью, «которая превосходит власть всех епархиальных епископов и ординариев вышеупомянутых церквей на Востоке». Даже на этом примере видно, что короли Португалии поступали так, как если бы представители клира и епископы были, во многих отношениях, простыми государственными служащими, подобно вице-королям и губернаторам. Короли отдавали им распоряжения, не обращаясь за одобрением к Риму, контролировали их деятельность и часто занимались законотворчеством в церковных делах. Они проводили ту же политику в отношении действовавших на территории Padroado провинциалов или глав религиозных орденов и даже, при случае, отдельных миссионеров и приходских священников. Они отказывались признавать законность любых папских посланий, булл и постановлений, имевших отношение к сфере интересов патроната, которые не были одобрены португальским монархом и не приняты в королевской канцелярии с пометой *Regium Placet* («Король согласен»). Десятина, собираемая короной, предназначалась для содержания миссий и церковных учреждений в заморских владениях. Часто ее средств не хватало для этих целей, и тогда из основных фондов королевского казначейства выделялись дотации, пенсии и производились другие выплаты. Хотя, как уже говорилось, королевские субсидии были «нерегулярные, запоздалые или так и не выплачивались никогда». С другой стороны, королевская администрация иногда использовала значительную часть десятины для покрытия дефицита в генеральной администрации, как это практиковалось в золотодобывающих районах Минас-Жерайс в XVIII в.

Короли Португалии, будь то представители Ависской династии, испанских Габсбургов (1580–1640) или династии Браганса, упорно защищали свои, без сомнения, обширнейшие привилегии, которые давал им патронат. Но одновременно они помнили об обязанностях, которые из этого вытекали. Не было также недостатка в прелатах и миссионерах, которые были готовы напомнить правящему монарху о его долге перед миссиями. Убеждение в том, что Португалия была нацией миссионеров, которая в своем миссионерстве шла впереди всех других стран западного мира и была истинным *Alferes da Fe*, то есть «знаменосцем веры», как гордо называл ее поэт и драматург Жил Висент (Висенти), было широко распространено среди всех классов общества. Эту мысль выразил Антониу Виейра в письме из миссии в Мараньяне к молодому королю Афонсу VI в апреле 1657 г.: «Цель других королевств христианского мира – это защита своих вассалов с тем, чтобы достичь временного счастья в этой жизни и вечного блаженства в будущей. А королевство Португалия, кроме этой цели, общей для всех, имеет свою особенную – проповедь и распространение католической веры в языческих землях, ради чего Господь и призвал ее в этот мир. И чем настойчивее Португалия стремится к этой цели, тем больше появляется уверенности в ее дальнейшем существовании; и чем больше она отклоняется от нее, тем более опасным и сомнительным становится ее будущее».

Это письмо, вероятно, не могло впечатлить 14-летнего безграмотного паралитика, недавно вступившего на трон. Однако, за исключением этого несчастного монарха, все другие правители относились к своим миссионерским обязанностям вполне серьезно. Конечно, они не могли согласиться с мнением епископа Кочина, который заметил о миссии на Цейлоне

около 1606 г., «что это я, а не король, несу ответственность за нее в час смерти и на Страшном суде». Бесчисленные королевские депеши, приходившие вице-королям, губернаторам и епископам, начинались следующей фразой: «Ввиду того что первая и основная обязанность королей Португалии – это способствовать делу обращения в христианство всеми средствами, имеющимися в их власти...» Если иногда ее рассматривали как чисто формальный оборот речи, то гораздо чаще она выражала искренние намерения. Вице-короли, губернаторы и административные учреждения, такие как муниципальный совет Гоа, нечасто жаловались на то, что король тратит слишком много местных ограниченных средств на церковь и миссии, даже во время войны или острого экономического кризиса.

Следует признать, что монархи из Ависской династии не торопились создавать эффективную церковную иерархию в колониях. Первые португальские открытия в Африке и Азии пришлось на то время, когда властью в церкви обладал орден Христа (с резиденцией в Томаре), пока в 1514 г. не была учреждена епископия в Фуншале на Мадейре. Несмотря на удаленность этого острова в Атлантическом океане от мест активной миссионерской деятельности португальцев в Азии, менее чем через 20 лет был образован самостоятельный диоцез в Гоа, юрисдикция которого распространялась на земли, протянувшиеся от мыса Доброй Надежды до Китая. Только в 1557 г. в Гоа появился архидиоцез, в который вошли епархии Кочина и Малакки, а затем (в 1575 г.) и Макао. Подобная медлительность является резким контрастом быстрому развитию Patronato Real в Испанской Америке, где на Антильских островах еще до 1515 г. уже полностью сложилась церковная иерархия, а в 1548 г. в Мехико был уже архидиоцез. Как уже говорилось ранее, настоящее бурное развитие португальских миссий в Азии начинается с прибытия иезуитов, которые были самыми доблестными представителями и поборниками интересов Padroado на протяжении следующих двух столетий.

Первый вызов патронату был брошен испанскими миссионерами-монахами на Филиппинах, где они появились в 1565 г. Многие из братьев рассматривали эти острова как стартовую площадку для начала более важной миссионерской деятельности в Китае и Японии, где с 1549 г. вели проповедь исключительно португальские иезуиты. Испанские миссионеры нищенствующих орденов впервые попытались нарушить эту монополию в последней четверти XVI в., но прошло еще много лет, прежде чем они получили окончательное согласие Мадрида и Рима. Король Испании Филипп II (португальский король Филипп I) отдавал себе отчет в сомнительной лояльности своих новых подданных и в общем и целом согласился с мнением португальских советников, что две империи Дальнего Востока должны стать полем деятельности только иезуитских миссионеров португальского патроната. Его преемник Филипп III (или, вернее, герцог Дерма, правивший от его имени) был не намерен потворствовать португальцам; он был готов прислушаться к настойчивым требованиям своих соотечественников. В 1608 г. с согласия иберийских монархий папа Павел V аннулировал португальскую монополию на миссионерскую проповедь в Азии, тем самым предоставив испанским нищенствующим орденам возможность отправиться туда, куда ходили португальские корабли. В 1633 г. подобное разрешение было дано другим монашеским орденам, а в 1637 г. – обычным священникам. Все эти меры просто узаконили то, что давно происходило на практике.

Одним из самых сильных аргументов испанских монахов в критике монополии португальцев и иезуитов на миссию на Дальнем Востоке был тот факт, что, как бы ни хотелось этого, ни Португальское королевство, ни Общество Иисуса не могли дать необходимое количество проповедников для спасения душ язычников. Иезуит Нину да Кунья, неофициальный посланник Жуана IV в Риме, сообщал королю в 1648 г. о своей беседе с папой Иннокентием X. Его святейшество «утверждал, что на завоеванные Португалией земли не обращали никакого внимания и что только в Конго требовалось прислать 60 миссионеров. Нужда в миссионерах в Индии и других завоеванных странах столь велика, что, по самым надежным сведениям, даже если по приказу Его Величества туда направили бы всех португальских монахов, потребность

в миссионерах все равно будет удовлетворена в наименьшей степени. Он добавил, что, даже если я и попытаюсь оспорить это утверждение, мне придется оспорить самоочевидную истину. Это лишь докажет, что я не озабочен сутью дела и не понимаю, что патронат над завоеванными землями был установлен только ради спасения человеческих душ».

Папа Иннокентий X продолжал утверждать, подобно трем своим непосредственным предшественникам, что монополия Португалии на миссионерскую деятельность была неэффективна и изжила себя и что другим европейским странам надо разрешить отправить своих миссионеров в Америку и Азию, не допуская вмешательства португальцев.

Довольно равнодушное отношение большинства пап эпохи Возрождения к заморским миссиям нисколько не разделялось их преемниками в XVII в. Урбан VIII (1623–1644), в частности, был горячим сторонником дела миссии. К этому времени папы поняли, что обширные привилегии, которыми они так щедро одарили португальский и испанский патронаты, во многом причиняли одни неудобства и подрывали папский авторитет. Папы ничего не могли поделаться с Испанской империей в Африке, в которой короли Испании твердо проводили политику своего патроната вплоть до возникновения движения независимости в начале XIX в., подобно тому как это делали короли Португалии, представители Габсбургов или из дома Браганса в Бразилии. Но положение португальцев в Африке и Азии стало более уязвимым после того, как голландцы и англичане покончили с их монополией на море. Тем самым папство в XVII и XVIII вв. на этих двух континентах смогло лишить португальский патронат ряда прав, а другие значительно ограничить. Урбан VIII и его преемники оправдывали свои действия не только неспособностью Португалии обеспечить миссии достаточным персоналом, но и другой, более специфической причиной. Именно тем, что дарованные первоначальные привилегии для проведения миссии касались только тех земель, которые имели эффективное португальское управление, но они не действовали в независимых азиатских и африканских королевствах.

Португальская гордость и патриотизм категорически отторгали подобное папское отношение, и монархи из династии Браганса всячески сопротивлялись этому и упорно защищали права своего патроната. Король Жуан IV достаточно корректно утверждал, что португальская монархия никогда не пыталась препятствовать туземцам-миссионерам в осуществлении своей миссии в рамках португальского патроната. Требовалось исполнить лишь некоторые условия – иметь на это разрешение португальского короля, отправляться в плавание на португальских кораблях и подчиняться португальскому правительству в лице их провинциальных чиновников и начальников религиозных общин (что касалось и миссионеров-португальцев). Это было вполне справедливо, стоило только вспомнить наиболее известных деятелей в истории португальской миссии, таких как Ксаверий, Валиньяно и Риччи на Востоке, Аншиета и Меаде в Бразилии. Португальские монархи настаивали, что окончательный выбор миссионеров должен быть их прерогативой, а не Рима. Они заявляли, что могут отказать тем кандидатам, которых найдут не подходящими для проведения миссии или потенциально нелояльными, например испанцев, а при случае итальянцев, фламандцев и других, которые пришли из стран, находившихся под контролем испанской короны во время Войны за независимость Португалии 1640–1668 гг. Равным образом можно понять и то, что папство не собиралось соблюдать вполне обоснованные, но угрожавшие его влиянию требования со стороны португальского патроната, и настаивало на посылке миссионеров по собственному выбору в те области Африки и Азии, которые не находились под португальским владычеством.

Возраставший контроль папы за миссиями осуществлялся в первую очередь через Священную Конгрегацию пропаганды веры, основанную в Риме в 1622 г., и также посредством учреждения различных французских и итальянских миссий в Африке и на Востоке. Первый секретарь этой конгрегации итальянский священник Франческо Инголи, который занимал этот ключевой пост в течение 27 лет, был настроен против португальцев и резко критически отзывался об иезуитах. Он положил много времени и трудов, изучая донесения об условиях работы

миссий португальского патроната, всецело полагаясь на сведения, полученные от христианина из Гоа, в прошлом брахмана, Матеуша ди Каштру. Среди многочисленных грехов деяния и недеяния, в которых Инголи обвинял португальский патронат и его приверженцев, были право короля назначать служителей церкви; уравнивание в правах королевских указов и папских посланий; выделение недостаточных средств на содержание церквей; существование вакантных епископских кафедр; нежелание епископов поставлять в священники уроженцев Азии, даже когда последние имели для этого все предпосылки и необходимое образование, как, например, брахманы из Гоа; насильственное крещение язычников; отказ иезуитов сотрудничать с другими монашескими орденами и вытекавшие из этого факта случаи давления на новообращенных. Некоторые епископии в патронате были настолько обширными, что епископы не могли в полной мере выполнять свои духовные обязанности, даже если и прилагали к этому усилия. И последнее, но не менее важное критическое замечание, высказанное в адрес португальцев, – это то, что они уделяли повышенное внимание внешним церковным обрядам и церемониям, но пренебрегали духовным развитием каждого члена церкви.

Некоторые критические утверждения были явным преувеличением (Матеуш ди Каштру совсем не был беспристрастным свидетелем), другие несправедливы (Рим отказывался признавать независимость Португалии и посвящать в епископы португальцев между 1640 и 1668 гг.), но несколько замечаний были действительно верны. Более того, они подкреплялись подобной информацией из других источников, таких как свидетельство Антонио Альбергати, папского сборщика налогов в Лиссабоне в 1623 г. Он уверял, что жестокое и аморальное поведение португальцев в Африке и Азии являлось большим препятствием в деле обращения в христианство. По его словам, португальские священники, как приходские, так и из среды монахов, обладали невысоким интеллектуальным уровнем, хотя это не касалось иезуитов, и больше беспокоились о своих меркантильных интересах, чем о деле миссии. Он высказал мысль, что единственное средство покончить с этим достойным сожаления положением вещей – это начать подбирать миссионеров другой национальности, не португальцев, и отправлять их в Азию по суше через Сирию и Персию (Иран). Его предложение было принято не сразу, но во второй четверти XVII в. под его влиянием в Риме сформировалось критическое отношение к португальскому патронату, особенно его структурам в Азии, и не только среди кардиналов Конгрегации пропаганды веры. В 1658 г. с ее одобрения и благословения папы в Азию отправились первые апостолические священники, члены нового миссионерского общества Франции *Societe des Missions Etrangeres de Paris* (Общество иностранных миссий Парижа). Вслед за ними отправились многие другие миссионеры, в основном французы и итальянцы, которые подчинялись только Святому престолу и совершенно не зависели от португальского патроната. Самые первые апостолические священники становились титулярными епископами *in patribus infidelium* (в стране неверных), и одной из их основных задач было формирование местного клира на территориях, которые не были заняты португальцами.

Король Жуан IV, не прошло и года со дня его восшествия на престол, выслал распоряжение в Гоа вице-королю и архиепископу, запрещающее принимать миссионеров, которые находились под покровительством Конгрегации пропаганды веры, но лишь только тех из них, кто приезжал в азиатские колонии через Лиссабон и с разрешением короля. Любой миссионер, не имевший при себе документов с пометой *Regium placet* и оказавшийся на португальской территории, должен был быть арестован и депортирован в Лиссабон с первым же отправлявшимся в столицу кораблем. При этом предписывалось уважительно относиться к миссионеру из-за его сана. На протяжении следующих 50 лет приходили подтверждения этому приказу, но строгость его исполнения зависела от обстоятельств. Отец Антониу Виейра с одобрением отнесся к поступку своего приятеля графа Сан-Висенти, вице-короля Индии в 1666–1668 гг., который незадолго до своей смерти написал письмо кардиналу Орсини в Рим. В нем он официально заявил, что «если в Индию приедут епископы без согласия короля Португалии, то они будут

прилюдно повешены в Гоа, даже если потом конгрегация объявит их мучениками. И пусть ни Его Святейшество, ни конгрегация не думает, что эти миссионеры смогут убежать, потому что у него много солдат и военных судов». Два прелата в итоге были высланы в Лиссабон в 1652 г., но, с другой стороны, португальцы в Гоа в 1664 и 1684 гг. предоставили убежище нескольким апостольским викариям, которых преследовали мусульманские и индуистские правители на континенте.

Несмотря на эти и некоторые другие проявления христианского милосердия, отношения между представителями португальского патроната и конгрегацией оставались напряженными на протяжении столетий. Брат Жасинту ди Деуш, капуцинский монах в Макао и хронист своего ордена в Гоа, сообщал в 1671 г. принцу-регенту дону Педру, что апостольские викарии не обратили в христианскую веру ни одного человека. «То, о чем они сообщают в опубликованных в Европе книгах, одни измышления. Посеянный и собранный урожай – дело рук португальцев. И только португальцы способны на это». Эта ультранационалистическая нота звучит в большей части переписки мирян и священников того времени. Монархия последовательно поддерживала свою политику *Jus Patronatus* (право патроната), которая в ее мнении всегда была ее законным правом, которого, выражаясь словами папского документа 1588 г., «никто не мог у нее отнять, даже Святой престол, без согласия на то короля Португалии». Столетие спустя времена изменились и для Рима, и в не меньшей мере для Лиссабона. Папский престол заявил, что все привилегии, предоставленные им ранее португальской монархии, не могут рассматриваться в отношениях между ними как двусторонний контракт и что право патроната не означает полного отказа церкви от своего высшего и естественного права. Святой престол под давлением обстоятельств мог изменять, отменять или возвращать прежние привилегии патроната, если высшие интересы и благо верующих требуют таких действий. Дальнейшее противостояние было долгим и ожесточенным, и финальная его стадия развертывается в наши дни. В нашей книге могут быть отражены только несколько основных его событий.

В Японии, которая стала местом первых конфликтов и где соперничество между иезуитами и монашеской братией стало чрезвычайно острым, безжалостное преследование христиан в правление сёгунов Токугава, начиная с 1614 г., привело к закрытию миссий. Все монашеские ордена были вовлечены в эту катастрофу, и их мученики состязались теперь в преданности своей вере на кострах. В Китае положение осложнилось из-за возникшей проблемы «китайских обрядов», которая привела к длительным раздорам в миссионерской церкви, продолжавшимся с 1650 до 1742 г. Эта проблема отразилась в бурных догматических спорах между иезуитами и янсенистами в Европе о благодати и свободной воле, в которые оказались вовлеченными наиболее известные литераторы того времени, такие как Арно, Бейль, Лейбниц и Вольтер. В основе китайского общества лежала семья; в основе всех ценностей было почитание предков и ритуальные жертвоприношения в их честь. Наряду с этим существовал государственный культ Конфуция, который также предполагал проведение различных церемониальных обрядов с зажиганием свеч и воскурением благовоний. Все эти воззрения, вместе взятые, представляли собой краеугольный камень системы власти императора и образованного класса чиновников. Пренебрегать всеми этими ритуалами считалось непростительным, как в общественных делах, так и в политике. В то время как исповедание обеих «народных» религий – буддизма и даосизма – было делом личным.

Маттео Риччи, известный основатель иезуитской миссии в Пекине, изучив классические труды китайских ученых, пришел к убеждению, что обряды китайцев «определенно не были идолопоклонническими и, возможно, даже далеки от суеверия». Он рассматривал их как гражданские в основе своей обряды, которые могут с течением времени перейти в католическую практику. Не все иезуиты-миссионеры были согласны с ним, но значительная их часть поддержала его, и подобное компромиссное отношение к обрядам стало и долгое время оставалось точкой зрения иезуитов. Испанские миссионеры на Филиппинах, сначала доминиканцы и

францисканцы, а затем и присоединившиеся к ним в 1680-х гг. августинцы, в основном придерживались противоположных взглядов. Монахи смотрели на эти обряды как на чистое суеверие и запрещали новообращенным христианам участвовать в них, хотя некоторые из братьев впоследствии изменили к ним свое отношение. Эти спорные вопросы и сопутствовавшие им проблемы, такие, например, как наиболее точно передать понятие «Бог» на китайском языке, неоднократно передавались в Рим для принятия окончательного решения. После целого ряда деклараций, в которых отразилась вся нерешительность и непоследовательность взглядов Рима, если не их спорность, папство осудило обряды как идолопоклоннические в указе *Ex illa die*, опубликованном в 1715 г. Иезуиты под тем или иным предлогом уклонялись от выполнения этого указа, так что борьба между миссионерами продолжалась по следующим направлениям. Португальские иезуиты и их итальянские коллеги поддерживали и заявления своего патроната, и взгляды Риччи на сущность обрядов. Иезуиты французской миссии (патроном которой был Людовик XIV), прибывшие в 1688 г., терпимо относились к китайским обрядам, но были оппонентами португальского патроната. Испанские монахи-миссионеры и апостольские викарии, посланные Конгрегацией пропаганды веры, выступали и против обрядов, и против португальского патроната. Ситуация разрешилась, когда в 1742 г. был опубликован папский указ *Ex quo singulari*. Все нынешние и будущие миссионеры должны были дать клятву, что они не потерпят осуществления обрядов ни под каким видом и ни под каким предлогом.

В 1717 г. папа Климент XI официально признал три китайские епископии с резиденциями в Пекине, Нанкине и Макао, уже находившиеся в сфере действия португальского патроната. К тому же он дал туманные обещания создать еще три на тех же условиях. Официальная *Gazeta de Lisboa* с ликованием сообщала, что король Жуан V вновь восстановлен в правах «деспотического правителя миссий Востока», но эта радость оказалась преждевременной. Апостольских викариев продолжали назначать без согласования с Лиссабоном, а португальские прелаты в Азии постепенно встали на сторону Ватикана. Когда в 1719 г. вице-король граф Эрисейра обратился с просьбой к архиепископу Гоа опубликовать пасторское послание о толерантном отношении к китайским обрядам, тот ответил: «Опыт показывает, что все предыдущие расхождения между монархами и понтификами рано или поздно дружески разрешались, но те прелаты и церковные сановники, которые прямо или косвенно осмеливались выступать против решений Рима, вызывали явное неудовольствие Ватикана». Архиепископ добавил, что он давал клятву выполнять указ *Ex illa die*, полученный непосредственно от нунция в Лиссабоне, и что он считает, что инструкции папы для него важнее, чем привилегии португальской короны. Вице-король не скрывал своего возмущения тем, что он назвал непатриотическим отношением архиепископа, и он написал португальским иезуитам в Пекин, призывая их стоять твердо в защите патроната и китайских обрядов. Они действительно продолжали это делать, пока их не вынудили признать ошибочность китайских обрядов в 1744 г., но они все так же поддерживали патронат, пока Помбал в 1759–1760 гг. не отменил Общество Португальской империи.

Этим действием Помбал не только уничтожил фундамент патроната, горячим сторонником которого он был в не меньшей степени, чем иезуиты, но он нанес почти фатальный удар по католическим миссиям в Азии, многие из которых уже клонились к упадку. Между тем споры об обрядах привели к тому, что толерантный до сих пор китайский император Канси (р. 1654, правил в 1662–1722 гг.) начал угрожать запретом пропаганды христианства в Китае по причинам, о которых он упомянул в комментариях к переводу *Ex illa die* на китайский язык.

«После того как я прочитал этот указ, единственный вывод, который я сделал из него, – это то, что европейцы недалекие люди. Как они могут рассуждать о китайских моральных принципах, когда они ничего не знают о китайских обычаях и не знают языка, который поможет их понять? Большинство из того, о чем они говорят и что обсуждают, просто смешно. Сегодня я встретался с папским легатом и познакомился с его указом. Его действительно можно уподо-

бить невежественному буддисту или последователю даоизма. Невозможно представить большей нелепости, чем эти слухи. Отсюда следует, что европейцы не должны проповедовать в Китае. Это следует запретить, чтобы избежать нежелательных последствий».

Несмотря на то что император в итоге не осуществил свою угрозу запретить все миссии в провинциях, отныне их деятельность была значительно затруднена. Иезуитов при пекинском дворе оставили в покое, поскольку они обладали знаниями в области математики и астрономии и разбирались в технике. Те из них, кто работали в провинции, время от времени подвергались преследованиям, но если они не проявляли излишней активности, власти обычно оставляли их и паству в покое. Последняя пополнялась почти полностью из самых бедных слоев населения. С тех пор как в 1742 г. окончательно осудили обряды, стало невозможным обращение в христианство мандаринов и чиновников, хотя испанские доминиканцы и сообщали о нескольких таких новообращенных христианах в Фуцзяне.

Еще одним негативным фактором для церкви в Китае в XVIII в. была постоянная задержка португальской казной жалованья епископам. «Великодушный» король Жуан V приказал оплачивать расходы на содержание епископов из казны владений Португальской Азии. Вследствие нескончаемой войны с арабами Омана, маратхами и другими врагами, в Гоа и Макао средств для полной выплаты жалованья епископам никогда не хватало, а некоторые из них не получали его в течение 10–20 лет. Всего лишь небольшой части денежных средств, щедро выделяемых королем Жуаном V на строительство дворцового монастыря в Мафре и на Лиссабонский патриархат, хватило бы на выплату жалованья всех епископов патроната, но этот монарх, страдавший манией величия, никогда не мог заставить себя экономить.

Национализм, который был причиной ожесточенного соперничества между различными европейскими миссиями в Китае, конечно, был присущ не только португальцам, хотя они отличались им в наибольшей степени. Французские иезуиты под покровительством Людовика XIV активно отстаивали интересы Франции, и они явно недолюбливали своих лузитанских коллег. Отец Жан де Фонтене, накануне своего возвращения во Францию с целью пополнить новыми добровольцами свою миссию, сказал испанцу-августинцу в Кантоне в 1699 г., «что он не успокоится до тех пор, пока не прогонит прочь всех португальских священников; и, чтобы добиться этого, он привезет с собой столько иезуитов-французов, сколько сможет». Этот августинец брат Мигель Рубио также заявил, что 34 испанских монаха – францисканцы, доминиканцы и августинцы, которые служили в то время в Китае, – никогда не подчинятся «любому епископу другого короля». Он добавил, что даже если братья и намереваются это сделать, то их начальство в Маниле никогда не позволит им этого. Да и король Испании не потерпит такого нарушения правил испанского патроната, «поскольку мы все прибыли на Филиппины на средства королевской казны, заплатившей за наш приезд сюда и теперь оплачивающей наше здесь пребывание».

Тесная связь между духовной и светской властью в Европе не осталась незамеченной при дворе императора в Пекине. Особенно возмутительной была позиция Макао, штаб-квартиры церкви воинствующей в Восточной Азии и «тройного коня» в деле обращения местного населения в христианство. «Из этой королевской крепости, – восторженно писал португальский иезуит в 1650 г., – исходит на протяжении почти всего года проповедь Евангелия, и ведется война против окружившего нас язычества, и вздымается королевское знамя святого креста над высочайшими и мощнейшими бастионами идолопоклонничества, и перед Христом распятым и благим игом Его святого закона склоняются самые гордые и великие королевства и империи». В Макао, как это делалось в Европе, были возведены надежные укрепления после неудачного для голландцев приступа в 1622 г., и многие китайские чиновники были склонны считать это поселение не только религиозным и торговым центром, но и также военным и политическим плацдармом европейской экспансии.

Иезуитам в Пекине требовалось все их влияние и такт, чтобы пресечь периодические попытки чиновников-ксенофобов, сторонников учения Конфуция, побудить императора снести христианский город, расположенный на земле Китая, или, по крайней мере, заставить жителей его покинуть.

Император Юнчжэн (правил в 1723–1735 г.), взойшедший на Трон дракона в 1723 г., не был столь расположен к иезуитам, как его просвещенный отец, и он в еще большей мере осознавал потенциальную угрозу установившемуся конфуцианскому порядку со стороны христианства как религии. Однажды обсуждая сложившуюся ситуацию с одним из иезуитов в Пекине, он провидчески предсказал будущую «политику канонеров», которая в XIX в. поддерживала все усилия европейских миссионеров.

«Вы говорите, что ваш закон – правильный закон. Я вам верю. Если бы я думал, что он неправильный, что помешало бы мне разрушить ваши храмы и выгнать вас из них? Что бы вы сказали, если бы я послал армию буддистских монахов и лам в вашу страну и они учили бы вас своей вере? Вы хотите, чтобы все китайцы стали христианами. Ваш закон требует этого, я знаю. Но что в таком случае произойдет с нами? Станем ли мы подданными вашего короля? Новообращенные вами христиане признают только вас во время смуты. Они не будут слушать никого, кроме вас. Я знаю, что в настоящий момент опасаться нечего. Но когда приплывут ваши тысячи кораблей, могут начаться настоящие беспорядки... Император Канси, мой отец, много потерял в мнении ученых мужей из-за своей снисходительности, когда он позволил вам утвердиться здесь. Заветы наших древних мудрецов не подлежат пересмотру, и я не позволю, чтобы это произошло в мое царствование».

Когда имелось столь много препятствий, причем некоторые из них были делом рук самих европейцев, распространению учения Христа в Китае, удивительно, что миссионеры достигли таких больших успехов. Отсутствуют надежные данные о количестве новообращенных, а сеятели благой вести обычно его преувеличивают, но общее число едва ли превышает 300 тысяч человек во время наивысшей мощи патроната в начале XVIII в. Эта цифра впечатляет, если рассматривать ее относительно малого количества миссионеров в Китае (около 120); но это крайне небольшой показатель в отношении к общему населению империи, которое приблизилось тогда к 100 миллионам³². Количество новообращенных резко сократилось во второй половине XVIII в., особенно после изгнания иезуитов, и едва ли римокатоликов насчитывалось больше 50 тысяч к 1800 г.

В Индокитае и Сиаме (Таиланде) миссионеры португальского патроната также вели упорную, но обреченную на поражение борьбу против посягательств апостолических викариев и миссионеров посланцев «короля-солнца» (Людовика XIV) Франции, которые считали себя значительно лучше подготовленными и образованными, чем миссионеры «короля-бакалейщика» Португалии. Постоянные споры по поводу церковной юрисдикции между двумя сторонами были разрешены в пользу вновь прибывших в послании папы Климента X в 1673 г., направленном архиепископу Гоа, который на практике выводил из-под юрисдикции патроната все территории, которые в то время не находились под управлением королевской администрации (*extra dominium temporale regni Portugalliae*). Португальские миссионеры из Макао, которые основали процветающие миссии в Тонкине и Кохинхине (Северный и Южный Вьетнам), продержались до 1696 г. Позже к ним присоединились испанцы (из Манилы) и итальянцы. Но первыми здесь были французы во главе с монахом-иезуитом по имени Александр де Род, который сыграл большую роль в пропаганде христианства во Вьетнаме и адаптации его к культуре и обычаям местного общества. Это было нечто подобное тому, чем занимался Маттео Риччи в Китае. За два века миссионерам удалось сформировать местное священство и создать христианскую

³² К концу XVIII в. население Китая достигло 300 млн человек, увеличившись в течение века в три раза.

общину, которая в некоторой степени была наиболее сильной и влиятельной в Азии. Последствия этого, не всегда положительные, прослеживаются вплоть до наших дней.

Когда португальские власти и священники в 1656–1658 гг. были изгнаны с Цейлона, голландцы начали преследовать новообращенных католиков во внутренних равнинных и приморских областях острова. Католические общины были спасены от грозившего им уничтожения благодаря усилиям, которые приложил для этого ораторианец Жозе Ваш из миссии в Гоа, прибывший на Цейлон в 1687 г. и умерший там в 1711 г. Обосновавшись во внутренних горных районах буддистского государства Канди, он и его последователи стали духовными наставниками и возглавили сопротивление местных жителей господству кальвинистов, своих основных гонителей. Будучи по происхождению индийскими браминами, они могли, переодевшись, относительно свободно перемещаться по острову и смогли восстановить связи между католиками Цейлона и их единоверцами на континенте. Движение по возрождению буддизма в Канди во второй половине XVIII в. вынудило местных правителей менее терпимо относиться к католическим миссионерам в их среде, но к тому времени ораторианцы из Гоа уже укрепились в прибрежных провинциях и могли обойтись без столицы Канди в качестве своей базы. Кальвинистская церковь на Цейлоне уже не была больше церковью для прозелитов (неизвестно, насколько таковой она являлась), и местные голландские чиновники не стремились строго выполнять законы, направленные против католицизма. Когда англичане пришли на смену голландцам на Цейлоне в конце XVIII в., они обнаружили действующую католическую общину. Несмотря на то что она не была столь многочисленной, как на пике португальского владычества, когда насчитывалось около 75 тысяч христиан только в тамильском государстве Джафна, на всем острове встречались истинно верующие, чья вера была жива благодаря самоотверженным трудам ораторианцев из Гоа. В 1717 г. Совет по делам заморских территорий сообщал монарху: «Эти миссионеры достигли таких замечательных успехов, что только они и священники компании могут считаться истинными миссионерами в деле обращения в истинную веру жителей Азии».

Церковные власти патроната, управлявшие диоцезом Мелиапур (Маилапур), образованным в 1606 г., в который входил прибрежный район Индии, Бенгалия и Пегу, просуществовали до 1776 г. В этом году французские власти в Пондишери отменили право юрисдикции португальского патроната на французские территории в Индии, и Рим признал это *fait accompli* (свершившимся фактом). Но Калькутта и Мадрас продолжали оставаться под властью патроната вплоть до 1834 г. Район Мадурай на крайнем юго-восточном окончании полуострова Индостан частично был обращен в христианство миссионерами-иезуитами, которых вдохновлял итальянец Роберто де Нобили (ум. 1656). Он терпимо относился к кастовому устройству индийского общества, намереваясь привлечь к истинной вере представителей высших каст. «Малабарские обряды», как их стали называть, неизбежно попали под подозрение как неортодоксальные, подобно китайским обрядам, и после ожесточенных споров (нашедших отражение в европейской литературе) папа Бенедикт XIV осудил их в 1744 г.

Тем временем португальский патронат столкнулся с серьезными проблемами, когда Бомбей оккупировали англичане и португальских священников заподозрили в нелояльности. В мае 1720 г. Ост-Индская компания изгнала этих священников из Бомбея, и им на смену в апостольское викариатство в Дели пришли итальянцы-кармелиты. Португальские власти в Лиссабоне и Гоа постоянно и настойчиво протестовали против явного нарушения прав патроната. Но только спустя почти 70 лет Ост-Индская компания решила пойти навстречу этим требованиям, поскольку у португальцев уже не было больше возможностей повторно овладеть «Провинцией Севера» маратхов. В мае 1789 г. Бомбей вновь перешел в юрисдикцию архиепископа Гоа, но многие местные католики встали на сторону низложенных итальянских кармелитов и вступили в конфликт с католиками – приверженцами португальского патроната, и об этом вскоре стало известно в Лиссабоне, Лондоне и Риме. После длительных сомнений и раздумий

Ост-Индская компания наконец-то решила проблему, по крайней мере на время, приняв соломоново решение, передав два прихода патронату и два – апостолическим викариям.

В XVII и XVIII вв. миссиям патроната в Восточной Африке, казалось, ничто не угрожало, за исключением Абиссинии (Эфиопии), откуда иезуиты были изгнаны (или умерли мучениками) в 1632–1638 гг. С этого времени страна закрыла свои границы для европейцев, как это произошло и в Японии при сёгунах Токугава. На другой стороне Африканского континента короли-христиане старого королевства Конго, где прежде действовала образцовая португальская миссия, в XVII в. настойчиво стали просить папский престол передать их в церковную юрисдикцию непосредственно Рима, выведя их из португальского патроната. Они не были в этом успешны. Власть епископа Луанды (именно сюда в 1676 г. официально была переведена кафедра Сан-Салвадор в Конго), который на расстоянии осуществлял свое управление, полностью прекратила в тот период свое существование вследствие полнейшей анархии, в которую вновь погрузилось королевство банту. Итальянские капуцины, направленные Конгрегацией пропаганды веры для служения в Конго и Анголе, принесли клятву верности патронату в 1649 г. По всеобщему мнению, они были наиболее успешными в своей деятельности на протяжении более века. Но их смертность от тропической лихорадки была невероятно высока. К 1800 г. только двое из них остались в живых, и их столь длительное время процветавшая миссия практически закончила свое существование. Все хорошее, чего они достигли, осталось в наследство тем, ради кого они трудились. Путешественники, посещавшие Африку в середине XIX в., стали свидетелями «любви и преклонения перед этими людьми со стороны всего негритянского населения, сохранившего о них благодарную память». Конгрегация пропаганды веры с 1648 г. по 1730 г. отправляла также испанских и итальянских капуцинов для создания миссий в Бенине, Варри и в Нижней Гвинее (современная Нигерия), вначале просто игнорируя заявления португальского патроната, но затем делая это в сотрудничестве и с согласия португальской монархии. Успех миссий был недолгим, причиной чего отчасти была высокая смертность среди миссионеров, а отчасти и их неумение и даже нежелание глубже познакомиться с религиозными воззрениями тех, кого они собирались обратить в христианство.

Церковная юрисдикция патроната никогда решительно не оспаривалась в Португальской (Верхней) Гвинее или на островах Кабо-Верде (Зеленого Мыса) и еще меньше в Португальской Америке. Насколько был готов король Жуан V, которого рассматривают обычно как наиболее уступчивого требованиям Святого престола, отстаивать свои права патрона Бразилии, показывает его категорический отказ различным монашеским орденам иметь своих представителей в Минас-Жерайсе. Первоначально подобная политика объяснялась тем, что монахи-отступники занимались контрабандой золота в этом золотодобывающем регионе. Решительный отказ, возможно, объяснялся нежеланием короны тратить средства на содержание монастырей и новообращенных в регионе, а возможно, и намерением собрать до последней унции золота церковную десятину. На протяжении всего XVIII в. поступали жалобы на посредственные способности приходского духовенства в Минас-Жерайсе. В наибольшей степени это было виной короны, которая не осуществляла должного обеспечения этих священников из собираемой десятины. И это приводило к тому, что они требовали дополнительные деньги со своих прихожан.

Любой исследователь истории *Padroado* в XVII и XVIII вв. может сделать вывод, что патронат выступал чаще в виде предмета критики, чем горячих похвал сторонних наблюдателей, не важно, кто это были – французские, испанские или итальянские католики или английские и голландские протестанты. На основании всего вышесказанного вполне понятно, что критика была зачастую во многом оправданной. Но верно и то, что, когда патронат стал скорее обузой для церкви, чем ценным приобретением, были и некоторые исключения, как, например, миссии ораторианцев из Гоа на Цейлоне и миссии итальянских капуцинов в Анголе. Это была их заслуга в том, что местный клир в самое тяжелое время сохранил к ним искреннюю преданность. Среди них особо выделяется вьетнамский священник Филип Бинь, или Филипе

ду Росариу. Он родился и был воспитан иезуитами в тонкинской миссии. В 1796 г. вместе с тремя своими соотечественниками он прибыл в Лиссабон просить о присылке миссионеров для просвещения своего народа под началом патроната. Это были времена французской революции и Наполеоновских войн, крайне неподходящий момент для подобной миссии. Он умер в 1833 г., так и не увидев вновь свою родину. Это был последний сторонник патроната в Индокитае; его наследие – рукописи на вьетнамском, португальском и латинском языках, составившие 23 тома, ставшие свидетельством его верности обреченному делу.

В год его смерти в Лиссабоне к власти в Португалии пришел Педро IV, либеральный монарх, противник церкви. Государство было банкротом после трехлетней гражданской войны. Дон Педро и его ближайшие соратники были уверены, что монашеские ордена обладают огромными средствами. Такое предположение не было основано ни на чем, но, несмотря на это, правительство решило конфисковать собственность всех монашеских орденов, и декрет об этом был издан 28 мая 1834 г. Отношения с Ватиканом были разорваны годом ранее и были восстановлены только в 1841 г. Но рассматривать подробно этот вопрос не входит в задачу автора книги. Единственное, о чем я хотел бы сказать особо, – это то, что и либеральная монархия, и пришедшая ей на смену в 1910 г. антиклерикальная республика, независимо от того, относились ли они враждебно или равнодушно к церкви, прилагали всевозможные усилия поддержать исторические претензии патроната, в особенности на Востоке. То же самое можно сказать и о клерикальной диктатуре Салазара, несмотря на то что столь обширные некогда территории патроната в Азии сократились до владений Макао³³ и Португальского Тимора³⁴ и до католических общин Малакки и Сингапура.

³³ До 20 декабря 1999 г. был владением Португалии, после чего вошел в состав Китая (китайское название Аомынь).

³⁴ Восточный (Португальский) Тимор был в 1975 г. оккупирован Индонезией (ее войска устроили там резню, убив до 250 тыс. человек до 1999 г., при общей численности населения тогда 600 тыс. человек). Под давлением ООН в 1999 г. сюда вошли миротворческие войска, в 2002 г. провозглашена независимость.

Глава 11

«Чистота крови» и «нечистые расы»

Нет недостатка в известных современных специалистах, которые уверяют нас, что у португальцев никогда не было достойных упоминания расовых предрассудков. Чего эти специалисты не могут объяснить, так это почему в таком случае португальцы на протяжении столетий придавали такое значение понятию *limpeza* или *pureza de sangue* (чистота крови), которое рассматривалось не с социальной, а с национальной точки зрения, и почему такое определение, как *casas infectas* (нечистые расы), так часто встречается в официальных документах и частной корреспонденции вплоть до последней четверти XVIII в. Констатация реального положения дел, хотя и неосознанная, содержится в высказывании, относящемся к 1923 г., покойного профессора Эдгара Престейджа: «Надо сказать, к чести Португалии, что, оставляя в стороне рабов и евреев, она не делала различий между людьми различных рас и цвета кожи и что все ее подданные, если они становились католиками, имели право занимать государственные посты». Поскольку негры-рабы и евреи составляли, во многих отношениях, важную часть общества в Португальской империи, это признание ученого-историка в значительной степени подрывает распространенное убеждение об отсутствии расовых предрассудков. Исторические факты свидетельствуют о том, что не только криптоюдеи и негры-рабы подвергались дискриминации, но и не все католики могли занимать государственные посты. В реальной жизни ситуация была более сложной, и она менялась в зависимости от времени и места. В теории было одно, а на практике часто складывалось совсем по-другому. Принимая во внимание важную роль Римско-католической церкви в португальском обществе, как в самой стране, так и в колониях, мы можем начать с рассмотрения вопроса о положении местного клира в Португальской Индии.

Мы уж рассказывали, как в 1518 г. конголезец, окончивший обучение в Лиссабоне, стал титулярным епископом в Утике. На протяжении нескольких столетий ни один негр больше не был рукоположен в епископы, но именно в тот же самый год появилось папское послание, в котором королевскому капеллану в Лиссабоне разрешалось рукополагать «эфиопов, индийцев и африканцев» в священники, если у них есть соответствующее образование и они обладают необходимыми моральными качествами. Это был первый шаг к формированию местного клира из индийцев, хотя только в 1541 г. было предпринято серьезное усилие для претворения в жизнь данного проекта. В этом году генеральный викарий Гоа Мигел Ваш убедил местные церковные и гражданские власти выделить средства на основание семинарии Святой веры (*Santa Fe*) для подготовки и обучения восточноафриканской молодежи; не принимали только молодых европейцев и смешанного европейско-азиатского происхождения.

Во главе семинарии встали иезуиты вскоре после их прибытия в Гоа, и она была подчинена их Коллегии Св. Павла. Они дали разрешение на поступление нескольких европейцев и выходцев из европейско-азиатских семей. Однако в основном это учреждение продолжало существовать только с целью подготовки катехизаторов и приходских священников для Азии, которые должны были работать в миссиях от мыса Доброй Надежды до Японии. В 1556 г. в семинарии обучалось 110 учеников, национальный состав ее был таким: 19 португальцев-европейцев; 10 мальчиков, рожденных от родителей-португальцев в Азии; 15 мальчиков евро-азиатского происхождения; 13 «малабарцев», вероятно, это были христиане церкви Св. Фомы; 21 уроженец Гоа, то есть маратхи-конкани; 5 китайцев; 5 бенгальцев; 2 бирманца; 3 банту из Восточной Африки; 1 гуджарати; 1 армянин; 5 «мавров» или бывших мусульман; 6 абиссинцев; 5 мальчиков из султанатов Декана. Поступать можно было с 13 до 15 лет. Учебный план был почти таким же, как в иезуитских коллегиях в Европе; основными предметами были латынь и богословские дисциплины. Но учащиеся должны были заниматься своим родным языком в соответствовавших национальных группах дважды в день, чтобы не забывать

свой язык и бегло говорить на нем. Окончившие семинарию рукополагались в приходские священники (не в монахи), но только в возрасте 25 лет, если они не были европейцами.

Семинария Святой веры, таким образом, была многонациональным учебным учреждением в самом прямом смысле слова; и в таком качестве она была уникальной. Неизбежно среди португальцев в Индии вначале были самые разные мнения о характере и возможностях местных учащихся. Даже некоторые иезуитские миссионеры были настроены скептически в отношении всего эксперимента. Эти критики разделяли широко распространенное мнение, которое нашло потом отражение в афоризме, приписываемом Хилеру Беллоку: «Вера – это Европа, и Европа – это вера». Один из первых ректоров отец Антониу Гомиш утверждал: «Народ этой страны слаб в вере, и без португальских священников мы ничего не достигнем. Португальские миряне не пойдут на исповедь к индийскому священнику или метису, но только к чистокровному португальцу». Св. Франциск Ксаверий, который поддержал и реорганизовал семинарию и иезуитскую Коллегию Св. Павла, не поддерживал идеи, что индийские отпускники должны быть приняты в Общество Иисуса. Он и его последователи надеялись, что индийцы станут хорошими катехизаторами и помощниками приходских священников, которые набирались в основном из среды европейского монашества. Отдельные первые индийские священники, которые были рукоположены францисканцами до прибытия иезуитов, не оправдали возложенных на них надежд. Некоторые из учащихся в Коллегии Св. Павла не смогли окончить курса, поскольку на старших отделениях обучение шло только на латинском языке. Это разочарование в результатах своей деятельности, неудачи которой были неизбежны для первого и второго поколения христиан, наряду с презрительным отношением верующих португальцев к священникам-индийцам и метисам, привело к ужесточению политики всех религиозных орденов, работавших в сфере патроната в восточных странах. Некий иезуит, побывавший с официальным визитом в Гоа, писал генералу Общества Иисуса в Рим в декабре 1568 г.:

«Приобретенный нами опыт привел нас к мысли, что ныне неподходящий момент принимать местных уроженцев в Общество, даже если они и метисы. Настоятели монашеских орденов также пришли к такому же заключению. Со своей стороны я считаю, что если они хорошо обучены и тверды в вере, то некоторые из них вполне могут помочь нам вести службу; и со временем они могут стать вровень с нами, и потому не следует закрывать двери перед любой нацией, ведь Христос, наш Господь, умер за всех нас».

Несмотря на предложение иезуита, только один индеец был рукоположен в священники в Обществе Иисуса до того, как оно было упразднено в 1773 г. Это произошло в 1575 г., и это был индеец из варны браминов, ставший христианином, по имени Перу Луиш. Несмотря на то что он оказался замечательным священником и незадолго до смерти в 1596 г. настоятельно просил о принятии в общество своих соотечественников, четвертый генерал иезуитов Эверард Меркуриан решительно закрыл дверь перед уроженцами Азии и метисами в 1579 г. По рекомендации Алессандро Валиньяно, великого реорганизатора иезуитских миссий в Азии между 1574 и 1606 гг., вскоре было сделано исключение в пользу японца по национальности для посвящения в священники. А затем позволение было дано китайцам, индокитайцам и корейцам. Но Валиньяно был настроен решительно против принятия индийцев в общество и с недоверием относился к метисам: «...потому что смуглолицые представители этой расы очень глупы и порочны и пребывают в плену самых низменных чувств; и португальцы относятся к ним с величайшим презрением, и даже среди населения страны к ним относятся с меньшим уважением, чем к португальцам. Что же касается метисов, то мы можем принять только некоторых, а то и вовсе ни одного. Потому что чем больше у последних местной крови, тем больше они напоминают индийцев и тем меньше их уважают португальцы».

Те же самые аргументы выдвинул почти столетие спустя другой иезуит падре Нуну да Кунья в Риме. Он заявил, что 160-летний опыт проповеди христианства на Востоке показал, что индийцы пригодны только на то, чтобы быть простыми приходскими священниками. Ни

индусы, ни мусульмане не уважали их, в отличие от европейских миссионеров. Индийский клир не снискал того уважения и не обрел того статуса, что давало ему право вести проповедь христианства. Даже когда отцы-ораторианцы в Гоа доказали, что местные уроженцы клирики могут отвечать самым повышенным требованиям, иезуиты продолжали отказывать им в приеме в свое общество, одновременно с похвалой отзываясь о добродетелях отца Жозе Ваши и его соратников.

Раньше или позже, но и другие религиозные ордена, трудившиеся в азиатском отделении патроната, начали следовать примеру иезуитов. Францисканцы, которые в 1589 г. принимали в послушники метисов в Гоа (хотя им и не разрешали это делать их настоятели в Португалии), пятьдесят лет спустя гордились тем фактом, что у них был строгий запрет принимать цветных. В 30-х гг. XVII в. монахами-францисканцами в Гоа, родившимися в Европе, была предпринята решительная попытка помешать креолам (рожденным от белых родителей на Востоке) занимать высшие должности в азиатском филиале ордена. Эта попытка была сорвана креолами, направившими в Рим своего представителя отца Мигела да Purificасао (дословный перевод «очищение»), родившегося неподалеку от Бомбея. Он взял с собой синдика индийца, чтобы показать его святейшему папе разницу между креолом и индийцем. Отец Мигел удачно завершил свою миссию и получил от папы послание, в котором за монахами, рожденными от белых родителей, подтверждалось право занимать высшие должности в ордене. Однако ему удалось достичь этого результата, только преодолев ожесточенное сопротивление со стороны францисканцев – уроженцев Португалии. Прибывшие из Европы монахи утверждали, что креолы в младенчестве были вскормлены индийскими кормилицами и потому кровь их «заражена» до конца жизни. Отец Мигел опроверг этот аргумент, резко возразив, что многие смуглые португальцы, приехавшие в Индию, были в действительности мулатами и квартеронами, «зараженными» негритянской кровью, «хотя они и уверяют, что сильно загорели во время путешествия».

Что касается доминиканцев, то, несмотря на то что они приняли в свой орден брата верховного вождя, или «императора», племенного союза Мономотапа в Замбези, это было одно из немногих исключений, что подтверждают общее правило. Итальянский аристократ и театинец Антонио Ардиционе Спинола, который лично знал в Гоа этого доминиканского монаха из племени банту, впоследствии вспоминал: «Хотя он и примерный священник, ведущий образцовую жизнь, и ежедневно служит мессу, даже сутана не спасает его от косых взглядов, просто потому, что он чернокожий. Если бы я его не увидел, то не поверил бы этому». Ардиционе Спинола был известным критиком расовой сегрегации в португальской церкви и государстве, о чем он говорил в своих проповедях, произнесенных во время его пребывания в Гоа (1639–1648) и которые он поместил в книге, изданной в 1680 г. за свой счет, после возвращения в Европу. Он обвинил португальцев в Индии в том, что в их представлении люди иных рас (в особенности индийцы и африканцы) по праву занимают более низкое положение в обществе в сравнении с белыми. Он утверждал, что португальские священники и прелаты часто отказывают в причастии цветным новообращенным представителям низшего класса общества и неграм-рабам, хотя подобные им случаи дискриминации отсутствовали в самой Португалии.

«Рабовладелец спросит возмущенно: «Должны мои кафры принимать причастие? Избави бог, чтобы я когда-нибудь разрешил им это!» Его жена говорит то же самое: «Должна моя служанка-негритянка принимать Господа? Боже упаси!» И если вы спросите их, почему бы и нет, то первый ответит: «Они недостойны этого, они отъявленные мошенники». Последняя заметит: «Она ведьма и глубоко порочна»».

К тому времени, как португальцы решили способствовать росту рядов индийского белого духовенства, они также поняли, что не смогут покончить с древней системой каст индийцев одним ударом и что они будут вынуждены пойти с ней на компромисс. Не входя в рассмотрение сложных подразделений этой системы с ее закрытыми, наследственными и самовоспроизводя-

щимися группами, каждая со своими характерными чертами, мы можем перечислить четыре главных подразделения. Брамины (или брахманы), или класс священников; кшатрии, или класс воинов; вайшьи, представленные купцами и крестьянами; шудры, или слуги, с «неприкасаемыми» в самом низу социальной пирамиды. Индийские священники набирались, почти всегда, из браминов, или брахманов, после того, как начиная с 1540 г. эти последние массово обращались в христианство в результате политики кнута и пряника, проводимой португальцами. Кандидатов в священники иногда давали кшатрии. Новообращенные брахманы продолжали гордиться своей кастой и национальностью. Они крайне редко брали в жены португалок и никогда не рождались с женщинами из низших слоев индийского общества. Так же и представители низших каст, становившиеся христианами, не теряли глубоко укорененного уважения к брахманам, которые старались изгнать христиан-шудр из своих церквей, и, хотя они не добились этого, шудры продолжали занимать самую заднюю часть храма, как можно дальше от главного алтаря.

Начиная с 1558 г. все больше браминов становились приходскими священниками; сменилось два-три поколения, и они уже открыто возмущались тем, что им постоянно отказывают во вступлении в религиозные ордена и они не могут занимать высоких постов в церкви. Существовали три причины дискриминации индийских священников. Во-первых, португальцы не во всем доверяли им, и потому пограничные приходы в Бардезе и Солсетте были на попечении францисканцев и иезуитов соответственно. Во-вторых, как мы уже видели, большинство португальцев с презрением относились к уроженцам Гоа, считая их слабыми, трусливыми и женственными созданиями. Подобное отношение отражено и в произведениях великого португальского романиста XIX в. Эса де Кейроша. Прозвище *Canarim* первоначально не имело оскорбительного подтекста, но обрело таковой к середине XVII в., его уничижительный смысл сохранился до нашего времени. В-третьих, европейские и креольские орденские священники, или по крайней мере большинство из них, были заинтересованы удержать за собой наиболее доходные места.

Браминское белое духовенство выдвинуло из своей среды выдающегося представителя, защитника своих интересов, Матеуша ди Каштру. Архиепископ Гоа отказался рукоположить его после окончания францисканского коллегия в Рейш-Магуше, и он отправился в Рим, где его взял под свое покровительство Франческо Инголи. Посвященный в 1637 г. в епископа Хризопольского *in partibus infidelium*, он посвятил свой выдающийся полемический талант делу браминского священства, занимая вначале пост апостолического викария в княжестве Биджапур Адил-Шаха, а затем ближайшего советника кардиналов Конгрегации пропаганды веры в Риме, где он умер в преклонном возрасте в 1677 г. Страстные обличения Матеуша ди Каштру колониальных властей Португалии в расовых предрассудках и дискриминации, отчасти явно преувеличенные, во многом помогли убедить конгрегацию Пропаганды веры и Святой престол в том, что создание туземного клира было крайне необходимо в деле распространения христианства в Азии. Папа Иннокентий XI сказал магистру Паллу, епископу Гелиополиса и апостолическому викарию Тонкина, накануне его отъезда на Дальний Восток в 1671 г.: «Нам будет важнее услышать, что вы рукоположили одного местного священника, чем крестили полмиллиона язычников. Иезуиты крестили многих, но результаты их трудов рассеялись как дым, потому что они не рукополагали местных священников». Это было явное (и, вероятно, намеренное) преувеличение, но оно отражало возросшую обеспокоенность Рима тем фактом, что священники испанского и португальского патронатов не проявляли достаточной активности при решении поставленной им задачи – формирование местного клира. В Испанской Маниле этот вопрос был еще более запущен, чем в Португальском Гоа.

Несмотря на демонстрируемый Римом в 1671 г. энтузиазм, прошло не менее сотни лет, прежде чем хоть что-то изменилось в подчиненном положении туземного священства в Португальской Индии. Частично вследствие нехватки миссионеров в Европе, театинцы в Гоа начали

принимать в свой орден индийцев в 1750 г.; но именно маркиз Помбал сделал гораздо больше для отмены церковной дискриминации индийцев, чем папы и Конгрегация пропаганды веры, вместе взятые. Первым его шагом стало обнародование знаменитого указа от 2 апреля 1761 г. В этом эдикте вице-короля Индии и генерал-губернатора Мозамбика поставили в известность, что отныне восточноафриканские и азиатские подданные Португальской империи, обращенные в христианство, по закону должны пользоваться теми же правами, что и белые подданные, родившиеся в Португалии. Поскольку «Его Величество не делает различий между своими вассалами в зависимости от цвета кожи, признавая только их заслуги». Более того, и это было нечто беспрецедентное, уголовным преступлением начало считаться обращение белых португальцев к цветным согражданам со словами «нигер, метис и другими оскорбительными прозвищами», как это было принято. Два года спустя этот указ был опубликован вновь в более категоричных выражениях, но власти в Гоа не предприняли никаких шагов, чтобы осуществить его на практике. Прошло более 10 лет, прежде чем что-то было сделано. И это произошло благодаря тому, что индийские приходские священники в Гоа направили петицию Помбалу с жалобой на свое подчиненное положение у архиепископа и невозможность продвинуться по службе. Они утверждали, что в Португальской Индии имеется более 10 тысяч ее уроженцев (вне всякого сомнения, это была значительно преувеличенная цифра), давно готовых занять вакантные посты в капитуле при кафедральном соборе и на церковных приходах. Однако архиепископ упорно отказывался назначить кого-либо из них, заполняя все вакансии наспех рукоположенными и полуграмотными европейцами, выходцами из нижних слоев общества, или даже «нелегальными китайцами» из Макао.

Все это вызвало эмоциональную реакцию Помбала; в данном случае он поступил как просвещенный деспотический правитель. В 1774 г. новый архиепископ и новый вице-король были направлены в Гоа; им были даны жесткие инструкции по скорейшему принятию антирасистского законодательства, которое их предшественниками было положено под сукно, а также предписано отдавать предпочтение индийским священникам перед европейскими в случае равных шансов на занятие того ли иного поста. Помбал недвусмысленно сослался на классические римские методы колонизации, которые он считал идеальными для применения в португальских колониях. Дарование португальского гражданства принявшим христианство туземцам (независимо от того, кто это был – индуисты, мусульмане или буддисты) уравнивало их в правах с белыми жителями Португалии. В инструкции Помбала новому вице-королю в 1774 г. явно прослеживалось влияние идей эпохи Просвещения.

«Ваше Превосходительство должно все устроить таким образом, чтобы владельцами культивируемых земель, настоятелями приходов и миссий, государственными чиновниками и даже занимающими военные посты были большей частью местные уроженцы или их сыновья и внуки, независимо от того, светлее или темнее цвет их кожи. Кроме того непереложного факта, что они все, равным образом, вассалы Его Величества, это также согласуется с Божественными, естественными и человеческими законами, которые ни при каких условиях не позволяют людям посторонним лишать местных уроженцев возможности пользоваться плодами земли, где они родились, и препятствовать им занимать официальные должности и становиться настоятелями приходов. В противном случае это приводит к непримиримой ненависти и несправедливости, которая вопиет к небу о заслуженном возмездии».

Антирасистская политика Помбала после его падения была продолжена правительством королевы Марии I. Новый государственный секретарь в письме к епископу Кочина в марте 1779 г. подчеркнул необходимость ставить на приходы тех индийских священников, которые, как никто иной, подходили для этого.

«В этих целях (добавлял Мартиныю де Мелу-и-Каштру) необходимо предупредить Ваше Величество, что существующее к местным уроженцам предубеждение и те притеснения, которым они до сих пор подвергаются в этом государстве, являются основной причиной приписыва-

ваемой им инертности и неспособности к действию. Вот почему Его Величество, имея в провинциях Гоа, Солсетт и Бардез более чем 200 тысяч человек обоего пола своих подданных, не может рассчитывать на то, что они будут служить церкви, монархии и государству».

В оправдание португальского монарха и его советников необходимо сказать, что неудавшийся заговор 1787 г., организованный несколькими местными священниками с целью добиться независимости колонии и подавленный с невиданной жестокостью местными властями, не повлиял на проводимую антирасистскую политику Помбала. Нищенствующие монашеские ордена со временем последовали примеру театинцев и начали принимать в свои ряды послушников-индийцев. Их становилось все больше, в то время как миссионеров из Европы приезжало все меньше, особенно после ликвидации ордена иезуитов. После запрещения всех религиозных орденов по всей Португальской империи в 1834—

1835 гг. в Гоа из 300 монахов-священников только 16 были европейцами. Все остальные были индийцами. Более того, в 1835 г. простой местный священник замещал вакантную кафедру архиепископа Гоа в течение двух лет, хотя только в XX в. священник – уроженец Гоа стал кардиналом. Но все то, что произошло со священниками португальских колоний Индии, которые на протяжении стольких лет отстаивали свое право принадлежности к высшей расе и лишь спустя века достигли полного равенства со священниками-европейцами, может быть отнесено и к остальному колониальному миру. В действительности именно благодаря Помбалу они достигли признания гораздо раньше, чем их коллеги на Филиппинах и в других местах.

Сила расовых предрассудков в Португальской империи, особенно если это касалось негров, объясняет провал планов Помбала сформировать клир из местных уроженцев в Восточной Африке. Принятый по его инициативе 29 мая 1761 г. королевский указ предписывал организацию семинарии на острове Мозамбик, которая должна была готовить священников не только из представителей белого населения, но и из мулатов и получивших свободу негров. Этот указ недвусмысленно ссылался на пример «королевства Анголы и островов Сан-Томе и Принсипи, где приходские священники, канонисты и другие служители набираются из негритянского клира, уроженцев данной местности». Для исполнения этого не подлежащего обсуждению указа так ничего и не было сделано. Современный церковный историк, пишущий о Португальской Восточной Африке, каноник Алкантара Геррейру в 1954 г. с сожалением заметил: «Несмотря на то что прошло почти два века с опубликования этого декрета, еще только предстоит рукоположить первого священника в Мозамбике». Действительно, несколько банту из Восточной Африки были рукоположены в священники в Гоа в XVII и XVIII вв., но эти священники-негры остались в Португальской Индии и так и не вернулись на землю предков. Была ли это преднамеренная политика, не могу сказать. Однако все священники мулаты и метисы Мозамбика, которые были предметом критики со стороны губернаторов и королевских чиновников в XVIII в., прибыли из Гоа.

В Западной Африке, напротив, преобладало более либеральное отношение; некоторые конголезцы, получившие образование в Лиссабоне, были рукоположены в священники уже в правление короля Мануэла. Затем этому примеру последовали острова Зеленого Мыса (Кабо-Верде), остров Сан-Томе, а затем, после некоторого колебания, то же самое сделали и в Анголе. На падре Антониу Виейру в 1652 г. произвел большое впечатление клир острова Сантьягу в архипелаге острова Зеленого Мыса (Кабо-Верде), где он провел рождественские праздники. Он писал: «Священники здесь черны как смола, но настолько хорошо воспитаны, настолько авторитетны и образованны, так тактичны и музыкальны, что им вполне могут позавидовать священники, которые служат в наших кафедральных соборах на родине». Восторженного отношения Виейры в отношении западноафриканского клира не разделяли большинство его соотечественников. Епископ Сан-Томе в 1595 г. утверждал, что негры были готовы принять крещение только от белых священников, не доверяя негритянскому клиру. Почти два века спустя губернатор Анголы критиковал местное священство и заявлял, что «белая кожа и чистота

души» – вещи взаимозависимые. Итальянские капуцины также весьма критично воспринимали священников мулатов и метисов, считая их малообразованными, обвиняя их в недостойном поведении и похотливости, в грехе симонии (то есть продажности церковных должностей) и за занятия работоторговлей. Но очень высокая смертность среди белого населения Западной Африки и явное нежелание португальских священников служить здесь вело к тому, что мулаты (и в меньшей степени негры), можно сказать, процветали, выполняя свои священнические обязанности. На острове Сан-Томе мулаты-каноники кафедрального капитула обратились в 1707 г. к монарху с петицией не возводить больше негров в священническое достоинство, тем самым подталкивая тех к тому, чтобы они впоследствии отплатили той же монетой.

В Бразилии никогда не возникало вопроса о рукоположении чистокровных индейцев по вполне понятным причинам. Указы Помбала 1755–1758 гг. уравнили в правах обращенных в христианство аборигенов с белыми жителями. Синодальный устав архиепископии Баии, принятый в 1707 г. и отпечатанный в 1719–1720 гг., основывался на типовом устоявшемся уставе обычной португальской епархии. Он предписывал, что кандидатом в священники не мог стать «еврей, мавр, мориск, мулат, еретик или представитель какой-либо иной нации, оказывающий на окружающих пагубное влияние». Чистоту крови кандидата должно было доказать судебное расследование; семь или восемь «старых» христиан приносили присягу в том, что лично знали его родителей и родителей его родителей со стороны матери и со стороны отца и что те имели незапятнанное национальное происхождение и исповедовали истинную веру. В случае же обнаружения в роду примеси «нечистой крови», как и при других юридических препятствиях, таких как незаконное рождение и физическое уродство, требовалось получить разрешение от местного епископа или королевской администрации. На практике это делалось довольно часто, но иногда случалось и так, что, когда кандидаты не были заранее уверены, что они получают необходимое разрешение, судебное расследование превращалось в чистый фарс. Более того, если у кандидата среди отдаленных предков встречались индейцы или белые протестанты из Европы, то таким соискателям всегда было гораздо легче получить разрешение, чем если бы в жилах предка текла еврейская или негритянская кровь. Все религиозные ордена, основанные в Бразилии, практиковали строгий запрет на прием в свои ряды мулатов.

Так же как и в Португальской Индии, в Бразилии вспыхнуло нешуточное соперничество между монахами-креолами и их родившимися в Европе коллегами. Это соперничество «сынов родной земли» и «сынов королевства» проявлялось по-разному в разных орденах, в зависимости от времени и места. Во францисканской провинции Рио-де-Жанейро положение к 1720 г. настолько обострилось, что папа был вынужден отправить туда свое послание, в котором предписывалось, чтобы все церковные должности попеременно занимали креолы и прирожденные европейцы. Этот закон, названный *Lei da Alternativa*, оставался в силе до 1828 г., но он так и не смог примирить на более или менее длительное время враждующие фракции. Орден с наиболее жесткими расовыми требованиями являлся филиалом братства босоногих кармелитов Св. Терезы, учрежденным в 1686 г. в Олинде. На протяжении 195 лет братья упорно отказывали в приеме любым претендентам, родившимся в Бразилии, как бы ни была «чиста» их кровь, но пополняли свои ряды исключительно за счет уроженцев Европы и Португалии из области Порту.

Монахи-бенедиктинцы в Рио-де-Жанейро были, несомненно, настроены более либерально во время визита лорда Маккартни в этот город в 1792 г. Они обучали мулатов, детей рабынь, и «эти монахи не без гордости сообщили о том, что один их воспитанник, родившийся в смешанном браке, недавно стал профессором в Лиссабоне». Но бенедиктинцы, конечно, не принимали мулатов в свой орден. Ту же политику проводили и братства в Бразилии, с чем мы познакомимся в следующей главе.

Если расовые предрассудки столь явственно проявлялись в церкви, которая проповедовала о братстве всех истинных христиан (то есть римокатоликов), то в повседневной жизни они

были тем более разительны. Это касалось и армейской службы, и муниципальной администрации, и гильдий. Подобное отношение проявлялось в уставе и правилах приема в три основных христианских военных ордена – Христа, Ависсского и Сантьяго, членами которых стремились стать все дворяне и многие люди незнатного происхождения. Например, устав ордена Сантьяго первоначально предусматривал возможность приема небольшого числа соискателей еврейского происхождения и посвящения их в рыцари только при условии, что орден нуждался в их услугах и талантах. Но в XVI в. это условие было отменено, и отныне ни при каких обстоятельствах эти соискатели не должны были быть приняты в орден. Все кандидаты должны были быть «старыми», чистокровными и рожденными в законном браке христианами без примеси какой бы то ни было крови мавров, евреев или «новых» христиан. Они также должны были привести доказательства, что их родители и предки с обеих сторон «никогда не были язычниками, владельцами недвижимости, менялами, купцами, ростовщиками, что они никогда не занимали должностей или имели какое-либо дело, несовместимое с рыцарским званием нашего ордена, или зарабатывали на жизнь своим собственным трудом». Начиная с 1572 г. уставы всех трех орденов предусматривали подобные жесткие требования к социальному и национальному происхождению. Королевский эдикт от 28 февраля 1604 г. провозглашал, что впредь не будет выдаваться никакого разрешения в случае обнаружения недостаточной чистоты крови у соискателя и не будут приниматься никакие просьбы по получению такового, направляемые королевской администрации либо в Совет по вероисповеданию и в военные ордена.

Однако на самом деле все было не настолько серьезно («собака лает, ветер носит»). Жуан Батишта Лаванья, «главный математик и королевский космограф» Португалии, в 1591 г. был возведен в рыцарское достоинство ордена Христа, несмотря на свое еврейское происхождение как со стороны матери, так и отца. Чистокровный американский индеец Фелипе Камаран и чернокожий раб Энрике Диас также были посвящены в рыцари ордена Христа за свои выдающиеся заслуги в португало-голландской войне 1630–1654 гг. в Бразилии. В XVIII в. несколько браминов в Гоа были приняты в орден Сантьяго; однако, когда корона даровала одному из них звание рыцаря ордена Христа в 1736 г., подобная «неслыханная милость» вызвала столь сильный протест вице-короля, что король Жуан V был вынужден перевести гоанца в менее престижный орден Сантьяго. Были также примеры, когда рыцарями (обычно ордена Сантьяго) становились люди плебейского происхождения – лоцманы и литейщики пушек; но такие награды были относительно редки, и, чтобы заслужить их, требовались годы беспорочной службы. Расовая дискриминация первоначально ограничивалась евреями, маврами (то есть мусульманами) и еретиками, то есть причиной ее была не только национальность, но и вероисповедание. К началу XVII в. начали приниматься законы против негров и мулатов; это объяснялось тем, что имеется тесная связь между рабством и негритянским происхождением. Все эти официальные распоряжения были закреплены в принятом в августе 1671 г. законе, который гласил: «Тот, в ком течет кровь евреев, мавров и мулатов, или тот, кто женат на женщине подобной национальности, не имеет права занимать какую-либо государственную должность или официальный пост». При этом предусматривалось усиление существовавших мер ограничения. Основной удар пришелся на негров и криптоиудеев, которые в полной мере испытали на себе действие расовых предрассудков, подвергаясь постоянным преследованиям в Португальской империи. Административные правила не делали различий между неграми, получившими свободу, и рабами. Те и другие несли более суровые наказания, чем белые граждане, за одни и те же нарушения закона.

Несмотря на то что были отдельные люди, которые сомневались в законности работорговли, их мнение было гласом вопиющего в пустыне на протяжении почти трех столетий. Подавляющее большинство европейцев считало, если они вообще задумывались об этом вопросе, что нет ничего нелогичного в том, чтобы одновременно и крестить негров, и сделать из них рабов. И первое часто служило оправданием последнему, начиная со времен принца

Энрике (Генриха Мореплавателя). Из теории Аристотеля о неполноценности некоторых народов следовал закономерный вывод, что на законных основаниях их можно обращать в рабство. В Ветхом Завете есть эпизод, когда Ной проклинает и обрекает на вечное рабство Ханаана, сына Хама (Быт., 9: 25), от которого, как предполагают, и ведут свое начало негры. Другие исследователи утверждают, что они произошли от Каина, «который был проклят самим Богом». Теологи и простые миряне были убеждены, что Священное Писание разрешает владеть неграми-рабами, и если кто-то и протестовал против жестокого обращения с рабами, то только из гуманных побуждений. Оставим в стороне оправдание Библией рабства чернокожих. Но и португальские и бразильские писатели того времени, заявлявшие о полном отсутствии расовых предрассудков у своих предков в отношении африканских негров, игнорировали тот явный факт, что не может не появиться чувства расового превосходства у нации, которая поработила другую нацию на протяжении уже более трехсот лет. Господствовавшие в обществе взгляды отразил в 1619 г. в своем произведении «Двор в деревне» (*Corte na Aldeia*) португальский поэт Франсишку Родригиш Лобу. Он подчеркивал, что португальцы берут своих рабов «из среды самых варварских народов в мире, из Эфиопии и Азии, причем из самых низших слоев населения; и португальцы содержат их в условиях самого жестокого рабства».

Одним из немногих критиков работорговли в Португалии (да и в Европе) был священник Фернанду Оливейра, который некоторое время был на службе английского короля Генриха VIII, а позднее предстал перед судом инквизиции в Лиссабоне за свои неортодоксальные взгляды. Это был автор первой печатной «Грамматики португальского языка» (1536) и сочинения *Arte da guerra do mar* (1555), первого учебника о ведении боевых действий на море. В этой своей книге он посвятил целую главу яростной критике работорговли. Падре категорически утверждал, что не существует такого понятия, как «справедливая война» против мусульман, евреев и язычников, которые никогда не были христианами и которые были готовы вести мирную торговлю с португальцами. Нападение на их земли и обращение их в рабство было «проявлением тирании», и не может служить оправданием объяснение, что они были просто втянуты в работорговлю друг с другом. Тот, кто покупает незаконно проданную вещь, совершает грех, и если бы не было европейских покупателей, то не было бы и африканских продавцов. «Мы положили начало столь подлой торговле, о которой прежде и подумать было невозможно», – с возмущением писал священник, что отдает честь его сердцу, но не уму. Он обличал тех купцов, которые утверждали, что, покупая рабов, они тем самым спасают их души, и говорил, что работорговцами движет только материальный интерес. Рабов не только покупали и обращались с ними как со скотом, но и дети их рождались и воспитывались в рабстве, даже если родители и были христианами; подобным действиям не было морального оправдания.

Прошло еще два столетия, и в Португалии вышла другая книга, также критиковавшая работорговлю, название которой можно перевести как «Эфиопы выкупленные, законтрактанные, исправленные, обученные и освобожденные» (*Ethiophe Resgatado, etc.*, Lisbon, 1758). Ее автором был Мануэл Рибейру Роша, священник, уроженец Лиссабона, долгое время проживший в Баии. Он не выступил столь же решительно, как его предшественник в XVI в., за полную отмену работорговли, но предложил некоторые меры по серьезному ограничению ее злоупотреблений, и он страстно обличал жестокие телесные наказания, которым часто подвергались рабы со стороны их хозяев в Бразилии. Основной посыл его книги – заменить рабский труд негров контрактной системой труда, которая предусматривала безусловное освобождение африканских рабов после того, как они честно отработали бы на хозяев оговоренное время. Эта книга, видимо, не произвела никакого впечатления на бразильских плантаторов и рабовладельцев, к которым она и была обращена; подробное описание Сантоса Вильены сорок лет спустя положения рабов в Баии показывает, что старые злоупотребления и жестокости все еще продолжали иметь место. С другой стороны, лорд Маккартни, который посетил Рио-де-Жанейро в 1792 г. по пути в Китай, заметил, что «как бы ни были ужасны страдания рабов под надзором

десятников на плантациях, нельзя сказать, что те рабы, что проживают в городах, находятся в бедственном положении». Он нашел, что они очень быстро примираются со своим положением, редко ищут утешения в пьянстве, имеют много возможностей развивать свои природные музыкальные таланты и к их услугам все «те развлечения, что им доступны». Бывший губернатор Гренады, одного из островов производства тростникового сахара, которым владела Британская Вест-Индская компания, лорд прекрасно мог провести грань между рабами на плантациях и находившимися на положении домашних слуг. Сантос Вильена также свидетельствовал, что с рабами хуже обходились в сельской местности, нежели в городах. Совесть короны часто мучили рассказы об ужасах атлантической работорговли, и в 1664, 1684, 1697 и 1719 гг. были приняты королевские указы, направленные на преодоление скученности и обеспечение адекватного питания рабов на судах. Королевская администрация и епископы в колониях время от времени выступали с обличениями произвола и бесчеловечного отношения к рабам со стороны хозяев, что нашло отражение в изданных материалах заседаний церковных советов в Гоа в 1568 и 1649 гг. и соборных уложений Баии в 1719–1720 гг. Но все эти эпизодические увещевания и обличения не имели последствий, что признавали отдельные губернаторы-филантропы и прелаты. Нет необходимости уточнять, что португальцы были не единственные среди других наций, которые вели себя подобным образом, и напоминать читателю, что начиная от времен правления короля Карла II (р. 1630, правил в 1660–1685 гг.) вплоть до правления короля (и одновременно курфюрста Ганновера) Георга III (р. 1738, правил в 1760–1820 гг.) британское правительство в наибольшей степени способствовало развитию работорговли в мире.

Даже новое законодательство Помбала в духе эпохи Просвещения продолжало отражать застарелые предрассудки в отношении людей с черной кожей. Королевский указ от 19 сентября 1761 г. провозгласил, что все негры-рабы, высадившиеся в португальских портах, по прошествии полу-года со времени опубликования указа в Бразилии и Африке (спустя год в Азии) сразу же становятся свободными. Текст указа ясно свидетельствовал, что он был принят по утилитарным и чисто экономическим причинам, а не из соображений гуманности. Основной целью было предотвратить вывоз рабов с сахарных плантаций и золотых приисков Бразилии в Португалию, где их использовали в качестве слуг и ливрейных лакеев. Рабы-негры, уже проживавшие в Португалии, не подпадали под действие королевского указа, однако 12 лет спустя они получили свободу без всяких условий по другому указу короля. Это окончательное и полное освобождение от рабства в 1773 г. было поддержано короной, несмотря на отдельные протесты землевладельцев в Алентежу. Они жаловались, что их лишили многих рабочих рук, поскольку получившие свободу негры категорически отказывались от работы уже как наемная сила. Ни Помбал, ни его преемники не имели никакого намерения отменять рабство в заморских владениях, где продолжали существовать дискриминационные законы, направленные против негров, как свободных, так и оставшихся рабами. Индеец-вождь, который взял в жены негритянку, был поражен в правах в 1771 г. из-за того, что «опозорил свой род, заключив этот брачный союз». Подобное отношение сохранялось длительное время даже после того, как Бразилия добилась независимости. Плантаторы, которые были инициаторами разрыва отношений с Португалией в 1822–1825 гг., естественно, проявляли не больше интереса в отмене рабства, чем плантаторы Виргинии, принявшие Декларацию о независимости, в которой утверждалось, что все люди были созданы равными и каждый имел неотъемлемое право на личную свободу.

Если в Португальской империи на протяжении веков негры, мулаты и иные представители смешанных рас, в основном африканского происхождения, считались *peessoas de sangue infecta* («люди с нечистой кровью»), то это касалось и потомков евреев (включая многие тысячи беженцев из Испании), которые были насильственно обращены в католицизм в 1497 г. С этого времени португальское общество было поделено на две части – «старых» христиан и «новых» христиан, и такое деление сохранялось на протяжении почти трех столетий. Король Мануэл

потребовал насильственно крестить этих людей только для того, чтобы заполучить в жены фанатично настроенную кастильскую принцессу. Вскоре после этого был опубликован указ, запрещающий проведение каких-либо расследований об искренности исповедания новой веры новообращенного на протяжении 20 лет (затем срок был продлен еще на 16 лет). Новые королевские указы 1507 и 1524 гг. запрещали в отношении этих подданных все формы дискриминации. Во всех классах общества заключались браки между «новыми» и «старыми» христианами, но большей частью это было характерно для торговцев и представителей среднего класса, а также городских ремесленников. Уже к концу XVI в. от одной трети до половины всего населения страны имели примесь «нечистой» еврейской крови. В Португалии не было ни наставников-раввинов, ни книг и рукописей иудейской веры, находившихся под запретом, и на протяжении двух-трех поколений подавляющее большинство так называемых «новых» христиан внешне и, возможно, искренне внутренне практиковали римокатолицизм. Небольшое меньшинство, которое тайно придерживалось того учения, что называлось Законом Моисея, оставалось не более чем приверженцем соблюдения ритуальных правил. Таких, как облачение в чистые одежды по субботам, запрещение употребления в пищу свинины, ракообразных моллюсков и других продуктов, и празднования Песаха вместо Пасхи. Тем не менее нараставшие процессы ассимиляции сопровождались все большим проявлением антисемитизма, направленного против «новых» христиан или людей, считавшихся таковыми. Это чувство разжигалось в основном монахами-фанатиками и приходскими священниками, но оно нашло горячих приверженцев среди «старых» христиан во всех классах общества. Этот вопрос поднимался и на заседании кортесов в 1525 и 1535 гг. Он основывался на ошибочном убеждении в том, что «новые» христиане активно и тайно пропагандировали веру своих еврейских предков, а не просто старались поддержать постепенно исчезающие обычаи.

К несчастью для «новых» христиан, после 1530 г. они уже больше не могли рассчитывать на поддержку королевской власти, которая с этого времени приняла сторону их гонителей. Король Жуан III, убежденный в реальности криптоиудейской угрозы, настоял на создании в Португалии инквизиции. Святой престол после долгих колебаний и в результате закулисных интриг поддержал это решение. В течение 20 лет португальское отделение Святой канцелярии стало на место закона. В ее дела не могли вмешиваться епископы, и ее мнение имело решающее значение для гражданского и церковного суда. Основные трибуналы инквизиции находились в Лиссабоне, Эворе и Коимбре. Они рассматривали в судебном порядке протестантскую и другие ереси, ведьмовство и магию, двоеженство, содомию и пр. Помимо этого осуществлялась строжайшая цензура печати. Однако основные усилия с 1536 по 1773 г. были направлены на обнаружение и искоренение всех следов иудаизма. В качестве инструмента преследования португальская инквизиция была более действенной и более жестокой, чем печально известная испанская инквизиция. Так считали жертвы преследований обеих организаций. Люди, чьи дела рассматривались в трибуналах, никогда не знали ни имени обвинителей, ни конкретно в чем их обвиняли по тайному доносу. С целью вырвать признание в действительной или мнимой вине прибегали к уговорам и угрозе применения пыток, стремясь заставить оговорить других, начиная с близких.

Значительная часть дел португальской инквизиции пропала после ее окончательного запрета в 1820 г., но из них в архивах Лиссабона все еще хранится свыше 36 тысяч, относящихся к 1540–1765 гг. По неполным данным, около 1500 человек были приговорены к смерти через гарроту и/или к сжиганию на костре, а затем «переданы» (согласно лицемерному и иносказательному выражению инквизиторов) для исполнения приговора государственным властям. Как видно, это очень скромная цифра, если сравнить ее с миллионами погибших в холокосте, в ходе гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса». Однако вред, причиненный инквизицией и ее судебными процессами, не может оцениваться только по статистике вынесенных смертных приговоров. Тысячи умерли в тюремных стенах, сошли с

ума, так и не дождавшись вынесения приговора. Каждый, кто провел какое-то время в тюрьме инквизиции и не был полностью оправдан (что случалось очень редко), уже в силу данного факта считался зараженным еврейской кровью, что автоматически распространялось на всех членов его семьи. Семьи арестованных обычно выбрасывались на улицу и неизвестно, чем должны были зарабатывать себе на пропитание. Для сбора необходимых улик инквизиция выплачивала денежное вознаграждение своим информаторам и добровольным доносчикам. Платили обыкновенным завистникам, кто донес на мужчину или женщину, что те оделись в чистую одежду в субботу. Никто не мог считать себя в безопасности от анонимного доносчика, кроме титулованной знати, священников и самых необразованных деревенских мужланов. Как следствие этого, португальское общество на протяжении более двух столетий разъединилось недоверием и подозрительностью. Посмотреть на медленную и мучительную смерть «новых» христиан на костре в аутодафе стекалось множество зевак, которые испытывали то же самое садистское удовольствие, что и их современники во время общественных казней на «Тайбёрнском дереве» в Англии.

В 1588 г. всем подданным, происходившим из «новых» христиан (вплоть до четвертого колена в одних случаях, до седьмого – в других), официально и на законных основаниях отныне было запрещено занимать любые должности в церкви, армии и административных органах управления, если только они уже не были, будучи членами духовно-рыцарских орденов, муниципальными советниками, учредителями домов милосердия и т. д. После 1623 г. запрет распространился на все преподавательские посты в университетах и колледжах, юристы и врачи из «новых» христиан также систематически подвергались дискриминации. Эти ограничения не всегда действовали с одинаковой эффективностью в том или ином месте и во все времена. «Новым» христианам все-таки удалось проникнуть на различные запретные для них посты и занять отдельные должности, особенно в отдаленных районах империи, таких как Сан-Паулу в Бразилии и Макао в Китае. Но они не могли чувствовать себя в полной безопасности, и когда о подобных случаях становилось известно в обществе, это только усиливало предвзятое к ним отношение. На протяжении почти всего этого периода эмиграция «новых» христиан и перевод их капиталов за границу в другие страны (иногда в различные области Португальской империи) были строго запрещены. Иногда эти запреты отменялись в обмен на колоссальные взятки или субсидии короне, которые выплачивали в основном торговые общины «новых» христиан Лиссабона, как это было, в частности, когда они предоставили заем португальскому королю Себастиану для подготовки экспедиции в Марокко в 1578 г. Но корона всегда отказывалась от сделки, когда получала всю или часть требуемой суммы, так что эти послабления продолжались недолго. Несмотря на все трудности, многим из наиболее предприимчивых предпринимателей и купцов из среды «новых» христиан удавалось эмигрировать со всем или частью своего капитала. Так Португалия лишалась наиболее ценных своих граждан, чья энергия, предприимчивость и капиталы способствовали обогащению соперников Лиссабона в торговле, таких городов, как Антверпен, Амстердам и Лондон.

Правовая и общественная дискриминация «новых» христиан и неукоснительное следование принципу «чистоты крови» (*limpeza de sangue*) при занятии административных должностей были также характерны для заморских территорий империи в различной степени. Трибунал инквизиции, имевший в своей юрисдикции Португальскую Азию, был учрежден в Гоа в 1560 г., и он был единственным в колониях. Инквизиция периодически посылала для инспекции своих комиссаров, как, например, это имело место в Бразилии начиная с 1591 г. Арестованные по приказу инквизиции посылались в Лиссабон, чтобы предстать там перед судом, и в Португальской Америке не случилось ни одного аутодафе. Лучший специалист по истории евреев в Бразилии подсчитал, что между 1591 и 1763 гг. около 400 евреев, которые были иудеями или считались таковыми, были отправлены в Португалию подобным образом. Большинство из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения и 18 человек –

к смерти. Только один из них, Исаак де Каштру, был сожжен заживо (15 сентября 1647 г.), другие были удушены. Таким образом, действия инквизиции в Бразилии были довольно щадящими, что, несомненно, привело к тому, что страна стала прибежищем для тысяч «новых» христиан в 1580–1640 гг. Некоторые из них, обосновавшиеся в Пернамбуку, открыто исповедовали и практиковали иудаизм во время голландской оккупации Ресифи (1630–1654), но они эмигрировали, когда голландцы ушли. Так образовалась еврейская община Нью-Йорка³⁵. Инквизиция в Гоа была более суровой, однако невозможно дать точную оценку, сколько людей умерло в ожидании суда, а кто погиб в «актах веры», поскольку сохранившаяся информация очень неполна. Однако не вызывает сомнения факт, что большинство среди тех, кто попал в тюрьму в XVII и XVIII вв., были отнюдь не иудаисты, а тайные последователи индуизма. Страх перед инквизицией был причиной эмиграции многих индийских ткачей и ремесленников с португальской территории в Бомбей после того, как в 1661 г. англичане получили этот город³⁶, первоначально располагавшийся на островах.

Освобождение «новых» христиан от угнетения и преследований и решительное обуздание власти португальской инквизиции были делом рук маркиза Помбала, который не выносил никакой тирании, кроме собственной, которую он насаждал от имени короля. В 1773 г. он убедил Жозе I издать два указа, отменяющие требование «чистоты крови» в качестве условия занятия официальных должностей и покончивших со всеми видами неравенства между «старыми» и «новыми» христианами. Предусматривались серьезные штрафы для тех, кто употреблял последнее выражение или какой-либо его синоним. Полностью ликвидировалось все дискриминационное законодательство, направленное против «новых» христиан, в то время как королевские декреты 1507 и 1524 гг., запрещавшие проводить различия между христианами, были вновь подтверждены. Роль португальской инквизиции свелась к вспомогательной в системе государственного суда, и ее деятельность упорядочивалась согласно правилам, принятым в гражданских судах. Публичные аутодафе были запрещены в 1771 г., и смертные приговоры больше не выносились после того, как десятью годами ранее был казнен по решению суда клирик Малагрида. Филиал инквизиции в Гоа был упразднен, и, хотя он был восстановлен во время последующего правления, он стал тенью прежнего. Вплоть до его окончательной ликвидации в 1820 г. смертных приговоров уже больше не выносилось.

Меры, принятые Помбалом, принесли полный успех, и прозвище «новые» христиане исчезло так быстро, как будто его и не существовало. С позорным наименованием было покончено, и не осталось ничего, что отличало бы «старых» христиан от «новых», за исключением, пожалуй, лишь внешних черт. Но, несмотря на это, отдельные монахи-обскуранты и клир в Макао в 1790 г. продолжали упорно распространять абсолютно идиотическое представление, что криптоиудеи родились от обрубка хвоста и что у еврейских мужчин так же бывает менструация, как и у женщин. Если мы не будем обращать внимание на такие несущественные пережитки, как, например, у жителей деревни в Траз-уш-Монтиш, которые продолжали использовать еврейское наименование Бога (*Адонай*) вплоть до 1910 г., все следы чисто иудейской веры уже давно исчезли в Португалии и во всей ее империи. «Новые» христиане стали в такой же степени приверженцами римокатолицизма, что и «старые». Немедленное применение на практике указов 1773 г. доказало, что еврейский жупел породила репрессивная политика инквизиции, а также дискриминационные законы, направленные против «новых» христиан. Как только эти контрпродуктивные факторы исчезли, криптоиудеи (тайные евреи) попросту прекратили свое существование. Как цинично заметил один из инквизиторов XVII в., инквизиция производила евреев, как монетный двор производит монеты.

³⁵ С 1626 по 1664 г. был голландским Новым Амстердамом.

³⁶ В качестве приданого португальской принцессы, ставшей женой английского короля Карла II.

Остается только добавить, что репрессивные действия португальской инквизиции и введение антисемитского законодательства были контрпродуктивны еще в одном достойном сожаления аспекте. Они убеждали иностранцев, что Португалия была страной скрытых евреев; об этом же говорила непристойная кастильская поговорка: «Португалец родился от пердежа еврея». Трагическое и фарсовое по природе насильственное массовое обращение в христианство в 1497 г. было забыто не скоро. В письме к другу в 1530 г. Эразм Роттердамский решительно опровергал представление, что португальцы – это «нация евреев». Все образованные португальцы, которые путешествовали или жили в других странах Европы, сталкивались с этим широко распространенным убеждением, о чем с сожалением писал в 1647 г. Гашпар де Фрейташ де Абреу: «Это только мы, португальцы, носим на себе стигматы еврейского имени или марранов в среде всех других народов, что является большим позором». Наименование «португалец» синоним имени «еврей» в других странах, как замечал в 1736 г. уже в конце продолжительной и славной дипломатической карьеры Луиш да Кунья. Испанские иезуиты в Парагвае в XVII в. называли жителей Сан-Паулу «еврейскими бандитами», и многие приезжие иностранцы в Пернамбуку, Баии, Рио-де-Жанейро и других португальских колониях были столь же нелестного мнения. Помбал, имея богатый опыт дипломата в Лондоне и Вене, конечно, понимал это предельно ясно. Существует широко известная история о том, как инквизиция передала на рассмотрение короля Жозе предложение, что все «новые» христиане в его владениях должны носить белые шляпы в знак их еврейской крови. На следующий день Помбал появился в королевском кабинете с тремя белыми шляпами, объяснив, что одну шляпу он принес королю, другую – для Великого инквизитора и еще одну оставил для себя. *Se non e vero, e ben trovato* (если это не верно, то хорошо придумано).

Глава 12

Городские советники и братья милосердия

Муниципальные советы (*Senado da Camara*) и филантропические братства, наиболее известным среди которых был Святой Дом милосердия (*Santa Casa da Misericordia*), были наиболее характерными общественными институтами обширной Португальской империи, которые спланировали разбросанные на большом расстоянии колониальные поселения. Нисколько не преувеличивая, их можно назвать двумя столпами португальского колониального сообщества от Мараньяна до Макао. Эти институты гарантировали преемственность власти, чего не могли обеспечить постоянно сменявшиеся губернаторы, епископы и мировые судьи. Для работы в них подбирали людей близкого социального происхождения, и они формировали в некотором роде элиту колониального общества. Из сравнительного обзора их зарождения, развития и функционирования читателю станет понятно, как португальцы приспосабливались к различным социальным условиям, с которыми они сталкивались в Африке, Азии и Америке, и насколько им удалось перенести свой образ правления в иные страны и укоренить его в новых экзотических условиях. Тем самым мы сможем проверить правильность некоторых широко распространенных обобщений, таких как утверждение Жилберту Фрейру, что португальцы Бразилии и сами бразильцы всегда были склонны возводить свое социальное происхождение к неграм.

К началу XVI в. в Португалии окончательно сложилась система муниципального управления, которая была закреплена в законе 1504 г., не претерпевшем за время своего существования вплоть до 1822 г. существенных изменений. В основной состав муниципального совета входили от 2 до 6 советников, или олдерменов, в зависимости от значимости и величины населенного пункта, 2 мировых судьи, не имевшие юридической подготовки, и городской поверенный. Все они обладали правом голоса на заседаниях муниципального совета, и всех этих чиновников называли по-португальски *oficiais da Camara*. В их число часто включали секретаря, хотя первоначально он не обладал правом голоса. То же самое положение в совете имел казначей, если его пост, как это часто случалось, не занимали по очереди чиновники муниципалитета. Подчиненные им должностные лица не имели права голоса, и количество их различалось от города к городу. В их число входили инспекторы службы мер и весов; попечители вдов и сирот; офицер-знаменосец, чья должность часто совмещалась с должностью секретаря; привратник, часто исполнявший обязанности архивариуса; надзиратель за тюрьмами; и в больших городах производитель общественных работ. Труд советников и мировых судей первоначально не оплачивался, но они получали значительные подношения во время своей службы.

Система ежегодных выборов муниципальных чиновников была довольно сложной. Каждые три года под надзором коронного судьи составлялись списки избирателей. Выборы проводились обычно в день нового года или накануне его. Выбранный наугад из уличной толпы мальчик доставал записки с именами из избирательной урны. Избирательные списки составляли за закрытыми дверями 6 представителей, выбранных на сходе всех зажиточных и уважаемых глав домашних хозяйств, обладавших правом голоса. Эти люди, имевшие авторитет в обществе, были известны как «люди достойные», или, в более широком смысле слова, как «народ». Коронный судья внимательнейшим образом проверял списки, чтобы удостовериться, что никто из кандидатов на должность не состоял друг с другом в кровной связи или имел общие с кем-либо интересы.

В некоторых, но не во всех, муниципалитетах были представители трудовых слоев народа, которые по своей профессии объединялись в гильдии. Крупные торговцы и ремесленники (ювелиры, оружейники, каменщики, медники, портные, сапожники и др.) каждый год выбирали из членов гильдии 12 своих представителей в большинстве городов, и 24 представи-

теля в Лиссабоне, Порту и нескольких других городах. Затем эти выбранные люди уже сами назначали из своей среды 4 уполномоченных, чтобы те представляли их интересы в муниципальном совете. Эти 4 представителя обладали правом посещать все заседания муниципалитета, голосовать по всем вопросам, касавшимся гильдий и корпораций и хозяйственной жизни городов и столицы; предлагать расценки оплаты труда ремесленников и подмастерьев, устанавливать правила обучения профессии, членства в гильдии и т. и. Гильдии были организованы в *bandeiras* (*nopt*, «стяг, знамя»), так как каждая из них имела свое знамя квадратной или прямоугольной формы, которые выносили во время религиозных процессий и праздничных шествий. Эти знамена были из темно-красной камчатной ткани или парчи, украшенные золотыми и серебряными блестками, на которых изображался святой покровитель или девиз профессии. *Bandeira* могла объединять мастеровых только одной или сразу нескольких профессий, одна из которых считалась основной. Старшего по положению среди мастеровых, представлявшего их интересы, называли «народным защитником». Он имел право и обязанность представлять интересы трудового народа перед муниципалитетом, а в Лиссабоне – перед короной.

Заседания большинства муниципальных советов обычно проходили два раза в неделю, по средам и субботам; в случае необходимости собирались чаще. Городской совет Лиссабона, который рассматривал больше дел в сравнении с другими советами, в конце XVI в. собирался регулярно шесть или семь дней в неделю. Обязанности председателя советники первоначально исполняли поочередно, и поскольку его кресло занимало центральное место в зале совета, его называли *vereador do meio* («депутат, сидящий посередине»). Начиная с 1550 г. коронный окружной судья в тех городах, где он осуществлял свою деятельность, принял на себя обязанности председателя в большинстве муниципалитетов, тем самым обеспечивая на заседаниях совета важный (хотя не обязательно контролирующий) голос королевской администрации. Чиновники, не посещавшие собрания совета, штрафовались, если только у них не было уважительной причины, например постигшей их болезни. Решения принимались большинством голосов после открытого обсуждения вопроса. Решения городского совета, принимаемые по различным делам, относившимся к компетенции муниципалитета, не могли быть отменены или временно приостановлены высшей властью, если только они не предусматривали каких-либо нововведений, касавшихся королевского казначейства. Муниципальный совет исполнял также функции суда начальной инстанции при рассмотрении дел, переданных на апелляцию коронному судье в ближайшем городе и высокому суду. Согласно правилам, окружной судья должен был периодически инспектировать муниципальный совет. Но, по-видимому, во многих случаях это было чистой формальностью, а некоторые советы, например в Лиссабоне и Гоа, освобождались от подобных инспекций. Соответственно, бухгалтерские отчеты часто не проходили аудит, несмотря на его обязательность.

Муниципальный совет наблюдал за распределением и сдачей в аренду муниципальных и общественных земель; занимался определением размера муниципальных налогов и их сбором; устанавливал цены на широкий ассортимент продаваемых товаров и продуктов питания; предоставлял лицензии уличным торговцам и развозчикам товаров и проверял качество этих товаров; выдавал разрешения на строительство; следил за состоянием дорог и мостов, за обустройством источников, за содержанием тюрем и других общественных объектов; поддерживал порядок во время общественных празднований и проведения церковных процессий; отвечал за работу городской полиции, здравоохранения и санитарное состояние. Доходная часть муниципалитета складывалась в основном из рентной платы за муниципальную собственность, включая дома, использовавшиеся в качестве магазинов, и из налогов, которыми облагался целый ряд продовольственных товаров, за исключением нескольких основных, таких как хлеб, соль и вино. Другой источник доходов составляли штрафы, взимаемые рыночными инспекторами, и штрафы, которые налагали чиновники за нарушение распоряжений муниципальных властей, в частности за нелегальную торговлю и недовес товара. Муниципальные налоги,

как и королевские, часто отдавали на откуп тем предпринимателям, кто предлагал за них наибольшую цену. В особых чрезвычайных обстоятельствах муниципалитет вводил особый сбор, который платили горожане, в зависимости от их платежеспособности.

Чиновники муниципалитета не могли быть арестованы без предъявления им обвинения, ни подвергнуты следственной пытке, ни заключению в цепях, если только они не были уличены в преступлении, которое карается смертью (государственная измена); в данном случае то же наказание ждало и дворян. Они не призывались на военную службу, лишь только в случае нападения врага на их город. Они были избавлены от постоя солдат и государственных служащих; их кони, кареты и прочее имущество не могло быть конфисковано на службу королю. Муниципальный совет имел право непосредственного обращения к правящему монарху, и его советники имели также ряд других судебных привилегий. Они получали вознаграждение за обязательное посещение церковных процессий, самая торжественная из которых устраивалась в праздник Тела и Крови Христовых, а вторая по значимости была в день святого патрона города. Участвуя в процессиях или находясь при исполнении своих служебных обязанностей, муниципальные чиновники несли красного цвета жезл с изображением пяти щитов королевского герба в качестве знака своей должности; у окружного судьи жезл был белым.

Во второй половине XVI в. королевская власть непосредственно озаботилась выборами советников муниципалитета, по крайней мере для наиболее важных провинциальных городов. Трехгодичные списки для голосования посылали в Лиссабон, первоначально для внимательной проверки, но с течением времени королевская администрация сама начала выбирать муниципальных советников из предоставленного списка на ближайший год. Списки отобранных кандидатур запечатывали в конверт и отправляли в соответствующий муниципалитет, где 1 января с соблюдением всех формальностей письмо вскрывали. В XVIII в. многие муниципалитеты превратились в самовоспроизводящиеся олигархические структуры, когда переизбирались одни и те же чиновники и ротация постов происходила только среди своих и ближайших родственников вопреки требованиям закона 1504 г. Уполномоченных от гильдий и «народных защитников» в это время уже невозможно было встретить во многих советах; тем самым рабочие лишились прямого представительства в органах власти, а олигархический характер городских советов стал еще более явно выраженным. Упала дисциплина посещения заседаний совета, они происходили крайне нерегулярно вместо обязательных двух раз еженедельно. В некоторых случаях принцип «чистоты крови» более или менее явно игнорировался. Окружной магистрат Одемиры в Алентежу сообщал, что из списка в 18 человек наиболее богатых домовладельцев, кандидатов на занятие муниципальных должностей в 1755 г., четверо имели «зараженную» кровь, передавшуюся им от предков. Один из них, который исполнял обязанности депутата, как и его отец до него, «имел примесь негритянской и еврейской крови; его отец был слугой в доме земледельца, а его бабушка была негритянкой». Некоторые из провинциальных муниципалитетов уже не затрудняли себя посылкой списков в Лиссабон, с чем тот, по-видимому, смирился.

Из того факта, что обстоятельства и само общество изменились, ничуть не следовало, что роль муниципальных советов принизилась и стала менее влиятельной, а королевская власть по-прежнему осуществляла жесткий контроль над ними. На протяжении столетий пути сообщения были столь плохи, что провинциальные города и округа зачастую были предоставлены сами себе. Наилучшая дорога (или не самая плохая) связывала Лиссабон и Брагу и проходила через города Коимбра, Авейру и Порту. Регулярное почтовое сообщение между Лиссабоном и Порту было установлено только в 1797 г. Препятствия природного и иного характера на путях сообщения с неизбежностью вели к тому, что муниципалитеты стали более автономны в управлении, и они продолжали собирать местные налоги до 1822 г. Лиссабонский муниципальный совет, в состав которого входили высшие судебские чиновники и во главе которого с 1572 г. стоял дворянин, сохранил представительство трудового народа в лице «народного защитника»

и 24 уполномоченных вплоть до 1834 г. Предположительно, потому, что Лиссабон имел большее население и значительно больший процент ремесленников, чем любой другой португальский город, представительство рабочего класса здесь всегда играло более важную роль и имело большее влияние, чем где-либо еще в стране. Соответственно, 24 представителя гильдий в Порту были более ограничены в своих действиях, и этот институт не работал между 1661 и 1668 гг., а затем был полностью отменен между 1757 и 1795 гг. по причине своих мятежных и бурных собраний.

Муниципальные советы в колониях формировались по образцу подобного совета в метрополии, но, естественно, были свои сходства и отличия. Иногда их основание датируется годом захвата или основания соответствующего города. Так было в случае с Гоа (1510), Байей (1549), Луандой (1575). Иногда совет создавали только после длительного периода роста поселения (Кашуэйра, 1698), иногда – спустя века (Мозамбик, 1763). Некоторые муниципалитеты первоначально создавали с разрешения королевской администрации в точном соответствии с правилами, принятыми в метрополии, и те, раньше или позже, требовали подтверждения своих привилегий и устава, которые часто были точной копией того или иного португальского муниципалитета. Поэтому Гоа получило привилегии Лиссабона; Макао – Эворы; Байя, Рио-де-Жанейро, Луанда и многие другие поселения – Порту. Непонятно, почему чаще всего были востребованы привилегии Порту. Ведь если посмотреть отпечатанное издание 1611 г. под названием *Privilegios dos Cidadãos da Cidade do Porto* («Привилегии граждан города Порту»), видно, что они полностью идентичны, в том числе и текстуально, привилегиям Лиссабона. Представительство рабочего класса также менялось от места к месту. В муниципалитете Гоа, который был точным подобием лиссабонского, вплоть до второй половины XVIII в. было значительное количество представителей трудового люда. Они обладали правом голоса на заседаниях муниципального совета и имели статус «дворян на время». В Макао, как и в Эворе, никогда не было никаких представителей от рабочих; в Баии *juiz do povo* и *procuradores dos mesteres* были в совете только с 1641 по 1713 г.

Состав совета, то есть число депутатов, отсутствие или присутствие королевского судьи и т. д., менялся в зависимости от величины и важности муниципалитета. Короче говоря, во всем служил образцом муниципалитет метрополии, и ему старались следовать во всем. Например, городской совет Малакки, к тому моменту, как ее в 1641 г. после 130 лет португальского правления захватили голландцы, имел следующий состав: три муниципальных советника, два мировых судьи, поверенный и секретарь. «Все они были почтенные белые горожане», место председателя совета по очереди занимали советники, сменяя друг друга каждый месяц. Один советник исполнял обязанности казначея, к нему поступала треть от всех налогов и акциз на арак; эти средства шли на поддержание в должном порядке городских укреплений и другие общественные работы. Совет устанавливал цены на все продукты, контролировал соответствие норм мер и весов, был ответственен за состояние здравоохранения и санитарное состояние в городе. Казначей получал ежегодно оклад в 500 крузадо из муниципальных фондов, однако труд других советников не оплачивался, но они получали вознаграждение в 50 крузадо «для приобретения новой одежды» для встречи праздников Рождества, Пасхи и Тела Христа. Советники имели право суда первой инстанции и апелляции к местному королевскому судье. Поверенный был, как и все, выборным чиновником, но ему выплачивалось ежегодно 500 крузадо, так же как и секретарю, который занимал свой пост в течение трех лет. Подчиненные официальные лица были представлены двумя инспекторами мер и весов, которых выбирали каждый месяц из среды наиболее уважаемых горожан и которые служили, не получая жалованья, и попечителем сирот, служившим три года (без зарплаты). Подобный состав совета во многом подобен аналогичному совету города соответствующей величины в Португалии.

Что касается классового и национального состава колониальных муниципалитетов, вполне понятно, что требования «чистоты крови» не могли жестко соблюдаться в таких местах,

как Сан-Томе и Бенгела, где белые женщины не появлялись столетиями. Невозможно было также заставить чиновников муниципалитета в таких местах, как Сан-Паулу и Макао, избегать близкородственных связей и ведения общих дел, когда незначительное белое местное население было вовлечено в подобную же деятельность. Имеется свидетельство, что в 1528 г. губернатор Сан-Томе получил выговор от королевской администрации за то, что препятствовал выбору мулатов в городской совет. Ему было замечено, что эти состоятельные люди и главы семейств имеют полное право состоять на муниципальной службе. То же самое можно сказать и о большинстве муниципалитетов в Западной Африке, за исключением Луанды, по крайней мере вплоть до XVIII в. Белые люди редко долго жили в Западной Африке, и подавляющее большинство представителей обоих полов спустя несколько поколений имели такой внешний облик, будто по ним «не раз прошлись кистью для дегтя». На протяжении почти всего XVII и всего XVIII столетий Сан-Томе пребывал в состоянии хронической анархии, когда раздираемое противоречиями общество имело тенденцию превратиться скорее в подобие африканского, чем европеизированного.

Однако повсюду сохранялась тенденция поддерживать доминирование белого (европейского) элемента как можно дольше. Этого удалось добиться в таких местах, как Баия и Рио-де-Жанейро, где был постоянный приток белой крови из Португалии каждый год, а местная аристократия плантаторов-сахарозаводчиков была укоренена в местной почве. То же самое утверждение было справедливо для Гоа и Макао на протяжении 200–300 лет, несмотря на то что гораздо меньшее число белых женщин отправлялось в Азию, чем в Бразилию. В обоих этих местах и, несомненно, в большинстве других поселений Азии и Африки эмигранты-мужчины из Португалии (*reinois*) заключали браки с местными женщинами смешанного происхождения. Затем их дочери выходили замуж преимущественно за португальца-европейца (*reinol*), зачастую низкого происхождения. Подобные браки продолжались на протяжении нескольких поколений, тем самым гарантируя португальцам господствующее положение в местной элите, особенно когда *reinol*-отец мог внести имя своего *reinol*-зятя в списки для выборов в муниципальный совет и члены братства. Грегориу де Матос Герра, поэт-сатирик и писатель, уроженец Баии (но получивший образование в Коимбрском университете), оставил нам свои знаменитые стихи, в которых говорилось о том, что это стало правилом в городе Спасителя (Салвадор) в конце XVII в. Недавние исследования социальной структуры муниципалитета и братства милосердия в Баии показывают, что местные «сильные мира сего» (*poderosos*) были представителями семейных кланов плантаторов и сахарозаводчиков, чьи поместья располагались на плодородной равнине (*Reconcavo*) в окрестностях Салвадора и по берегам залива Всех Святых. Купечество (среди которого преобладали уроженцы Европы) обрело равные права с плантаторами только в 1740 г. Во второй половине XVII в. и первой половине XVIII в. муниципальный совет Рио-де-Жанейро пытался при всяком удобном случае обеспечить членство в нем только для местных уроженцев Бразилии, намеренно исключая из совета купцов-португальцев, даже если они имели бразильских жен с высоким положением в обществе. Уроженцы королевства постоянно протестовали и апеллировали к короне, которая приняла их сторону, что подтверждали королевские указы 1709, 1711 и 1746 гг. В них было заявлено, что поселившиеся в Рио эмигранты из Португалии, которые были «зажиточны, рассудительны и добропорядочны», должны быть внесены в избирательные списки наравне с местными уроженцами, получившими доступ к должности. Необходимо, однако, сказать, что утверждение Жилберту Фрейре об особой значимости негритянского происхождения для бразильцев не имеет оснований. Наоборот, в Бразилии существовали строгие дискриминационные законы в отношении чистокровных негров в течение всего колониального периода, по крайней мере в вопросе членства в муниципалитете. Светлокожие мулаты имели возможность карьерного роста в обществе в некоторых районах, таких как Минас-Жерайс, но очень сомнительно, что они когда-либо становились советниками муниципалитета в Баии и Рио-де-Жанейро.

В муниципальной администрации длительное время существовало также предвзятое отношение к «новым» христианам. Король Мануэл, как мы уже видели, несмотря на насильственное обращение евреев в христианство в 1497 г. в его правление, впоследствии постарался сделать все возможное, чтобы интегрировать их в португальское общество, запретив все виды дискриминации по отношению к новообращенным. Так, в 1512 г. он издал указ, что один из 4 уполномоченных от мастеровых в муниципальном совете Лиссабона должен быть из «новых» христиан. Частичный запрет был наложен на занятие муниципальных постов «новыми» христианами в Гоа в 1519 г., но было оговорено, что он действовал только в исключительных обстоятельствах. В 1561 г. муниципалитет Гоа отправил королеве Екатерине (Каталине) прошение издать указ, который строго воспретил бы «новым» христианам занимать любые посты в муниципальном совете. Королева-регент в своем ответе (14 марта 1562 г.) отклонила ходатайство из-за «возможного скандала, который может вызвать» этот указ. Но при этом заметила, что муниципальный совет и вице-король должны действовать втайне и согласованно, чтобы не допустить избрания подобных нежелательных людей. В 1572 г. гильдия ювелиров Лиссабона все еще избирала своих представителей «новых» и «старых» христиан по принципу «пятьдесят на пятьдесят». После восшествия на престол в 1580 г. испанских Габсбургов запрет на официальное занятие постов в муниципалитете (и не только) «новыми» христианами стал более жестким и абсолютным; но запрет часто нарушался в отдаленных колониальных поселениях, куда устремились марраны, спасаясь от преследований инквизиции. В 1656 г. советники муниципалитета Луанды напомнили монарху, что «со времен Филиппа, короля Кастилии» закон запрещал «новым» христианам служить в муниципалитете или в магистратуре. Они предположили, что тем не менее крипто-иудеям все же удалось проникнуть на официальные посты после отвоевания колонии у голландцев в 1648 г., и потребовали «неукоснительного соблюдения» антисемитского закона. Мы уже говорили о том, что испанские иезуиты считали, что уроженцы Сан-Паулу в Бразилии имели большую примесь еврейской крови, но это было явным преувеличением. В целом в Бразилии запрет на занятие должностей «новыми» христианами начал строго соблюдаться где-то с 1633 г., хотя отдельные представители марранов и могли продолжать служить в некоторых бразильских муниципальных советах после этой даты. Но я не могу припомнить хотя бы одного примера за все последующее столетие, указывающего на существование советников подобного происхождения в Гоа и Макао.

Среди характерных особенностей, свойственных как колониальным, так и муниципальным советам Португалии, были их немислимые траты на празднование официальных церковных праздников и дней памяти святых покровителей. Это вело к тому, что не оставалось достаточно средств на ремонт дорог и мостов и проведение других общественных работ. Лиссабонский муниципалитет оказался на грани банкротства в 1719 г. после празднования святого дня Тела Господня, на чем настоял король Жуан V. Муниципалитет Гоа неохотно согласился на сокращение количества религиозных процессий в 1618 г., когда уже стало невозможным поддерживать столь дорогостоящие мероприятия после того, как голландцы и англичане нанесли такой урон португальской торговле в Азии и экономика города оказалась в упадке. Финансы совета еще больше истощились в результате долгосрочных контрибуций, которыми его обременила корона. Деньги шли на приданое Екатерины Браганса по случаю ее бракосочетания с Карлом II и оплату издержек при заключении мирного договора с Объединенными провинциями. Этот двойной сбор, получивший наименование *Dote de Inglaterra e paz de Holanda*, должны были уплатить на пропорциональной основе одновременно муниципалитеты в самой стране и в ее колониях. Одна Бая в 1688 г. платила сумму в 90 тысяч крузадо. Едва в 1723 г. был уплачен последний взнос, как был введен еще один налог, иносказательно названный *donativo*, то есть «свободный дар». Деньги были нужны для заключения в 1729 г. брака между представителями португальского и испанского правящих королевских домов. Срок его уплаты был растянут на 25 лет. И вскоре после того, как были выплачены необходимые суммы, от муниципалитетов

Бразилии снова потребовались деньги в качестве помощи на восстановление Лиссабона после землетрясения 1755 г. Ежегодные выплаты все еще продолжались и 70 лет спустя, когда Бразилия уже получила независимость.

Дополнительную нагрузку на бюджет основных колониальных муниципальных советов (Гоа, Баии, Рио-де-Жанейро и других городов) представляли займы для ведения монархом боевых действий на суше и на море. Эти займы редко погашались полностью, часто имели место лишь символические выплаты. Классическим примером является история займа, предоставить который потребовал от Гоа дон Жуан де Каштру в 1547 г. для оказания помощи Диу. Его клятвенное заверение в том, что он будет погашен, в этот раз оказалось полностью выполненным. Муниципалитет Гоа предоставил большую часть денежных средств на нужды экспедиции, разграбившей город-крепость Джохор-Лама в 1587 г., для армады, освободившей Малакку от голландцев в 1606 г., и для армады, снявшей осаду Ачеха с Малакки в 1629 г. На другом краю империи муниципалитет Рио-де-Жанейро собрал 80 тысяч крузадо в качестве «безвозмездного дара» для флота, которым командовал Салвадор Коррейя де Са-и-Бенавидиш. Последний отвоевал в 1648 г. Луанду у голландцев, тогда как правительство в Лиссабоне направило 300 тысяч крузадо на эту цель, но только в качестве займа. Рио-де-Жанейро и Байя впоследствии щедро выделяли в виде займов и дарений деньги на снаряжение экспедиций с целью освобождения Сакраменто в устье Ла-Платы от испанцев в 1680–1770 гг. Муниципалитет Баии в 1699–1700 гг. даже сделал пожертвования на строительство военного корабля с командой в 300 матросов для освобождения Момбасы, которую осаждали в то время оманцы, хотя действия в Восточной Африке не приносили непосредственной пользы Бразилии, в отличие от Анголы.

Колониальные муниципалитеты были также ответственны, полностью или частично, за снабжение продовольствием и обмундированием гарнизонов в своих городах, за строительство и поддержание в надлежащем состоянии крепостных укреплений, а также за снаряжение прибрежных флотилий, боровшихся с пиратами. Если принять во внимание все эти необходимые и чрезвычайные расходы, неудивительно, что зачастую муниципалитеты едва сводили концы с концами и, как правило, были постоянно в долгах. Поскольку траты на церковные празднества, на армию и флот превышали все другие расходы, ремонт дорог и мостов, прокладкой канализации занимались от случая к случаю, и все это коммунальное хозяйство пребывало в запущенном состоянии. Такое наплевательское отношение к общественным работам усугублялось еще и тем, что дворяне и священство часто отказывались платить свою часть муниципальных налогов. Одни ссылались на аристократические привилегии, другие – на право клира не платить подати. Эти привилегированные классы просто игнорировали все требования, предупреждения и просьбы муниципалитетов. Из официальной переписки видно, что почти все муниципалитеты, включая лиссабонский, постоянно жаловались на эту проблему. Только в столице королевская администрация время от времени вмешивалась в дела муниципалитета, поддерживая его требования строгого соблюдения медицинских предписаний, но это помогало ненадолго. Только когда случалась серьезная эпидемия, как это было с Байей, которую в 1686–1687 гг. посетила желтая лихорадка, «сильные мира сего» вспоминали о предупреждениях муниципального совета. Но не успевала беда уйти, как они вновь возвращались к своей прежней политике обструкции и отказа от сотрудничества.

Следует, однако, признать, что, несмотря на то что большинство советников муниципальных советов в колониях ответственно и серьезно относились к своим обязанностям, неизбежно были случаи nepoтизма, коррупции и хищений муниципальных средств. В XVIII в. в Португалии советники все реже посещали заседания городского совета, да и сами заседания проводились все реже, и повестка дня рассматривалась поверхностно. Хотя этого и нельзя сказать обо всех муниципалитетах. Где появлялись подобные тенденции, как в Португалии, это свидетельствовало о формировании своего рода самодостаточной олигархической системы правления, когда в ротации советников участвовали одни и те же лица и их родственники. Между прочим,

ничего подобного в таких масштабах не было в Испанской Америке того времени. Самые важные муниципальные советы в полной мере использовали свое право непосредственного обращения к короне, и во многих случаях им удавалось повлиять на ее политику и добиться отмены или изменений непопулярных королевских указов. Эти прямые контакты также предоставляли королевской администрации возможность проверить отчеты вице-королей, губернаторов и архиепископов. Монархи из династий Ависской, Габсбургов и Браганса были благодарны муниципалитету в Гоа за предоставленную им объективную информацию. С другой стороны, они же иногда считали, что муниципалитеты заходят слишком далеко в своем протесте против непопулярных указов и правительственных решений. Муниципальным советникам Баии в 1678 г. был сделан строгий выговор за то, что они поступали так, будто делили ответственность за управление Португальской империей с самим принцем-регентом доном Педру. В любом случае монарх и его советники почти всегда внимательно выслушивали просьбы и требования ведущих колониальных муниципалитетов, даже в случае отрицательного ответа.

В противоположность часто высказываемым утверждениям, муниципалитеты в колониях не были простыми «подпевалами», штамповавшими любое решение вышестоящих государственных служащих, независимо от того, были они вице-королями или судьями высокого суда. Несмотря на все свои ошибки и даже там, где советники превратились в самодостаточную закрытую группу, они продолжали все же представлять кроме своих интересы иных местных классов. Их власть, влияние и престиж сохраняли свою значимость на протяжении всего колониального периода, меняясь в зависимости от времени и места. Наиболее важную роль играл муниципальный совет Макао, чье участие в управлении этим особым поселением в течение двух с половиной столетий было весьма значительным. Китайские власти обычно имели дело только с советом, который представлял особый уполномоченный, но не с губернатором, который командовал только фортами и малочисленным гарнизоном. Наиболее достопримечательный факт, что муниципалитет Макао непрерывно выполнял свои обязанности до 1833 г., в то время как другие муниципалитеты в Португалии и ее колониях были лишены указом 1822 г. всех своих функций, за исключением чисто административных. Бразильские муниципалитеты постигла та же самая судьба и почти в то же самое время; их права были сильно ограничены в результате новых правительственных реформ в Португалии в 1828–1834 гг., касавшихся провинциальной администрации.

Quem nao esta na Camara esta na Misericordia (Кто не служит в муниципалитете, тот трудится в братстве милосердия) – так звучит пословица, хорошо знакомая жителям Алентежу. И это справедливо по отношению к обоим общественным институтам в заморских владениях. Подобную мысль в «золотом» Гоа, даже после того, как его слава давно померкла, доносит до нас поговорка, что тот, кто хочет жить высоко, широко и красиво, должен попытаться стать советником в муниципалитете или братом милосердия, а еще лучше – тем и другим. Филиалы в колониях братства *Santa Casa da Misericordia* были основаны приблизительно в то же время, что и муниципалитеты. В некоторых поселениях, например в Макао и Мозамбике, братства появились раньше. Как и в случае с муниципалитетами, братства в колониях образовывались по образцу португальских, или, если быть точнее, по образцу дома милосердия в Лиссабоне, который был учрежден под патронатом короля в 1498 г. Благотворительные организации-братства в крупных городах оставались средневековыми по своему характеру: они делили призываемых на дворян и плебеев вплоть до начала XIX (или, в некоторых случаях, до XX в.). Первые называли «братья высокого положения». Лиссабонский дом предусматривал содержание 600 человек, половина из которых были дворяне, а другая половина – ремесленники и торговцы, среди которых были и представители гильдий. В некоторых колониальных братствах, таких как Макао, все братья были «высокого происхождения», поскольку никто из редкого белого населения не относил себя к рабочим, которые зарабатывают на жизнь трудом своих рук. В Гоа и Баии было сохранено деление на братьев высокого и низкого происхождения.

Количество братств менялось. В Гоа первоначально было 100 братств, в 1595 г. – уже 400, а к 1609 г. их число возросло до 600, но впоследствии резко сократилось вследствие экономического упадка города.

Уставы братств менялись в зависимости от времени и места, но отличались от лиссабонского лишь незначительными деталями. Пересмотренный и принятый в 1618 г. устав братства в Лиссабоне, который с небольшими изменениями действовал в большинстве колониальных братств, требовал, чтобы все его члены были «добропорядочными и с хорошей репутацией, имели страх Божий, были скромными и милостивыми». При малейшем несоответствии предъявляемым к ним требованиям, которые мы теперь перечислим, их немедленно исключали.

1. Чистота крови, без какой-либо примеси мавританской и еврейской, как самого участника братства, так и, в случае если он женат, его жены.

2. Незапятнанная репутация, о которой свидетельствуют дела, слова и законопослушное поведение.

3. Возраст не менее 25 лет в случае, если кандидат холост.

4. Вне подозрения искренность намерений служить в братстве не ради денег.

5. Ремесленник и лавочник обязаны наблюдать за производством работ других членов братства, а не трудиться самим.

6. Умение читать и писать и быть образованным.

7. В достаточно благоприятных обстоятельствах избегать малейшего искушения пустой траты средств, принадлежащих братству, и использования их в своих интересах.

Нельзя было ожидать от человеческой природы, что она сможет соответствовать всем этим завышенным требованиям, особенно в колониальном обществе. Любой человек, которому довелось хоть раз обогнуть мыс Доброй Надежды или попытать своего счастья в Бразилии, был горд как Люцифер и старался казаться идалго, как только получал для этого шанс, о чем имеется масса свидетельств, и не только португальских. Злоупотребления и растраты, конечно, имели место, особенно в XVIII в., но в целом братства милосердия отличали высокая честность их участников и эффективность в течение столетий. Этот факт признавали многие иностранцы, которые в остальном критически отзывались о португальцах, включая французского врача Шарля Делло-на, который жил в Португальской Индии в 1673–1676 гг. «Благотворительность – вот что лежит в основании этого благородного и славного общества, – писал он, – едва ли есть город в пределах Португалии, который не тратил бы деньги на дела милосердия, имея перед собой ту же цель, что и братства, хотя в остальном они ни в чем не зависят друг от друга». Все братства считали дом милосердия в Лиссабоне своим *fons et origo* (первоисточником) и стремились ему соответствовать.

Каждый член братства был обязан соблюдать семь духовных и семь повседневных практических правил, которые требовали приложения физического труда.

1. Накормить голодного.

2. Напоить жаждущего.

3. Одеть нагого.

4. Посетить больных и заключенных в темнице.

5. Дать прибежище расслабленным.

6. Выкупить пленников.

7. Предать земле тех, кто отошел в мир иной.

Во многих местах братства содержали свои госпитали, а в некоторых поселениях управляли местным филиалом королевского госпиталя для больных и раненых солдат. Устав братства милосердия в Макао, учрежденного в 1569 г., предписывал оказывать помощь всем в ней нуждавшимся, независимо от цвета кожи и расы, с оговоркой, что в первую очередь благотворительность должна быть направлена на христиан. Здесь, как и повсюду, бурный рост населения привел к тому, что стало нецелесообразным оказывать благотворительность всем множив-

шимся пролетариям, которые за ней обращались. Во многих поселениях благотворительная деятельность братств ограничивалась местными христианскими общинами, хотя их было и так уже довольно много, ведь к ним, во многих случаях, также часто относили рабов. Устав госпиталя в Макао, пересмотренный в 1627 г., предусматривал, что нужно давать достаточное количество риса и рыбы жителям Тимора и неграм, «чтобы питание их было достаточным и удовлетворительным». Это было очень гуманное положение устава, поскольку в официальном законодательстве подобное требование относительно питания рабов встречалось крайне редко, если оно вообще имелось во владениях других колониальных держав.

Председатель попечительского совета был одним из самых важных выборных чиновников, которые служили в братстве. Предъявляемые к нему требования описаны в Лиссабонском уставе 1618 г.

«Председатель всегда должен иметь дворянское происхождение, быть человеком влиятельным и зрелого возраста, иметь благоразумие, рассудительность и доброе имя, чтобы другие братья могли его признать своим главой и беспрекословно слушаться его. Даже если он будет обладать всеми вышеперечисленными качествами, он не может быть избран, если ему не исполнилось по крайней мере 40 лет. Он должен быть терпимым по отношению ко всем несогласным с его мнением. Он должен отойти от всех других дел, чтобы иметь свободное время на выполнение своих многочисленных обязанностей. И для того, чтобы он приобрел необходимый опыт, претендента следует избирать на пост председателя только спустя год после его вступления в братство».

Одно требование постоянно нарушалось. А именно: запрет занимать любой официальный пост в течение всего года нахождения на посту председателя. Знакомство со списком председателей братства в Гоа с 1552 по 1910 г. показывает, что среди них было 14 вице-королей, 11 архиепископов, 2 инквизитора и множество действующих губернаторов, капитанов, государственных секретарей, контролеров казначейства, судей Высокого суда и представителей королевской администрации, как постоянно занятых на службе, так и отошедших от дел. Разумеется, не все из высокопоставленных сановников серьезно относились к своим обязанностям и всю рутинную работу в отсутствие председателя поручали вести секретарям. Однако подавляющее большинство ответственно относились к делам братства. Пост председателя имел большой социальный статус, несмотря на то что он требовал больших затрат. Деллон писал в 1676 г.: «Первоначально только дворяне избирались на эту должность, но в последнее время стали избирать также купцов. Все пожертвования здесь делаются в пользу бедных, и редко случается, чтобы председатель не потратил до 20 тысяч ливров собственных средств к концу годового срока исполнения своих обязанностей... Самые первые граждане Гоа и высокопоставленные лица, не исключая самого вице-короля, стремятся стать членами братства... Они выбирают каждый год нового председателя, что означает, что каждый может внести свой вклад в общее дело».

В Баии на протяжении веков в правлении братства преобладали представители местной землевладельческой аристократии из числа владельцев плантаций сахарного тростника, тем самым оно имело более выраженный олигархический характер в сравнении с попечительским советом Гоа, где членами братства становились высокопоставленные чиновники. Английский историк А.Дж. Рассел-Вуд показал, что едва ли не полдюжины председателей в братствах в Баии в 1663–1750 гг. были отчасти родственниками. Купцы как таковые появились в списках принятых в эти братства около 1700 г., и с 1730 г. количество принятых в братство росло. Подобный процесс отражал постепенное перераспределение благосостояния в Баии по мере того, как доходы, получаемые от владения государственной собственностью, сменялись доходами от финансовых спекуляций и предпринимательской деятельности. В 40-х гг. XVIII в. несколько бизнесменов были избраны председателями братств милосердия Баии, нарушив монополию земельной аристократии.

Средства братства получали почти исключительно из частных пожертвований и наследств, хотя Святой дом милосердия в Луанде имел свою долю от торговли рабами. Завещатели, с целью искупления прошлых грехов или просто по доброй воле, оставляли, находясь на смертном одре, большие суммы братствам, тем самым надеясь сократить время своего пребывания в чистилище. Монах-доминиканец в Гоа писал королю в 1557 г., что высокопоставленные чиновники, которые расхитили королевские фонды, стараются исповедоваться у «ленивых, глупых и невежественных священников, которые говорят им: «Сир, то, что вы украли у короля, вы можете возместить пожертвованиями на благотворительность. Вы украли у короны 5 тысяч пардао? Тогда пожертвуйте тысячу пардао братствам милосердия, и этого будет достаточно»». Спустя почти два столетия португальский дипломат Луиш да Кунья, который был членом братства в Португалии и высоко оценивал его благотворительную деятельность, сетовал по поводу широко распространенного мнения, «что люди могут искупить украденное ими перед Петром или Павлом, завещая свою собственность братствам, или какому-либо другому благотворительному обществу, или церковному ордену». Однако подобная практика все же способствовала тому, что какая-то часть несправедливо нажитого богатства со временем возвращалась бедным и нуждавшимся, за счет ограбления которых оно (возможно) и было получено.

Кроме того, многие пожертвования и дарения делались из чисто филантропических побуждений. Щедрые суммы пожертвовал братству в Баии Жуан де Маттус де Агиар в конце XVII в., а Марта Мероп более столетия спустя – братству в Макао. Это всего лишь два примера из множества подобных. Оба этих благотворителя по-разному выбились из нищих в богатые. Братство в Баии было облагодетельствовано Агиаром больше чем миллионом крузадо, выделенных из его наследства. Этот капитал имел более достойное происхождение, чем сравнимая сумма, которую завещал лиссабонскому братству дон Франсишку де Лима, скончавшийся в 1678 г. в Сан-Лукаре. В основу его состояния были положены взыскиваемые им поборы в бытность его губернатором Мозамбика в 1654–1657 гг.; скончался он, скрываясь от правосудия, подозреваемый в соучастии в убийстве маркиза де Санде (1667), который за шесть лет до того вел переговоры о бракосочетании Карла II и Екатерины Браганса. И последнее, но не менее важное, рабы часто получали возможность стать свободными, когда их хозяева завещали их местным братствам. Для освобождения от рабства было необходимо безупречно отработать определенный срок.

Золотой век азиатских братств милосердия приходится на XV – начало XVII столетия. В Баии их расцвет наступил во второй половине XVII в., в то время как братства района Минас-Жерайс развивались благодаря подъему экономики, который был обусловлен добычей золота и алмазов в правление короля Жуана V. Братства, как и другие благотворительные организации (*obras pias*) в иберийском мире, временами выступали в роли банкиров и брокеров. В этом отношении они были надежными партнерами, о чем убедительно свидетельствует итальянский путешественник Чезаре Федричи, описавший в 1583 г. свои 18 лет скитаний в Азии. Он утверждал, что любой купец любой национальности, которому пришлось умереть в Португальской Азии и который завещал свое состояние наследникам в Европе при посредстве братства, мог полностью положиться на своевременную его выплату (через Гоа или Лиссабон) «в любом месте христианского мира». Иезуит Фернан де Кейрош столетие спустя приводил классический пример: дело гранадского мавра, умершего в Макао, который завещал состояние своим мусульманским наследникам в Константинополе. После продажи его имущества братство в Гоа дало знать наследникам, что они могут получить вырученную сумму на португальской фактории Кунг в Персидском заливе, тем самым избежав излишних расходов и потери времени в случае пересылки денег через Лиссабон вокруг мыса Доброй Надежды. Честность братства в финансовых сделках и авторитет, который оно имело на протяжении длительного времени, побуждали завещателей оставлять свои деньги в распоряжении дома милосердия, зная, что им найдется достойное применение. Но одновременно братство привлекало к себе внимание

вице-королей и губернаторов содержимым своих сундуков, у которых часто появлялось искушение воспользоваться им, даже несмотря на то, что такая практика была строго запрещена королем. В этом отношении тяжелее всего приходилось братству в Гоа, что способствовало во многом его упадку в XVIII в.

Не подлежит сомнению, что всеобщее снижение требований к работе муниципалитетов в XVIII в. сказалось и на деятельности братств, поскольку и советники муниципалитетов, и братья главного совета братств происходили из одних и тех же социальных слоев. Они были действительно одними и теми же людьми. Первоначально избранные в один из этих общественных институтов не имели права одновременно занимать какие-либо посты в другом. Но на это правило стали постепенно обращать все меньшее внимание, особенно в небольших поселениях с постоянно сменявшимися жителями и нехваткой подготовленных для дела людей. Братья из совета попечителей все чаще уклонялись от исполнения малоприятных ежемесячных дел, таких как посещение заключенных в шумных грязных тюрьмах. Вице-король граф Эрисейра, председатель совета попечителей братства в Гоа в 1718 г., был поставлен в известность, что никто из вновь выбранных попечителей не захотел посещать тюрьмы, приводя в свое оправдание различные причины. Он сразу же предложил свои услуги в этом деле, намереваясь тем самым пристыдить отказников. Братства Баии, Луанды и Макао находились в финансовом кризисе в этот период, но все они смогли преодолеть его и продолжают свою деятельность в той или иной форме и в наше время.

Тогда как братства осуществляли благотворительную деятельность в отношении самого широкого круга бедных и нуждающихся, другие братства мирян при различных монашеских орденах сводили благотворительность только к своим членам и их семьям. Социальное положение этих терциариев, или Третьих орденов, как их часто называли, было различно. В одних братствах были только «чистокровные» белые из добропорядочных семейств, в других – в основном негры-рабы. Самые элитные белые братства строили величественные храмы и залы заседаний с портретами его членов в париках, ослепительная роскошь которых заставила подумывать случайного посетителя-француза, не попал ли он по ошибке «в некий церковный жокей-клуб»? И действительно, сходство было потрясающим. Устав Третьего ордена францисканцев в Мариане, штат Минас-Жерайс, требовал (в 1763 г.), чтобы любой кандидат был «законно-рожденный белый, без всякой примеси крови еврея, мавра и мулата и всякой смешанной расы. Подобное правило касается и его жены, если таковая у него имеется». Это не было чистой формальностью. Изучение родословной предков кандидата часто затягивалось на несколько лет, при этом отправляли письменные запросы в муниципальные советы и братства в отдаленные провинциальные города Португалии с целью проверки предоставленной информации. Те, кто брал в жены цветную девушку или из «новых» христиан, исключались без лишних разговоров. Ордена-терциарии формировались по расовому признаку. Белые, негры и мулаты имели каждые свои братства. Лишь небольшая часть терциариев не делали различий по расовому и классовому признаку. Но в братствах негров-рабов или свободных негров казначеем обычно был белый человек, что было предусмотрено уставом. И все же эти братства для негров и цветных предоставляли помощь и оказывали поддержку угнетенным и презируемым классам, которая полностью отсутствовала во французских, голландских и английских колониях. В XVIII в. в Салвадоре (Баии) существовало 11 братств, посвященных только Божией Матери для цветного населения.

Братства милосердия, подобно братствам терциариев, члены которых были исключительно белыми людьми, являлись стойкими поборниками этнического превосходства белого человека и защитниками классовых различий. То же самое касалось и муниципальных советов, с которыми они были так тесно связаны. Вследствие постоянной нехватки белых женщин во всех португальских поселениях, особенно в Азии и Африке, было неизбежно, что рано или поздно начнут принимать и метисов, как это было с мулатами на острове Сан-Томе в начале

XVI в. Но вопрос о приеме местных уроженцев христиан был совсем другим делом, и если он и имел место, то лишь значительно позднее. В Малакке членство в муниципальном совете и братствах в 1641 г. все еще было прерогативой только белых португальцев, хотя среди них было и некоторое число евроазиатов. Король Жуан IV приказал братству в Макао принимать в свои ряды христиан-китайцев, а сто лет спустя указ Помбала 1774 г. обязал сенат включать шесть известных коренных жителей в муниципальные советы, но оба указа остались мертвой буквой. Даже неграмотные, малообразованные португальцы, родившиеся в Европе, были предпочтительнее на посту советника, чем образованные метисы. В Гоа местные уроженцы индуся-христиане начали вступать в братства милосердия в 1720 г., однако знаменательно, что официально эта инновация не была признана вплоть до 1743 г. Несмотря на ярко выраженное анти-расистское законодательство Помбала 1774 г., нет никаких причин предполагать, что кто-либо из коренных жителей Гоа был выбран в его муниципальный совет ранее начала XIX в. Официальная презентация совета в 1812 г. показала, что почти все его советники были профессиональные военные, а священниками и юристами были местные жители, лишь некоторые из них были с небольшой примесью европейской крови. В Баии преобладание белых в муниципальном совете и братствах, казалось, было постоянным на протяжении всего колониального периода, несмотря на имеющиеся свидетельства о том, что предубеждение против «новых» христиан в совете существенно ослабло между 1730 и 1774 гг.

Братство милосердия было типично португальским общественным институтом, самым замечательным (как полагают некоторые) творением Прекрасной Лузитании. Вне границ империи под его влиянием образовались два учреждения с подобным названием: процветающее братство, основанное в 1606 г. в Маниле по образцу лиссабонского, и братство в Нагасаки, прославившееся по всей Японии своей благотворительностью и прекратившее свое существование в результате начавшихся в 1614 г. преследований. Муниципалитеты и братства были формой представительства и прибежищем для всех классов португальского общества. Знакомство с результатами деятельности этих общественных институтов показывает, что польза, принесенная ими, явно перевешивает все промахи отдельных их представителей. То, как муниципальный совет и Святой дом милосердия смогли адаптироваться в таких разнообразных и экзотических условиях от Бразилии до Японии, одновременно поддерживая тесные связи со своей средневековой европейской родиной, демонстрирует консерватизм, жизнеспособность и упорство португальцев в деле освоения заморских владений.

Глава 13

Солдаты, поселенцы и бродяги

Одно из наиболее разительных отличий Восточной империи Португалии от Западной империи Испании проявлялось в том, что для первой был характерен милитаристский элемент, в то время как последняя после завоевания Мексики и Перу была, в сущности, гражданской в своих основных чертах. В Америке эта разница между двумя империями была выражена значительно слабее. Именно в «золотом» Гоа сложилось типичное и дольше всего сохранившееся португальское колониальное общество, основу которого составляли *soldados* и *casados*, солдаты-холостяки и люди семейные. Все португальские мужчины, на протяжении трех столетий отплывавшие из Лиссабона в Гоа, находились на службе короля. Миссионеры были воинами креста, а подавляющее большинство мирян – солдатами короны. Дворяне и солдаты, женившиеся после прибытия в Индию, обычно получали разрешение оставить королевскую службу, если они того желали, и стать простыми поселенцами или торговцами. В этом случае они становились *casados* (в переводе – «женатыми мужчинами»). Другая часть прибывших была отнесена к *soldados*, которые были военнообязанными вплоть до своей смерти, получения инвалидности вследствие болезней или ранений и женитьбы.

«Это наша пограничная завоеванная территория», – как писал монах-миссионер-францисканец, когда Гоа был на пике своего временного расцвета в 1587 г., и это утверждение постоянно встречается в официальной и неофициальной переписке на протяжении многих лет, начиная с дней Афонсу д'Албукерки. Многие бывалые солдаты вместе с неизвестным автором трактата XVI в. о положении колониальных войск в Индии согласны в том, что все жители Азии были открытыми или тайными врагами португальцев. «Не стоит этому удивляться, ведь если для нас заклятые враги все неверные, то и они отвечают нам тем же... Мы не можем, не прибегая к силе оружия, ни жить в этих краях, ни торговать с местными жителями; нам необходимо постоянно сохранять бдительность». Несмотря на то что многие знающие люди указывали на военный характер предприятия португальцев в Азии, тем не менее, как это ни парадоксально, корона слишком медленно формировала свои постоянные вооруженные силы. За 150 лет со времени захвата Гоа солдатами д'Албукерки так и не удалось организовать постоянную португальскую армию на Востоке и в Африке.

Существовали лишь отдельные небольшие подразделения, которые формировались и распускались по мере надобности. Всех призывников регистрировали, таков был порядок. Все списки личного состава хранились в Гоа. Всем призванным платили по сложной трехступенчатой системе. Размер *soldo*, или солдатского жалованья, зависел от имевшегося военного опыта и ряда других причин. Если оно выплачивалось раз в три месяца, то оно носило название *quartel*; деньгами и натурой (продовольствием) выплачивали *mantimento*, или содержание. Выплаты *ordenado* получали коменданты крепостей и капитаны судов, и сверх этого они не имели никаких иных выплат. Тому, кто получал *soldo*, выплачивалось и *mantimento*. Первоначально выплаты начинались со времени погрузки (или отплытия) корабля из Лиссабона, но приблизительно начиная с 1540 г. отправлявшиеся в колонии уже не получали жалованья, которое им обязывались выплатить в течение полугода, а иногда и года со времени прибытия. На борту корабля солдаты получали довольствие, но часто в виде пайка, и еду еще требовалось приготовить на камбузе.

С самого первого раза королевские власти всегда с задержкой осуществляли положенные выплаты. Приезжих высаживали на пустой берег, бараки для проживания никогда не строились заранее. Все это неизбежно приводило к тому, что новобранцы были вынуждены как-то зарабатывать на жизнь, и не всегда честными способами, прежде чем их отправят служить в дальний гарнизон или отправят в военную экспедицию. Они голодали, побираясь на улицах

или выпрашивая милостыню у ворот монастырей и церковных дверей. Иногда они становились слугами какого-нибудь зажиточного идалго, который мог содержать их, или шли в наемные убийцы. Некоторые оказывались на содержании у некоей любезной дамы (замужней или нет). После того как им удавалось заработать некую сумму денег, если они не проигрывали ее тут же в карты (что случалось довольно часто), они выходили пройтись по улице в одном и том же парадном камзоле, который они надевали по очереди. В период дождей в Гоа и в гарнизонах на побережье людям обычно было невозможно заниматься какими-либо делами, и безделье оказывало на них деморализующее влияние. В оставшиеся месяцы года они должны были служить в прибрежных флотилиях и на конвойных судах, участвовать в военных экспедициях против пиратов Малабарского берега и других врагов или нести гарнизонную службу в многочисленных португальских фортах, разбросанных от Софалы до Молуккских островов. По прошествии 8—10 лет они могли попытаться вернуться в Португалию, имея свидетельство о прохождении военной службы, чтобы потребовать вознаграждения от короны. Только немногие из них могли сделать это, поскольку разрешение от вице-короля необходимо было получить своевременно до посадки на военный корабль, отплывающий на родину, заплатив при этом за переход через океан. Поэтому большинство отслуживших оставались в Азии, где они обзаводились семьями и подавали прошение в администрацию вице-короля в Гоа о назначении им пенсии и заслуженном вознаграждении, что отнимало много времени.

Когда королевская администрация решала, что проситель был достоин награды, то ему вновь дозволялось вернуться на службу. Он мог занять пост коменданта крепости, приносящий большие доходы (в результате взяток и воровства), такой как в Ормузе, или получить разрешение на совершение морского рейса с торговыми целями (наиболее доходными были плавания в Японию между 1550 и 1640 гг.), его могли назначить чиновником в глухую факторию. Большинство грантов предоставлялось на три года, и раздавались они весьма щедро. Диогу ду Коту привел в качестве примера случай с одним приезжим из Лиссабона, имевшим назначение капитаном в Момбасу, которым он не смог воспользоваться по причине того, что до него подобное пожалование уже получили более 30 других просителей. Когда Коту заметил, что придется ждать почти век, чтобы занять должность, тот ответил, что тем временем он сможет устроить себе выгодный брак с девушкой смешанной расы, поскольку ее зажиточные евроазиатские родители страстно желают, чтобы дочь вышла замуж за белого человека. Соблюдая определенные условия, большинство пожалований можно было передать другим людям, и их даже можно было купить и продать, так как продажа должности была обычным делом во всем мире на протяжении столетий, буквально от Китая до Перу. Должности также давались королевской администрацией в качестве приданого для девушек-сирот, отправлявшихся в колонии из Лиссабона, или других заслуживающих это женщин, чем пользовались их будущие мужья. Поскольку смертность европейцев на Востоке была довольно высока, ждать в очереди на занятие пожалованного поста приходилось недолго. Наиболее негативным моментом в этой системе было то, что чиновники всеми средствами за трехлетний срок службы старались пополнить свои карманы. Только таким образом они могли компенсировать свои издержки, поэтому ожидали получения должности или просто покупали ее.

Известная всем недисциплинированность португальских солдат и их бесшабашная манера атаки была предметом критики как друзей, так и врагов. Диогу ду Коту, комментируя катастрофическое поражение португальцев в сражении с корсаром Кунхали в 1599 г., заметил, что португальцы способны на отчаянную атаку, в чем они превосходят другие нации, но и столь же часто позорно бегут. Его современник Франсишку Родригеш да Силвейра, который пережил и победы и поражения, объясняет, что последние повторяют друг друга. Португальцы, высадившись из лодок на враждебном берегу, редко прежде выстраиваются в боевые порядки и только потом атакуют сомкнутым строем. Но каждый солдат стремительно бросается вперед, словно соревнуясь со своими товарищами. Если враг, который обычно выстраивается на

некотором расстоянии, не бежит под этим натиском, то первые солдаты, потеряв силу, уже не в состоянии сражаться, и их не поддерживают с тыла медленно продвигающиеся вперед соратники. Передовые солдаты не видят другого выхода, как отступить, и как можно скорее, зачастую бросая свое оружие. Враг, легковооруженный и быстрый в беге, легко настигает безоружных и рубит им головы. В других случаях, например при штурме Каликута в 1509 г., португальцы успешно овладели прибрежным городом, но солдаты разбрелись по его улицам, начав грабить дома горожан, и побросали свое оружие, чтобы было легче нести тяжелую добычу. Это дало возможность противнику перейти в контратаку, вырезав всех грабителей, с трудом передвигавшихся под грузом трофеев.

Тактики *a outrance* (во что бы то ни стало) придерживалось большинство дворян и солдат на том основании, что португальцы в сражениях были почти всегда в меньшинстве и промедление могло быть фатальным. Такая отчаянная атака, уверяли они, обычно нервнует противника, который не выдерживает и бежит при виде холодной стали. В случае, если португальцы продвигаются в сомкнутых колоннах, то они представляют отличную цель для лучников-индийцев, попасть в которую было совсем не трудно. Родригеш да Силвейра опровергал это утверждение, доказывая, что огнестрельное оружие португальцев имеет большую дальность стрельбы, чем у лука, и что решительная атака в регулярном строю хорошо обученных и натренированных солдат будет более эффективной и безопасной. К счастью для португальцев, большинство их противников на полях сражений представляли собой просто вооруженную толпу, а не организованные и дисциплинированные войска; лишь турки, персы и моголы имели столь же хорошее вооружение. В этих условиях роль командования была более важна, чем обычно, и португальцы выдвинули из своих рядов многих выдающихся полководцев, сражавшихся, подобно средневековым героям, во главе своих войск. Это были такие великие конкистадоры, как Афонсу д'Албукерки, Жуан де Каштру, Луиш де Атайде и Андре Фуртаду де Мендонса. Последний из них получил признание даже такого критика, как Родригеш да Силвейра. Все они могли поддерживать дисциплину в войсках, пускай и временно. Под руководством таких командующих, которые могли удерживать своих бойцов от опрометчивых действий и в случае необходимости вдохновлять их на бой, португальцы одержали много важных и впечатляющих побед. В тех же случаях, когда их вели в бой самоуверенные и неспособные идалго, они терпели тяжелые и унижительные поражения. Первый пример выдающейся победы – успешная оборона Кочина в сложнейших условиях в 1504 г. под командованием Дуарте Пашеку Перейры; а пример противоположный и наиболее ранний – гибель первого вице-короля Франсишку де Алмейды вместе с более чем 60 своими соратниками в стычке с готтентотами вблизи мыса Доброй Надежды в марте 1510 г.

Время от времени до последней четверти XVI в. принимались меры для поднятия воинской дисциплины и улучшения подготовки, но без явных результатов. Афонсу д'Албукерки просил прислать (и его требование было выполнено) нескольких офицеров, которые прошли подготовку в швейцарских войсках, которые были самыми лучшими в то время, но их успехи не пережили его кончины. Вице-король Луиш де Атайде (1568–1571) также предпринял попытку реформ в военном деле, результаты которых были кратковременными, да и усилия испанских Габсбургов в 1580—1640-х гг. были не более успешными. Ни ветеран битвы при Лепанто Антонио де Лейва в 90-х гг. XVI в., ни Франсишку де Мора 30 лет спустя, который служил во Фландрии, не смогли реорганизовать португальские воинские подразделения в Гоа по образцу испанских отрядов пехоты из-за упорного сопротивления дворян. Даже поражения, которые нанесли голландцы португальцам на Цейлоне, не заставили их изменить анахроническую систему организации своей армии. Первый регулярный пехотный полк, который просуществовал всего несколько месяцев, был организован в Гоа в 1671 г., его боеспособность должна была поддерживаться за счет ежегодного набора рекрутов в Португалии. Однако потери личного состава из-за болезней и дезертирства были настолько велики, что значитель-

ную часть рядовых составляли цветные и полукровки. Португальцы также в XVI и XVII вв. сформировали вспомогательные части ласкаров из индийцев, а в XVIII в. – отряды сипаев. Миролюбивые жители Гоа маратхи-конкани мало подходили на роль пушечного мяса. Это помогает понять, почему португальцы редко прибегали к их помощи, в отличие от французов и англичан, которые широко использовали части сипаев во времена Дюпле и Клайва.

С другой стороны, португальцы, в отличие от других европейских колониальных стран, больше рассчитывали на боевые качества своих африканских рабов. Жуан де Барруш писал в 1539 г. о храбрости и верности негров-рабов из Гвинеи и призывал своих соотечественников чаще использовать их, как поступали мавры. Ведь военный потенциал этих негров превосходил таковой знаменитых швейцарских наемников. «И они так отважны, что с их помощью мы завоевали многие земли, в которых нет таких воинов». Почти век спустя Эдуард Монно, свидетель неудачного штурма персами крепости Ормуза во время ее осады в 1622 г., так описывал тактику защитников: «Основную работу сделали негры, которых португальцы поставили впереди в проломе стены; они забрасывали атакующих горшками с порохом, в результате чего многие персы просто сгорели». В другой части Азии катастрофический провал штурма Макао, предпринятый голландцами в Иванов день того же года, голландские командиры объясняли самоотверженностью его защитников, негров-рабов. «Португальские рабы, кафры и другие, в опьянении бесстрашно бросались на наши мушкеты, что было поразительно... Португальцы отбили у нас Макао с помощью своих рабов. Солдаты совсем не участвовали в сражении, поскольку их нет в Макао, и лишь в Малакке находятся три роты численностью в 180 человек. Вы только посмотрите, как противник без особых усилий смог удержать свои владения, когда мы понесли такие потери».

В рассказах португальцев об этой замечательной победе, в которых, естественно, утверждалось, что защитниками Макао в значительной мере были белые и португальцы, родившиеся в Азии, вопреки мнению голландцев, также подчеркивалась храбрость и верность негров-рабов, многим из которых была дарована свобода их благодарными хозяевами. В этих повествованиях особенно часто упоминалась одна негритянка, которая так храбро сражалась с врагами, ловко владея смертоносной алебардой, что удостоилась чести быть сравненной со средневековой португальской героиней, девушкой из пекарни в Алжубарроте, убившей семь испанцев лопатой, которой вынимала хлеба из печи. Негры-рабы часто входили во вспомогательные боевые части на Цейлоне. Сингальская эпическая поэма *Parangi Natane* рассказывает о «кафрах, которые, подобно горным кошкам, жирели на мясе и опьянялись вином», как о самом грозном противнике.

Губернатор Макао, в 1651 г. напоминая в письме вице-королю Гоа о малочисленности своего гарнизона, просит присылки подкреплений – португальцев, родившихся в Европе, и негров-рабов, сильных и воинственных, не похожих на «тщедушных метисов» из Индии, бесполезных в качестве солдат. Многие из современных горячих сторонников планов Афонсу д'Албукерки создания смешанной, но имеющей все права христианской индо-португальской нации на основе браков европейцев-мужчин с избранными индийскими женщинами арийского происхождения часто не замечают сильного противодействия политике Албукерки со стороны его современников. В 1545 г. королевским указом было строго запрещено «сыновьям португальцев, родившихся в тех краях» поступать в солдаты. Это запрещение было подтверждено в 1561 г. Городской совет Чаула в 1546 г. протестовал против подобной дискриминации, а 15 лет спустя вице-король Гоа высказал мнение, что королю следовало бы разрешить брать в солдаты заслуживающих того еврозиатов. На самом деле этот запрет не мог действовать на протяжении длительного времени, поскольку было крайне непрактично не принимать на службу метисов, когда были такие колоссальные потери среди солдат, уроженцев Европы. Но большинство вице-королей было настроено критично в отношении физических качеств метисов, которые, как они считали, были слишком изнежены и женственны, чтобы нести активную военную и

морскую службу. От новобранцев 1634 г. требовалось, чтобы у них был максимально высокий процент европейской крови. Они должны были взять справку у своих приходских священников, которая могла подтвердить, что они были сыновьями или внуками уроженцев европейской Португалии. Интересный факт, что единственное исключение, которое сделал Помбал в проводимой им политике расового равноправия христиан, независимо от того, родились ли они в Европе или Азии, касалось состава артиллерийского полка, сформированного в Гоа в 1773 г., солдаты которого были выходцами из португальских семей Европы. Королевский декрет 28 апреля 1792 г. отменил это правило, и вместе с ним исчезли последние следы официальной (в отличие от неофициальной) расовой дискриминации в вооруженных силах Португальской Индии.

В повседневной жизни предрассудки, как правило, укоренены более глубоко в сознании людей, в отличие от постоянно меняющегося официального подхода к межрасовым отношениям. Переписка вице-королей Гоа с XVI по XIX в. пестрит действительными и надуманными свидетельствами об униженном во всех отношениях положении метисов и уроженцев Гоа в сравнении с родившимися и воспитывавшимися в Европе португальцами. Когда это было возможно, вице-короли и губернаторы ставили белых португальцев на основные военные и административные посты. Точно также поступали архиепископы и епископы при утверждении претендентов на высшие церковные должности. Советники муниципалитета Гоа, большинство которых имело евроазиатских жен, обратились в 1607 г. к монарху с жалобой, что все вакантные места в государственных учреждениях и в армии сразу же занимают юнцы, недавно приехавшие из Португалии и не видевшие ни одного сражения. Были, конечно, и исключения, как в случае с Гашпаром Фигейрой де Серпа на Цейлоне. Отец этого идальго был португальцем, а мать – сингалкой. Его выдающиеся военные способности дали ему возможность занять пост главнокомандующего португальской армией в войне с голландцами и сингалами в 1655–1658 гг. Можно привести в пример местных браминов, в жилах которых не текло ни капли европейской крови и которые становились дворянами и рыцарями при королевском дворе. Но такие примеры были исключением из общих правил. Многие родившиеся в Португалии дворяне, которые имели евроазиатских жен и свой дом на Востоке, жаловались, что не только их сыновей, но их самих обходят при назначении на какую-либо должность; при этом выбор делается в пользу зеленой молодежи, совсем недавно прибывшей из Португалии и надеявшейся через какое-то время вернуться. Застарелая неприязнь к уроженцам Гоа выражалась еще более окровенно, и с самого начала их клеймили как трусливых, подлых и ненадежных. Фредерику Диниш д'Айяла, отпрыск знатного семейства Гоа, отразил эти напряженные национальные взаимоотношения между европейцами, метисами и гоанцами в своей книге «Гоа древний и современный» (Лиссабон, 1888). Он подчеркивает то постоянное презрение, с которым португальцы относились к местным индийцам, – «презрение столь глубокое и естественное, что любой португалец считал себя в силах штурмовать целое их поселение».

Несмотря на то что на колониальном обществе в Португальской Индии на протяжении нескольких веков лежала печать воинственности, в то же самое время развивались торговые и морские связи, так как почти все от вице-короля до юнги занимались торговлей открыто и на стороне. Люди семейные, или *casados*, зарабатывали на жизнь, в основном занимаясь морской торговлей в Азии, осуществляя каботажные плавания между портами, и в меньшей степени поставкой товаров в Лиссабон, используя морской путь вокруг мыса Доброй Надежды. Продолжительная Голландская война (1600–1663) разорила многие семейства, и португальская часть межпортовой торговли в Азии с этих пор резко уменьшилась в сравнении с голландской и английской. В основе больших состояний *casados* лежали доходы, полученные от владения плодородными землями «Провинции Севера», пока их не захватили маратхи в результате войны 1737–1740 гг. Отныне единственным источником их существования была служба в офицерском корпусе индийско-португальской армии, где политика эгалитаризма Помбала давала им

большие возможности продвижения. Хотя некоторые офицеры в армии и на флоте, которые в XVIII в. приезжали каждый год из Европы, как и некоторые штатские правительственные чиновники, получавшие посты в Гоа, Дамане и Диу, женились на представительницах местных евроазиатских семейств и оставались там, класс *Descendentes* (*nopm*, «потомки»), как теперь назывались метисы, не был многочисленным. В 1866 г. в Гоа их насчитывалось всего 2240 человек, но расформирование индийско-португальской армии шестью годами позже лишило большинство мужчин средств существования. Многие семьи были доведены до нищеты, и некоторые из них вынужденно слились с *Canarins* (*nopm*, «уроженцы Гоа»), которых они столь долго презирали. К 1956 г. было всего лишь немногим более тысячи *Descendentes* среди почти полумиллионного населения, и, вероятно, их стало еще меньше в результате эмиграции после оккупации Индией Гоа шесть лет спустя. Нет более ошибочного (и общепринятого) мнения, что в жилах всех жителей Гоа течет португальская кровь. Большая их часть – это этнические индийцы, хотя благодаря принятию ими католицизма, образа жизни и языка португальцев, наряду с заимствованными португальскими именами, они интегрировались в культурный мир португальцев.

Неискоренимая черта любого общества, основанного на рабском труде, – половая распущенность, что была присуща также солдатам и поселенцам в Португальской Азии и которая порицалась представителями церкви. Один итальянский иезуит-миссионер так писал в 1550 г. из Индии святому Игнатию Лойоле в Рим: «Ваше Преподобие должны знать, что грех блуда так широко распространен в этих краях, что он ничем не сдерживается, что приводит к серьезным последствиям и проявляется в открытом неуважении Святых Таинств. Я говорю о португальцах, которые безоговорочно переняли все пороки и обычаи этой страны, включая порочный обычай покупать гуртом рабов, женщин и мужчин, словно овец, больших и малых. Несчетное число мужчин покупают каждый сразу несколько девушек и спят с ними, а потом продают. Есть множество женатых поселенцев, которые имеют четыре, восемь или десять рабынь и спят со всеми ними, что известно всем. Это превосходит всякую меру; так, один мужчина в Малакке имел 24 женщины разных народностей, которые были его рабынями, и он сожительствовал со всеми ними. Я привожу этот пример, так как он всем известен. Большинство мужчин, как только у них появляется возможность купить рабыню, сразу делают ее своей любовницей, совершая помимо этого всякие другие непристойности в моем скромном понимании».

Полтора столетия спустя падре Франшишку ди Соуза (Соза), иезуит из Бразилии с португальскими корнями, говорил то же самое о широко распространенной проституции среди женщин-рабынь в Португальской Азии и сексуальных связях португальских солдат с местными женщинами, «покрывающих нас несмываемым позором». Простой европейский и евроазиатский ремесленник имел от 15 до 20 женщин-рабынь; а один кузнец-мулат в Гоа в XVII в., как утверждали, обладал 26 женщинами и девушками, исключая рабов-мужчин, в его домашнем хозяйстве. Состоятельные горожане и чиновники часто владели от 50 до 100 рабами, занятыми в хозяйстве, а у богатых дам их было свыше трехсот. Такое большое количество рабов давало престиж и повышало социальный статус их владельца. Это было отличительной чертой жизни португальских колоний в Африке и Южной Америке, так же как и в Азии.

Но не только женщины-рабыни разного цвета кожи, подобные смуглой «Барбаре Эшкраве», которой Камозэнс (Камоинш) посвятил одну из своих самых очаровательных поэм, влекли к себе португальцев. Индийские профессиональные храмовые танцовщицы и проститутки производили потрясающее впечатление на многих идалго, о чем свидетельствует нескончаемый поток официальных обличительных документов и законодательные меры против этих «гарпий», принимавшиеся вице-королями и архиепископами в 1598–1734 гг. Наши современники, с неподдельным интересом наблюдающие за любовными похождениями Джеймса Бонда и подобных ему персонажей, вряд ли стали бы реагировать на проявление лужитанского либидо в XVI–XVII вв. в Азии подобно иностранцам Яну ван Линсхотену,

Пюару де Лавалю, Никколоа Мануччи и прочим – со смешанным чувством ужаса и восторга. Не говоря уже при этом о брезгливом презрении иезуитов-миссионеров и прелатов церкви. Конечно, дети, родившиеся в этом браке от матерей-рабынь, редко имели возможность получить соответствующее воспитание и образование. В то же время те, кто родился в законном браке, довольно часто попадали под разлагающее влияние окружающей среды. Более того, тот принцип свободы сексуальных связей мужчины, независимо от его положения в колониальном обществе, не распространялся на женщин. Мужчины, убивавшие своих жен по подозрению в супружеской измене, редко подвергались судебному преследованию.

Итальянский путешественник Никколоа Мануччи, один из самых строгих критиков португальцев в Индии, который описывал Гоа (в 1666 г.) как «место, где предательство правит бал, где нет страха Божьего и ни во что не ставят иностранцев», признавал, что «есть между ними и люди искренние, как и среди других народов». Если разврат, воровство и предательство довольно часто встречались в португальских поселениях от Мозамбика до Макао, одновременно имели место благотворительность, радушие и гостеприимство. Путешественник Питер Манди из английского Корнуолла оставил нам описание своего пребывания в зажиточном семействе в Макао, в котором он гостил в 1637 г. У хозяина-португальца было несколько рожденных здесь дочерей, и Питер писал, что «нигде в мире, за исключением Англии, не найдется столь прекрасных лицом и статью созданий, которые могли бы так богато одеваться, украшая себя драгоценностями; при этом их излюбленным нарядом было японское кимоно, которое сообщало им особую грацию». Обеды устраивались роскошные, с несколькими переменами блюд, подаваемых на серебряных тарелках, которые менялись с каждым новым яством. «Почти тот же самый этикет соблюдался и при сервировке вин; рядом с каждым прибором стоял серебряный кубок, которые сразу же, как только они опустошались, наполнялись великолепным португальским вином. Во время обеда пели, и звучала музыка, исполняемая на лире и гитаре». Если в XVI и XVII вв., не ясно, по какой причине, часто были слышны жалобы на роскошь, аморальное поведение и опасность существования в Португальской Азии, особенно в Гоа, в XVIII в. на смену им пришли сожаления о бедности и серости жизни.

Если колониальное общество в Португальской Азии на протяжении столетий составляли военные и купцы, то в Португальской Америке и в других местах оно развивалось несколько в ином направлении. Оба общества сильно зависели от рабского труда, но плантационное рабство было присуще только Америке. Лишь отдельные поместья (*prazos*) имелись в районе Замбези в Африке, где выращивали экспортные культуры, урожаи которых были незначительны. Когда закончилось время первопроходцев из «Новой Лузитании», на смену лесорубам в бразильских лесах и торговцам пришли владельцы плантаций сахарного тростника, а затем и производители табака в районах прибрежных поселений, где сахар так и оставался королем экономики на протяжении всего колониального периода. Плантация сахарного тростника была самостоятельным хозяйственным предприятием; кроме самих посадок этой культуры здесь были оборудованы дробильные машины, котлы, чаны и перегонные кубы; сахар перевозили на повозках, запряженных быками, на лодках и баржах. Работали только негры-рабы под надзором десятников, надсмотрщиков и управляющих, многие из которых были мулатами. Самые богатые плантаторы, владельцы сахарных заводов (*senhores de engenho*), быстро превратились в патриархальную сельскую аристократию, власть которой на своей собственной земле была абсолютной; плантаторы оказывали громадное влияние на гражданскую политику, принимая участие в работе муниципальных советов. Вот описание этого класса, сделанное в самом начале XVIII в.: «Быть владельцем плантации и энженьо – большая честь, к которой многие стремятся, потому что это дает власть и обеспечивает покорность и уважение многих людей. И если он, а часто это так и бывает, человек состоятельный и имеющий административную власть, то в Бразилии к нему относятся с тем же почтением, что и к титулованной знати в Португалии».

Столетием позже Сантос Вильена заметил, что *senhores de engenho* «обычно высокомерны и надменны, и столь тщеславны, что считают – никто не может сравниться с ними». Наряду с этим они также славились, как правило, поразительным гостеприимством. Арендаторы земельных участков на плантациях (*lavradores de canas*), которые должны были поставлять тростник на сахарный завод, и производители табака и рома, сколачивавшие довольно значительные состояния, редко достигали такой же славы и известности. Плантатор был во многом подобен монарху.

В конце XVII – начале XVIII в. в разное время и в разных районах сложились еще две социальные группы – крупных скотоводов и старателей. Первые владели большими стадами коров, которые паслись на принадлежавших им обширных участках пастбищных земель в сертане, внутренних засушливых районах Бразилии. Золотодобытчики обогатились на шахтах в штате Минас-Жерайс.

Постепенное продвижение посевов культур сахарного тростника и табака из прибрежных районов в сертан способствовало его освоению. Скотоводы и перегонщики скота, которые были, в большинстве своем, смешанного происхождения – белые, негры и индейцы, – проникали все дальше во внутренние области страны в поисках новых пастбищ по долине реки Сан-Франсиску и другим естественным путям. Это движение стало особенно заметным после 1650 г., и многие местные названия городов, расположенных в западном направлении, указывают на это – Кампо-Гранде, Кампинас, Курраль-дель-Рей, Кампос, Вакария и др. Все перечисленные нами виды занятий не были несовместимы друг с другом, и наиболее предприимчивые личности совмещали их в одном лице. Жуан Пейшоту Вьегас, графика которого воспроизводит яркие сцены обыденной жизни Баии, одинаково успешно выращивал сахарный тростник и табак, занимался скотоводством и был советником муниципалитета и членом братства милосердия. Мануэл Нуньеш Вьяна, эмигрант из Минью незнатного происхождения, стал одним из известнейших владельцев ранчо в малонаселенной долине реки Сан-Франсиску и только потом сделал себе состояние на добыче золота в Минас-Жерайсе, где он возглавил португальцев-золотоискателей в их борьбе с паулистами в 1708–1709 г. Так же как и в случае с плантаторами, крупные скотоводы и земельные магнаты внутренних районов часто брали на себя отправление правосудия. Все усилия короны в законодательном порядке ограничить размер их латифундий не имели долгосрочного эффекта. В XVIII в. предприниматели в оптовой и розничной торговле крупных городов и подрядчики многочисленных королевских монополий обрели влияние в таких городских центрах, как Салвадор, Ресифи, Рио-де-Жанейро и Ору-Прету. Однако патриархальную аристократию колониальной Бразилии всегда представляли плантаторы-сахарозаводчики, и именно из этого класса выходили известные государственные и политические деятели империи XIX столетия.

Плантаторы способствовали принятию закона, запрещавшего наложение ареста на их имущество – плантации, сахарные заводы и иную недвижимость – за долги. Кредиторы не имели права взыскивать более чем один урожай за сезон. Раздел наследства был также запрещен, и вся собственность переходила к первенцам. Несмотря на простое происхождение многих известных плантаторов, эта патриархальная сельская аристократия имела гораздо большее влияние, чем аристократы-землевладельцы в Португалии, которых в 1719 г. английский посол в Лиссабоне лаконично охарактеризовал следующим образом: «Основной закон этого королевства предписывает аристократии во всем подчиняться желанию короля. Только их титулы остаются за ними на всю жизнь; их поместья – это в основном королевские земли, хотя и дарованные им в пожизненное пользование и передаваемые по наследству, но владение ими полностью зависит от монаршей милости, от того, насколько аристократы лояльны королю». Эндогамия, когда двоюродный брат брал в жены двоюродную сестру, а дяди женились на племянницах, была частой практикой в высших классах общества и в Португалии, и в Бразилии, что привело к формированию в Бразилии земельной аристократии, для которой были характерны браки

между родственными семействами. Их обширные и часто заброшенные поместья во внутренних районах страны обладали иммунитетом, так что чиновники колониальной администрации не имели права вмешиваться в их дела. И это несмотря на то, что первоначально эти земли жаловались короной в виде наделов определенной площади (*sesmaria*), и если земли не возделывались и не использовались должным образом, то они могли быть экспропрированы.

Хотя военный аспект колониальной жизни в Португальской Америке не проявлялся столь явно, как в Португальской Азии, все же в Бразилии в XVIII в. получило распространение одно любопытное связанное с ним явление. Все те, кто владел землей, будь то плантаторы, скотоводы или золотоискатели, стремились заполучить воинские звания и почетные награды, которые давали их обладателям авторитет и власть. Губернаторы колоний прекрасно осознавали этот факт и потому часто напоминали короле, что раздача воинских званий через суд была наилучшим и самым дешевым способом гарантировать лояльность влиятельных людей сертана. Процесс начался в Минас-Жерайсе, когда после окончания военных действий в 1709 г. приступили к щедрой раздаче званий (бригадира, полковника и далее по списку) участникам отрядов милицейского ополчения. Плантаторы Баии и Пернамбуку, крупные скотоводы долины Сан-Франсиску и Пиауи потребовали для себя того же самого. Корона часто порицала готовность губернаторов колонии раздавать всем незаслуженные звания. Так король Жуан V не дал своего согласия на введение нового звания в милиции в 1717 г., он объяснил это тем, что ему «сообщили, что при различных назначениях соискатель стремится только получить звание и сопутствующие этому почести, а не исполнять свои обязанности». При этом, кроме дарования различных привилегий, произведенный в новое звание также освобождался от уплаты некоторых налогов. Корона не намеревалась распространять привилегии на большое количество людей, однако подобная практика продолжала процветать. «Полковник», никогда не служивший в армии, стал привычной фигурой в сельской местности в Бразилии. В других частях империи землевладельцы Замбези, племенные вожди и местные начальники на Португальском Тиморе тоже получали почетные офицерские звания, и этот обычай сохранился до наших дней.

Стремлению высших классов Бразилии получить высокие должности в отрядах народного ополчения резко противоречило крайнее нежелание всех бразильцев служить в регулярной армии и на флоте, о чем мы уже говорили. Три губернатора Бразилии, временно занимавшие свой пост в 1761 г., один из которых был командиром гарнизона Баии, сообщали в Португалию, что жители Баии испытывают неподдельное отвращение к военной службе. И «что ни один из них даже не попытается убедить своего сына пойти служить и, более того, даже офицеры, имеющие отпрысков мужского пола, нисколько не намерены заставлять их идти в армию». Регулярные части в Баии комплектовались в основном «бродягами и местными мулатами». Подобные сообщения поступали постоянно из Параибы, Пернамбуку, Рио-де-Жанейро и Сакраменто на протяжении всего XVIII в. Дезертиров во всех этих городах было много, ведь так легко было скрыться в сертане.

Подобно тому как это происходило в португальских владениях в Азии и Африке, регулярные воинские подразделения в Восточной Бразилии и Мараньяне появились с большим запозданием. Первый пехотный полк, созданный на постоянной основе, прибыл в Байю в 1625 г., когда у голландцев был отвоеван Салвадор. Позднее к нему добавился второй полк, а затем был сформирован артиллерийский полк. Регулярные воинские части появились в это время в Рио-де-Жанейро, Сакраменто и других местах. Только драгуны в Минас-Жерайсе рекрутировались с 1719 г. исключительно в северных районах Португалии. После переноса в 1763 г. столицы колонии из Баии в Рио-де-Жанейро для укрепления южных гарнизонов из Португалии были присланы несколько пехотных полков (из районов городов Мора, Бежа и Эштремош). Боеспособность этих частей необходимо было поддерживать за счет периодически проводимого солдатского набора в Португалии. Но в большинстве случаев их ряды при-

ходило пополнять местными рекрутами, что, как оказалось, было делом тяжелым и малоэффективным.

Белые и цветные солдаты служили бок о бок в пехотных полках. В 1699 г. корона сделала выговор губернатору Сакраменто за то, что он отказал в приеме в армию несколькими рекрутами по причине того, что они были мулаты. В милицейские части брали обычно цветных, и их офицерский состав был того же цвета кожи. Несмотря на нежелание местных белых жителей служить вместе с цветными в милиции Баии, в 1731 г. вышел королевский указ, обязывавший их к этому. Вице-король сообщал, что белые жители Баии решительно отказываются находиться в одних и тех же ротах с мулатами и получившими свободу неграми, и короне пришлось дать разрешение в 1736 г. организовывать полки на расовой основе. Следует подчеркнуть, что даже в регулярных армейских частях, в которых служили вместе белые и цветные, проводилась официальная политика выплаты жалованья и повышения в чине в первую очередь белым. Один солдат из гарнизона Баии обратился с просьбой к королевской администрации за разрешением выйти в отставку после 18 лет службы, «поскольку он простой мулат и ему не видать никакого повышения». Проблема осложнялась еще тем, что воинская служба и в самой Португалии была крайне непопулярна, что объяснялось низким жалованьем и его несвоевременными выплатами, зачастую в половинном размере, даже во время войны. Это нашло отражение во многих португальских народных песнях, в которых говорится о «глупой девушке, мечтающей выйти замуж за солдата, и лучше ей в таком случае умереть».

В этих условиях спасительным средством могла стать принудительная вербовка нищих, бродяг и уголовников, которых насильно отдавали в солдаты для несения военной службы в заморских колониях на срок от нескольких лет до пожизненного. На кораблях первопроходцев Васко да Гамы (1497) и Педру Алвариша Кабрала (1500) среди матросов были и ссыльные, но их количество резко выросло в XVII и XVIII вв., когда «благовонные пряности Индии» влекли многих добровольцев. Подобные силовые методы набора в армию существовали, конечно, и в других странах. Стоит только вспомнить, что пополнение английского военного флота на протяжении столетий сильно зависело от групп вербовщиков. Людям, заподозренным в совершении преступлений, предоставлялся выбор между воинской службой и тюрьмой; и эта практика существовала и в XIX в. В Португалии судей критиковали за то, что они приговаривали людей, виновных в серьезных преступлениях, не к галерам, а к ссылке в заморские колонии, и Корона сама меняла смертную казнь на пожизненную депортацию. Жестокая судебная система в Португалии и Великобритании приговаривала виновных в мелком воровстве и незначительных правонарушениях к длительным срокам тюремного заключения и ссылке. Эти нарушения в наши дни карались бы небольшим штрафом, или дело ограничивалось бы предупреждением. На каждую флотилию и почти на каждый корабль, отправлявшийся из Лиссабона в Индию, Африку и Бразилию, выделялась в XVII и XVIII вв. квота на ссыльных. В некоторые места с нездоровым климатом и дурной славой, такие как Бенгела и Сан-Томе, во второй половине XVII в. прибывал только такой контингент да правительственные чиновники.

В 1667 г., например, был опубликован ряд королевских указов о порядке отправки партий заключенных, и нет причин предполагать, что они были приняты в порядке исключения. Судам было приказано выносить приговоры по делам, еще ожидающим судебного решения, в порядке суммарного производства. Виновные в незначительных преступлениях, таких как бродяжничество, приговаривались к высылке в Мазаган (последняя удерживаемая португальцами крепость в Марокко). Те, кто был виновен в более серьезных преступлениях, депортировались в Мараньян (в Бразилии) и Кашеу (в Португальской Гвинее). В Кашеу в то время была нехватка кузнецов и каменщиков, и задачей мировых судей было найти их среди заключенных и отправить туда. «Лиссабонская газета» от 15 марта 1723 г. сообщала об отплытии двух судов в Гоа с офицерами и солдатами, вызвавшимися добровольно служить там. «На борту судов находится также много бродяг и воров, которым по милости Его Величества было раз-

решено покинуть эти два района города» – восточный и западный Лиссабон. В эту эпоху было общепринято, что за несколько недель до отплытия в Индию очередного военного корабля всем окружным судьям рассылалось официальное письмо-напоминание выявить и арестовать как можно больше потенциальных и явных преступников для отправки их, по вынесении приговора, в заморскую колонию. «Ваша милость должны арестовать не только тех людей, которые своими преступлениями наносят урон общественному благополучию, но и тех, что пребывают в праздности». Все, кто был молод и физически крепок, были приговорены к солдатской службе. Среди тех, кого наказали подобным образом, были целые общины цыган, по отношению к которым король Жуан V испытывал, казалось, одну только ненависть, причину которой я не вижу. Эти несчастные всех возрастов и обоих полов, в отсутствие какого-либо возможного обвинения, были погружены на корабли и отправлены в Бразилию и Анголу. Это была попытка, в значительной мере тщетная, окончательно искоренить цыган в Португалии.

Высылаемые из Португалии асоциальные элементы наводняли колониальные портовые города Ресифи, Байю, Луанду, Мозамбик и Гоа, неизбежно усугубляя и так уже сложную общественную ситуацию. Налаживанию здоровой семейной жизни препятствовали проституция, распространенная в среде рабынь, и случайные связи между белыми мужчинами и цветными женщинами. Антониу де Оливейра де Кадорнега, солдат и хронист, писал в 1682 г. в Луанде: «Рождается много детей-мулатов у солдат и других колонистов от их связей с негритянками и все из-за отсутствия белых женщин». Дети, появившиеся в результате этих беспорядочных и временных союзов, если они доживали до взрослого возраста, становились преступниками и бродягами, девочки – проститутками, оказываясь на самом дне общества. Многие ссыльные сразу же по прибытии на новое место поселения убегали, а те, кому это не удавалось, пополняли ряды люмпенов, как презрительно называли колониальные чиновники отверженных обществом людей. Задача поддерживать закон и порядок в криминогенной городской среде была делом непростым, о чем свидетельствуют рассказы путешественников и официальная переписка того времени. Убийства и насилие на улицах были повседневным или, лучше сказать, ночным явлением.

В августе 1671 г. губернатор Пернамбуку послал в Лиссабон список 197 личностей обоего пола, умерших только за последнее время насильственной смертью в городе Олинда, не считая тех, кто отделался всего лишь ранениями. Среди жертв насилия были разные люди, от капитана, убитого ударом меча, до негра, засеченного до смерти, большинство из них были низкого социального происхождения. Итальянский артист, проведенный в Баии несколько недель в 1699 г., писал, что любой человек, вышедший после наступления темноты на улицы Салвадора, подвергал себя большому риску. Каждое утро находили 25–30 трупов, несмотря на бдительность военных ночных патрулей. В этом отношении и сам Лиссабон имел незавидную репутацию, его жители в ночное время не могли считать себя в безопасности. Но это было характерно и для других европейских городов до появления уличного освещения и полиции. Преступления в Бразилии совершали, как правило, «пеоны, метисы и люди подобного сорта», как сообщал в начале XVIII в. губернатор Пернамбуку; часто им просто поручали люди вышестоящие выполнить грязную работу наемных убийц. Подобно своему предшественнику, в 1671 г. он обратился к монарху за позволением приговорить к смерти «индейцев, бастардов, мулатов и негров, осужденных за совершение жестоких преступлений». Губернаторы Баии, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Минас-Жерайс уже имели право самостоятельно приводить в исполнение судебные приговоры, но власти Пернамбуку получили его только в 1735–1737 гг.

Идеалы, или идеи, вдохновлявшие португальцев, которые добровольно покидали свою страну и становились первооткрывателями, моряками, солдатами, поселенцами, купцами и миссионерами, начиная с 1415 и вплоть до 1825 г., были самыми различными – от возвышенного жертвенного идеализма до низменного стремления к материальным приобретениям. Большинство, как и все прежние и последующие эмигранты, покидая страну, возможно, просто

надеялись улучшить свое общественное и материальное положение и избежать грозившей им дома нищеты. Однако на Иберийском полуострове дольше, чем где-либо еще в Европе, сохранялся дух крестовых походов, и многими из тех, кто отправлялся в Африку и на Восток в XV и XVI вв., двигало стремление сразиться с неверными. Этот рыцарский идеал нашел отражение в речи короля Афонсу V, обращенной к сыну и наследнику, «идеальному принцу», когда его посвящали в рыцари в обгащенной кровью мечети Арзилы, в тот день, когда эта крепость была отбита у мавров после ожесточенного рукопашного боя (24 августа 1471 г.).

«И прежде чем я, твой король и твой отец, посвящу тебя в рыцари, тебе следует знать, тебе следует понять, что рыцарство – это сочетание добродетели и полной достоинства власти, способной решительно установить мир в стране, когда алчность и тирания, обуреваемые желанием властвовать, ввергают в смуту королевства, государства и простой народ. Рыцарский кодекс требует от рыцарей отрешаться от власти королей и иных правителей, когда те не отправляют правосудие, и поставить на их место других столь же знатных правителей, которые будут судить по правде и честно. От рыцарей также требуется достойно служить своим королям, сеньорам и командирам и примерно нести свою службу. Ведь рыцарь, исповедующий правую веру и не живущий по ней, подобен человеку, отказывающемуся от разума, когда Бог даровал его ему. Рыцари должны быть благородны и великодушны и во время войны делиться всем друг с другом, за исключением оружия и обязанностей, ибо с их помощью они обретут почести. Более того, рыцари обязаны жертвовать собой, дабы защитить веру, страну и всех, кто в том нуждается. Подобно тому как Бог учредил сан священника для отправления Его божественного культа, так и рыцарство было учреждено Им, чтобы поступать по справедливости, защищать Его веру, приходить на помощь вдовам, сиротам и бедным. И кто не делает этого, тот недостоин звания рыцаря».

Несомненно, многие идальго и солдаты следовали этим рыцарским идеалам, хотя случались и кутежи при дележе добычи, захваченной у неверных. Но, вероятно, было еще больше таких людей, как Фернан Мендеш Пинту, который признавался иезуитам в 1554 г. в Гоа, когда он, пусть и на краткое время, раскаялся в своей растроченной впустую жизни: «Я думал, что, пока человек сохранял верность церкви и не становился мусульманином, не было причин страшиться ада; достаточно было продолжать оставаться христианином, ведь милость Божья безгранична». Или можно привести другой пример, когда в 1629 г. бразильский охотник за рабами в ответ на угрозы испанского миссионера-иезуита, что Бог отомстит ему за убийство индейца-христианина, сказал следующее: «Я буду спасен, несмотря ни на что, потому что я крещеный и христианин и верю в Христа, даже если за мной и не числится добрых дел». Подобный взгляд разделяли, кроме португальцев, многие другие европейцы, включая английский экипаж пиратского корабля капитана Кидда, который заявил, что его матросы «не считают особым грехом забрать все, что только смогут, у таких язычников, как мавры и индейцы».

Глава 14

Купцы, монополисты и контрабандисты

Нет ничего более типичного для старой Португальской империи, рожденной морем, чем постоянные сетования ее подданных на приносящую один вред хозяйственную деятельность монополистов и оптовиков. Эти сетования слышатся постоянно, от времен Генриха Энрике Мореплывателя и до правления короля Жуана VI и на огромной территории от Молуккских островов до Мату-Гросу в Бразилии. Равным образом это характерно и для оборотной стороны медали – постоянные жалобы оптовиков и монополистов (наиболее яркий пример которых – сам «король-бакалейщик» Португалии) на пагубную активность различных контрабандистов. Парадоксален сам факт, что развитие и выживание общества, придававшего такое большое значение поддержанию на должном уровне своего военного, церковного и сеньориального статуса, в столь большой степени зависело от торговли.

Презрение к торговцу и его профессии было глубоко укоренено в португальском обществе; подобное отношение можно было наблюдать и в других странах. Это презрение коренилось в социальном устройстве средневекового христианского общества, в котором купец занимал положение более низкое, чем представители семи «ремесел» – крестьянин, охотник, солдат, моряк, корабельный врач, ткач, кузнец. С течением времени оформились различия между ремеслами. Так, в XVIII в. претендовавший на получение звания юриста мог заявить, что, хотя его прадед был мастером, отливавшим пушки, это занятие «было более почетным, чем ремесло сапожника, плотника и тому подобных ремесел». Вряд ли стоит говорить, что подобные предубеждения не были отличительной чертой только христианства или Средних веков. В католической Португалии, так же как и в конфуцианском или коммунистическом Китае и в марксистской России, на купца смотрели как на паразитического посредника в торговле, наживавшегося за счет ближнего. Несмотря на принимаемые португальским монархом законы для поощрения торговли в заморских колониях, начиная с законов, стимулирующих развитие мореходства и морского страхования в правление Фернанду (1377–1380), предубеждение в отношении торговцев существовало века и при монархах из Ависской династии, и из династии Браганса. И это притом, что они называли себя «владыками торговли» Индии, Аравии, Персии (Ирана) и других стран. В 1689 г. купцы Лиссабона в своем обращении к королю протестовали против столь глубоко укоренившегося в отношении их предубеждения. «Без торговли нет королевства, которое не находилось бы в бедности, и республики, которая бы не голодала. Но, несмотря на это, в столице Вашего Величества к купцам относятся неуважительно, а занятие торговлей презирают до такой степени, что не только простые люди не хотят становиться купцами, но и ученые мужи отказываются иметь с ними дело, поскольку они видят, что во мнении португальцев купец не лучше чем заурядный рыбак. Вот причина того, что так мало купцов-португальцев в этом королевстве, и вот почему множество иностранцев из всех стран роятся здесь подобно насекомым-кровопийцам, которые высасывают все деньги из казны Вашего Величества».

Подобные жалобы повторялись с завидным постоянством на протяжении длительного времени, об этом не раз говорили представители третьего сословия на заседаниях кортесов, хотя и без особых результатов.

В заморских владениях, в частности в Макао, проявлялось то же самое отношение, хотя процветание и сама жизнь граждан колонии полностью зависели от торговли. Поскольку большинство португальцев, отправлявшихся на Восток, становились государственными чиновниками или шли в солдаты, то, даже уйдя впоследствии с королевской службы и занявшись торговлей, они продолжали называть себя капитанами и другими воинскими званиями, хотя и не имели на то права. Подобным образом в атлантических областях Португальской империи

многие работоторговцы из Анголы, владельцы плантаций сахарного тростника и табака и золотодобытчики Бразилии также стремились повысить свой социальный статус, получая за службу в милиции воинские звания и сопутствующие им почести. Среди плантаторов Баии, обратившихся в 1662 г. с петицией к монарху, было много тех, кто присвоил себе «дворянские титулы и наименовал себя рыцарями военных орденов, полковниками от инфантерии и офицерами с различными званиями». И это несмотря на то, что они не имели никакой военной подготовки.

Торговые аспекты португальского колониального общества станут понятны, когда мы кратко рассмотрим влияние на них основных четырех-пяти факторов. Это монарх и его представители, гражданские и военные; церковь и монашеские ордена; подрядчики и крестьяне многочисленных королевских монополий; частные торговцы и купцы, которые на протяжении столетий, справедливо или нет, отождествлялись с ненавистными и презираемыми «новыми» христианами.

Едва ли стоит напоминать читателю, что открытия португальцев на побережье Западной Африки дали импульс развитию торговли, в которой приняли самое непосредственное участие король и его семья. Чтобы профинансировать первые плавания, инфант Энрике (Генрих Мореплаватель) получил от короны разрешение вводить новые монополии на товары не только в торговле с Западной Африкой и островами в Атлантическом океане, но и на ловлю тунца у побережья Алгарви, импорт красителей и сахара и на мыловарение в Португалии. Его деятельность монополиста и оптовика вызывала частые протесты различных слоев португальского общества, в том числе и представителей третьего сословия в кортесах; все эти претензии нашли отражение в представлениях ряда решительно настроенных муниципальных советов. Король Жуан II реорганизовал и укрепил систему монополий на наиболее доходные товары Западной Африки – рабов и золото. Торговля драгоценными металлами и рабами, которую вели португальские и испанские конкистадоры, нисколько не задевала их рыцарского достоинства. Возможно, это было наследием Крестовых походов, когда пленных сарацин продавали или брали за них выкуп. С другой стороны, король Мануэл был, конечно, «королем-бакалейщиком» и «перцовым магнатом». Но королевская монополия в Португалии и в колониях касалась не только товаров роскоши. Доходы получали также за счет налогов на соль Сетубала. Существовали различные его виды с 1576 до 1852 г. – от строжайшей монополии короны до взимания его части на нужды правящих монархов. Производство и продажа мыла также монополизировала корона. Частично монопольное право на те или иные товары на местном уровне предоставлялись избранным гражданам и придворным. В 1660 г., например, монополия на производство туалетного мыла в Лиссабоне была предоставлена монахине-кармелитке, графине Кальета, при условии, что часть доходов будут получать два известных деятеля ордена Луиш де Менезеш и Жил Ваш Лобу.

Одной из самых доходных монополий короны в XVIII в. во всей Португальской империи была, несомненно, табачная. В то время, как и сегодня, немногие люди могли отказаться от употребления табака, нюхательного или курительного, какими бы высокими налогами он ни облагался и каково бы ни было качество спонсируемого государством продукта. Так же как это имело место в случае с другими монополиями, табачная тоже была отдана на откуп. Британский посол в Лиссабоне в 1733 г. сообщал, что все протесты иностранцев против жесткого навязывания табачной монополии оканчивались ничем.

«В прежние времена большие неприятности ожидали тех судовладельцев, на кораблях которых находили груз табака, даже в самых небольших количествах. Мои предшественники неоднократно обращались с представлениями в Верховный суд Португалии, но поскольку эта высокодоходная статья королевских расходов, пользовавшаяся особым вниманием Его Величества, отдана на откуп и король оказывает решительную поддержку откупщикам, предоставляя им все возможные полномочия, вполне понятно, что никакого удовлетворительного ответа на наши представления так и не было получено».

Современный французский историк подсчитал, что в Португалии с 1676 по 1716 г. доходы откупщиков на человека превышали в среднем более чем в сорок раз доходы от подобной королевской монополии во Франции и более чем в два с половиной раза доходы откупщиков в Испании.

Перечислять здесь все источники благосостояния, имевшиеся в колониях империи, в форме или монополии, или процентов от доходов, или таможенных сборов и экспортных и импортных пошлин, заняло бы слишком долгое время. Достаточно перечислить лишь некоторые из них, о которых уже упоминалось ранее. Это монополия на азиатские пряности; налоги на рабов, сахар и соль; королевская пятая часть доходов от добываемого золота; монополия на алмазные копи Бразилии; церковная десятина в Минас-Жерайсе; контракты на промысел китов в Баии и Рио-де-Жанейро;

заготовка леса, в том числе корабельного; продажа некоторых должностей, в том числе постов комендантов крепостей и незначительных административных должностей, например нотариуса во внутренних областях Бразилии; коммерческих рейсов в Японию и Пегу. Даже такие незначительные сборы, как налоги на паромщиков, обжигальщиков извести и рыбаков и другие занятия. Возможно, для Португалии (как времен короля, так и республики), более чем для какой-либо иной страны, было характерно отдавать в откуп самую незначительную административную должность, если она могла принести хоть какой-то доход. Подобная практика сложилась также в Португальской Индии, на Цейлоне, в Африке и Бразилии.

Несмотря на фискальную политику властей, португальские правители так и не смогли добиться превышения доходов над расходами в течение продолжительного времени, даже во время золотого века короля Мануэла и короля Жуана V. Во время правления этих монархов доходы королевства значительно увеличились за счет торговли, в первую очередь азиатскими пряностями, а также продажи бразильских золота и алмазов. Но все равно расходная часть бюджета была значительно большей. Иллюзия большого достатка, которую породили безудержные траты обоих монархов, ослепила большинство их современников, но золотом было не все то, что блестело. На протяжении почти всего XVI в. монархия пользовалась большими займами, предоставленными банкирами под залог импорта перца в будущем. Показная расточительность Жуана V объяснялась сокращением затрат на нужды армии и флота и других государственных учреждений, и изменила положение, да и то частично, только опасность войны с Испанией в 1735–1737 гг. Как и в случае с другими империями, при старом режиме португальская монархия была не в состоянии выплачивать достойное жалование своим чиновникам.

Поэтому чиновники в колониальных владениях получили негласное позволение заниматься выгодной для себя торговлей. Это предполагало, что «частная торговля» не будет преуспевать и не повредит официальной торговле, которая велась через фактории и таможни, расположенные в основных портах Португальской империи. Иногда в некоторых местах капитаны (коменданты) или губернаторы вели всю торговлю самостоятельно, заключив договор с короной. В таком случае им платили меньше на протяжении всего трехгодичного срока пребывания во власти. Комендант Мозамбика рассказывал в 1677 г. голландскому шкиперу: «Мы, как частные предприниматели, не можем продать ни один товар, как только ему. И потому, что он тоже купец, он купит наши товары за золото или слоновую кость, и при этом мы предоставляем ему список наших товаров». Конечно, эта система монополий и ограниченной частной торговли на практике неизбежно порождала злоупотребления. Колониальные губернаторы и высшие чиновники становились негласными партнерами в коммерческих сделках и кредитами. Жалобы на жадность и продажность правительственных чиновников в общем и комендантов африканских и азиатских крепостей в частности являются основной темой в официальной и неофициальной корреспонденции на протяжении более трех столетий.

Не все колониальные губернаторы были столь же продажны и циничны, как дон Альваро де Норонья, комендант Ормуза в 1551 г. Он хвастался тем, что если его предшественник,

отпрыск рода Лима, получил со своего места доход в 140 тысяч пардао, то он соберет денег еще больше. Но другие губернаторы были не менее алчны, людей честных на этом посту было наперечет. Подобная система «кормлений» особенно процветала в отдаленных областях империи, влияние вице-короля и чиновников короны было крайне незначительным и запоздалым. Капитан Жуан Рибейру, прослуживший на Цейлоне и в Индии 19 лет, рассказывал в 1685 г.: «Я не сомневаюсь, что среди тех, что были комендантами крепостей, были люди достойные, но они не могли ничего поменять в сложившейся ситуации. Беды, виновником которых был один человек, помнятся гораздо дольше, чем добро, совершенное сотней добропорядочных людей». Когда Педру де Мелу ушел с поста капитана Рио-де-Жанейро в 1666 г. после трехлетнего правления, Совет по делам заморских территорий в Лиссабоне поставил монарха в известность, что, по общему мнению всех советников, он был единственным колониальным губернатором, к которому не было выдвинуто никаких претензий. Два года спустя те же советники сокрушенно докладывали королю: «Нет предела грабежу и другим преступлениям, которые совершают многие губернаторы, так что их надо не только судить, но и обезглавливать прямо на месте». Когда король Жуан IV спросил священника Антониу Виейру, не следует ли разделить большую по территории колонию Мараньян-Пара на два губернаторства, известный иезуит ответил ему, что лучше оставить все как есть, «так как один вор на государственной службе меньше зло, чем два».

Решительная попытка лишить торговых привилегий всех государственных чиновников, от вице-короля и губернатора вплоть до капитанов (комендантов) и их же ранга гражданских чиновников, была предпринята в 1720 г. королем Жуаном V. Королевский указ, оглашенный в сентябре того же года, строго запрещал всем вышеупомянутым чиновникам заниматься любой торговлей под каким бы то ни было предлогом. Всеобщее, хотя и довольно скромное, повышение жалованья чиновников всех этих категорий, затронутых реформой, было призвано компенсировать их финансовые потери из-за лишения их торговых привилегий. Стоит ли говорить, что этот закон был полностью неэффективен в долгосрочной перспективе, да и первые результаты были довольно контрпродуктивны. Дальновидный герцог Кадавал, когда король и его советники в Лиссабоне еще только обсуждали реформу, как-то заметил, что, если губернаторы и высшие чиновники в колониях не получают разрешение вести какую-либо торговлю, чтобы получать честный доход, будет очень сложно найти подходящих кандидатов на их должности. В таком случае у них не будет побуждающего мотива служить в нездоровых и опасных для жизни местностях. Запоздалое признание в полном провале реформы, имевшей благие цели, нашло отражение в очередном королевском указе, вышедшем в апреле 1785 г. и адресованном высокопоставленным чиновникам Мозамбика. Их обвиняли, наряду с другими противозаконными действиями, в занятии торговлей с привлечением не только собственных капиталов, но и денег из королевской казны. Делали они это при помощи третьих лиц под вымышленными именами. В то время как в своих официальных отчетах чиновники описывали неразвитость колонии и вопиющую нищету ее жителей, сами они сколачивали значительные состояния, занимаясь розничной торговлей в качестве компаньонов, не участвующих активно в деле, но известных. Суровые наказания, грозившие нарушителям указов 1720 и 1785 гг., не возымели должного эффекта, как и подобные им законодательные акты, принимавшиеся со времен Афонсу д'Албукерки, который не уставал напоминать королю Мануэлу, что его самые опасные враги в Индии были его чиновники.

Обличая нечестность королевских чиновников в Индии, Албукерки также критично относился к их компетентности, утверждая, что всего лишь один конторский служащий, обучившийся у Бартоломео Маркионе, известного купца и банкира из Флоренции и предпринимателя в Лиссабоне, мог бы заменить их всех, вместе взятых. В этом он преувеличивал. Некоторые мелкие чиновники приобрели опыт в торговле в Гвинее и Марокко. В портах Южной Испании существовало хорошо зарекомендовавшее себя объединение чиновников короны,

обязанностью которых было осуществлять снабжение продовольствием и всем необходимым португальских крепостей в Марокко. Во всяком случае, португалыцы на Востоке вскоре во всех деталях ознакомились с особенностями межпортовой торговли в муссонной Азии. Торговлю, в большей своей части, вели *casados*, которые трудились индивидуально, торгуя в небольших объемах. В XVII в. купцов британской и голландской Ост-Индских компаний поражала удивительная торговая хватка португальских конкурентов.

Правительственные чиновники и духовенство, занятые в морской торговле, обычно располагали большим капиталом, чем середняк *casado*, и поэтому он часто жаловался на неравные условия конкуренции. Достаточно часто они сотрудничали; и первые и вторые также выступали в качестве коммерческих партнеров азиатских купцов и правителей. Здесь надо упомянуть, в качестве наиболее яркого примера, Франсишку Виейра де Фигейреду, который, базирясь в 1642–1665 гг. в Макасаре, совершал стремительные торговые вылазки на Тимор, в Макао, Манилу, Батавию, Бантам,

Мелиапор, Мадрас, Гоа и другие места. К сожалению, невозможно определить объемы торговли, которую вели в Португальской империи государственные чиновники и частные предприниматели, и ее значимость, поскольку значительная ее часть осуществлялась контрабандным путем, и уцелели лишь отдельные бухгалтерские книги и записи. Одно из редких исключений – сохранившийся гроссбух Антониу Куэлью Герейру, который служил солдатом, а затем правительственным чиновником в Бразилии, Анголе, Индии и на Тиморе в 1678–1705 гг. Повсюду он много торговал, его партнерами по бизнесу были четыре губернатора, инквизитор и иезуит, не считая трех женщин и двух мастеров серебряных дел. Большая часть прибыли, которую получили, таким образом, счастливицы, вернувшиеся в Португалию, не была инвестирована в дальнейшие торговые проекты, но была потрачена на приобретение недвижимости – домов и земельных участков и, таким образом, на формирование майората.

Теперь, когда многие губернаторы колоний и высшие чиновники создали себе состояние на торговле (законным или иным путем) и ростовщичестве, монархия, как ей казалось, могла рассчитывать на их помощь в сложных финансовых обстоятельствах, и, действительно, это часто имело место. Здесь можно вспомнить Диогу де Коту, типичного представителя тех дворян, которые были движимы заботой об интересах общества, и бывшего генерального губернатора Индии Франсишку Баррету, который составил себе состояние, когда он был капитаном Васаи-Вирар (1549–1552). Уже в преклонном возрасте де Коту утверждал, что в 1611 г. подобная щедрость вышла из моды. Однако имеется много ее примеров уже в более позднее время в Азии, Африке и Бразилии. Существует также много примеров, когда чиновники требовали от короны немислимых компенсаций за те расходы, что они якобы понесли на государственной службе, но если таковые и имели место, то они оплачивались отнюдь не из их карманов. Подделывать отчеты – отнюдь не современное изобретение, и у португальской и иной колониальной бюрократии было много причин для этого. Так, галиоты, осуществлявшие торговые связи между Макао и Гоа в 20-х гг. XVII в., имели два списка грузов для предоставления на таможне. В одном перечисленные грузы были недооценены, а другой (конфиденциальный) предназначался для владельцев товаров и грузоотправителей.

Монархии с трудом удавалось добиться пожертвований от церкви и монашеских орденов, которые старались сохранить дарованное им право не платить налоги. Отдельные священники были глубоко вовлечены в торговые операции, и некоторые иезуитские миссии на Востоке могли существовать только за счет торговли. Миссии в Бразилии и Анголе существовали частично на доходы от продажи рабов, сахара и скота с плантаций и ранчо, принадлежавших иезуитам. Иезуитская коллегия Сайту-Антан в Лиссабоне получала значительный доход от плантации Сержипе-ду-Конде в Баии. Опытный администратор советовал в 1635 г.: «Когда цена на сахар в Бразилии низкая, то было бы лучше не продавать его на месте, но отправить его в королевство, где на него всегда большой спрос и где он приносит более чем стопроцентную

прибыль. Нам это более выгодно, чем купцам, поскольку мы не платим никаких налогов на наш сахар». Подобное смешение служения мамоне и Богу время от времени возбуждало недовольство среди мирян, хотя они и понимали, что в некоторых случаях это было неизбежно. Иезуит – инспектор миссий на Дальнем Востоке сообщал в 1664 г.: «Торговля Макао зависит от моря, и весь город живет только им, только ветер и приливы имеют непреходящее значение. Если что-либо нарушается в подобном ходе вещей, тогда нарушается все. И для этой провинции и миссий нет иных средств, чтобы содержать себя». Он добавил, что жители, как только осознали этот факт, больше не жаловались на торговую деятельность иезуитов, которая расцвела в благословенные дни торговли с Японией.

Однако, возможно, более серьезным явлением были многочисленные жалобы на то, что монашеские ордена были более зажиточны, чем обычные миряне, и что они владели непропорционально большой земельной собственностью, несмотря на многие законодательные акты, призванные предотвратить развитие подобной тенденции. Вице-король Индии сообщал в 1666 г. короне, что среди монахов много богачей, а те монахи, кто бедны, живут на подавание мирян, которые находятся в еще большей бедности. «Необходимо отметить, – добавлял он, – что в Гоа и его юрисдикции находятся не более 320 португальских хозяйств, в то время как монахов насчитывается свыше 700. Имеется пять монастырей в Чауле, где всего 21 хозяйство, и четыре монастыря в Тане с еще меньшим населением». Сестры ордена Санта-Моника в Гоа и монахини-клариссы францисканского монастыря в Макао также обвинялись в том, что они занимаются торговлей и создают конкуренцию местным португальским купцам и что они получают деньги за отдаваемые торговцам-иностранцам в залог суда (бодмерея). Постоянные отказы монашеских орденов платить десятину и иные налоги королевским откупщикам являются еще одним предметом вечных жалоб, о чем есть множество свидетельств в официальной переписке со всеми областями Португальской морской империи. Здесь уместно привести один пример из многих. В 1656 г. было дано строгое королевское распоряжение не освобождать черное и белое духовенство от выплаты их доли налога, введенного в Бразилии на содержание гарнизонов и оборону от еретиков-голландцев. Уже в следующем году муниципальный совет Салвадора с сожалением констатировал: «Монашеские ордена, которые в этом капитанстве владеют значительной собственностью – поместьями, фермами, домами, сахарными заводами, скотом и рабами, категорически отказываются хотя бы частично оплачивать военные расходы, так что оставшееся население облагается непомерными налогами, и особенно тяжело положение бедных». В июне 1661 г. генерал-губернатор Бразилии Франсишку Баррету пожаловался короне, что монашеские ордена и, в частности, иезуиты все еще отказываются заплатить десятину с плантаций и поместий, которыми они владеют, несмотря на то что эти земли были высокодоходными.

В защиту монашеских орденов, не важно, где они действовали – в Азии, Африке или Бразилии, приводились аргументы, что первоначальные пожалования в виде земель и ссуд были недостаточны, чтобы поддерживать на должном уровне их благосостояние в колониях в XVII в. Поэтому они больше надеялись на доходы от земельных владений и домовладений, скотоводства и от других пожалований благочестивых завещателей. Не забывали они и о капитале, накопленном в результате их торговой и ростовщической деятельности. Поскольку завещания о дарении составлялись не без помощи монахов, королевским указом было запрещено завещать что-либо ордену, к которому принадлежал конкретный священник или монах. Этот закон очень часто и легко обходили, о чем сообщал, в частности, вице-король Индии в 1666 г., и нельзя отрицать тот факт, что монашеские ордена, тем или иным образом, присвоили себе богатейшую собственность как в городе, так и в сельской местности. Они владели также большим количеством рабов в Бразилии и Анголе. Иезуиты ко времени их запрета в Португальской империи (1759–1760) были, несомненно, богатейшими среди всех других орденов. И это несмотря на то, что несметные запасы золота и серебра, которые они якобы хранили в глубоких

подвалах и железных сундуках, были всего лишь плодом воображения Помбала и их гонителей. Во время их роспуска в Португальской Америке они владели 17 плантациями сахарного тростника, 7 ранчо с более чем 100 тысячами голов крупного рогатого скота на амазонском острове Маражо и 186 зданиями в городе Салвадор. Но доходов с этих сельских и городских владений хватало лишь на содержание 19 иезуитских коллегий, 5 семинарий, нескольких больниц, свыше 50 миссий-деревень и других меньших объектов. Всем этим большим хозяйством на обширной территории от верховий Амазонки до Санта-Катарины занимались свыше 400 иезуитов (исключая послушников).

Нам меньше известно о собственности иезуитов в Индии и о получаемом с нее доходе. Но с уверенностью можно заявить, что они владели, так же как и нищенствующие ордена, рисовыми чеками и различными сельскохозяйственными предприятиями. Особенно это касалось «Провинции Севера» в 1550–1737 гг.; доходы шли на проведение миссионерской работы. Все другие ордена также получали проценты с капитала, который они ссужали мирянам. Но исследования документов об этом аспекте их экономической деятельности еще не проводилось. В заключение можно сделать четыре вывода. Во-первых, те же самые миряне, порицавшие богатство церкви, делали все возможное, чтобы устроить хотя бы одного из своих сыновей в монашеский орден, а дочерей отдать в монахини. Во-вторых, сельскохозяйственные предприятия церкви, как правило, имели лучшее управление и были более продуктивны, чем у их критиков в миру. После запрещения ордена в заморских владениях Португалии в 1759–1760 гг. многие тщательно культивируемые иезуитами земли превратились в пустоши и поросли джунглями. В-третьих, даже если монахи и становились злостными неплательщиками налогов, то и сама корона часто нарушала право патроната на церковное налогообложение, как это происходило в штате Минас-Жерайс в XVIII в. И самое последнее, но не менее важное: монашеские ордена неукоснительно выполняли свою обязанность – раздавать продовольствие у ворот монастыря всем нуждавшимся в нем людям всякого пола и возраста. В это же самое время государственные службы решали вопрос помощи бедным единственным доступным им способом – отлавливать всех нищих и бродяг и отправлять их в колонии как ссыльных.

Споры между монашескими орденами и откупщиками, собиравшими налоги на церковь, представляли собой только один аспект непростых отношений между португальскими монархами и их финансистами. Мы уже говорили о той изобретательности, которую проявляла португальская корона в поиске все новых источников дохода. Это было время, когда Священная Римская империя ввела монополию на добычу меди, наихристианнейший король Франции и король-католик Испании – табачную монополию, а герцог Баварский – пивную. Не следует забывать тот факт, что со времен правления Карла II и до царствования Георга III британское правительство стало крупнейшим в мире агентом торговли неграми-рабами. В Португальской империи королевские подрядчики обычно освобождались от уплаты обычных налогов – церковной десятины (*dizima*) и акциза (*siza*) на период действия заключенных ими контрактов. Они освобождались от военной службы, так же как их представители и нанятые ими работники. Королевские контракты обычно заключались на три года, их могли выполнять как отдельные люди, так и синдикаты. Субконтракты были в порядке вещей, особенно в условиях масштабной и разветвленной торговли, такой как работоторговля между Западной Африкой и Бразилией. Подрядчики должны были платить комиссионные (*propinas*) отдельным королевским чиновникам, связанным с выполнением их контрактов. Некоторые подрядчики делали себе состояния, другие заканчивали банкротством, а третьи балансировали на грани между бедностью и достатком. Мы можем рассмотреть здесь только по одному примеру каждой категории.

Одним из наиболее успешных предпринимателей XVI в. был Лукаш Джиральди из итальянской купеческой семьи, осевшей в Лиссабоне. Он заключил контракт на покупку всего груза сахара, составлявшего королевскую десятину, на Мадейре в 1529 г. С 1533 г. до своей смерти в 1565 г. он один из ведущих подрядчиков, заключавших контракты на закупку перца

и других пряностей в Индии и их продажу в Лиссабоне и Антверпене. Занимался Джиральди также завозом негров-рабов в Вест-Индию и заключением концессии на колонизацию Ильеуса в Бразилии; он наладил партнерские отношения с банком Кавальканти в Риме, через который он ссужал деньгами португальских дипломатов и итальянских церковных деятелей. Он был личным другом и душеприказчиком знаменитого вице-короля Индии дона Жуана ди Каштру, владельцем судов на морском пути в Индию и одним из основных приобретателей алмазов и драгоценных камней в Гоа через своего тамошнего агента. Как и многие из успешных итальянских купцов в Лиссабоне, он натурализовался в Португалии, а его потомки заключали браки с португальской аристократией и стали ее неотъемлемой частью. То же случилось с некоторыми его партнерами. Аффайтати из Кремоны к концу столетия стали португальским семейством Лафета.

Несмотря на то что итальянские, немецкие, фламандские и испанские купцы и банкиры играли важную роль финансистов короны во время правления Мануэла I и Жуана III, они не всегда доминировали в экономике Португалии, как подчас утверждается. Во второй половине столетия им на смену постепенно пришли их португальские коммерческие партнеры и конкуренты, которые почти все были «новыми» христианами. В частности, они получили монополию на все контракты на экспорт рабов из Западной Африки в Бразилию и Испанскую Америку, которую они удерживали на протяжении ста лет и больше. Самым известным из них был Антониу Фернандеш де Элваш, который осуществлял выполнение контрактов в Анголе и Кабо-Верде в 1615–1623 гг. Он умер, разоренный долгами. Дефицит только за 1619 г. составил 16 миллионов 750 тысяч реисов, которые безуспешно пытались взыскать в 1635 г. с его вдовы и наследников.

Виргиния Рау проследила для нас биографию одного из ведущих подрядчиков и предпринимателей бразильской торговли в XVIII в. Мануэл де Башту Виана, сын владельца таверны в Минью, заложил основы своего состояния в Бразилии, будучи торговым посредником между Рио-де-Жанейро и Минас-Жерайсом во времена хозяйственного бума в 20-х гг. XVIII в. Вернувшись в Португалию в 1730 г., он женился на девушке из Браги и осел в Лиссабоне. В 1738 г. он взял в откуп на шесть лет весь налог на бразильскую соль, выплачивая короне ежегодно 91 тысячу крузадо. После обвинения в невыплате около 33 300 крузадо по своим обязательствам, в 1744 г. на его большой дом в Лиссабоне и все его товары и невольников за долги был наложен арест. Шесть лет спустя он вторично создал себе состояние после того, как предложил (как оказалось впоследствии, неудачно) 140 тысяч крузадо за табачную монополию в Рио-де-Жанейро. Он умер в мае 1760 г., не успев составить завещания, но оставив довольно богатое наследство своей семье и оставшись в памяти людей как один из богатейших и наиболее активных предпринимателей Лиссабона. Как обычно случается в подобных случаях, его старший сын и наследник отказался от карьеры купца и стал юристом и коронным судьей, получив статус дворянина.

Именно во времена диктатуры Помбала в 1750–1777 гг. появилась исключительная возможность для продвижения по социальной лестнице удачливых купцов, подрядчиков и предпринимателей. Всемогущий министр учреждал привилегированные торговые компании, чтобы ускорить формирование зажиточного класса торговцев. Акционерам, которые имели в компаниях более десяти долей, сразу же предоставлялось звание дворянина. Одним из наиболее успешных среди этих новых людей был друг и советник Помбала Инасиу Педру Кинтела, имевший подряды небывало прибыльной табачной монополии короля. Он был директором обеих компаний – Пернамбуку-Параиба и Пара-Мараньян; казначеем и администратором бразильской китобойной монополии; владел монополией на сбор соляного налога и был партнером различных бразильских откупщиков, сотрудничал с фирмой – экспортером табака в Испанию. Он занимал несколько важных торговых и административных постов и был тесно связан родственными узами и имел деловые взаимоотношения с зажиточным семейством Да Круш, про-

теже Помбала. Жаком Раттон, современник этих деятелей, рассказывает нам в своих воспоминаниях, что представители этих семейств придали «некоторую светскость и обходительность» португальской буржуазии, до той поры отсутствовавшие. «Другими словами, они ввели обычаем устраивать светские вечера, и эта традиция распространилась и на другие классы общества, что позволило забыть о еще сохранявшихся мавританских обычаях и стать похожими на другие страны Европы, где общество отличалось изысканными манерами».

Довольно странно, что Раттон, французский купец, живший в Лиссабоне с 1747 г., не упоминает о декрете Помбала 1773 г., который уравнивал в правах «старых» и «новых» христиан. Этот освободительный акт должен был в большей степени повлиять на утверждение чувства самоуважения торговой буржуазии Лиссабона, чем рауты и торжественные приемы, которые устраивали князья-купцы Кинтела и да Круш. Мы уже обращали внимание, что уже в самом начале XVII в. слова «новые» христиане, «купец» и «коммерсант» (*homem de negocio*) часто значили одно и то же, как в повседневной речи, так и в официальных документах. На протяжении XVIII в. постепенно сложилось различие между *homens de negocio*, то есть финансистами и ростовщиками и простыми купцами и торговцами, жившими своей торговлей. Не всегда это различие было выражено резко и явно. Для удачного торговца было вполне достаточно иметь собственный дом недалеко от своей лавки и «благородные» манеры, чтобы быть причисленным к *homem de negocio*. В таких случаях это были уже «коммерсанты и зажиточные купцы» (*homens de negocio e mercadores de sobrado*), которые не занимались собственноручно взвешиванием товаров, их пересчетом, упаковкой и продажей, но нанимали для этого помощников». Те торговцы, что были истинными «старыми» христианами, как Мануэл де Башту Виана, стремились публично подчеркнуть чистоту своей крови и ради этого становились членами братств мирян или, что было даже лучше, чиновниками инквизиции, что он и сделал. Конечно, это не было само собой разумеющимся, что все купцы, считавшиеся «новыми» христианами, были в действительности евреями. Просто это был удобный предлог для завистливых конкурентов, чтобы оклеветать неудобного им человека. Тем не менее, как явствует из документов инквизиции и свидетельств современников, значительная часть самых богатых коммерсантов принадлежала к этой не пользовавшейся симпатией социальной группе еще и в XVIII в. Британские посланники в Лиссабоне в первые три десятилетия этого века постоянно подчеркивали в своих депешах, как, например, 1720 г., что «только богатых купцов здесь подозревают или склонны подозревать в иудаизме». Поэтому большинство из них старались «держать свои капиталы в других странах или в таком месте, где инквизиция не могла бы до них добраться». Многие были схвачены служителями Священной канцелярии, наиболее удачливым удавалось бежать вместе с деньгами или без них на английских кораблях, несмотря на неоднократные предупреждения о запрете принимать беглецов на борт. Но, как сообщал своему правительству в 1732 г. лорд Тайроули, английские капитаны постоянно игнорировали подобные приказы, «лишь только им предлагали кошелек с золотом, который всегда был и продолжает быть основным мотивом подобных действий».

Постоянная эмиграция «новых» христиан, талантливых финансистов и коммерсантов, начиная с правления Жуана III и вплоть до правления Жуана V, способствовала процветанию Амстердама, Лондона, Руана и Ливорно, но явно вредила португальской экономике. Это была одна из причин, и, возможно, основная, почему иностранные торговые компании в Лиссабоне и Порту, и прежде всего английские «фактории» в этих городах, имели такую большую долю в экспортной торговле Португалии, включая торговлю с Бразилией.

Лорд Тайроули утверждал в 1732 г., что «самые крупные поставщики в Португалию наших товаров из шерсти – это евреи Лондона», многие из которых бежали от преследований португальской инквизиции, но продолжали торговать с Лиссабоном под вымышленными именами. Естественно, они предпочитали скорее иметь дело с английскими купцами в Лиссабоне, нежели с португальскими торговцами, в таком случае их товары и капитал подверга-

лись меньшей опасности быть конфискованными Священной канцелярией. Раттон утверждал, что в 1755 г. было только три португальские фирмы в Лиссабоне, которые практиковали двойную бухгалтерию, директора которых прекрасно разбирались в иностранных валютах, весах и мерах, в обороте товаров и в курсах обмена валют в Лондоне, Амстердаме и Париже. Более того, все эти три фирмы (Бандейра, Феррейра и Бриту) имели иностранных партнеров, и купцы-иностранцы в Лиссабоне посылали своих сыновей за границу обучаться делу коммерции, как поступил сам Раттон, во Францию и Германию. Он был согласен с тем, что *Aula do Commercio* (Высшая школа коммерции), учрежденная Помбалом, проделала замечательную работу и к концу столетия подготовила опытных специалистов. Сообщения французских консулов в Лиссабоне на протяжении периода 1760–1790 гг. говорят о выросших оборотах торговли португальских купцов с Бразилией, которые уже не выступали больше только в роли торговых агентов иностранных фирм (в основном английских), основанных в столице, как было до того. Но дальнейшему складыванию сильного и опытного класса торговцев сильно помешали революция и Наполеоновские войны и последующая гражданская война в стране.

Жалобы Португалии на иностранных, в частности английских, купцов, монополизировавших ее экспортную торговлю, зачастую преувеличенные, имели под собой все основания в период 1654–1764 гг. Привилегированное положение английских купцов, восходившее еще к Средневековью, было подтверждено в результате подписания договора 1654 г., навязанного Кромвелем беспомощному королю Жуану IV, что было своего рода диктатом. Маркиз д'Абрантеш в 1726 г. был недалек от истины, когда утверждал, что договор «имел самые пагубные последствия среди всех договоров, когда-либо заключенных с коронованной особой». Согласно соглашению 1654 г., англичане получали освобождение от многих налогов, иммунитет от вмешательства инквизиции и широко понимавшееся право экстерриториальности. Большинство этих привилегий были впоследствии распространены на других торговцев-иностранцев в Португалии, первыми среди которых в 1662 г. стали голландцы. Частые жалобы англичан на постоянные ограничения их привилегий отклонялись или попросту игнорировались; все были свидетелями их значительно увеличившихся объемов торговли и ее стоимости в эти годы. Португальцы, со своей стороны, продолжали твердить о том, что англичане и в меньшей степени другие иностранцы вели активную контрабандную торговлю с Бразилией и незаконно вывозили из Лиссабона в колоссальных количествах золото, в чем читатель уже успел убедиться ранее.

Подобные практики были неизбежны в те времена, когда все правительства стремились проводить монопольную политику и часто взимали высокие налоги с пользовавшихся большим спросом товаров. Стоит только вспомнить страстное желание приобрести контрабандные бренди (коньяк) и табак в Англии в XVIII в. и еще более сильную страсть к контрабандному чаю, которая проявилась как раз перед принятием парламентом акта Питта 1784 г. «Психоз мошенничества» (*psychose de fraude*), проявление которого строго задокументировали в испано-американской трансатлантической торговле Югетт и Пьер Шано, присутствовал в большей или меньшей степени в морской торговле всех морских и колониальных держав. Португальцы не были исключением из этого общего правила, как мы уже видели, и здесь требуется привести всего лишь несколько типичных примеров.

Афонсу д'Албукерки, который в неподражаемой манере описывал, как низкооплачиваемые колониальные чиновники совершают хищения, занимаются контрабандой и наглым образом пользуются налогами Короны, говорил королю Мануэлу в 1510 г.: «Народ в Индии имеет растяжимые понятия о совести, и они думают искупить свое воровство, отправившись в паломничество в Иерусалим». На протяжении почти всего времени от правления короля Мануэла и до правления короля Жозе именно «новые» христиане приняли на себя главный удар обвинений, как правдивых, так и лживых, в том, что они стали не только монополистами и оптовиками, но и закоренелыми торговцами-контрабандистами. Во время «60-летнего плене-

ния» в 1580–1640 гг. испанцы засыпали петициями своего короля, в которых они жаловались на португальских марранов, монополизировавших всю торговлю вице-королевств Мексики и Перу, «начиная от самого последнего негра и заканчивая драгоценнейшим жемчугом». Такие жалобы, несомненно, были часто надуманными, но следует признать, что эти португальские торговцы были весьма активными и имели влияние в таких отдаленных городах, как Картахена-де-Индиас, Мехико, Лима, Потоси и Буэнос-Айрес.

Типичнейшим образчиком испанских сетований было письмо жителя Картахены-де-Индиас Грегорио Пальма де Уртадо, отправленное монарху в июне 1610 г. Он утверждал, что португальский купец в этом порту Жорже Фернандеш Грамашу был главным организатором торговой сети, чьи агенты обманным путем присваивали подати казначейства. Он отправлял морским путем «большое количество контрабандных товаров, в качестве перевалочного пункта служила Бразилия», а также использовал для доставки грузов имевшие патент португальские невольничьи суда из Кабо-Верде и других мест. Фернандеш Грамашу сообщал своим корреспондентам в Лиссабоне (используя для передачи информации возвращавшиеся в порт приписки невольничьи корабли и посылные суда, которые не сопровождали конвои) о состоянии рынков в Испанской Америке, чтобы можно было поставлять товары в соответствии с часто менявшимся спросом прежде, чем о том станет известно испанским купцам, отправлявшим свои флотилии один раз в год. Уртадо призывал короля депортировать всех португальцев, проживавших в Испанской Америке, тем самым лишив монополистов и оптовиков Лиссабона возможности иметь там своих надежных агентов. Картахена-де-Индиас была основным портом, через который шла португальская работоторговля. «Новые» христиане, которые взяли в свои руки заключение контрактов на ввоз рабов, имели своих агентов в основных европейских портах, а также в Бразилии. Попытки иберийских государств и инквизиции наконец решить эту проблему, начав выявление основных агентов тайной сети в Испании и Португалии и конфискацию их капиталов, привели всего лишь к тому, что основные торговые потоки перенаправили на себя английские купцы в Лиссабоне, которые по закону были неподсудны инквизиции. Место в торговле купцов и финансистов из криптоиудеев не могло быть занято «старыми» христианами, потому что они не обладали, как их конкуренты, давними и надежными коммерческими связями в основных европейских портах, где образовались общины марранов.

Мы видим, что именно контрабандная торговля бразильским золотом, в которую были глубоко вовлечены англичане, стала головной болью португальского монарха при проведении фискальной политики в XVIII в. Слитки золота и золотые монеты перевозили английские корабли военно-морского флота и пакетботы, курсировавшие между Фалмутом и Лиссабоном. Это был самый удобный способ доставки, так как корабли не досматривались португальскими властями. Экипажи судов были вооружены, вопреки требованиям португальского правительства прекратить подобную практику. Враждебное отношение между обеими сторонами было следствием часто случавшихся стычек в портах. Контрабанда шла по пятам драгоценного металла, начиная от его добычи в Минас-Жерайсе из золотых россыпей неграми-рабами и вплоть до его тайной доставки из Лиссабона англичанами. Лорд Тайроули в 1732 г. писал: «Наказание за незаконный оборот золота очень серьезное, вплоть до конфискации имущества и высылки и до отправки на каторгу. Однако искушение тоже велико. Налог на чеканку монет (королевская пятая часть) составлял до последнего года 26,75 %, но согласно новому закону он был сокращен до 20 %. Торговцы золотом, считая этот налог неподъемным, пошли на риск, то есть вернулись к прежним занятиям, в которых им сопутствовала удача. Золото, что они поставляли в виде золотого песка или слитков, покупали наши английские посредники. Именно оно удовлетворяло время от времени нужды нашего монетного двора в Таузере».

Два года спустя лорд говорил герцогу Ньюкаслскому: «Ваша милость, возможно, не знает, что едва ли имеется такой английский корабль, который, возвращаясь на родину из любого места в океане, не зашел бы в Лиссабон, особенно в то время, когда ожидается прибытие пор-

тугальских флотов из Рио-де-Жанейро и Баии. Причина этого – надежда на то, что после разгрузки судов часть груза они могут взять на борт и доставить его в Англию. Это, милорд, страшно раздражает португальского монарха, потому что столь явно и неприкрыто нарушается запрет на вывоз золотого песка и золотых монет из его страны».

Семь лет спустя, накануне своего отъезда из Лиссабона, посол доверительно признавался герцогу: «Я скорее готов увидеть, как ящик Пандоры со всеми его бедами и несчастьями, какие только может представить воображение поэта, канет на дно этой реки, чем такая же участь постигнет хоть один английский военный корабль. Единственная цель его команды – сорвать куш за доставку купеческих денег в Англию». Лорд считал, что лучше всего предоставить право доставки контрабандного золота фалмутским пакетботам, чьи капитаны в этом деле отличались тактом и обходительностью в общении.

Несмотря на то что на таможне в Лиссабоне во время досмотра английских купеческих кораблей португальцы периодически конфисковывали партии золота, те же самые таможенники, имевшие скудное жалованье, часто за взятки возвращали его англичанам. Контрабандная торговля золотом, и не только им, а и многими другими товарами в европейских портах, продолжалась с переменным успехом. Причина этой торговли была одна – высокие таможенные пошлины. Корона, естественно, предлагала вознаграждение информаторам, но таковых в Бразилии было немного, поскольку и бедные и богатые колонисты получали прибыль от контрабанды. «Быть информатором – самое большое бесчестье для любого здешнего человека», – писал губернатор Баии в XVIII в. Многочисленные законы, грозившие серьезным наказанием контрабандистам, принимались по всей колониальной Португальской империи на протяжении трех столетий, что наглядно отражало неэффективность большинства из них. Мошенничество стало укоренившейся привычкой моряков всех стран, о чем лорд Маккартни писал в 1793–1794 гг., возглавляя посольство в Китай.

«Страсть к контрабанде настолько сильна и привычка к ней настолько неискоренима у людей, ставших ее рабами, что второй помощник капитана на корабле «Индостан» У.Н. Гамильтон, несмотря на то что все товары на судне не облагались пошлиной, не смог преодолеть искушения и провезти под шинелью посылку с часами. Это привлекло внимание таможенников-португальцев, и посылка была конфискована, но затем, по предъявлении протеста, была возвращена ее владельцу. И мы еще жалуемся на несправедливые действия этих людей, в отношении которых мы сами практикуем прямой обман. Если даже Гамильтону пришла мысль поступить таким образом, то что же говорить о других, у которых могли быть серьезные мотивы».

Что в итоге? Увлекательная история о контрабандной торговле бразильским золотом, когда она будет написана, даст на это ответ.

Глава 15

«Кафры Европы», Возрождение и эпоха Просвещения

Великий иезуит падре Антониу Виейра (1608–1697), истинный патриот Португалии, в отдельные моменты своей жизни, в минуту раздражения, называл своих соотечественников «кафраами Европы» (*Cafres da Europa*). Жозе Бонифасиу де Андрада и Силва (1763–1838), «патриарх» движения за независимость Бразилии, обличал своих сограждан, прибегая к очень похожим выражениям, когда двор Жуана VI все еще пребывал в Рио-де-Жанейро. Подобные обвинения португальцев в отсутствии у них стремления к познанию не следует принимать всерьез, однако они отражают общую претензию португальских интеллектуалов (как их назвали бы в наше время) и постоянно проживавших в стране иностранцев и приезжих к португальскому обществу, существовавшую на протяжении трех столетий. Ведущие гуманисты португальского Возрождения, такие как Жуан де Барруш, Са де Миранда и Луиш Камознс, выражали в своих произведениях одну и ту же мысль, что для португальцев, живших в стране и в колониях, благородное происхождение и материальное благополучие значили больше, чем образование и просвещение.

В 1603 г. Диогу де Коту, описывая подземные туннели, которые, как он ошибочно полагал, существуют между островом Солсетт и Камбеем, пришел к следующему выводу. Отказ исследовать их «объяснялся ограниченностью и отсутствием любознательности у представителей нашей португальской нации, ибо вплоть до настоящего времени ни вице-король, ни капитан Бассейна³⁷, ни кто-либо еще иной не попытался раскрыть эту тайну, которая все еще ждет своего исследователя. Совсем не так обстоит дело у иностранцев, которые предприимчивее и умнее нас не только в таком важном деле, как это, но и в более банальных вещах, и не упустят возможность добиться исчерпывающего ответа на поставленный вопрос».

Два столетия спустя бригадир Кунья Матуш, проведя всю жизнь в Западной Африке и Бразилии, с сожалением заметил: «Фактически португальцы в наше время не могут ответить на упрек в том, что они плохо информированы. Я не знаю объяснения этому; может, это эгоцентричность, лень или нежелание, чтобы их считали рядовыми писателями. Возможно, имеет место высокая стоимость издания и необходимость государственной цензуры еще не опубликованных книг. Все это не дает португальцам возможности опубликовать свои литературные творения, если то, что они хотят сказать, в чем-то касается «интересов государства»... Все закончится не лучшим образом для Португалии, если губернаторы колоний не сделают достоянием общественности знания о географии и политическом устройстве стран, вверивших им свою судьбу. Со своей стороны я сделал все, что было в моих силах, и мне бы удалось сделать больше, если бы я получил необходимую поддержку».

Критические высказывания иностранцев о невежестве и безразличии португальцев зачастую были поверхностны. Но и многие здравомыслящие иностранцы, хорошо знавшие страну и народ, придерживались тех же взглядов. Фрэнсис Перри, английский посол в Лиссабоне в 1670 г., как-то заметил, что «народ в такой степени нелюбознателен, что ни один человек не знает больше того, что ему просто положено знать». Более чем столетие спустя Жаком Рагтон писал: «География, так широко представленная Камознсом в его эпической поэме, находится в таком пренебрежении в наши дни, что, когда я попытался купить карты у продавцов книг и типографов, все они отвечали, что карт у них нет. Они объясняли это тем, что на них почти нет покупателей, и потому они заказывают их в небольшом количестве, в зависимости от срока их реализации в своих лавках».

³⁷ Ныне Васай.

Адолфу Куэлью (1847–1919), первый известный португальский филолог, утверждал, что научные исследования и интерес, к ним проявляемый, – явления более поздние в истории португальского общества в сравнении с другими странами. Не составит труда привести достаточно доказательств в поддержку утверждения Мэри Брайерли, что «подавляющее большинство людей были не склонны к независимому мышлению, и, лишь за отдельными исключениями, они не только проявляли нежелание заниматься умственной деятельностью, но и не стремились разобраться в том, что они узнали».

Некоторые критические замечания иностранцев вполне могли быть отнесены, хотя бы и частично, к соотечественникам этих критиков. Обычный английский мелкопоместный дворянин XVII в., благородного происхождения, но не обязательно хорошо воспитанный, больше интересовался лошадьми и псовой охотой (имея также пристрастие к бутылке), чем какими-то книгами и манускриптами. Несомненно, по своему положению он считал себя неизмеримо выше преподавателя Оксфорда, не говоря уже о приходском священнике. Подобным образом подавляющее большинство европейцев, которые уезжали в колонии, пополняя население поселений, факторий и фортов, имели одну цель – улучшить свое материальное положение – и уж совсем не собирались писать книги, которые расширили бы горизонты познания. Тем не менее, согласно пословице о бревне в собственном глазу и сучке в чужом, убеждение в том, что Португалия отсталая страна (даже в большей степени, чем Испания), сохранялось среди многих людей на протяжении столетий. Это было верно как в отношении католиков, французов и итальянцев, так и протестантов, англичан и голландцев. Хотя Джакомо Леопарди (1795–1837) явно преувеличивал, когда писал о том, что никто и не подумает включить испанцев и португальцев в число цивилизованных народов мира. Подобное мнение-приговор вполне могло быть следствием фобии Помбала по отношению к иезуитам. В своих усилиях дискредитировать Общество Иисуса португальский диктатор время от времени прибегал в своей пропаганде к утверждению, что махинации отцов-иезуитов низвели интеллект португальца на уровень интеллекта «малабарцев, китайцев, японцев, негров Африки и индейцев Америки».

Критика интеллектуальной отсталости жителей его родной страны неизбежно распространялась и на обитателей колоний; и поэтому стоит рассмотреть, насколько она была оправданной. В любом случае при рассмотрении этого вопроса необходимо прежде всего подчеркнуть главенствующую роль церкви в Португалии и в ее заморских владениях, о которой в книге говорилось уже неоднократно. Традиционное и глубоко укоренившееся почтение португальца перед духовенством прекрасно отразил португало-бразильский писатель Нуно Маркес Перейра, чей *Compendio Narrativo do Peregrino da America* (Компендиум о паломничестве в Америку) выдержал пять изданий между 1728 и 1765 гг. Объясняя превосходство священнического служения, он писал:

«Если бы ангелы были способны испытывать зависть, представляется, что они могли бы завидовать только священникам. И смотрите почему. Пятью словами они могут низвести самого Бога до самих себя; другими пятью словами они могут открыть врата Неба перед грешником и закрыть для них врата Ада. Первые пять слов обозначают посвящение, а вторые пять – отпущение грехов. Может ли пребывать большая сила или царство в любом живом создании? Многие авторы утверждают, что если бы они увидели ангела и священника вместе, то отдали бы почести священнику в силу его власти».

Вспоминается похожая мысль Джеймса Джойса: «Ни один король или император на этой земле не имеет власти священника, служителя Бога, власти и авторитета, который может заставить великого Бога Царства Небесного снизойти на алтарь и пресуществиться в хлеб и вино».

Рукоположенный священник имел особое привилегированное положение в португальском обществе, что нашло выражение в народной пословице: «Самый плохой священник лучше, чем самый хороший мирянин». То, что высшее образование находилось в руках церкви, еще больше укрепило положение духовенства в обществе. Более того, церковь предоставляла

больше возможностей для быстрого продвижения по социальной лестнице способному и честолюбивому юноше, выходцу из бедной семьи. При условии, что он мог доказать свою принадлежность к «старым» христианам, что касалось всех начиная с 50-х гг. XVI в. Самое высокое положение в церкви сохранялось за сыновьями и племянниками монархов с благословения римского первосвященника, независимо от того, были они законнорожденными или нет. Вторые сыновья высшей аристократии также могли сделать карьеру в церкви, как и в других странах. Даже глубоко благочестивый король Жуан III, который просил папский престол в Риме изменить свое отношение к nepотизму и покончить с этим явлением, и тот продолжал материально поддерживать епархии и аббатства, чтобы, при случае, во главе их можно было поставить отпрысков аристократических родов, зачастую совсем не подходивших для этой роли.

Несмотря на то что духовенство было более образованным, чем миряне, имелись многочисленные исключения из этого правила, особенно в глухой сельской местности, где были бедные приходы, и между ними не существовало никакой конкуренции. Архиепископ Браги после посещения сельских приходов своего диоцеза сокрушался в 1553 г. о том, какой «вред несет с собой невежество большей части духовенства». Его преемник на кафедре, занявший его место семь лет спустя, блаженный Бартоломеу душ Мартиреш, горько сетовал, что «во время нашего посещения большей части архиепископии мы обнаружили, кроме всего того, что нам было уже известно, настоятельную потребность в образованных проповедниках Слова Божиего и катехизаторах, как среди священников, так и мирян». Особенно это касалось горной провинции Траз-уш-Монтиш. Иезуиты утверждали, что сельские жители Бейры нуждались в элементарном религиозном образовании и что в этом отношении они ничем не отличались от вывезенных из Гвинеи негров-рабов. Духовные семинарии, основанные согласно решениям Тридентского собора, а также проповеди иезуитов, часто убеждавших своим личным примером праведной жизни, в какой-то мере улучшили положение дел. Но низкий интеллектуальный уровень большинства португальского духовенства, как в самой стране, так и в ее колониях, продолжал и в дальнейшем вызывать нарекания. В 1736 г. дон Луиш да Кунья зашел в своих высказываниях столь далеко, что начал сожалеть об отсутствии протестантской общины в Португалии, так как именно вызов, брошенный гугенотами католическому духовенству Франции, не позволил ему опуститься до «убогого» уровня его португальского собрата.

Положение церкви в португальских колониальных владениях было зеркальным отражением дел в стране. Мы уже говорили, что именно иезуиты поддерживали миссионерскую проповедь на более высоком уровне, чем их коллеги из нищенствующих орденов и белого духовенства. Осознававшие свое моральное и интеллектуальное превосходство, тесно связанные *esprit de corps* (кастовым духом), чем иезуиты гордились, они легко могли оскорбить любого из простых людей своим высокомерным к ним отношением. В 1639 г. некий брат-мирянин, изгнанный из Общества, открыто говорил, что самый последний повар у иезуитов был более толковым теологом, чем любой образованный францисканский монах. В 1605 г. два испанских монаха-доминиканца с Филиппин, прожившие некоторое время в Гоа, на обратном пути в Европу сообщали, что, хотя иезуиты и прибегают к некоторым спорным миссионерским методам, никто не осмеливается на их открытую критику, поскольку сила и влияние иезуитов на португальское правительство опасно велики. «Вице-король полагает, что если иезуиты будут его лучшими друзьями, то ему не нужно будет искать других агентов влияния при дворе Его Величества, а если, неожиданно, они станут его врагами, тогда против него ополчится весь мир». Иезуиты не обращали особого внимания на критику доминиканцев, хотя подобные жалобы можно было услышать и от муниципальных советников и францисканцев в Гоа. «Заостренный кончик гусяного пера иезуита более опасен, чем острие арабского меча», – гласила пословица в Португальской Индии в конце XVII в. Иезуиты часто были исповедниками губернаторов и многих высших чиновников, которые не раз просили совета в мирских делах. Их влияние, несомненно, было велико в любой области деятельности в португальском мире.

Однако оно не шло ни в какое сравнение с влиянием иезуитов в области образования. Они контролировали Училище искусств, которое было подготовительной ступенью при поступлении в Университет Коимбры. В 1555 г. училище имело исключительное право преподавания латыни и философии. Тем самым оно открывало доступ в университет, имевший четыре факультета – богословия, канонического права, гражданского права и медицины. Несколько лет спустя училище иезуитов в Эворе было преобразовано в университет с такими же привилегиями, что и в Коимбре. Только в Эворе не было факультетов гражданского права и медицинского. Эти два университета – в Коимбре и Эворе – оставались двумя высшими учебными заведениями португальского мира до тех пор, пока Помбал не закрыл второй из них и не реорганизовал первый в 1772 г. Университет Коимбры вновь обрел статус единственного португальского университета, пока либеральное республиканское правительство не создало в 1911 г. университеты в Лиссабоне и Порту. Иезуиты и граждане Баии неоднократно обращались с прошением к королю преобразовать местное иезуитское училище в университет, но каждый раз безуспешно, отчасти из-за противодействия иезуитов и университета Коимбры. Это нежелание тратить деньги на образование в колониях говорит не в пользу португальцев, в отличие от испанских монархов, которые поддерживали образование университетов в Новом Свете в XVI в. (Санто-Доминго, 1511; Мехико, 1533; Лима, 1571).

Не говоря уже о привилегированном положении иезуитов в Коимбре и Эворе, они обладали поистине монополией на высшее образование, создав сеть училищ в Португалии и других областях империи – от Мараньяна до Макао. В этих учебных заведениях учились сыновья местных аристократов и незнатного дворянства, а также среднего класса и даже рабочих. Во всех этих училищах преподавание велось на основе иезуитского учебника для педагогов *Ratio Studiorum*, окончательно доработанного к 1599 г. и существенно не менявшегося до XIX в. Даваемое иезуитами образование, первоначально самое лучшее для своего времени, по словам Фрэнсиса Бэкона, не успевало за быстрым развитием знаний и появлением в XVII в. новых идей. За небольшими исключениями оно стало формалистским и консервативным; обучение при этом по многим предметам шло на латинском языке. Особое внимание уделялось изучению грамматики, диалектики (логики) и риторики. Основными целями было научить учащихся правильно говорить и писать на латинском языке; совершенствовать их способность к схоластической аргументации, не выходя при этом за рамки учения Римско-католической церкви; позволить заниматься литературными опытами, устраивать дебаты, соревнования, театральные представления и пр.

Учителям и учащимся не позволялось иметь свое независимое критическое суждение и выдвигать предложения, не поддерживаемые начальством, запрещалось говорить то, что могло бы дать повод усомниться в философских взглядах и повредить авторитету Аристотеля и Фомы Аквинского. Маколей, по-видимому, не ошибался, когда утверждал, что «иезуиты, как кажется, открыли ту точку в познании, за которой интеллектуальная культура может перейти в эмансипацию интеллекта». Присуждение научных степеней в области гражданского права и медицины оставались исключительной привилегией Университета Коимбры. Когда в этом появлялась необходимость, в иезуитских училищах преподавались начала истории, географии и математики.

Упор на классические исследования иезуитами не отвергался, но их одержимость культивирования латинского языка (меньше их интересовали древнегреческий и древнееврейский) не означала, что они принимали философские системы древних греков и римлян, которые могли противоречить учению Римско-католической церкви, утвержденному на Тридентском соборе. Как заметил наставник молодого короля Себастиана иезуит Мартин Гонсалвиш да Камара, предпочтительнее учить студентов быть «добрыми христианами и католиками, чем хорошими латинистами (*mais cristaos e catolicos, ainda que menos latinicos*)». В течение столетий подобное отношение преобладало, но в любом случае иезуиты выпустили из учебных заве-

дений много образованных людей, которые не перестали быть христианами. В библиотеках при училищах иезуитов в Гоа, Макао и Баии имелись труды Цицерона, Саллюстия, Вергилия, Теренция, Горация и прочих авторов. Такие же библиотеки были в Коимбре, Лиссабоне и Португалегри. Нищенствующие ордена также содержали школы, где давали такое же образование, но они, как правило, были немногочисленны, и руководство их оставляло желать лучшего. Их библиотеки имели меньшие фонды, хотя иностранцы, посетившие монастырь августинцев в Гоа, заметили, что монахи располагают прекрасной библиотекой, которая могла соперничать с таковой иезуитского училища Св. Павла.

Успехи церкви и гражданских властей в деле обучения учащихся в строгом соответствии с догматами католической церкви объяснялись строгой и бдительной цензурой (начиная с 1555 г.) преподаваемого материала. Португальское отделение инквизиции опубликовало свой первый список запрещенных книг в 1547 г. Этот список дополняли новыми названиями при его переиздании, и в 1624 г. появился наиболее полный и исчерпывающий список. Среди запрещенных книг были не только произведения еретиков и вольнодумцев, но также труды таких глубоко верующих католиков, как Жил Висенте, Жуан де Барруш и доминиканский монах Луис де Гранада. Начиная примерно с 1550 г. ни одна книга не могла быть издана в Португалии, не пройдя строжайшую тройную цензуру: Высокого суда, церковного управления диоцезов и инквизиции. Ввоз книг из-за границы тщательно контролировали инспекторы Священной канцелярии, которые встречали все прибывающие корабли. Все книжные магазины и библиотеки также периодически инспектировались. Эта тройная цензура действовала эффективно и бесперебойно на протяжении почти трех столетий, хотя она и начала ослабевать в правление короля Жуана V (1706–1750). Этот «надзор за мыслями» носил более тоталитарный характер, чем в других государствах, таких как Англия и Франция, где цензура не была столь строгой, или как в Северных Нидерландах, где цензура имела только на уровне провинций и часто была просто фарсом.

Что касается заморских территорий империи, то все здешние авторы должны были отсылать свои рукописи в Португалию, где они проходили цензуру и затем издавались. Это вело к досадным проволочкам, не говоря уже обо всем прочем. Предприимчивые лиссабонские издатели привезли печатный станок в Гоа в 1560 г., но вскоре он попал в руки иезуитов, которые уже имели типографии в своих миссиях в Японии, Пекине, Макао и на Малабарском берегу. Печатались книги, которые имели отношение только к миссионерству и методике преподавания. Предварительный перечень вышедших в Гоа книг в XVI–XVII вв. показывает, что из около 40 сохранившихся изданий только у двух авторы были миряне. Одна из них была известная *Coloquios dos simples e drogas da India* («Беседы о простых лекарствах и наркотиках Индии»), вышедшая в 1563 г., автором которой был криптоиудей врач Гарсия д'Орта. Этот труд широко распространился за границей в многочисленных переводах и в адаптированном виде, что было заслугой Карла Клузиуса (1526–1609), в то время как в португальском мире он оставался в забвении на протяжении многих лет.

Иезуиты издали в своих миссиях в Азии большое количество справочников и грамматик местных языков, включая тамильский, японский и маратхи-конкани, за что миссионеры заслуживают признательности. Но непреклонная политика португальского правительства и церковная цензура составляют разительный контраст с либерализмом испанских королей. Испанские монархи разрешили устраивать типографии в своих американских владениях, но при условии, что все печатные издания будут просматриваться местными цензорами. Первые типографии были основаны в Мехико в 1539 г., в Перу в 1584 г. и на Филиппинах в 1593 г. В 1706 и 1747 гг. португальское правительство быстро пресекло попытки начать издательскую деятельность в Бразилии. Португальские миссионеры в Бразилии и Анголе должны были посылать свои катехизисы, грамматики и словари местных языков в Португалию с целью их цензуры и последующей публикации. Испанцы занимались всем этим на месте в типографиях Мехико,

Лимы и Манилы. Было весьма типично для «просвещенного деспота» Помбала, что, когда к нему обратились за разрешением вновь организовать типографию в Гоа, он сразу же ответил отказом.

Действенный и строгий контроль за изданием и распространением книг, верность догматам Церкви (Португалия была единственным государством, решительно и бесповоротно признавшим все постановления Тридентского собора) и консервативный от природы склад характера португальской нации – все эти факторы помогают понять, почему эпоха Возрождения в Португалии была столь краткой. В конце XV и первой половине XVI в. много португальцев отправлялось за границу учиться в университетах Испании, Франции, Бельгии, Италии и Англии (в последней таких было незначительное число) за собственный счет и на средства короны. В этом отношении король Жуан III был особенно щедрым покровителем учащихся; в Парижском университете многие из них были его стипендиатами. Король приглашал также в Португалию знаменитых ученых гуманистов из европейских стран для занятий научной деятельностью и преподавания (среди них фламандец Николас Кленар и шотландец Джордж Бьюкенен). Но появление все новых ересей в Северной Европе, с одной стороны, и набирающая силу Контрреформация, с другой, заставили его в последние годы жизни перейти на более консервативные позиции. Несколькими годами ранее подобные изменения произошли и в политике императора Священной Римской империи Карла V. После смерти короля, когда начало расти влияние иезуитов и инквизиции, триумф религиозной ортодоксии стал полным. На учебу за границу португальских студентов больше не посылали, чтобы они, как было раньше, могли по возвращении занять профессорские должности в Университете Коимбры. Идеалы Эразма Роттердамского, имевшие достаточно приверженцев при дворе королей Мануэла I и Жуана III, уже никто не исповедовал открыто после 1580 г., хотя упоминания о них все еще можно было найти в португальской литературе вплоть до начала XVII в.

Ни одна национальная культура не в состоянии нормально развиваться, если она не будет, время от времени, оплодотворяться новыми идеями извне. Такое было просто невозможно в Португалии между 1560 и 1715 гг. вследствие вышеуказанного фактора. Особенно сильным был страх перед иностранной ересью. Эта опасность еще не существовала в 1483 г., когда Жуан II Совершенный позволил двоим французским книготорговцам ввозить беспошлинно столько книг, сколько они пожелают, «потому что это полезно для общественного блага, когда в королевстве имеют хождение многие книги». Столетие спустя этот просвещенный подход был полностью пересмотрен. Отныне единственной идеей государства и церкви стал запрет всех иностранных изданий, за исключением книг по каноническому праву, агиографических трудов и прочей безобидной литературы. Цензура, конечно, не всегда и не везде применяла строгий подход. Так, португальские иезуиты или, вернее, часть из них на лекциях в Коимбре и Баии говорили о системе кровообращения, описанной впервые Уильямом Гарвеем. Однако если в Северной Европе и Италии философские воззрения Галилея, Бэкона, Декарта, Ньютона, Гюйгенса, Гоббса и Лейбница и других ученых обсуждались более или менее открыто, то иезуиты в Португалии (также, как и в Испании) запретили обсуждение их идей и избегали даже упоминать о них на лекциях. Такое положение сохранялось вплоть до 1746 г.

Португальцы не смогли воспользоваться плодами научных открытий, в которые внесли значительный вклад их соотечественники штурманы Дуарти Пашеку Пирейра и Жуан ди Каштру, математик Педру Нуньеш и врач Гарсия д'Орта и др.

Случилось так, что именно голландцу ван Линсхотену выпало познакомить европейцев с морскими лоциями (*roteiros*) португальцев, а Клузиусу – популяризировать труды по ботанике Гарсии д'Орта и Криштована да Кошты. Португальцы, находившиеся в авангарде теоретиков и практиков морского судоходства, оказались в этом деле последними. В конце XVII в. лоцманами на их судах на морском пути в Индию было несколько иностранцев, предпочитавшие собственные карты португальским. Следует сказать, что иезуиты в своем лиссабонском учи-

лице в Сайту-Алтани преподавали курс математики и теоретической навигации, но его лучшие дни к концу XVI в. остались в прошлом.

К чести иезуитов, они не только поддерживали училища и университеты, но содержали также своего рода детские сады и начальные школы, как в самой Португалии, так и во всех ее колониях. Ученики часто устраивали спектакли и представления, даже в таких негостеприимных местах, как в центре работорговли Сан-Паулу-де-Луанда. Пьесы, исполняемые старшими учениками, были большей частью написаны на латинском языке. В этом неолатинском театре португальцы показали себя добрыми католиками и хорошими латинистами.

Несмотря на идиллические описания португальской колониальной жизни первой половины XVII в. в путевом журнале Питера Манди, иезуиты часто сталкивались с неожиданными трудностями в процессе обучения в условиях тропического расслабляющего климата и деморализующего влияния работорговли. В октябре 1855 г. иезуит, посетивший ученический спектакль в училище в Гоа, устроенный в присутствии вице-короля и большого числа зрителей, писал: «Слава Господу, все прошло хорошо и гладко, и каждый присутствующий был согласен с тем, что все это крайне необходимо и поучительно. Потому что именно таким образом студентов поощряют заниматься более усердно, а родителей убеждают в том, что им необходимо посылать детей в школу. Но учиться в этом месте очень трудно, и вся обстановка расслабляет, и местные жители обычно нисколько не озабочены работой».

Инспектор иезуит Валиньяно как-то мрачно заметил, что Португальская Индия была пограничной территорией в большей степени войны и торговли, чем местом учебы и занятия наукой. Подобные мысли высказывались и в Бразилии, где святой Аншьета писал в 1586 г.: «Студентов в этой стране, в сущности, очень мало. Знания их весьма ограничены из-за отсутствия способности и желания их применить. Да и сама природа страны не располагает к учебе, она расслабляет и склоняет к праздности и меланхолии, так что все только и делают, что поют и развлекаются». Но иезуиты все равно продолжали свое дело, и им надо отдать должное за их замечательные труды на ниве просвещения в тропиках вплоть до наступившей в 1759–1760 гг. катастрофы.

Поскольку церковное влияние было столь значительно во всех областях образования – от сельских церковных школ до университета, неудивительно, что живопись, ремесла, архитектура и музыка тоже несли его печать. Португальская живопись на протяжении столетий была представлена картинами почти исключительно на религиозные сюжеты. Светские портреты были редки, а пейзажной живописи почти не существовало. Основными покровителями искусства были настоятели церквей и монастырей. Они делали заказы только на создание религиозных полотен для украшения интерьеров храмов в Португалии, Бразилии, Африке и Азии. Португальские короли, дворяне и прелаты предпочитали религиозную живопись, что была и в их дворцах. Более того, они коллекционировали фламандских и итальянских художников, отдавая им предпочтение перед португальскими. Профессиональные художники имели низкий социальный статус, их ставили на одну доску с ремесленниками, что не способствовало их творческому росту. Франшишку д'Оланда, португальский почитатель и друг Микеланджело, глубоко сожалел об отсутствии в его время патронажа над людьми искусства со стороны аристократов; того же мнения были и другие португальские художники вплоть до правления короля Жуана V. Вследствие этого они часто не подписывали свои работы, и это, в свою очередь, усложняет проблему установления авторства.

Монашеские ордена часто выдвигали из своей среды собственных художников и мастеров; в основном это были еще не принявшие постриг миряне, которые становились учителями монахов, готовя из них художников, скульпторов и различных мастеров. Мало что известно об этих безымянных мастерах – европейцах, азиатах, африканцах, индейцах, и немного имен спаслось от забвения. С другой стороны, некоторые сохранившиеся работы представляют собой большую художественную ценность. Это и предметы индийско-португальской резьбы

по кости, и церковная мебель из Бразилии, Африки и Азии, и японские лаковые шкатулки, и затканые золотыми нитями ширмы, в которых присутствуют мотивы европейского искусства.

Среди монахов различных орденов также можно было встретить архитекторов, на творчество которых оказал большое влияние Филиппо Терци, итальянский архитектор XVI в. из Болоньи. Интересный синтез восточного и западного художественного стиля представляет собой иезуитская церковь в Макао. Ее спроектировал итальянский иезуит Карло Спинола, погибший мучеником в Японии (1622); над украшением храма трудились китайские и японские мастера под надзором иезуитов. Об этой церкви с восхищением писал Питер Манди в 1637 г.: «Крыша храма, являющегося частью здания колледжа Св. Павла, образует арку самой совершенной формы, которую мне когда-либо доводилось видеть. Китайские мастера постарались на славу, украсив деревянную крышу резьбой, тщательно позолотив и покрасив в изысканные цвета – алый, лазурный и многих других оттенков. Поделив ее на квадраты, они украсили их стыки огромными розами с множеством лепестков; цветы располагались один под другим, заканчиваясь выступом. Самая большая роза была около ярда в диаметре. Отдельные детали поднимавшейся ярусами крыши были выполнены из тесаного камня».

К сожалению, это великолепное здание было разрушено пожаром в 1835 г., за исключением каменного фасада, который сохранил в себе мотивы искусства Запада и Востока.

Богато декорированная церковь Бон-Жезуш в Старом Гоа, которая была построена примерно в то же самое время, – один из самых лучших образцов иезуитской церковной архитектуры в колониях, но сохранились и другие не менее представительные часовни и церкви. Как заметил в 1691 г. португальский миссионер в Азии: «Церкви на удивление чисты, даже небольшие часовни. Если Господь все еще хранит нас в Индии, так это за все то величие и великолепие, с каким поддерживаются церкви, и за божественное богослужение, что совершается в них. Самый небольшой здешний сельский храм может служить примером для любого городского храма в больших городах Португалии». Ревностная протестантка госпожа Натаниэл Киндерсли, критично воспринявшая многие проявления повседневной жизни в Баии во время своего пребывания там в 1764 г., была вынуждена признать во время осмотра церквей, что «в них, больших и величественных, с двумя рядами колонн, между которыми расположены несколько рядов скамей, оставляя много свободного пространства для хора, отсутствующего в наших церквях, поддерживается идеальный порядок; храмы украшены, особенно алтари, декоративной резьбой и религиозной живописью, серебряным и золотым орнаментом».

Если ренессансные церкви и монастыри, построенные в стиле маньеризма и барокко, разбросанные по всей территории Португальской империи, являют собой впечатляющие исторические памятники, то же самое можно сказать и о фортах и крепостях, расположенных на океаническом побережье – от Марокко до Молуккских островов (и до Ла-Платы). Во многих случаях военными инженерами и архитекторами были португальцы, но в период с 1550 до 1630 г. лучшими были итальянцы, поскольку именно они были признанными в это время мастерами фортификационного искусства. Крепость Диу на полуострове Катиавар в Северо-Западной Индии, возможно, одна из самых впечатляющих твердынь, сохранившаяся до нашего времени. Ее циклопические стены и мощные бастионы напоминают укрепления Мальты и Родоса. Но были известны в свое время и крепости Сеута, Танжер, Мазаган, Ормуз, Маскат, Малакка и Макао, а также Мозамбик и Момбаса на восточноафриканском побережье, в настоящее время тщательно отреставрированные.

Даже на отдаленных островах Солор в архипелаге Малые Зондские острова португальцы возвели крепость, которая поразила голландцев в 1613 г. Еще одна крепость, о которой существует романтическая легенда, была расположена на малоизвестном индонезийском острове Эндех. Эти встречающиеся повсюду укрепления на побережье Азиатского материка помогают понять, почему всякие каменные руины строений приписываются местными жителями португальцам. Это напоминает нам отношение деревенских жителей Англии, которые возводят про-

исхождение даже самых недавних развалин к «древнеримским временам» или считают делом рук «старых монахов». Эти крепости были построены с помощью местной рабочей силы, но под надзором португальских мастеров-каменщиков. В случае с Мозамбиком (а возможно, и с Момбасой и другими) каменщиками были гуджаратцы, нанятые по трудовому договору в Дну. За исключением двух крепостей в Гвинейском заливе в Мине (Элмине) и Аксима, португальские поселения в Западной Африке и Бразилии не имели соответствующих укреплений накануне войны с голландцами в 1600–1663 гг. Те фортификационные сооружения, что сегодня являются туристической достопримечательностью, были построены в XVII и XVIII вв.

Португальское частное домостроительство, довольно самобытное, не носит монументального характера церковной архитектуры и оборонительных сооружений. Как это было повсюду, бедняки ютились в жалких лачугах или в тесных комнатах доходных домов. Городские усадьбы дворян и зажиточных купцов были внушительными и занимавшими большую площадь, но с плохо организованным внутренним пространством и с небольшим количеством мебели, о чем свидетельствуют иностранцы, посещавшие Лиссабон, Байю и Гоа. Исключением из общего правила является отзыв П. Манди, писавшего о «красивейших домах», богато украшенных предметами японского и китайского декоративного искусства, которые он посещал в Макао в 1637 г. Точно так же исключительно эффектно смотрелись сельские фермы и старинные феодальные замки, построенные на бразильское золото в XVIII в., которые еще ждут своего исследователя-искусствоведа.

XVIII в. в Португалии был отмечен небывалым прежде всплеском национализма, который принимал формы себастианизма и мессианства, о чем будет рассказ в следующей главе. Разорительные войны с испанцами и голландцами и, как следствие, наступившая тяжелая экономическая депрессия не способствовали возобновлению научных и культурных контактов с другими государствами Европы. Хотя имевшиеся в это время тесные политические связи между португальским и французским дворами содействовали усилению культурного влияния Франции в ущерб испанскому. Неудачное участие Португалии в Войне за испанское наследство стало еще одним тормозом дальнейшего развития страны. Но годы мира, наступившие после заключения в 1713 г. Утрехтского мирного договора, пришлось на начало разработки месторождений золота и алмазов в Бразилии. Подобное развитие событий породило чувство безопасности и уверенности в своих силах не только у короля Жуана V, но и в народе, в самой стране. Это, в свою очередь, создало более благоприятные условия для восприятия идей и влияний других стран. В золотом веке короля Жуана V мы видим проявление в среде аристократии и высших слоев буржуазии, пускай и скромное, жажды знаний и интереса к культурному миру за Пиренеями.

Эти люди, получившие уничижительное прозвище *estrangeirados* (которое можно перевести и как «сочувствующие и поступающие как иностранцы»), имели в своих рядах посла дона Луиша да Кунья (1662–1740), четвертого (1673–1743) и пятого (1689–1742) графов Эрисейра и третьего графа Асумара (1688–1756). То ли из-за того, что они проживали за границей, или в результате знакомства с книгами и идеями иностранных авторов (в основном французских), они стали недовольны культурной изоляцией Португалии и захотели, чтобы Португалия встала в один ряд с наиболее развитыми государствами. Многие из них – и аристократы, и представители буржуазии – с готовностью подписались бы под многими идеями Луиша да Кунья. Для них он был, в некотором смысле, оракулом. Он изложил свои идеи и критические замечания на бумаге к концу своей долгой жизни, и они ходили в списках среди его друзей и сторонников, хотя были отпечатаны только в XIX в.

Да Кунья критиковал деспотическое отношение короля Жуана V к своему окружению, король редко консультировался с государственным советом. Да Кунья был настроен критически по отношению к аристократам из «старых» христиан, которые называли себя пуританами и отказывались породниться с любым семейством, члены которого имели примесь крови

«новых» христиан. Он критически отзывался о жестоких действиях Священной канцелярии и презрительно относился к идалго, которые соревновались за честь стать чиновником инквизиции. Он критиковал то, что он называл «безудержными амбициями» иезуитов, и их податливое богословие, которое было причиной того, что они снисходительно относились к королям и принцам, будучи их исповедниками, и были непреклонными в отношении простых людей. Он обличал все недавно образованные монашеские ордена, которые, по его словам, владели почти третью всех земель Португалии, и невежество монахов и белого духовенства. Он сожалел о провале правительства в деле развития сельского хозяйства и промышленности, что тем самым низводило Португалию к роли «самой доходной колонии Англии».

Estrangeirados стремились распространять в Португалии научные и философские труды Бэкона, Галилея, Ньютона, Гассенди и других авторов, реформировать высшее образование, преподавать философию отдельно от теологии и ввести новые предметы в программу преподавания. Конечно, между ними были расхождения в некоторых вопросах, а некоторые пошли значительно дальше в своих стремлениях. Мартиныю де Мендонса (1693–1743), книга которого *Apontamentos para a educacao dum menino pobre* («Заметки о воспитании благородного юноши», 1734, переиздана в 1761 г.) основывалась на труде Джона Локка «Мысли о воспитании», с которой Мендонса познакомился во французском переводе, был убежденным «старым» христианином, гордившимся своим членством в инквизиции. С другой стороны, Алешандре де Гусман (1695–1753), который происходил из «новых» христиан, был более критично настроен в отношении клерикального обскурантизма. То же самое можно было сказать и о докторе Антонио Рибейро Санчесе (1699–1782), который придумал выражение *parvoice de frades* («монашеское безумие»), что стало боевым кличем либералов XIX в. Его религиозные воззрения к концу жизни приняли форму деизма. Двое представителей семьи Эрисейра, отец и сын, были благочестивыми католиками, но они разделяли мнение большинства *estrangeirados*, что многим еретическим авторам можно доверять без всякого опасения, если они не ставят под сомнение основные догматы веры.

Отношение короля Жуана V к этим «иностранным» деятелям было двойственным, что отражало двойственность его натуры. Его быстрый и живой ум, по словам лорда Тайроули, представлял живой контраст его ненормальной приверженности католицизму, что было результатом его воспитания, которым занимались священники и женщины. Он намеревался стать абсолютным монархом в стиле Людовика XIV, и по этой причине он не доверял, как правило, высшему дворянству. Он подбирал советников из людей разного сорта и состояния, включая своего *valet de chambre* (камердинера) и личного секретаря Алешандре де Гусмана, итальянского иезуита Карбоне и кардинала да Мота. Одно время он удалил от двора почти всю высшую аристократию и удачно скрывал свою личную неприязнь к двум «просвещенным» графам Эрисейра. Все же, иногда, он прибегал к их совету, хотя и не всегда следовал ему. Он обещал старшему графу Эрисейра, что оплатит все расходы на перевод на португальский язык и издание всех трудов Фрэнсиса Бэкона. Но свое обещание так и не выполнил.

Жуан V был антисемитом в самой реакционной форме и постоянно посещал аутодафе. В то же время он покровительствовал (на расстоянии и изредка) еврейскому ученому Якобу ди Каштру Сарменту, находившемуся в изгнании в Англии. Король щедро жертвовал на библиотеку монахов-ораторианцев в Лиссабоне и тайно поддерживал новые методы их обучения; но в других вопросах он продолжал поддерживать иезуитов. Он принял предложения главного инженера Азеведу Фортеша (1660–1749) по реформированию преподавания математики, военно-инженерного дела и астрономии, одновременно он тратил большие суммы денег на приобретение карт, лоций и различных научных инструментов из-за границы, но не все проекты были профинансированы до конца. Он положил начало картографированию внутренних областей и границ Бразилии, отправив группу специалистов для геодезической съемки на местности, но он так и не смог выполнить обещание, данное Азеведу Фортешу, что он профинан-

сирует топографическую съемку самой Португалии. Король основал Королевскую академию истории в Лиссабоне в 1720 г., все пятьдесят членов которой были освобождены от всякой внешней цензуры, включая цензуру инквизиции. Эта академия должна была написать полную историю Португалии и ее заморских владений. Был привлечен большой материал по церковной истории и истории развития общества, включены сведения по географии, этнографии и естествознанию. К большому сожалению, многие из дворян и священников, получившие звания академиков, не имели необходимой подготовки для выполнения поставленной перед ними задачи. Их собрания выродились в сплошные восхваления друг друга и составление панегириков королевской семье.

Король Жуан V отправил Луиша Антониу Вернея (1713–1792) в Рим с намерением, чтобы он составил план коренной реформы образовательной системы Португалии. Верней описал ее в своем труде *Verdadeiro Methodo de estudar* («Истинный метод обучения»), но король не смог помочь опубликовать этот труд, который все же вышел анонимно и тайно в трех изданиях в 1746–1751 гг. В этой известной книге Верней яростно критиковал педагогические методы иезуитов и их учебники. Он выступал за то, чтобы предметы, изучаемые в школах и университетах, отбирались с точки зрения их практической полезности и значимости для повседневной жизни. Он подчеркивал важность изучения местных и современных иностранных языков, особенно французского и итальянского. Он настоял на замене невероятно сложной составленной иезуитами грамматики латинского языка с изложенными в стихах 247 правилами простым учебником синтаксиса. Он заявил, что философия должна изучаться отдельно от теологии, и предложил включить историю и географию в учебную программу. Подобно Мартиныю де Мендонсе, чья первая работа 1743 г. им не упомянута, он находился под большим впечатлением труда Дж. Локка «Мысли о воспитании» и потому принял и адаптировал применительно к обстоятельствам много идей английского ученого. В некоторых аспектах он был более прогрессивен и выступал за организацию начальных школ почти на каждой основной улице города или, по крайней мере, в каждом муниципальном округе. Наиболее революционным было его утверждение, что женщины должны обучаться по тем же самым программам, что и мужчины. Когда появилась книга Вернея, полная новых и противоречивых идей, король уже страдал от болезни, убившей его четыре года спустя. И это могло быть одной из причин, что он не смог поддержать предложения Вернея.

Король, подобно большинству монархов из династии Браганса, имел всепоглощающую страсть к музыке; он оказывал покровительство композиторам и музыкантам, и этот его род деятельности был для него наиболее успешным. Лиссабонская опера при нем стала лучшей в Европе после итальянской. Она продолжала оставаться таковой и в первые годы правления его сына и наследника, который был еще более страстным ее поклонником. О высоком мастерстве исполнителей церковной музыки можно судить на основании записи в бортовом журнале интенданта английского военного корабля «Уинчестер» в 1719 г.: «Я был в кафедральном соборе на праздничной службе в присутствии короля, королевы и королевской семьи, при стечении множества придворных и аристократов. Королевские кастраты в сопровождении виртуозных музыкантов пленили всех своим пением. Хотя я находился в церкви в течение пяти часов, усталости не было. И если бы не постоянные поклоны, и совершения крестного знамения, и другие жесты почитания, которые совершали священники, что казались мне выражением смешного идолопоклонничества, когда поклоняются покрашенным и позолоченным столбам и камням, я счел бы это самым великолепным музыкальным представлением, которые я когда-либо слышал в моей жизни».

Страсть португальских королей к музыке (которую разделяли и несколько представителей Ависской династии) была присуща многим их подданным. Они перенесли народную музыку и танцы Португалии в Азию, Африку и Бразилию. Некоторые из них сохранились до наших дней на индонезийских островах Тидоре, Амбоина (Амбон) и Флорес. Бразилия, пожа-

луй, единственная страна, где тысячи бродячих гитаристов в сельской местности, в основном в северо-восточных районах, зарабатывают себе на жизнь музыкой. Во второй половине XVIII в. в Минас-Жерайсе существовала известная школа композиторов-мулатов и исполнителей духовной музыки.

Деятельность *etrangeirados* в Португалии оказывала влияние и на заморские территории, хотя оно было во многом запоздалым и ослабленным. Литературные академии основывались в Бразилии в подражание таким же учреждениям в Португалии, которых было много в XVIII в., но все они существовали недолго, а их поэтические произведения были просто скучны. Королевская академия истории назначала корреспондентов в Бразилию и Португальскую Индию, а в 1742 г. послала двух своих представителей, иезуитского священника и францисканского монаха, в Макао, чтобы снять копии с архивных документов. Академия посылала губернаторам, епископам и муниципальным советникам в колониях пространственные вопросники с просьбой предоставить всю информацию об их деятельности и о важных исторических и археологических памятниках. Не все адресаты озабочивались прислать требуемые ответы, а другие, подтвердив получение, клали их под сукно. Но отдельные личности были в большей степени настроены на сотрудничество, хотя значительная часть присланных ими сведений все еще пылится в архивах Лиссабона. Португальские священники в Пекине переписывались с пятым графом Эрисейра, когда он стал в первый раз вице-королем Индии (1717–1720), высылая ему информацию о Китае в обмен на французские и другие книги для своей библиотеки. Они также поддерживали переписку с доктором Рибейро Санчесом, в бытность его врачом при русском дворе. Через него они получали издания Императорской академии в Санкт-Петербурге.

Святые отцы в Пекине в наибольшей степени воспользовались свободой от португальской цензуры, собрав библиотеку, вызывавшую зависть их французских коллег. Один из них, Антуан Гобиль, писал прокуратору иезуиту в Париже: «Португальские отцы имеют очень старую библиотеку; много книг по истории, Священному Писанию, теологии, математике и по другим темам. У них есть великолепные книги по медицине и хирургии, латинские и французские книги по естественной истории, физике, астрономии и геометрии. Они решили создать наиболее полную библиотеку для этой страны, и их не останавливали затраты, чтобы приобрести книги из Италии, Голландии, Франции и Англии... Мне известно из надежных источников, что португальцы решили превзойти нас во всем».

Несмотря на эти и подобные им проявления интереса к научному поиску в пределах «Португальской ойкумены», надо признать, что правление короля Жуана V было скорее временем посева, чем жатвы. Основными причинами этого было отсутствие преемственности и последовательности в действиях короля, а также тот факт, что реформаторы представляли собой небольшую группу на вершине властной пирамиды, чье влияние не распространялось глубоко в народ. Типичным примером отсутствия преемственности была научная академия, основанная с большой помпой англичанином Льюисом Вейденом в Лиссабоне в 1725 г. Он разрекламировал претенциозную программу «экспериментальной философии», которая должна была преподаваться для аристократов и дворян, включив в нее курсы по физике, оптике, химии и механике, но эта академия просуществовала всего несколько недель. В эпоху абсолютизма очень большое значение имела поддержка и покровительство со стороны короля. Король Жуан V, как мы уже убедились, в последние годы своей жизни предался благочестивым размышлениям и меньше уделял внимания наукам и искусству, за исключением его любимой церковной музыки, которой он покровительствовал до самой смерти. Некоторые сторонники реформ, такие как Каштру Сарменту, Верней и Рибейро Санчес, так и не вернулись в Португалию из своей добровольной ссылки. Другие, как Фризейраш, умерли в то же самое время, что и король.

Тем не менее семена были посеяны, и, когда труд Вернея появился в 1746 г., он имел небывалый успех, несмотря на яростную критику и конфискацию первого издания лиссабонской инквизицией. Тем не менее именно один из инквизиторов позволил тайно отпечатать

произведение Вернея в типографии монастыря Св. Элигия! В тот же самый 1746 г. иезуит ректор коллегии искусств в Коимбре выступил с предупреждением о нежелательности преподавания или обсуждения новых идей «Декарта, Гассенди, Ньютона и других... или любых иных утверждений, которые противоречат учению Аристотеля». Это говорило о том, что основы схоластического учения подвергались критике уже в его твердыне в Коимбре. Это было следствием распространения новых реформаторских идей на протяжении трех предшествовавших десятилетий.

Еще остававшиеся в живых сторонники реформ приветствовали решение Помбала изгнать иезуитов и намерение диктатора воплотить в жизнь некоторые (хотя, конечно, не все) их идеи, о чем свидетельствовали реформы образования в 1759–1772 гг. Государственная система образования была полностью секуляризована, хотя и невозможно было сразу найти кандидатов для занятий кафедр латинского и греческого языков, риторики и философии, которые были образованы (на бумаге) в Португалии. Возникли проблемы найти даже 500 учителей для новых начальных школ. Конфискованные библиотеки иезуитов, вместо того чтобы быть переданными другим учреждениям, остались без присмотра в небрежении или были распроданы по смешной цене. В 1761 г. Помбал основал Коллегиум для дворян (*Colegio dos Nobres*), отдав предпочтение предложениям Рибейро Санчеса, а не Мендонсы. В то время как последний, верный идеям Дж. Локка, имел в основном в виду образование мелкопоместного дворянства, Рибейро был нацелен на формирование элиты, предназначенной для службы в армии и на дипломатическом поприще. Здесь можно вспомнить, что Рибейро Санчес был влиятельным советником в деле реорганизации русского Императорского кадетского корпуса в 1766 г. В программу преподавания в коллегиуме входили современные иностранные языки, математика, экспериментальная наука и физическая подготовка. Однако он быстро угас после 1772 г., поскольку большинство преподавательского состава было переведено в реорганизованный университет в Коимбре, пока его окончательно не упразднили в 1838 г.

Помбал был более удачлив в реформе системы университетов. Институт иезуитов в Эворе был закрыт, а в Коимбре коренным образом реформирован в 1772 г. Были образованы факультеты математики и философии, медицинский и юридический – реорганизованы. Был заложен Ботанический сад; созданы Музей естествознания, лаборатории и обсерватория; организованы анатомический театр и больница для практического обучения студентов. И вновь проблемы финансирования помешали реализации программы Помбала, как и в других начинаниях, но, что самое важное, было решительно покончено со схоластикой. Однако бескомпромиссная борьба Помбала с наследием иезуитов привела его к закономерному итогу – вместе с водой выплеснули и ребенка. Многие его реформы носили тоталитарный характер и отражали ультралибералистские убеждения.

Он покончил с цензурой инквизиции, но ее место занял цензурный комитет (*Mesa Censoria*), который продолжал запрещать труды Бейля, Гоббса, Спинозы, Вольтера, Руссо и других спорных авторов. Комитет также запретил уже давно забытые работы итальянских театинцев, например книгу монаха Ардиционе Спинолы *Cordel Triplicado de Amor* («Любовный треугольник», Лиссабон, 1680). Видимо, это произошло потому, что это произведение (которое было просмотрено и рекомендовано цензурой после своего первого издания) подвергло суровой критике португальские власти в Индии за то, что те поддерживали политику расовой сегрегации в церкви и государстве, чему Ардиционе привел самые убедительные доказательства. Цензура Помбала также закрыла *Gazeta Literaria*, периодическое издание ораторианцев в Порту в 1761–1762 гг., которая имела большой тираж и такую же известность, как английский журнал «Философские труды Королевского общества» (*Philosophical Transactions*) и «Журнал ученых» (*Journal de Savants*), старейший научно-литературный журнал Европы. *Gazeta Literaria* пользовалась также информацией из всех издаваемых книг, газет и журналов в Голландии, Дании, Германии и Италии.

Если в самой Португалии изгнание Помбалом иезуитов и проведение последовательных образовательных реформ имело какой-то двойственный результат, для Португальской империи, можно сказать, они были катастрофичны и имели последствия в течение долгого времени. Замены для иезуитов не было, особенно в Бразилии. Еще оставались представители некоторых монашеских орденов, большинство из которых находились в состоянии упадка, священники домовых церквей в поместьях плантаторов и духовники зажиточных семейств. Налог *Subsidio Literario*, введенный Помбалом в 1772 г., как видно из его названия, шел на финансирование начального и среднего образования в Португалии и в ее заморских владениях. По сути дела, он был бесполезен. Деньги поступали медленно и нерегулярно, и по-прежнему не хватало квалифицированных учителей. Решительный шаг вперед был сделан в 1798 г., когда епископ Азереду Коутинью создал духовную семинарию в Олинде. Это учебное заведение готовило не только кандидатов в священники. Обучение отвечало всем современным требованиям, преподавались древнегреческий и французский языки, история, физика, геометрия, рисование, история естествознания, наряду с традиционной латинской грамматикой, риторикой и филологией. Семинария в Олинде скоро стала рассадником либеральных идей, чего ее основатель, вдохновленный реформами Помбала, не мог даже и представить. Многие ее выпускники сыграли ведущую роль в событиях, которые привели к независимости Бразилии.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, все больше молодых людей из Бразилии отправлялись в Европу, чтобы там обучаться теологии, юриспруденции и медицине. Большинство из них поступало в Университет Коимбры, но многие шли учиться в итальянские и французские университеты, в частности во французскую медицинскую школу в Монпелье; совсем единицы отправлялись в Эдинбург. С 1770 г. все эти студенты подпали под влияние философов-просветителей и масонов. Естественно, что они возвращались в Бразилию с этими идеями, провозили также и книги, потому что бразильская цензура никак не проявляла себя в это время. Эти люди составили элиту общества в колонии, население которой было в большинстве своем неграмотным. Те же их соотечественники, что оставались в Бразилии, получили старое, традиционное образование. Независимо от того, кем были учителя, иезуитами или пришедшими им на смену людьми иных воззрений, подход к образованию оставался чисто литературным. Учили в основном грамматике, риторике и латинскому языку с намерением подготовки священников, юристов и чиновников. В этой системе, неизбежно, не было места для естествознания и современных языков. Не было и потребности в их изучении со стороны большинства государственных чиновников, владельцев плантаций сахарного тростника, латифундистов и богатых купцов прибрежных городов, которые, вместе с духовенством, составляли колониальную элиту.

Еще меньше была потребность в обучении народных масс, белых бедняков, цветного пролетариата и негров, рабов и свободных. Реформаторы были порождением времени правления автократии, и большинство из них разделяло ее взгляды. Рибейро Санчес доказывал, что нет нужды в организации начальных школ в отдаленных сельских районах, поскольку это вызовет нехватку сельских тружеников, таких как поденщики, рыбаки и пастухи. Подобные взгляды разделяли и муниципальные советники Лиссабона в 1815 г., в этом случае речь шла о городских рабочих и других подобных редких вакансиях.

Рибейро Санчес также придерживался мнения, что колонии в первую или едва ли не в первую очередь следует рассматривать как место получения прибыли. Он критиковал своих соотечественников за их намерение сделать каждую колонию «маленькой Португалией». Он требовал, чтобы было позволено развивать в колониях те отрасли сельского хозяйства и промышленности, которые не составят конкуренции отечественным. В каждом случае, включая сферу образования, «колония должна рассматриваться в политическом аспекте как деревня в сравнении со столицей», чтобы не дать поселенцам возможности стать чем-то большим, чем крестьянами, купцами и мелкими чиновниками. Более дальновидным в этом отно-

шении был Антониу Родригеш да Кошта, советник заморских территорий, который предсказывал в 1751 г., что Бразилия, которая уже была больше и богаче Португалии, не будет довольствоваться своим низким статусом.

Несмотря на то что бразильская аристократия в лице плантаторов, священников и землевладельцев была во многом плохо подготовлена, чтобы решать участь своей страны, когда произошел разрыв с Португалией в 1822–1825 гг., среди них нашлось достаточно способных и хорошо образованных людей, которые спасли новую империю от распада и окончательного коллапса. Вполне могли появиться и многие другие талантливые молодые люди, если бы не действия Помбала, разрушившего систему высшего образования, созданную иезуитами, не успев заменить ее адекватной новой. «Вы знаете, – писал Антуан Гобиль из Пекина французскому коллеге в Макао, – что португальцы достаточно умны, но большинство из них приходится понукавать, чтобы сделать что-то нужное». Не в характере Помбала было терпеть оппозицию, но если бы он постепенно, исподволь добивался от португальцев сделать что-либо, а не обрушивался на них с кулаками, то, возможно, переход от старого образа жизни к новому был бы для всех более быстрым и менее болезненным.

Глава 16

Себастианизм, мессианизм и национализм

«Что можно ожидать от страны, половина населения которой ждет мессию, а другая половина – дон Себастиана, который мертв вот уже как два столетия?» Это саркастическое замечание, приписываемое обычно или британскому, или французскому послу в Лиссабоне в XVIII в., было обыкновенной шуткой в среде иностранцев, живших в Португалии, которая отражала их мнение, что большинство португальцев были или криптоиудеями, или себастианцами.

Себастиана (Себастьяна) назвали о *desejado* («желанным»), когда он еще был в чреве матери. Его отец умер за несколько дней до его рождения, и все другие девять сыновей скончались, и после них не осталось ни одного законного наследника. Единственный оставшийся в живых сын короля Мануэла I дон Энрике был уже престарелым кардиналом, так что на младенца мужского пола возлагалась последняя надежда, чтобы спасти Португалию от кастильского наследника. Поэтому, как вспоминал 17 лет спустя в Гоа Диогу ду Коту, бывший тогда пажом при королевском дворе, Себастиан был королем, «вымоленным у Бога слезными просьбами, паломничествами и щедро раздаваемыми подаяниями». Народ с радостью приветствовал его рождение. Его мать вскоре после этого отправилась в Испанию и так и не вернулась. Воспитанием Себастиана занялись иезуиты, но обучение закончилось, когда он наследовал своему дяде в 14 лет. Это произошло 20 января 1568 г.

Молодой монарх обладал страстным и бурным темпераментом; он приходил в крайнее возбуждение, когда читал о португальских открытиях в мире, и потому был страшно расстроен, когда узнал о сдаче прибрежных марокканских крепостей по приказу его деда в 1549–1550 гг. Он был еще ребенком, когда шло завоевание Марокко; на чистом заглавном листе в молитвеннике, который ему дали иезуиты, сохранилась сделанная им запись: «Святые отцы, молитесь Господу, чтобы Он уцеломудрил меня и сделал ревностным защитником Веры во всем мире». Великой мечтой короля было стать «капитаном Христа», и его дух крестоносца-конкистадора пронизывает все те распоряжения, что были даны им вице-королю и архиепископу Гоа. С двух лет будущий король страдал физическим недомоганием, которое сопровождало его, периодически проявляясь, вплоть до смерти. Однако точного диагноза заболеванию поставлено не было. Что бы это ни было, но оно воздействовало на его половые органы, отвращало от женщин и вызывало большие сомнения в его способности иметь детей. Многочисленные планы его женитьбы на испанской или французской принцессе оканчивались ничем. Пожалуй, его могла привлечь идея брака лишь с шотландской королевой Марией; она была единственной, к кому он проявлял хотя бы какой-то интерес, потому что она была близка его темпераменту странствующего рыцаря. Но все его чувства были преходящи, и испанский посол в Лиссабоне сообщал, что «говорить с ним о женитьбе было все равно что говорить о смерти». Его постоянные уклонения от обсуждения столь серьезного вопроса вызывали беспокойство подданных.

Вышеупомянутый физический недостаток несколько не помешал его страстному желанию обрести прекрасную физическую форму. Себастиан тренировался долгие часы при любой погоде. Принимал участие в загонной охоте и соколиной, в корриде, в рыцарских турнирах, плавал в утлой лодке в штормовом море. По мере взросления он все больше пренебрегал советами своей бабушки и дяди, любого человека, более опытного, чем он. Король общался только с молодыми людьми своего возраста, которые льстили ему во всем. Он редко навещался в Лиссабон, который откровенно не любил; время он проводил в седле, его часто можно было видеть со свитой на дорогах Алентежу и Алгарви. Занимался физическими упражнениями на открытом воздухе, часто проводя без сна по две-три ночи подряд. Такое необычное поведение, конечно, не могло вызвать к нему любовь его подданных, наиболее уважаемые придвор-

ные были еще больше озадачены навязчивой мыслью короля о завоевании Марокко. Эта сумасшедшая идея привела Себастиана к поражению и смерти в битве при Эль-Ксар-эль-Кебуре (4 августа 1578 г.) во время одной из самых плохо организованных кампаний в истории. Его обнаженное тело с многочисленными ранами было найдено на поле сражения на следующий день, но опознание прошло довольно поверхностно, его богатые доспехи и оружие так и не были найдены, и никто среди тех, кто выжил в битве, не мог сказать, что видел его убитым.

Слухи, что король не погиб, начали распространяться с той самой ночи, когда в Арзилу прибыли первые беглецы. Этим слухам быстро поверил весь народ Португалии, несмотря на все усилия правительства опровергнуть их. К самому походу у большинства португальцев было отрицательное отношение, и только в результате самых безжалостных мер удалось собрать жалкую армию, которая была отправлена из Лиссабона в июне и июле 1578 г. Унизительное поражение и полное уничтожение всех военных сил экспедиции не сказалось на отношении народа к королю, который был далек от обвинений короля в помешательстве и полководческой бездарности. Наоборот, вместо того чтобы быть проклятым потомками, теперь он стал для всех героем трагической судьбы и эпических масштабов, чье исчезновение было временным и который, когда придет время, вернется и отомстит за поражение при Эль-Ксар-эль-Кебуре и поведет нацию к новым победам и славе.

Удивительно легко эта вера связалась в одно с циклом легенд о короле Артуре и различными другими мессианскими верованиями и пророчествами, которые имели хождение в Португалии. Версии были самыми различными; одни утверждали, что Себастиан проводит время где-то в пещере, другие – на острове, сокрытом туманами, посередине Атлантического океана. Бродили разные противоречившие один другому слухи. То рассказывали о том, что он, перелетевший паломником, скитается по свету, каясь в своих грехах, и так будет до тех пор, пока он не будет прощен за Эль-Ксар-эль-Кебир; то – что он в плену у мавров или испанцев, которые держат его, закованного в цепи, в подземной темнице. Были и другие «свидетельства» о его спасении, о которых мы не будем здесь говорить. Однако они дали повод ряду авантюристов типа Перкина Уорбека выдать себя за дон Себастиана и тем самым привлечь немало сторонников между 1584 и 1603 гг., но в итоге они были пойманы и отправлены на виселицу или на галеры.

Широко распространившаяся легенда о Себастиане стала связываться в умах многих людей с простонародными стихами-частушками (*trovas*), крайне недалекими и примитивными по содержанию, автором которых был заурядный рифмоплет Гонсалу Анеш (ок. 1500–1556) из Транкозу, по прозвищу Гуляка. В них отражалась вера в пришествие короля-мессии, как об этом говорилось в Ветхом Завете, и сохранившееся в народной памяти смутное воспоминание о легендарном короле Артуре. Они были также отмечены апокалиптической верой в грядущий духовный золотой век, о котором проповедовал цистерцианец Иоахим Флорский (скончался в 1202 г.) и некоторые францисканцы, которые глубоко повлияли на Колумба. Эти *trovas*, подобно прорицаниям Дельфийского оракула, стали своего рода криптограммой, поэтому каждый мог прочитать в них практически все то, что он хотел, но они изначально скрытно и неявно несли в себе критику существующего порядка вещей. Они также предсказывали пришествие (или возвращение) будущего короля-искупителя, который построит мировое царство правды и справедливости. Это будет то пятое царство, о котором имелось предсказание в Книге пророка Даниила, создание которого будет сопровождаться возрождением потерянных племен Израилевых и обращением в христианство всех неверующих.

Во многих вариантах этих стихотворных произведений король-искупитель называется Епсуберто («скрытый», «тайный»). Возможно, это объясняется прозвищем, которое взял себе главарь восстания в Валенсии в 1532 г. Эти стихи широко и длительное время распространялись в рукописных копиях, хотя они и были запрещены инквизицией, трибунал которой заставил их автора в 1541 г. официально отречься от них. Списки их имели хождение не только

среди низших классов или «новых» христиан, но во всех слоях общества они находили живой отклик. Очень скоро после Эль-Ксар-эль-Кебира Себастиан стал отождествляться с Encuberto этих Trovas, что придало им еще больше популярности, которая еще заметнее выросла в эпоху «испанского пленения» в 1580–1640 гг. Они давали многим людям надежду на то, что самый темный час всегда бывает перед рассветом.

Некоторые современные португальские авторы считают, что влияние цикла легенд о короле Артуре и мессианские ожидания в стихах объясняются кельтскими и еврейскими чертами национального характера³⁸, помогающими понять их широкую популярность. Антониу Серхиу ди Соза (Соуза), португальский социолог и философ, и другие ученые отрицали этот факт, приводя доказательства, что подобные легенды существовали и в других странах, однако они не были столь широко распространены и столь долговечны. Однако люди всегда верят в то, во что они хотят верить, в то, что им ближе всего, как многие миллионы верят в жизнь после смерти, не слишком-то задумываясь об этом. Эта религиозная вера в народе в приход мессии господствовала в Португалии между 1580 и 1640 гг. Прямое божественное вмешательство в повседневную жизнь считалось вполне нормальным явлением, а чудес ждали почти каждый день.

Восстановление в 1640 г. португальского правления и вступление на трон Жуана IV заставило многих поверить, что именно он, а не Себастиан, стал королем-искупителем. Решающую роль в этом сыграл отец Антониу Виейра, который произнес проповедь об этом в присутствии короля и его двора в королевской часовне в Лиссабоне в первый день нового, 1642 г. Виейра настаивал на том, что все библейские и народные пророчества относились к королю Жуану IV, а не к королю Себастиану. Он основывал свои аргументы не только на предсказаниях в Книге пророка Даниила и Trovas, но и на пророчествах раннего Средневековья, приписываемых брату Жилу и святому Исидору Севильскому. Виейра и бескомпромиссные себастианцы, которых он пытался переубедить, расходились в интерпретации Trovas; но они соглашались, что сапожник из Транкозу был истинным пророком, которому можно доверять в той же степени, что и Ветхому Завету.

Подобно многим европейцам XVII в., католикам и протестантам, Виейра твердо верил в то, что Книги пророков Ветхого Завета вполне можно рассматривать применительно к его времени и ближайшему будущему. Он не был склонен к абстрактному мышлению, но был полон мессианских предчувствий и имел страсть к комментированию Библии. Как заметил в 1668 г. английский посол в Лиссабоне, Виейра, «помимо присущего ему красноречия, объяснял Писание так, как ему нравилось». Как и многие из его современников, английских пуритан, он больше был сосредоточен на Ветхом Завете, чем Новом. Его Бог был во многом Богом воинствующим, что было, вероятно, неизбежно в то время богословских споров и конфессиональных конфликтов. Завершая свою новогоднюю проповедь 1642 г., он выразил надежду, что братоубийственная война с католической Испанией скоро закончится и тогда победоносные португальцы смогут омочить свои мечи «в крови еретиков в Европе, в крови мусульман в Африке, в крови язычников в Азии и Америке. Они завоюют и подчинят себе все области Земли, объединив их в одну-единственную империю под эгидой одного короля, и возложат ее к стопам наследника святого Петра». Мы можем теперь посмеяться над подобными заявлениями, но Виейра был одним из многих христианских проповедников, не задумывавшихся о тех несообразностях в своих высказываниях при слепом следовании тексту Ветхого Завета. Стоит только вспомнить священников-кальвинистов шотландской армии при Данбаре³⁹ с их боевым

³⁸ Здесь прослеживаются также следы влияния аланов, которые в IV – V вв., уходя от гуннов из Сев. Кавказа и Причерноморья, прошли всю Европу и вместе с вандалами основали королевство в Северной Африке, просуществовавшее до 533–534 гг., когда оно было уничтожено Восточной Римской (Византийской) империей. Значительная часть аланов осела на землях будущей Португалии.

³⁹ 3 сентября 1650 г., где шотландцы потерпели поражение от армии Кромвеля.

кличем «Иисус, и никакой пощады» или генерал-майора Томаса Харрисона и его «Людей пятой монархии», которые верили, что Англии выпало сыграть ту же роль, которую Виейра предназначал португальцам.

Вера Виейры в Португалию, как пятой монархии, значительно окрепла после его миссионерского пребывания в Южной Америке. Он писал о немногочисленных миссионерах, которые смогут проповедать слово Божие миллионам мирных жителей трех континентов, и доказывал, что невозможно катехизировать каннибалов, вооруженных отравленными стрелами, которые не позволят никому приблизиться к ним в дебрях Амазонки. Из этих его утверждений следовало, что обращения людей в христианскую веру нельзя ждать от нескольких тысяч даже самых преданных миссионеров-европейцев. Желанного завершения трудов на ниве миссионерства необходимо ждать непосредственно от Бога, который избрал себе в удел королевство Португалия, как и предсказывается в Ветхом Завете. Об этом говорят и чудесное явление Христа дону Афонсу Энрикишу в Орики, и стихишки Гуляки.

Смерть короля Жуана IV в ноябре 1656 г. несколько не повлияла на убеждение Виейры, что он был обещанным королем-мессией, который поведет однажды португальцев в бой против оттоманских (османских) турок за возвращение Константинополя и Иерусалима, и так начнется пятое всемирное царство монархии. Наоборот, это событие только укрепило его убеждение. Теперь-то он знал, что раешные стихишки уже надежно можно отнести к королю, который восстанет из мертвых, – ведь в Библии было множество примеров подобных чудес. Многие из себастианцев не были согласны с ним в этом отношении, но сохранили свою первоначальную веру, потому что миролюбивый король Жуан IV вряд ли подходил на роль победоносного короля-искупителя. Они продолжали утверждать, что Себастиан не умер, и обязательно вернется из своего заколдованного тайного убежища в Атлантическом океане, и исполнятся библейские апокалиптические предвидения.

Я потому так много цитировал Виейру, что это был самый известный и наиболее влиятельный из тех людей, кто верил в наступление славного будущего Португалии в самое ближайшее время. Или оно настанет с возвращением дона Себастиана, или по воскрешении Жуана IV, или с пришествием какого-то другого (еще неизвестного) мессианского деятеля, который исполнит пророчества Библии и Гонсалу Анеша. Как говорилось выше, эти мессианские устремления находили широкий отклик во всех классах общества, и они принимались и пропагандировались многими влиятельными португальскими иезуитами и помимо Виейры. Среди них были монах Домингуш Куэлью, иезуит-провинциал из Бразилии, которого взяли в плен голландцы в 1624 г.; монах Жуан де Вашконселуш, хронист (крайне ненадежный) иезуитов в Бразилии (1668); монах Нуну да Кунья, уже упоминавшийся представитель португальских иезуитов в Риме, и Фернан де Кейруш, описавший, во время пребывания в Гоа, потерю Цейлона и апокалиптические видения местного брата-мирянина Педру де Башту (1689).

Поскольку мессианскую веру в славное будущее Португалии пропагандировали многие просвещенные деятели Лузитанской империи, неудивительно, что подобные взгляды были присущи простым мирянам от Мараньяна в Бразилии до Макао в Китае. Иностранцы, посещавшие португальские колонии и торговые поселения, часто говорили о преобладающем влиянии себастианских идей, даже просто для того, чтобы высмеять их. Районы, где мессианские верования сохранялись дольше всего и где они фактически дожили до сегодняшнего дня, хотя и в измененном виде, – это сертаны Бразилии, особенно долина реки Сан-Франсиску и засушливые области северо-востока. Одно из классических произведений бразильской литературы «Сертаны» (*Os sertoes*) Эуклидеса да Куньи рассказывает о подавлении республиканским правительством в 1896–1897 гг. восстания Канудус под руководством Антониу Консельейру, религиозного фанатика с мессианскими взглядами, который сражался до последнего человека.

В Португалии и в восточной части ее империи в XVIII в. мессианско-себастианские идеи постепенно начали все меньше привлекать к себе внимание. В 1725 г. архиепископ Гоа Игна-

сиу де Санта-Тереза, единственный среди прелатов, кто ожесточенно оспаривал точку зрения вице-королей и иезуитов, твердо убежденных в том, что становление всемирной португальской монархии произойдет всего через несколько лет.

«А причина того, что Бог намеренно выбрал португальцев среди всех других наций для того, чтобы преобразовать весь мир и управлять им, создать единственную империю, в которую войдут все четыре части мира, все народы, а Португалия встанет во главе ее».

Объясняя, почему Виейра ошибся в одном, в сроке установления монархии в 1666 г., архиепископ привел свои расчеты для доказательства того, что священные пророчества исполнятся в 1730–1740 гг. К его несчастью, когда он был переведен из Гоа на кафедру Алгарви в 1740 г., это было как раз то время, когда обретшие силу маратхи изгнали португальцев из «Провинции Севера» и Гоа был спасен только выплатой большого отступного. Пересмотрели прелат-сангвиник свои расчеты после прибытия в Алгарви, я сказать не могу. Но весьма вероятно, что он так и сделал, так как себастианцы и им подобные деятели не озадачивали себя правильностью арифметического подсчета.

Это было типично для Помбала, когда он в своем рвении дискредитировать себастианизм и полностью покончить с ним, обвинил иезуитов и Виейру в том, что это они сочинили *Trovas*. И это несмотря на то, что, как всем было хорошо известно, это сочинение уже получило широкое распространение еще до того, как в 1540 г. было образовано «Общество». Во время французского вторжения в 1808 г. себастианизм получил второе дыхание, как и при трагических событиях 1580–1640 гг., но впоследствии его приверженцами становились лишь необразованные люди. Романтический облик Себастиана отражен в стихах некоторых наиболее известных португальских поэтов, таких как Герра Жункейру (1850–1923) и Фернанду Песоа (1888–1935). *Trovas*, которые впервые были отпечатаны во Франции в 1603 г., переиздавались в Португалии неоднократно в XIX в. и вплоть до 1911 г. Эти переиздания осуществлялись не в научных целях, но из-за их популярности в низших слоях общества.

Но живучесть и сила себастианства и мессианизма в Португалии и колониальной империи, естественно, сказывались и на стремительном росте патриотических настроений, в чем давно была замечена Португалия. Именно во время «испанского пленения» произведение «Лузиады» Камоэнса (Камоэнса) получило статус национального эпоса и выдержало между 1581 и 1640 гг. 11 изданий. В эти же годы произошло становление монашеской школы историков в Алкобасе, чье влияние было значительным и длительным как на современников, так и на потомков. Хронисты часто расходились в своих взглядах, но все они принимали и знакомили каждого с историей о чудесном явлении Христа королю Афонсу Энрикишу в местечке Орики. Благодаря им эта легенда была принята за национальную догму, и роль португальцев как богоизбранного народа доказывалась множеством библейских и исторических цитат.

Происхождение португальских королей было прослежено вплоть до Тубала, внука Ноя. Греческие мифологические герои Дионис (в Риме почитался как Бахус или Вакх), Геракл (в Риме – Геркулес) и Атлант считались предками португальской нации. На Иберийском полуострове именно за кафедрой в Браге признавалось первенство перед Толедо. Португалии пророчили славное будущее, как было обещано Христом дону Афонсу в его видении, что Господь «никогда не отвратит взор и не лишит милости свой народ, поскольку он избрал его как своего соратника, который соберет для Него большой урожай, где только можно». О том же самом писал Игнасиу де Санта-Тереза в Гоа сто лет спустя: «Господь призвал Португалию стать Его избранным королевством, и основать Его империю, и прославить Его имя среди варваров и отдаленных народов... поскольку португальцы всегда несли и будут нести свет Веры и Благоую весть на острие своего меча по всему миру».

Деятельность исторической школы в Алкобасе в 1580–1640 гг. ясно показала, что Португалия однажды станет независимой от Испании; но это не помешало писателям ни посвящать свои труды кастильским (испанским) королям, ни самим монархам принимать эти книги.

Возможно, наиболее любопытный пример подобной двойственности – это книга *Flores de Espana, Excelencias de Portugal*, написанная молодым королевским юристом Антониу ди Соуза (Соза) де Маседу и опубликованная в Лиссабоне в 1631 г. с посвящением правящему королю Филиппу IV. Автор пытается доказать при помощи множества цитат, что испанцы (если быть более точными, кастильцы) превосходят все другие народы Европы, за исключением только португальцев, которые, в свою очередь, превосходят своих соседей во всех отношениях. Я сомневаюсь, чтобы когда-либо была опубликована книга более националистическая, хотя XX в. может вполне с ней поспорить. Соуза (Соза) де Маседу утверждает, что вместо того, чтобы называть Камоэнса (Камоинша) «вторым Гомером или вторым Вергилием», было бы более верно назвать древнегреческих и римских поэтов первыми Камоэнсами. Он утверждает, что португальцы были первыми и наиболее последовательными новообращенными в христианство и что они были и есть миссионеры, крестоносцы и защитники веры. Сравниваются географическое положение и природные ресурсы Португалии и Испании, и, как выясняется, преимущество первой оказывается неоспоримым. Португальские монархи, поэты, конкистадоры и дамы во всем превосходили своих испанских визави. Этот ультрапатриотический панегирик заканчивается утверждением о божественном происхождении национального герба Португалии.

Антониу де Соуза (Соза) де Маседу не был безответственным литературным поденщиком, но человеком, который определял, наряду с другими деятелями, политику правительства во время правления первых двух королей из династии Браганса, путешествовал во Францию, Англию и Нидерланды. Ультранационалистические и имперские чувства, которые он впервые высказал еще в молодом возрасте в 1631 г., оставались с ним до конца его жизни, и они нашли отражение в государственных документах, написанных его рукой. Нельзя рассматривать ни Виейру, ни Игнасиу де Санта-Терезу как имевших незначительное влияние ура-патриотов, принимая во внимание тот престиж и авторитет, которыми они пользовались в свое время. Нет никакого сомнения, что большинство их соотечественников были последовательными националистами, и лишь немногие сомневались в правдивости легенды о явлении в Орики. Одним из этих немногих был Луиш Антониу Верней, который в своей книге *Verdadeiro Methodo de estudar* (1746, «Истинный метод обучения») писал об этом событии как о сказке, годной разве что для детей. Но Верней был более чем наполовину француз; и он тоже обладал достаточным чувством патриотизма, чтобы радоваться новостям о победах маркиза Педру де Алорны в Индии, которым он посвятил в Риме эпиграммы на латинском языке.

Обобщая все сказанное, можно утверждать, что народные массы в большинстве стран были уверены в своем превосходстве перед всеми другими нациями. «Ни один народ не считает, что он уступает другому в храбрости», – заметил капитан Жуан Рибейру в своей истории о войнах португальцев с голландцами на Цейлоне в 1640–1658 гг. Португальцы, находившиеся во главе европейской экспансии в неизведанный мир на протяжении трех столетий, по мнению некоторых европейских наблюдателей, были убеждены в этом в полной мере, а возможно, и в большей степени, чем любой другой народ. Уверенность в том, что Бог на их стороне и что Он обязательно придет им на помощь в случае беды, несомненно, стала важным фактором при захвате Сеуты, и во время их исследовательских плаваний, и при их дальнейших завоевательных походах. Искреннее убеждение португальцев в том, что Бог избрал их, чтобы нести всем народам свет веры, что подтверждала и легенда о явлении в Орики, их себастианизм и мессианизм были причиной того, что национализм был столь живуч ⁴⁰.

⁴⁰ Все перечисленные колонии были Португалией утрачены в 1960–1970-х гг. Гоа – в декабре 1961 г. (оккупирован Индией, что признано Португалией в середине 1970-х); Гвинея-Бисау – в 1973 г., Анголе и Мозамбику Португалия предоставила независимость в 1975 г. (после революции в Португалии в апреле 1974 г.).